

ДЖОНАТАН ХАРРИС

ВИЗАНТИЯ

История
исчезнувшей
империи

АНО
АЛЬПИКА НОН-ФИКШН

Annotation

Возникнув на обломках великой Римской империи, Византия на протяжении своей более чем тысячелетней истории была ареной постоянных вторжений, осад и войн. Граница Запада и Востока, символ христианского мира – Константинополь – манил захватчиков, поражая своим богатством и великолепием. Каким образом Византийская империя, которой некогда принадлежало полмира, несмотря на все потрясения, просуществовала поразительно долго и почему в конце концов исчезла почти бесследно, словно растворилась? Древнюю державу не спасли ни мощная армия, ни искусность ее политиков, ни неприступные стены Константинополя, ни вера в то, что Бог не оставит первую на земле христианскую империю, распространившую новую религию не только по своей обширной территории, но и в соседних государствах. О том, как зародилась, правила миром и погибла Византия, а также какое наследие оставила современному миру, рассказывает британский историк Джонатан Харрис.

- [Джонатан Харрис](#)
 -
 -
 - [Иллюстрации и карты](#)
 - [Предисловие и благодарности](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Хронология](#)
 - [Словарь](#)

- [Библиография](#)
 - [Фотографии](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-

Джонатан Харрис
Византия: История исчезнувшей империи

ДЖОНАТАН ХАРРИС

ВИЗАНТИЯ

ИСТОРИЯ ИСЧЕЗНУВШЕЙ ИМПЕРИИ

Перевод с английского

Москва
2017

Переводчик *Наталья Нарциссова*

Редактор *М. Савина*
Руководитель проекта *И. Серёгина*
Корректоры *Е. Чудинова, С. Чупахина*
Компьютерная верстка *А. Фоминов*
Дизайнер обложки *Ю. Буга*
Иллюстрация на обложке *Shutterstock*

© Jonathan Harris, 2015

Originally published by Yale University Press

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2017

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

*В память о Мейбл (1896–1966), Этель (1892–1974)
и Грэге (1900–1992)*

Иллюстрации и карты

1. Статуя Константина, Капитолийский холм, Рим (maratr/Shutterstock.com).
3. Серебряное блюдо с изображением Феодосия I (FXEGS Javier Espuny/Shutterstock.com).
4. Феодосий на ипподроме, основание колонны (BasPhoto/Shutterstock.com).
5. Руины Серапеума, Александрия (Sorucac37/Shutterstock.com).
6. Базилика Санта-Мария-Маджоре, Рим (feliks/Shutterstock.com).
7. Церковь Святого Симеона Столпника, Калаат Семаан, Сирия (Rafal Cichawa/Shutterstock.com).
8. Базилика Сант-Аполлинаре-Нуово, Равенна (Borisb17/Shutterstock.com).
9. Юстиниан I, мозаика из базилики Сан-Витале, Равенна (Michal Szymanski/Shutterstock.com).
10. Собор Святой Софии (Mikhail Markovskiy/Shutterstock.com).
11. Церковь Святых Сергия и Вакха, Константинополь (Borisb17/Shutterstock.com).
12. Номисма императора Ираклия (фото автора).
13. Стены Константинополя (Tolga Sezgin/Shutterstock.com).
14. Икона «Одигитрия» (Dmitry Kalinovsky/Shutterstock.com).
15. «Темная церковь», Каппадокия, Малая Азия (Adisa/Shutterstock.com).
16. Богородица с младенцем, мозаика из собора Святой Софии, Константинополь (Vadim Petrakov/Shutterstock.com).
17. Церковь монастыря Мирелейон, Константинополь (Pavle Marjanovic/Shutterstock.com).
18. Византийская церковь, Охрид (S-F/Shutterstock.com).
19. Собор Святой Софии, Киев (Kiev.Victor/Shutterstock.com).
20. Памятник Киевскому князю Владимиру, Лондон (фото автора).
21. Великая Лавра, гора Афон (Dmitri Ometsinsky/Shutterstock.com).
22. Руины Преслава, Болгария (Little_Desire/Shutterstock.com).
23. Монастырь Осиос Лукас, Греция (Anastasios71/Shutterstock.com).
24. Зоя, мозаика в соборе Святой Софии (PavleMarjanovic Shutterstock.com).
25. Константин IX Мономах, мозаика в соборе Святой Софии (Pavle

Marjanovic/Shutterstock.com).

26. Алексей I Комнин, изображение на монете (фото автора).

27. Иоанн II Комнин, мозаика в соборе Святой Софии (Antony McAulay/Shutterstock.com).

28. Монастырь Пантократора, Константинополь (aydngvn/Shutterstock.com).

29. Деисус, мозаика в соборе Святой Софии (Artur Bogacki/Shutterstock.com).

30. Церковь Святой Софии, Монеувасия (TellyVision/Shutterstock.com).

31. Церковь Христа Спасителя в Хоре, Константинополь (Mario Savoia/Shutterstock.com).

32. Мистра, Греция (DiegoMariottini/Shutterstock.com).

33. Собор Святой Софии, Бэйсуотер, Лондон (фото автора).

Карты

Византийская империя ок. 500 г.

Византийская империя ок. 565 г.

Византийская империя ок. 741 г.

Византийская империя ок. 900 г.

Византийская империя ок. 1050 г.

Предисловие и благодарности

Эта книга – мое путешествие в тысячелетнюю историю Византии, построенное вокруг давно занимавших меня вопросов, людей и событий. Главное, что мне хотелось понять: каким образом Византия просуществовала так долго, несмотря на все потрясения и вторжения, которые ей довелось пережить, и почему в конце концов исчезла столь бесследно. Ради того, чтобы ответить на эти вопросы, я оставил в стороне многое из того, что другой автор, вероятно, включил бы в повествование, и в то же время рассмотрел те аспекты, которые другие могли бы счесть второстепенными или даже несущественными.

О разделе «Дальнейшее чтение» в конце также могу сказать: он не претендует на полноту – это скорее идеи для следующего шага – и ограничивается широкодоступными книгами на английском языке. Разумеется, написано о Византии гораздо больше.

Что касается византийских имен, в целом я старался транслитерировать их как можно ближе к оригинальному греческому звучанию, но не стремился добиться этого любой ценой. Их произношение, как и освещение событий, и их толкование – это мой личный выбор.

Однако, хотя книга представляет мой взгляд на «забытый мир» Византии, на нее как прямо, так и косвенно повлияли и другие люди. Так, она много приобрела благодаря комментариям двоих благосклонных анонимных обозревателей, а также отзывам Хэзер Макаллум и Рэйчел Лонсдейл из Yale University Press. Лиз Хорнби тщательно отредактировала текст. Эндрю Серджент любезно прочитал рукопись с позиций заинтересованного неспециалиста и спас меня от множества нестыковок, ошибок и упущений. Работа на кафедре истории Королевского колледжа Холлоуэй также оказала на меня большое влияние. Я бы не написал эту книгу вовсе, если бы у меня не было возможности опробовать свои идеи на студентах программы бакалавриата, которые стали слушателями моих курсов «Византия и ее соседи» и «Падение Константинополя». Их вопросы, ответы и возражения заставили меня уточнить и доработать свои концепции, а в некоторых случаях и вовсе пересмотреть их. Также я в долгу перед тремя руководителями кафедры – Джонатаном Филлипсом, Сарой Ансари и Джастином Чемпионом – за ту помощь, которую они мне оказывали и в исследованиях, и в преподавании, а также перед Пенелопой Малленз и Мари-Кристин Окенден, благодаря которым все

административные вопросы решались легко и без усилий. В конечном счете это огромная привилегия – писать исторический труд, работая на соответствующей кафедре, тем более столь крупной, с разносторонними научными интересами.

*Королевский колледж Холлоуэй Лондонского
университета*

Январь 2015 года

Пролог

Много где встречаются руины древних памятников, но непонятно, почему их так мало сохранилось...

Ожье Гислен де Бусбек, посол императора Священной Римской империи в Константинополе, 1555–1562 гг.

В середине XVI века столица Османского султаната была одним из крупнейших и богатейших городов мира. Она являлась сердцем империи, раскинувшейся от Крыма до Алжира, а ее быстро растущее население составляло больше 400 000 человек. Широко известный как Стамбул, официально город назывался Константинополем. Его властитель, Сулейман Великолепный (правил в 1520–1566 гг.), был не только одним из величайших завоевателей в истории империи, но и мусульманским халифом, и потому улицы и площади Константинополя украшали около 300 мечетей, что демонстрировало величие духовной, а также и светской власти султана. На холме в центре города возводилась великолепная новая мечеть с четырьмя минаретами. По завершении строительства она будет располагать целым комплексом медресе, бань и больниц. Известная как Сулеймание, по имени султана, по чьему повелению она была построена, мечеть станет главной в столице самого могущественного исламского правителя того времени, главы всех правоверных мусульман.

В 1544 году в Константинополь прибыл француз по имени Пьер Жиль. Получивший классическое образование, увлеченный натуралист, он отправился туда по поручению своего государя Франциска I, чтобы найти древние рукописи для королевской библиотеки в Фонтенбло. Однако ему пришлось пробыть в Константинополе гораздо дольше, чем планировалось: в 1547 году король Франциск умер, об ученом и его миссии благополучно позабыли, и Жиль остался без средств, необходимых для возвращения домой. Через три года, чтобы свести концы с концами, он вынужден был завербоваться в войско султана и отправиться на Восток сражаться с персами. Но до того, во время его вынужденного пребывания в Константинополе, он много бродил по улочкам столицы и хорошо изучил ее. Его занимал вовсе не современный ему город. На его взгляд, на фоне

величественных новых мечетей городские улицы выглядели еще более грязными и запущенными. Как человек классического образования, он искал следы древнего прошлого, когда город был известен как Византий. К его разочарованию, почти ничего от той эпохи не сохранилось, но Жиль вскоре заинтересовался тем, что осталось от более поздних веков, когда Константинополь был столицей христианской, а не мусульманской империи, и его властители говорили по-гречески, а не по-турецки. Его современники называли это исчезнувшее государство Византийской империей, или Византией, и, так как она окончательно прекратила свое существование всего за столетие до этого, от нее, по сравнению с сегодняшним днем, еще что-то уцелело. Жиль, сколько мог, с энтузиазмом искал сохранившиеся памятники этого погибшего мира. Он бродил вокруг строения, которое наиболее явно относилось к той эпохе, – бывшего христианского собора Святой Софии (Премудрости Божьей), возвышавшегося в центре города напротив султанского дворца Топкапы. Однажды, поскользнувшись, он упал в подземный резервуар, где обнаружил семь загадочных колонн. Кто-то сказал ему, что они были частью некогда великолепного дворца византийских императоров, но сам Жиль был уверен, что это остатки портика, который когда-то окружал главную городскую площадь, Августеон. Он спустился под улицы и, в небольшой лодке, скользил меж могучих колонн подземной цистерны, под ее сводчатым потолком, который освещался только неровным светом факела. Он взбирался на портик, обозначавший восточную часть ипподрома, где византийцы смотрели гонки на колесницах, и с этого места ему было видно, как вдали, в проливе Босфор, резвятся дельфины.

Выявлять наследие византийского прошлого оказалось, как вскоре выяснилось, непростой задачей. Слишком явный интерес к древностям вызывал подозрение у местных жителей, и в этом отношении христиане, жившие в городе, были не менее враждебны, чем турки. Поскольку Жиль делал замеры своих находок, его могли выдать властям как вражеского лазутчика. И если он привлекал к себе нежелательное внимание местных жителей, то избежать неприятностей можно было только одним способом – купить всем вина.

На древние крепостные стены, которые защищали Константинополь с запада, было легко взобраться, и Жиль смог измерить шагами расстояние между внутренним и внешним укреплениями. Но собор Святой Софии нужно было осматривать с куда большей осторожностью, поскольку теперь это была мечеть Айя-София и немусульмане не должны были заходить внутрь. Смешавшись с толпой, Жиль сумел попасть туда, оставшись

незамеченным, и своими глазами увидел ее парящий купол. Но когда дело дошло до измерений, ему пришлось заплатить турку, чтобы тот выполнил эту работу.

Зачарованный свидетельствами прошлого, Жиль тем не менее понимал, что это лишь малая часть византийских памятников, некогда украшавших Константинополь. Множество церквей, монастырей и дворцов, упоминавшихся в прочитанных им текстах, попросту исчезли. Он знал, что во Влахернах у городских стен должен быть второй дворец византийских императоров, но не сумел найти его. Он искал храм Святых апостолов, который, как говорили, уступал в размерах разве что Святой Софии, но не обнаружил никаких следов – даже фундамента. Один памятник был уничтожен прямо у него на глазах. Неподалеку от собора Святой Софии он наткнулся на гигантскую бронзовую ногу, торчавшую из кучи обломков. Ему очень хотелось подойти и измерить ее, но он не решился, побоявшись привлечь к себе внимание. Однако и безо всяких измерений было видно, что нога больше его роста. Далее, как бы невзначай оглядывая эту свалку, он обнаружил нос длиной около 20 сантиметров и ноги лошади. Из прочитанного Жиль знал, что это могло быть. Он оказался одним из последних людей, которым довелось увидеть огромную конную статую императора Юстиниана I. Тысячу лет она простояла на высокой колонне на центральной площади византийского Константинополя. Император восседал на скачущем коне, его правая рука была поднята во властном жесте, предупреждающем врагов, в левой лежал шар, увенчанный крестом. Теперь же это изваяние лежало в виде обломков на земле в ожидании окончательной гибели, и рабочие уже начали отвозить его фрагменты в литейную, где их должны были переплавить в пушки. Жилу оставалось лишь сожалеть о том, что турки столь враждебно относились к скульптуре и к архитектурным красотам – едва ли это было справедливо в отношении столь великолепных произведений искусства и сооружений. Увлеченный древними памятниками, Жиль не проникся теплыми чувствами к современному ему Константинополю и его жителям и, уезжая, поклялся никогда туда больше не возвращаться.

* * *

Спустя несколько лет, вернувшись с Востока и поселившись в Риме, Жиль описал свои впечатления и находки в труде «Древности Константинополя», который был опубликован в 1561 году, уже после его

смерти. Исчезновение столь многих вещественных свидетельств существования такого могущественного и процветавшего государства, как Византия, побудило его задаться закономерным вопросом: как случилось, что христианские правители византийского Константинополя потеряли все и были порабощены «басурманами»? Все дело, заключил он, в характере, который формируется климатом этой части суши:

Ввиду этого, хотя Константинополь кажется по природе своей созданным для того, чтобы властвовать, жители его не имеют ни добродетелей просвещения, ни строгой дисциплины. Благоденствие сделало их ленивыми ... [и] совершенно не способными к какому-либо сопротивлению варварам, коими они на огромные расстояния окружены со всех сторон.

Жил был далеко не первым и не последним, кто объяснил падение Византии ленью и моральной распущенностью ее жителей. Два столетия спустя эта тема была подхвачена Эдвардом Гиббоном, который в последних томах своего авторитетного труда «История упадка и разрушения Римской империи»^[1] писал о «малодушии и разладе» среди «греков», как он и многие другие называли византийцев. Даже сегодня бытует представление, будто с византийцами что-то было не так, чем и объясняется, почему их государства больше нет на карте. Вместо того чтобы собирать и вооружать легионы против своих многочисленных врагов, они, игнорируя политическую и экономическую реальность, предавались церемониальным действиям, собиранию древностей, догматическим спорам и украшению церкви. И если достижения древних греков и римлян имели глубокое влияние на современный мир и о них регулярно рассказывают в телевизионных программах и на школьных уроках, то Византия в значительной степени предана забвению.

Есть, однако, один очень неудобный факт, который не позволяет так легко сбросить ее со счетов. Если византийцы и впрямь были настолько бездеятельными и жалкими, что не сумели защитить себя, почему же их государство просуществовало так долго? История знает немало недолговечных империй, например Александра Македонского и Аттилы: образовавшиеся в результате военных завоеваний, они разваливались сразу после смерти своих харизматичных создателей. Византия, напротив, оказалась одной из самых долговечных держав в истории человечества. Если началом ее считать наречение Константинополя столицей в 330 году, а концом – захват города турками-османами в 1453 году, то она

просуществовала больше 1000 лет. Этот рекорд долгожительства впечатляет тем больше, что установлен он был в самых что ни на есть неблагоприятных условиях. В истории наблюдается отчетливая тенденция: в стремлении ли бежать от угнетения или экологической катастрофы, в поисках ли лучшей жизни или из желания завоевывать и грабить, но люди постоянно находятся в движении. Бывают периоды, когда это движение несколько замедляется. Так было, например, с 31 года до н. э. до 180 года, что позволило Римской империи сохранять обширную территорию, оставаясь почти в одних и тех же границах. На долю Византии, которая стала преемницей Римской империи, такой удачи не выпало. На протяжении всей своей истории она постоянно находилась на пути переселения народов, которые двигались на запад из степей Азии и с Аравийского полуострова.

Именно это больше, чем что-либо еще, предопределило ее участь. Ее самобытное общество и характер сформировались в ответ на постоянную серьезную угрозу территориальной целостности. Перед лицом такого вызова одной только военной мощи было недостаточно. Срази в бою одну армию чужаков, и на ее место придут три. Нужен был новый образ мышления, чтобы найти другие способы нейтрализовать угрозу путем либо интеграции и заключения соглашений, либо подкупа и интриг, либо – и это самый необычный путь из всех – создания внешнего великолепия, цель которого – смущать врагов и привлекать их в свои ряды в качестве друзей и союзников. Империю регулярно сотрясали катастрофы, и все же ей удавалось выживать и восстанавливаться. Возможно, сами византийцы отчасти виноваты в том, что эти особенности истории их цивилизации не были оценены по достоинству. Своей литературой, искусством и церемониальными действиями они ввели всех в одно из величайших заблуждений в истории, представляя свое общество как неразрывно связанное с прошлым: до самого конца они настаивали на том, чтобы считаться «римлянами», как будто с древних времен ничего не изменилось. На самом же деле перед лицом нескончаемых угроз Византия постоянно развивалась и менялась. Очень легко воспринимать византийцев так, как они воспринимали себя сами, и упускать из виду отличительные черты их общества. Жиль, Гиббон и все остальные, кто пытался понять, почему Византия исчезла с лица земли, задавались не тем вопросом. Дело не в том, почему она перестала существовать, интересно другое: как она вообще выживала и даже какое-то время процветала – вопреки всему?

Глава 1

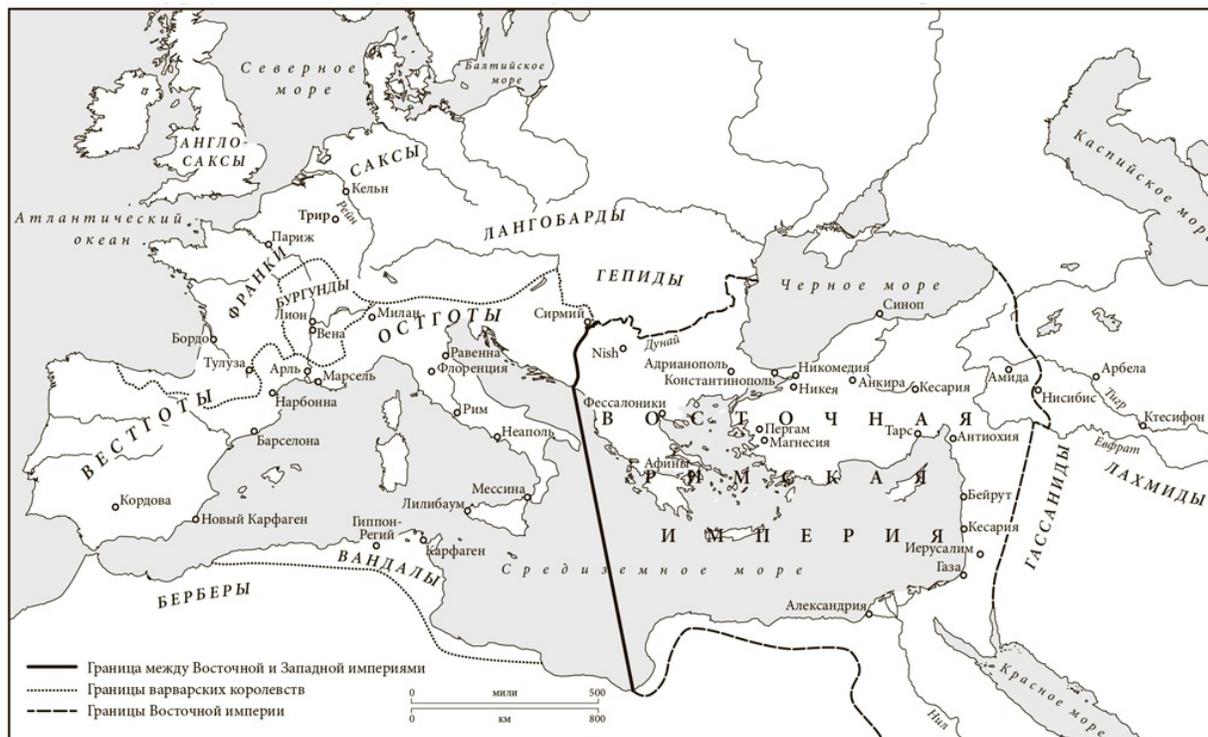
Сумерки богов

Я описал торжество варварства и религии.

Эдвард Гиббон, 1776 г.

Разрушенные памятники Константинополя были не единственными следами, оставшимися от Византии к 1540-м годам, спустя век после того, как она прекратила свое существование. По всей Западной Европе в библиотеках королей, герцогов и кардиналов хранились рукописи религиозных и классических текстов на греческом языке, которые некогда были тщательно скопированы византийскими переписчиками. Турок мало интересовали уцелевшие книги исчезнувшей империи, и они охотно продавали эти манускрипты таким людям, как Пьер Жиль, а те увозили их к себе на родину. Некоторые рукописи были вывезены беженцами. Чего только среди них не находилось: от Евангелия и Псалтиря до драгоценных трудов древнегреческих философов, которые на протяжении многих веков были недоступны на Западе.

Один из таких манускриптов, Codex Vaticanus Graecus 156, по сей день хранится в библиотеке Ватикана. Там есть и сотни других византийских рукописей, но эта – особенная. Ее обложенные в сан владельцы не желают, чтобы эту рукопись читали, и до середины XIX века доступ к ней был строго ограничен. Когда-то несколько страниц манускрипта были аккуратно и целенаправленно вырезаны, и их содержание мы уже никогда не узнаем. Остается удивляться, как это свидетельство подрывной деятельности вообще сохранилось. Датированная X веком, Graecus 156 является более поздней копией исторического труда, написанного на греческом около V века. Его автором был Зосима, государственный служащий, о котором неизвестно почти ничего. Но он оставил описание переходного периода от Римской империи к ее правопреемнице, Византии.

Византийская империя ок. 500 г.

Зосима был свидетелем проигравшей стороны. Он изложил историю империи до 410 года, но с самого начала ясно дал понять, что это история упадка и разложения и в его время империя была уже не та, какой должна была быть. К тому времени, когда он писал свой труд, ее территория сократилась наполовину. Западные провинции уже ушли из-под власти императора и были заселены различными германскими племенами, которые Зосима – как и его сограждане – презрительно называл «варварами». Северная Африка находилась под властью вандалов, Испанией правили вестготы, Галлией – франки и бургунды, Британией – англ, саксы и юты. Даже Италия и древняя столица империи Рим были утрачены и принадлежали теперь королю остготов. Вместо Рима столицей того, что осталось от империи – Балкан, Малой Азии, Сирии, Палестины и Египта, – стал восточный город Константинополь. Как же до такого дошло? Зосима не сомневался в ответе. Когда государство вызывает гнев богов, его неизбежно ожидает упадок. Именно это и произошло с империей, которая отвернулась от обитателей Олимпа, приведших ее к процветанию и величю, и обратилась к новомодной религии – христианству.

Не сомневался Зосима и в том, кто повинен в этом греховном отказе от традиционной веры и последующем упадке государства: он прямо указывает на человека, который был властителем Византии в 306–337

годах, как на «источник и начало разрушения империи». Его звали Константином, и был он, по мнению Зосимы, выскочкой. Да, его отец Констанций сидел на императорском престоле, но, как саркастически замечает Зосима, сам Константин был незаконнорожденным, плодом ночи любви с дочерью трактирщика. Тем не менее мальчику удалось попасть во дворец и добиться от отца большего расположения, чем законным сыновьям. В те времена Римская империя еще простиралась от Сирии на юго-востоке до Британии на северо-западе, и, когда Констанцию пришлось отправиться с войском к северным границам, честолюбивый Константин последовал за ним. Констанций достиг Йорка и там в 306 году умер. Солдаты его армии немедленно провозгласили молодого Константина – сына блудницы, как называет его Зосима, – следующим императором. Все это было очень хорошо, однако в империи оставались и другие претенденты на верховную власть, и Константину пришлось воевать со своими соперниками по очереди. В 312 году в битве у Мильвийского моста на реке Тибр он одержал победу над Максенцием и стал владыкой Рима и западных провинций. А в 324 году расправился со своим бывшим союзником, Лицинием, и после этого, как с явным сожалением отмечает Зосима, вся империя оказалась под властью Константина.

Теперь Константину, которому, когда он стал самым могущественным человеком в мире, уже перевалило за 50, больше не было нужды скрывать свою «зловещую натуру». Она проявилась, как утверждает Зосима, когда у него возникло подозрение, будто его молодая жена Фауста вступила в любовную связь с его сыном от прежнего брака Криспом. Молодой человек был немедленно казнен. Но Фаусту по решению Константина ждала еще худшая участь: ее заперли в раскаленной бане, где она в конце концов и задохнулась. Когда же дело было сделано, Константин, по словам Зосимы, начал вдруг терзаться виной. Одно дело – убивать врагов в бою, и совсем другое – прикончить жену и сына. Возможно, он боялся, что боги нашьлют на него страшную кару, как они поступили с мифическим Танталом, убившим своего сына Пелопса: этот бессердечный отец был приговорен провести вечность, стоя по шею в воде, страдая от безумной жажды и от того, что прохладная вода, стоило ему наклониться, чтобы испить ее, сразу исчезала. Желая избежать такой участи, Константин созвал на совет священников и мудрецов, но все они сказали ему, что такое страшное преступление нельзя искупить.

Случилось так, что в это время в Риме появился египетский христианин. В начале IV века христиане составляли меньшинство среди населения империи, но в некоторых крупных городах Церковь имела много

последователей. Император Диоклетиан (правил в 284–305 гг.) не питал приязни к этому развивающемуся религиозному культу и в 303 году издал указ о том, что церкви должны быть снесены, а копии Писания уничтожены. Христиане, занимавшие высокие посты в государстве, должны были быть понижены в ранге и принести в приказном порядке, под страхом смерти, жертвы богам. Указ приводился в исполнение, хотя и не целиком и полностью, и многие христиане приняли смерть за свою веру, однако Церковь в целом не была уничтожена и даже при императорском дворе осталось несколько христиан. Знакомство с некоторыми из них привело к тому, что гость из Египта был допущен к Константину. Он заверил императора, что христианский Бог прощает даже самые тяжкие грехи. Как сообщает Зосима, Константин проглотил наживку. Он отменил политику Диоклетиана, положил конец гонениям и стал открыто демонстрировать благосклонность к христианской церкви, пренебрегая культом олимпийских богов. Зосима ужасался такой нечестивости и отказу Константина от веры предков.

Но это не все: в вину Константину Зосима вменил также и то, что он принял решение построить новый и совершенно ненужный город и это истощило население и ресурсы империи. По свидетельству Зосимы, религиозные преобразования императора не прибавили ему популярности среди римлян, особенно когда он попытался запретить традиционные языческие обряды, отправлявшиеся на Капитолийском холме. Поэтому он решил перебраться на Восток и перенести свою резиденцию туда. Сначала Константин хотел основать новый город неподалеку от места, где находилась древняя Троя, на побережье пролива Дарданеллы в Малой Азии, но через несколько лет передумал и двинулся дальше. В конце концов он остановил свой выбор на городе Византий. Чтобы сделать его достойным своего присутствия, Константин решил полностью перестроить город, возведя там все те грандиозные здания и памятники, которые были и в Риме: Сенат, центральную площадь, получившую название Августеон, ипподром для состязаний на колесницах и парадную императорскую резиденцию, Большой дворец. Там должно было быть много церквей и большой собор, посвященный Премудрости Божией, или Святой Софии, но Константин решил подстраховаться и позаботился о том, чтобы в городе были и несколько языческих храмов. Новая столица была переименована в его честь в Константинополь, «город Константина». Зосима крайне неодобрительно относился к этому проекту и возмущался тем, что на его реализацию уходили огромные суммы, ради изыскания которых всю империю обложили высокими налогами. При этом, по его словам,

Константинополь как магнит притягивал переселенцев со всех концов империи, жаждавших разбогатеть, пользуясь моментом и благосклонностью императора. Население быстро росло, улицы города были полны народа. Земли не хватало, прямо под городскими стенами возникали пригороды, в морское дно вбивали сваи и устанавливали платформы, на которых также можно было построить дома. В глазах Зосимы этот город был гнойной опухолью, которая однажды лопнет и прольется кровь, памятником тщеславию и неумеренной расточительности Константина.

Было и третье обвинение, которое Зосима добавил к тому, что Константин нечестиво отказался от почитания традиционных богов и построил совершенно ненужный город. Уверенно расправляясь с внутренними врагами, император не преуспел в борьбе с варварами, которые осаждали границы империи. Когда на ее территорию вторглись каких-то 500 конных воинов, Константин, по утверждению Зосимы, попросту бежал. Вдобавок если благочестивый языческий император Диоклетиан принял меры к тому, чтобы граница всегда была надежно защищена, разместив легионеров в оборонительных сооружениях по всей ее длине, то Константин решил, что войска должны находиться в городах. Таким образом он не просто оставил границы незащищенными, но и разрушил милитаристский дух империи, позволив воинам пребывать в лени и ублажать себя. А христианская религия, по мнению Зосимы, лишь ускоряла процесс разрушения, поскольку призывала отказаться от добродетелей мужественности и отваги, которые возвеличили Рим, и прославляла новые идеалы целомудрия и отречения от мира. Монахи же и вовсе вызывали у него отвращение, потому как были «бесполезны для войны или иной службы государству». Во дворцы императоров пришли не воины, а скопцы, чтобы занять свое место во власти. Поэтому-то, хотя прошло еще около 100 лет после Константина, прежде чем границы империи не выдержали натиска, именно его Зосима решительно порицал за ее упадок и утрату западных провинций. «Когда наши души плодородны, мы процветаем, – заключал он, – но, когда душа становится бесплодна, мы ослабляемся до нашего нынешнего состояния».

* * *

Скептическое отношение Зосимы к Константину и его представление о закате империи разделяли не все. Совершенно не удивительно, что

христиане относились к человеку, который спас их Церковь от гонений и сделал христианство официальной религией империи, иначе. Одним из первых, кто решил во всеуслышание возблагодарить его за это, был епископ палестинского города Кесарии, некий Евсевий. Современник Константина, он испытал все ужасы гонений Диоклетиана и, едва они прекратились, поспешил спеть дифирамбы новой власти, написав весьма льстивую биографию Константина. Он предусмотрительно не стал описывать обстоятельства рождения будущего императора и начал повествование с того момента, когда Константин оказался в императорском дворце. Уже тогда, по утверждению Евсевия, дух добродетели обеспечивал ему моральное превосходство над окружающими его язычниками. Его благочестие и красота вызывали во дворце зависть, так что он вынужден был отправиться в Британию, к отцу. Сам Господь распорядился так, что Константин оказался рядом, когда его отец умер, и, естественно, был избран преемником. Когда же Константину пришлось отстаивать свою власть в борьбе с соперниками, Господь и тут не оставил его. В 312 году его войско стояло у Рима, готовясь к битве с Максенцием, и тогда Константину якобы было видение креста на солнце со словами «сим побеждай». В ту ночь, писал Евсевий, сам Иисус Христос явился Константину и повелел ему сделать знамя, подобное виденному на небе, и нести его впереди войска в грядущей битве. Это знамя привело Константина к победе в сражении у Мильвийского моста и обратило его к новой вере, после чего он издал указ, положивший конец преследованиям христиан. Евсевий ни словом не упоминает ни об убийстве Криспа и Фаусты, ни о вине, терзавшей Константина, которая и привела его в лоно Церкви.

По версии Евсевия, установление Константином в 324 году единоличной власти над империей дало ему возможность в полной мере проявить свою щедрую и благочестивую натуру. Превращение Византия в Константинополь не было пустой тратой денег и сил, но проявлением христианского благочестия. Новый город был задуман как сугубо христианский, не опороченный языческими богослужениями: упоминаемым Зосимой языческим храмам в труде Евсевия места не нашлось. И уж конечно, Константин не ослаблял границы и не впускал в империю варваров. Напротив, он подчинил их власти Рима, и вовсе не римляне платили ежегодную дань варварам, а, наоборот, те смиренно возлагали свои дары к ногам Константина. Он вовсе не разорял империю, а был ее спасителем.

Судя по всему, Константин был правителем, который вызывал у своих подданных либо искреннюю преданность, либо лютую ненависть. Если же

взглянуть на его царствование беспристрастно, то оно не было ни катастрофой, ни началом Золотого века. Скорее в его правление происходил процесс трансформации, когда империя адаптировалась к новому и опасному окружающему миру. Во времена Константина впервые проявились все характерные особенности византийской цивилизации: монументальная неприступная столица в Константинополе; господство христианства; политическая теория, которая возвеличивала императора, но также и налагала на него ограничения; преклонение перед аскетической духовностью; акцент на визуальное выражение духовного; и выходящий за рамки военного подход к угрозе на границах.

* * *

В каком-то смысле недовольство Зосимы новым, быстро растущим городом Константинополем было оправданно. Где-то к 500 году он уже был безнадежно перенаселен, а потому трудноуправляем и взрывоопасен. Малейшего повода хватало, чтобы на улицах вспыхнули беспорядки. В начале V века городским архиепископом был Иоанн Хризостом (Златоуст), снискавший большую популярность в народе: его пламенные проповеди всегда привлекали целые толпы. К несчастью, его недолюбливала Евдоксия, супруга императора Аркадия (правил в 395–408 гг.). Златоуст подверг ее критике за то, что она присвоила в Константинополе кое-какое имущество, поправ права законных владельцев. Ее глубоко оскорбили некоторые из его проповедей, в которых он, хотя и не называя имен, обличал могущественных и коварных женщин. В июне 404 года Златоуст был отправлен в ссылку, но его сторонники отомстили за него. Решив, что никто не должен занять место Хризостома, толпа сторонников изгнанного архиепископа ворвалась в собор Святой Софии и подожгла его. К утру от него остались лишь дымящиеся развалины.

Однако не только вопросы религии возбуждали страсти в Константинополе на заре его существования. Гонки на колесницах, которые проходили на ипподроме, привлекали огромные толпы болельщиков двух главных команд: «зеленых» и «синих». Успешные колесничие становились знаменитостями: в их честь слагали стихи, их скульптурные изображения устанавливали в общественных местах наряду со статуями императора. Драки между болельщиками двух соперничающих команд были обычным делом, но однажды «синие» и «зеленые» объединились, и это всерьез напугало власти. В 498 году несколько болельщиков были арестованы за

бросание камней. Толпа их товарищей обратилась к императору, престарелому Анастасию (правил в 491–518 гг.), с требованием освободить заключенных, но получила твердый отказ. Больше того: против непокорных был отправлен отряд солдат. Это послужило сигналом к общему возмущению на ипподроме, где как раз перед гонками собралось много народа. Толпа начала забрасывать камнями царскую ложу, где император уже занял свое место, чтобы присутствовать на состязании. Один большой камень, брошенный из толпы чернокожим болельщиком, едва не попал в Анастасия, и императорские телохранители бросились на преступника и изрубили его мечами в куски. К этому моменту выходы с ипподрома были уже закрыты, и толпа подожгла главные ворота. В результате и сам ипподром, и местность вокруг него сильно пострадали. В конце концов нескольких главных злоумышленников поймали и подвергли наказанию и порядок был восстановлен, но произошедшее еще раз продемонстрировало, как быстро перенаселенный город может превратиться в арену боев.

Однако если относительно взрывоопасности Константинополя Зосима был прав, то оценить значение нового города в других аспектах он не мог. Эта столица возникла вовсе не потому, что Константин хотел бежать из Рима и был к тому же исключительно тщеславен. У него имелись очень веские причины на то, чтобы основать новый город именно в это время и в этом месте. Уже не один год императоры не стремились постоянно находиться в Риме – древняя столица отстояла слишком далеко от границ, которые надо было защищать, и приходилось искать другие форпосты. В западной части империи это были в основном Милан и Трир, а на Востоке – Антиохия и Никомедия. Константин стремился иметь собственную альтернативную столицу, достойную постоянного присутствия императора, и потому, остановив свой выбор на Византии, постарался украсить его великолепными зданиями, напоминающими о Риме. Кроме того, Константин руководствовался стратегическими соображениями, и это место было выбрано не случайно, что бы ни говорил Зосима о его первоначальном желании построить город близ Трои. Константинополь расположен как нельзя более удачно – на Босфоре, на полпути между Дунаем и границами Месопотамии, куда удобнее, чем Рим, учитывая постоянную угрозу безопасности империи. И даже Зосима вынужден был признать, что такое местоположение обеспечивало максимальную защищенность, ибо город стоял на узком мысе между морем и заливом Золотой Рог, одной из лучших природных гаваней в мире. Константин укрепил оборону, возведя стену со стороны, обращенной к суше. В следующем веке был построен новый участок – Феодосиевы

стены, огородившие разросшееся пространство города. Сложенные из известняковых блоков в пять с половиной метров толщиной, они сделали Константинополь неприступным с суши. Один пролет стены был построен и со стороны моря, защищая его от нападения вражеского флота. Единственным слабым местом было отсутствие пресной воды, но и эта проблема решилась строительством акведуков и подземных резервуаров-хранилищ. Зосима не мог знать того, что, когда настанут трудные времена и империю будут осаждать со всех сторон, Константинополь окажется главным ее достоянием и будет раз за разом выдерживать приступы и переживать блокады. Даже претенциозные здания и обширные открытые площади докажут свою ценность, делая Константинополь столицей-витриной, поражающей приезжих, демонстрирующей богатство и мощь империи, и подкрепляя ее притязания на роль центра христианского мира.

* * *

Несмотря на всю значимость появления новой столицы, Константинополя, главное, что резко отличало Византийскую империю от римского мира, который ей предшествовал, – это широкое распространение христианской религии. Во времена Рима одновременно с официальным культом олимпийских богов существовало множество местных божеств и культов. В Византии была только одна религия, и, только приняв ее, вы могли быть верноподданным императора. Независимо от того, что писали Евсевий и другие христианские авторы, это изменение произошло не в одночасье. Обращение Константина к вере не сразу привело к христианизации всей империи, а открыло путь этому процессу, который шел постепенно. После победы в сражении у Мильвийского моста в 312 году Константин триумфально въехал в Рим и повелел воздвигнуть арку в честь свершившегося, но в надписях на ней не было никаких отсылок к христианству, кроме расплывчатого утверждения, будто победа была одержана «с божьей помощью». В 313 году Константин издал эдикт о свободе вероисповедания, который положил конец преследованиям христиан. Позже он сделал воскресенье выходным днем, вступил в дружескую переписку с христианскими епископами и начал финансировать христианскую церковь за счет государства. Однако при этом император не делал серьезных попыток запретить почитание прежних богов, и их храмы и святилища продолжали функционировать, как и раньше. После смерти Константина в 337 году никто также не пытался насильно обратить народы

империи в христианство. Его сын, Констанций II (правил в 337–361 гг.), повелел закрыть некоторые храмы, но многие из его распоряжений были отменены следующим императором, язычником Юлианом. За свое короткое правление Юлиан (361–363 гг.) попытался восстановить поклонение старым богам, но скоропостижно умер, а все последующие императоры были христианами. Тем не менее они действовали осторожно и проявляли терпимость ко всем верованиям.

Только к концу IV века стало возможно принимать активные меры против язычества. К тому времени, поскольку в христианство обратились император и двор, преобразования пошли нарастающими темпами, и во многих городах христиане стали большинством. Неуклонный, порой насильственный процесс превращения христианства в государственную религию начался с воцарением Феодосия I (правил в 379–395 гг.). Сначала один за другим стали закрываться языческие храмы, а в 391 году Феодосий счел возможным издать указ, полностью запрещающий жертвоприношения – важную часть языческого культа.

Как этот закон воспринимали в разных частях империи, зависело от ситуации на местах. Там, где христиане составляли большинство, языческие культы исчезли без лишнего шума. Так произошло в Константинополе, но не во втором по величине городе империи, великом египетском порту Александрии. В IV веке население города составляло около 300 000 человек, в нем было почти 400 храмов – языческих, христианских, иудейских. Христианская община процветала, а ее основателем был евангелист Святой Марк. Архиепископ Александрийский был третьим по значимости в христианской иерархии после Папы Римского и патриарха Константинопольского и одним из тех пяти, кто имел право именоваться «патриархами». Но в то же время в Александрии существовала процветающая, активная и многочисленная община язычников, и, кроме того, город был центром классического образования и мог гордиться второй по значению после Афинской философской школой и библиотекой, в которой хранились 490 000 папирусов с античными греческими текстами. Город украшали великолепные храмы. Тяхейон был посвящен богине Фортуне, Кесарион – культу давно умерших императоров. Самым роскошным из всех был Серапеум: в его огромном колонном зале высилась монументальная статуя бога Сераписа.

Рано или поздно эти две группы должны были вступить в конфликт, и так и произошло, когда христиане попытались построить на месте языческих храмов свои церкви. В 361 году патриарх Александрийский Георгий решил, что заброшенный храм Митры должен быть разобран и на

этом месте будут проводиться христианские богослужения. Работы начались, но, когда в храме выкопали несколько скелетов и безо всякого почтения вынесли их наружу, вспыхнул бунт. Язычники ворвались в собор, выволокли несчастного Георгия и забили его до смерти. В конце концов победу, конечно, одержали христиане, ведь императорская власть была на их стороне и они просто не могли проиграть. В 391 году другой патриарх, Феофил, обратился к императору Феodosию за разрешением снести языческие храмы в городе. Оно было получено, и Феофил с группой сторонников уже собирался начинать работы. Узнав, что происходит, большая группа язычников схватилась за оружие и напала на христиан. Сперва бои шли на улицах, затем язычники, теснимые христианами, бросились в Серапеум и забаррикадировались внутри. Противостояние завершилось, только когда был зачитан указ императора, обещающий амнистию участникам бунта, если они покинут храм. Большинство их решили воспользоваться этим предложением, открыли двери, и толпа христиан хлынула внутрь. Когда они завершили свое дело, знаменитое здание было полностью разрушено, колонны снесены, а статуя Сераписа разбита вдребезги. От великолепного храма почти ничего не осталось.

Примерно то же самое происходило в палестинской Газе. Главной достопримечательностью этого процветающего города был огромный, имевший форму круга Марнейон, центр культа Марны, местного бога земледелия, отождествлявшегося с греческим Зевсом. Он был мощен дорогостоящим мрамором, и эти плиты считались настолько священными, что никому не было дозволено ходить по ним. Казалось, что уж здесь-то язычникам нечего опасаться, поскольку христиане составляли явное меньшинство среди 20 000 жителей города. Когда в 395 году христиане Газы избрали своим епископом бескомпромиссного монаха Порфирия, его ждал со стороны местных язычников ледяной прием. Они завалили дорогу, ведущую в Газу, шипами и колючими лозами, чтобы помешать ему пройти, и Порфирий пробирался сквозь них до поздней ночи. На улицах города на христиан регулярно нападали и избивали их. Возмущенный всем этим Порфирий пожаловался властям и получил указание закрыть все языческие храмы в Газе. Но местные чиновники, видимо, опасались беспорядков, и потому главный храм, Марнейон, остался открытым. Единственное, что оставалось Порфирию, – поехать в Константинополь и обратиться к самому императору.

Прибыв во дворец, епископ и его спутники столкнулись с трудностью: увидеть императора – это был сын Феодосия Аркадий – оказалось очень непросто. Но они смогли попасть на аудиенцию к императрице Евдоксии,

которая с пониманием отнеслась к их просьбе и пообещала уговорить мужа согласиться на уничтожение Марнейона. Однако сказать это оказалось легче, чем сделать. Аркадий был благочестивым христианином, но, когда Евдоксия обратилась к нему с этой просьбой, он ответил отказом, заявив, что получает большие налоговые поступления от богатых язычников Газы и потому не желает вступать в конфликт с ними. Однако Порфирий не терял надежды. Он подождал несколько недель, пока императрица родила сына, а в день крестин встал у дверей собора со своим ходатайством, которое собирался, с разрешения императрицы, вручить слуге, несшему ребенка. Таким образом, когда приближенные императора собрались во дворце, император едва ли мог избежать получения ходатайства. Его подловили, и он знал это, но все-таки уступил. На следующий день Порфирий получил письменный указ императора о сносе храмов и отправился в Газу вместе с официальным посланником Кинегием, которому было поручено привести указ в исполнение.

Прибыв в Газу в мае 402 года, Кинегий с отрядом воинов двинулся на Марнейон. Но язычники не собирались сдаваться без боя. Они заперлись в храме, забаррикадив его тяжелые двери, и потому солдаты и местные христиане отправились к другим, незащищенным, храмам, разграбили и сожгли их. А десять дней спустя они вновь собрались, чтобы обсудить, как им уничтожить главное святилище, Марнейон. Разработав план, они пошли к храму. Деревянные двери намазали смесью из смолы, серы и свиного сала. Затем эту смесь подожгли, двери загорелись, и вскоре огонь распространился на все здание. К концу дня Марнейон лежал в руинах. Когда же пепел и страсти остыли, Порфирий объявил о своих планах построить на этом месте новую церковь на деньги, которые дала ему для этой цели Евдоксия. Это должно было быть строение совершенно другой формы и архитектуры, поэтому место, где стоял Марнейон, полностью расчистили. Пять лет спустя новая церковь была завершена. Мраморными плитами, уцелевшими в огне, по приказу Порфирия замостили городской рынок, и теперь по ним мог ходить кто угодно, даже собаки и свиньи. Однако сменилось поколение, а многие язычники все еще избегали этого рынка, дабы не ходить по оскверненным священным плитам.

Эти драматические события ознаменовали окончание открытых проявлений идолопоклонства в Византии. К 423 году император Феодосий II (правил в 408–450 гг.) считал возрождение язычества столь маловероятным, что мог позволить себе быть щедрым и издать закон, гарантирующий язычникам сохранность имущества при условии, что они не будут приносить публичных жертвоприношений. Это был жест

примирения, если учесть, что на последних стадиях процесса христианизации развернулась настоящая охота на ведьм. К началу V века язычники оказались в явном меньшинстве и часто становились жертвами жестоких преследований. Самый ужасный случай произошел в Александрии в 415 году. Одним из преподавателей на кафедре философии в Александрийской школе была женщина, Гипатия. Среди ее учеников значились передовые интеллектуалы того времени, как христиане, так и язычники. Сама Гипатия не обратилась в христианство. Это, а также ее нежелание быть на вторых ролях, что считалось более подобающим женщине, вызвало неприязнь к ней некоторых представителей Александрийской церкви. Однажды, когда она ехала по улицам города, группа христиан напала на нее: Гипатию стащили с носилок, отволокли в церковь, раздели донага и избили до смерти на алтаре. Это был единичный случай, и большинство христиан, так же как и язычники, ужаснулись произошедшему, но он дает представление о том, как проходил процесс христианизации, и объясняет горькие интонации в рассказе Зосимы и его жалобы на то, что просвещенные и добродетельные философы подвергались гонениям за свою веру.

Однако не только язычники пострадали в ходе этой религиозной революции. Христиане, которые придерживались той версии веры, которая отличалась от официально признанной, тоже оказались на линии огня. Принимая христианство, Константин, видимо, не учел того, что по целому ряду вопросов Церковь была разделена. Наиболее серьезным был вопрос о том, кем являлся Иисус Христос по отношению к Богу-Отцу. На копье эту проблему подняли в вечно беспокойном городе Александрии. Согласно учению местного священника по имени Арий, Иисус был сотворен Богом и, следовательно, не мог быть равен ему. Но другие христиане считали, что Христос был божеством в той же мере, что и Бог-Отец. В надежде положить конец спорам в 325 году Константин созвал в Никее церковный собор, который позже стали называть Первым Вселенским собором. На нем присутствовали 300 епископов, которые приняли Символ Веры, формулу вероисповедания, которая соответствовала линии противников Ария. Согласно ей, Иисус единосущен Богу-отцу, то есть является таким же Богом, как и Отец.

Но на этом противостояние не завершилось. Арий и его сторонники продолжили проповедовать свою версию богословия, и к концу своего царствования Константин склонился на их сторону. После смерти Константина его преемником стал Констанций II, который явно благоволил арианам (как и несколько следующих императоров). Соответственно те, кто

поддержал решения Никейского собора, были объявлены еретиками и подвергались преследованиям. Их лидером был резкий в высказываниях, не скрывающий своих взглядов патриарх Александрийский Афанасий, которого трижды ссылали на северные окраины империи. Но в конце IV века маятник качнулся в другую сторону. Феодосий I, воинствующий противник язычества, оказался также убежденным сторонником решений Никейского собора. В феврале 380 года он издал эдикт, согласно которому отныне все христиане должны были исповедовать веру по формуле, принятой на Никейском соборе, и только тогда они могли быть признаны «вселенскими». Несколько месяцев спустя все епископы-ариане были низложены, и вместо них поставили сторонников Никейского собора. А в следующем году в Константинополе собрался Второй Вселенский собор – для закрепления богословских решений, принятых в Никее. «Отрава арианской ереси» была объявлена вне закона, и формула вероисповедания, выработанная в Никее и Константинополе и позднее закреплённая решениями Халкидонского собора 451 года, оставалась официальной доктриной Византийской империи на протяжении всего ее существования. Горе любому, кто думал иначе: отныне все считавшие Христа менее божественным, чем Бог-Отец, признавались еретиками.

Еще одной группой людей, которые, наряду с язычниками и еретиками, не разделяли новую всеобщую веру, были иудеи. Их положение в Римской империи всегда было сложным. После разгрома иудейских восстаний в Палестине в 70 и 135 годах началась массовая эмиграция евреев из Иерусалима и Палестины, так что во времена Зосимы обширные и, как правило, процветающие иудейские общины существовали по всей империи, а особенно много их было в Египте и Сирии. В основном они мирно сосуществовали со своими соседями, но, когда христианство стало основной религией, ситуация начала меняться. Местное духовенство озабочилось тем, что многие новообращенные христиане в недостаточной степени осознавали разницу между своей верой и иудаизмом и охотно посещали и церковь, и синагогу. Священники начали читать проповеди, в которых указывали на то, что принятие божественности Иисуса в христианстве отличает его от иудаизма. Самым знаменитым из таких проповедников был Иоанн Хризостом, будущий патриарх Константинопольский. Все его восемь проповедей на эту тему, произнесенные в Антиохии в 386–387 годах, были встречены бурными аплодисментами. Работая на публику, Иоанн не удержался и обвинил иудеев в том, что они ответственны за смерть Христа, и потому «нет им прощания, нет оправдания...»

Распространение подобных взглядов вело к росту напряженности, и между евреями и христианами стали происходить такие же столкновения, как между христианами и язычниками. Около 490 года толпа христиан в Антиохии подожгла синагогу и выкопала часть трупов на кладбище рядом с ней. В Александрии крупное противостояние случилось в 413 году, когда разъяренные нападениями христиан иудеи, проживавшие в городе, решили дать им серьезный отпор. Они договорились между собой, что все евреи наденут на палец кольцо из коры пальмового дерева, чтобы можно было узнавать друг друга. Затем ночью они вышли на улицы и стали кричать, что церковь в огне. Христиане, выбегавшие из домов, чтобы тушить пожар, попадали в руки вооруженных иудеев, и многие были убиты. Когда на следующее утро стали ясны масштабы кровавой бойни, патриарх Александрийский повел свою паству на иудеев – на их дома и синагоги. В течение нескольких дней вся иудейская община Александрии была вынуждена покинуть город, а большая часть ее имущества была захвачена христианами.

Отношение христианской имперской власти к иудеям было двойственным. С одной стороны, префект Александрии был возмущен их изгнанием, несомненно, потому, что уход такой значительной и богатой части городского населения привел к заметному снижению налоговых поступлений. С 425 года на местах стали приниматься законы, призванные защитить иудеев и предотвратить нападения на их дома и синагоги. Но с другой стороны, даже в коридорах высшей власти распространялся христианский догматизм. Иудеям было запрещено занимать посты в управленческом аппарате империи, а в 388 году Феодосий I издал закон, запрещающий им также вступать в брак с христианами. В 531 году было объявлено, что иудеи больше не могут свидетельствовать против христиан в суде. Иудейские общины сохранились в византийских городах, но права каждого, кто не исповедовал официальную религию, были в той или иной степени ущемлены.

Однако не только последователи иной веры притеснялись в раннем византийском обществе. Христианская религия провозглашала идеалом нравственности celibat и призывала к ограничению сексуальной активности моногамными отношениями между мужчинами и женщинами. Все, кто в своих сексуальных пристрастиях выходил за эти рамки, оказывались в опасном положении. В Древнем Риме сексуальные отношения между представителями одного пола не возбранялись, и даже императоры открыто имели любовников-мужчин, хотя считалось, что пассивная роль в такого рода отношениях не подобала римскому

гражданину. По мере того как христианство становилось официальной религией империи, власти начали принимать законы, регулирующие сферу, которая прежде была вопросом личного выбора. Как и в случае с язычеством, императоры действовали постепенно. В 342 году вышло установление, запрещающее мужчинам жениться на других мужчинах, но не предусматривавшее никакого конкретного наказания за это. Еще полвека спустя другим законом была запрещена гомосексуальная проституция. А в 533 году вышел закон, прямо запрещающий сексуальные отношения между мужчинами, и ряд высокопоставленных лиц были привлечены к ответственности, подвергнуты пыткам и отправлены в изгнание. Любопытно, что все они были епископами. С тех пор, как писал летописец того времени, «те, кто испытывал влечение к другим мужчинам, жили в страхе».

* * *

Итак, картина перехода от Рима к Византии выглядит довольно мрачной: и в умах властителей, и в законодательстве воцарилась нетерпимость. В глазах Эдварда Гиббона, написавшего свой труд в XVIII веке, все это было крайне непривлекательно. А уж всех нас, тех, кому довелось жить после 1945 года, преследование инакомыслящих, евреев и гомосексуалистов и вовсе заставляет проводить определенные параллели. Однако в данном случае они неуместны. Режим, который пришел к власти в Германии в 1930-х годах, собирался существовать тысячи лет, но едва протянул 12. Византия, напротив, оказалась империей-долгожителем. А все потому, что наряду с неоспоримой узостью взглядов, свойственной ее новой религии и культуре, Византию отличали иные характерные черты, которые обеспечивали ее властям лояльность населения, а заодно восхищали и обращали в трепет чужестранцев, – и эти особенности в трудные времена могут служить образцами для подражания. Проиллюстрировать это можно с помощью четырех примеров. Во-первых, христианство дало Византии концепцию правления, согласно которой политическое и религиозное лидерство было сосредоточено в руках главы государства, и это способствовало политической стабильности. Во-вторых, эта система управления наделила своих подданных правом выбирать каждого нового властителя и обеспечила им прямую связь с ним. В-третьих, органы государственного управления удовлетворяли все основные потребности граждан и, кроме того, был выработан духовный идеал,

завладевший их сердцами и умами. И наконец, Византия создала новые формы искусства и архитектуры, которые стремились выразить нематериальное и духовное в визуальной форме.

Если говорить о форме правления, то на византийскую политическую теорию серьезное влияние оказал кризис власти в Римской империи между 235 и 284 годами, когда целая серия военных поражений привела к политической нестабильности. Поскольку император не мог защитить границы империи, в провинциях вспыхивали бесконечные мятежи и происходили попытки захвата власти. Правители сменялись с завидной регулярностью, и большинство из них удерживались на престоле всего по несколько месяцев. Поэтому некоторые императоры стремились повысить престиж своей власти, объявив ее божественной. Если в прошлом только умерших императоров почитали как богов, то в 270-х годах император Аврелиан первым начал официально именоваться богом при жизни. Диоклетиан оказался скромнее и утверждал, что он является земным представителем Юпитера, верховного римского божества, но цель всех этих титулований была одна: не дать даже помыслить о том, что власть может захватить всякий, у кого есть для этого достаточно военной силы.

Эта тенденция к слиянию власти и религии продолжилась и после того, как императоры стали христианами, хотя теперь они уже не могли заявлять о своем божественном происхождении. В значительной степени христианское обоснование божественной природы власти разработал епископ Евсевий Кесарийский, автор хвалебной биографии Константина, которая так резко контрастирует с повествованием Зосимы. В 336 году, во время празднования 30-летия пребывания Константина на престоле, Евсевий высказал свои идеи по этому поводу в льстивой речи, которую произнес в присутствии императора. Как ни странно, он был готов предположить, что власть римского императора всегда была особенной в глазах Бога, даже тогда, когда на императорском троне сидели язычники. Ведь в Евангелии от Матфея Иисус Христос говорил своим слушателям: «Воздавайте кесарю кесарево, а Божие Богу», а это четкое указание на то, что христиане обязаны питать к римскому императору такое же почтение, как к Богу. Не могло быть простым совпадением, по мнению Евсевия, и то, что Христос родился во время правления первого римского императора Августа (31 г. до н. э. – 14 г. н. э.). Очевидно, с самого начала это был Божий план: Римская империя должна была стать христианской и превратиться в государство, в котором смогут жить все христиане. Теперь, после обращения Константина, император был христианином, и потому занимаемое им положение было даже более важным, чем во времена

Христа. *Василевс*, как византийцы называли своего императора, являлся наместником Бога на земле, призванным властвовать над христианами, земной ипостасью истинного правителя, всемогущего Господа.

Это новое понимание императорской власти имело далеко идущие последствия. Во времена язычества, хотя император и был верховным жрецом, в его обязанности не входило контролировать множество храмов и культов. Однако христианский наместник Бога на земле, несомненно, должен был отвечать за то, чтобы Церковь была защищена и процветала. Это означало финансирование Церкви государством и подавление язычества, но на деле все зашло еще дальше. Когда разгорелись споры по поводу христианской доктрины, в них оказался вовлечен и император. Константин «председательствовал» на Никейском соборе в 325 году, а его преемники – на последующих Вселенских соборах. По сути, император участвовал в выработке религиозной доктрины – задача, которую, казалось бы, должны были решать священники и богословы. Следовательно, в IV веке императорская власть постепенно стала рассматриваться как священная. Хроники того времени называют императоров «божественными», а изображались они с нимбами. Это показывает, как стиралась грань между светской и религиозной властью, что было характерно для Византии.

В современном мире, где идеальной формой правления считается представительная демократия, а религия является личным делом каждого, никак не связанным с лояльностью к государству, такая теократия может показаться прикрытием для диктатуры и мании величия. Не это ли лучший способ управлять массами – окружить себя аурой божественности, а любую оппозицию приравнять к ереси? Однако следует помнить, что эта форма правления возникла – и была уместна – в опасном и неустойчивом мире: границам Византии постоянно угрожали. Она помогала сохранять стабильность, и, хотя в истории Византии бывали периоды, когда отдельные императоры захватывали престол вооруженным путем, совершая перевороты, престиж власти оставался незыблем. Ни один узурпатор не мог надеяться стать императором, не утвердившись во дворце в Константинополе и не приняв участие в обязательных религиозных церемониях. Что же касается взятия столицы, легче было сказать, чем сделать это, и многие смуты прекращались после того, как их предводителю не удавалось покорить Константинополь.

Другая важная особенность государственного устройства Византии заключалась в том, что население было действительно привержено верховной власти с ее религиозным мистицизмом и играло значимую роль

в избрании нового императора. Новый претендент должен был появиться в императорской ложе на ипподроме Константинополя, который вмещал 100 000 человек, и толпа приветствовала его, давая таким образом свое согласие на его воцарение. Кроме того, император был удивительно доступен для подданных. Его сады в Большом дворце были открыты для посетителей с рассвета и до девяти часов утра, а потом с трех часов пополудни. Во время процессий в дни праздников зрители могли передавать императору свои прошения. В 369 году именно так поступила вдова по имени Береника, которая пожаловалась на судейского чиновника Роданоса – с помощью сфабрикованного обвинения тот захватил ее собственность. Изучив вопрос, император Валентиниан I (правил в 364–375 гг.) повелел казнить этого человека на ипподроме на глазах у толпы, а все его имущество отдать Беренике.

Но важнее всего, вероятно, было то, что византийский император не мог творить все, что пожелает. Та же религиозная идеология, которая наделяла его могуществом, налагала на него строгие ограничения: Церковь могла воспрепятствовать императору, если он перегибал палку. Когда в 390 году император Феодосий I прибыл в Салоники со своей армией, он был встречен массовыми беспорядками, так как местные жители не желали пускать на постой его солдат. Император разгневался, но решил не предпринимать ничего сразу. Он дождался, когда граждане собрались на местном ипподроме, чтобы посмотреть гонки на колесницах, и тогда приказал воинам стрелять из луков в толпу. Несколько тысяч человек были убиты. Удовлетворенный таким результатом, Феодосий отправился дальше на запад, но, когда он прибыл в Милан, возмездие настигло его. Епископ города Амвросий уже знал о произошедшем в Фессалониках и отказался впускать императора в церковь на причастие. Противостояние длилось несколько дней, пока император не продемонстрировал свое раскаяние, издав закон, согласно которому приговоренным к смертной казни или конфискации имущества давалось 30 дней до исполнения приговора на то, чтобы доказать свою невиновность. Только после этого Феодосия впустили в храм. Византийская теократия не отвечает нашим современным представлениям, но эта система работала в Византии и сохранялась неизменной на протяжении всей долгой истории империи.

* * *

Была и третья причина, по которой переход от Рима к Византии принес

жителям империи несомненную пользу. Определявшая византийскую политическую теорию христианская церковь была в то же время главным источником благосостояния для подавляющего большинства городского населения. Во времена, когда Римская империя была мирной и стабильной, муниципальная власть осуществлялась состоятельными гражданами каждого города, которые образовывали *курии*, или сенат. Эти *курии* отвечали за сбор налогов, но они соперничали друг с другом в щедрых тратах из собственных средств на строительство общественных сооружений, от бань до акведуков. Начиная с III века, когда жизнь стала труднее, количество богатых людей сократилось, а оставшиеся уже не так стремились потратить свои богатства на общее благо. Одни старались избежать этого, уезжая в свои загородные поместья, другие становились сенаторами в Риме или Константинополе и таким образом освобождались от исполнения обязанностей в городской курии. В то же время население городов росло, так как люди приезжали из сельской местности в поисках работы и зачастую вынуждены были жить на улице. Имперские власти не делали почти ничего, чтобы решить эту проблему, а христианская церковь делала, и ее действия выходили далеко за рамки обычных благотворительных пожертвований. Она организовывала в крупных городах раздачу еды, и в одной только Александрии ее получали не менее 75 000 человек. Городские церкви не были одиночными строениями, как правило, при них размещался целый комплекс зданий, включавший и приюты для бедняков, где те могли получить одежду, еду и крышу над головой, и больницы, где помощь оказывали тем, кто был не в состоянии заплатить. Иоанн Хризостом, тот самый, который в 380-х годах произносил подстрекательские проповеди против иудеев в Антиохии, построил в Константинополе несколько больниц после того, как в 398 году стал патриархом.

Особенно благоустроен в этом отношении был город Кесария в Малой Азии, расположенный примерно в 600 километрах к востоку от Константинополя. Его процветающая христианская община к 360-м годам уничтожила в городе все языческие храмы и в 370 году избрала своим епископом представителя одной из знатных местных семей по имени Василий. Он исповедовал никейскую веру и потому имел довольно напряженные отношения с константинопольским императором Валентом (правил в 364–378 гг.), который был арианином. Рассказывали, что император хотел отправить неблагонадежного епископа в ссылку, но, когда он попытался подписать приказ, у него три раза подряд сломалось перо. Тогда Валент отказался от своего намерения и позволил Василию остаться

в должности и реализовать проект по улучшению жизни паствы. Вне границ Кесарии был построен комплекс зданий для различных благотворительных целей. Там были приют для бедных, приют для путешественников, убежище для прокаженных и больница. В последней имелись и врачи, и сиделки и там лечили и болезни, и травмы. Нет никаких указаний на то, что все это было доступно только христианам, и по свидетельствам, когда в 379 году Василий скончался, его оплакивали и язычники, и иудеи, и единоверцы.

Строительство богаделен и больниц происходило, конечно, в рамках христианской благотворительности, но деятельность епископов выходила далеко за них. По мере того как богатство отдельных граждан убывало, а имперские власти все чаще отвлекались на другие дела, епископам приходилось принимать на себя все больше обязательств. Феодорит, который в 423 году стал епископом сирийского города Кир близ Антиохии, взял на себя содержание бань, мостов и акведуков в своей епархии, потому что никто другой ими не занимался. В Александрии епархия имела собственный флот, чтобы поставлять в город припасы. Все это было частью процесса проникновения Церкви во все аспекты жизни империи.

Может создаться впечатление, что христианская церковь таким образом «покупала» приверженность значительной части населения. Однако на деле это было не так. Нам теперь трудно понять тот энтузиазм, с которым люди служили новой вере. Надо сказать, что он не всегда бывал порожден деяниями официальной Церкви и ее епископов, но иногда отдельными подвижниками и святыми. Еще до обращения Константина многие христиане считали, что просто верить во Христа недостаточно и надо следовать его примеру и отдавать все бедным. Пионером этого движения стал египтянин по имени Антоний, который около 300 года отказался от всего своего имущества и отправился в пустыню. Двадцать лет он прожил отшельником в развалинах воинского укрепления в Писпире на восточном берегу Нила, проводя время в посте и молитве. Однако Антоний не ожидал, что его поступок вызовет восхищение и послужит примером. Когда стало известно, что он скрывается в крепости, несколько человек пришли туда, чтобы стать его последователями. Потом пришли еще и еще, так что в пустыне в конце концов образовалось целое поселение, а слух об Антонии прокатился по всей империи. Даже император Константин писал ему, чтобы испросить его совета. Стремясь вновь остаться в одиночестве, Антоний ушел еще дальше в пустыню, но он не мог вовсе спрятаться от своей славы. Во время его редких посещений Александрии отшельника встречала на улицах толпа почитателей, как язычников, так и христиан.

Последователи Антония стали известны, как *μοναχοί*, «одинокие», и именно так появилось слово «монах». Со временем многие из них стали жить общинами или в монастырях, но высшим духовным предназначением в Византии всегда считалось отшельничество. Некоторые из этих пустынников прославились своим самоотверженным образом жизни и были знамениты не меньше, чем современные кинозвезды. Самым известным среди подвижников был Симеон Столпник. Он рос христианином, пас стада своей семьи в Сирии, а затем, почувствовав духовное призвание, стал монахом и поступил в монастырь. Там он провел около десяти лет, но это был не лучший опыт. В монастыре его недолюбливали за слишком ревностное следование правилам. В то время как его товарищи-монахи постились два дня, Симеон мог провести без еды целую неделю. Все это было уже слишком, и настоятель попросил его покинуть монастырь. Какое-то время он странствовал по Сирии, как когда-то Антоний по египетской пустыне, пока не нашел подходящее безлюдное место, где приковал себя к скале. Однако очень скоро он столкнулся с той же проблемой, что и Антоний. Слухи о его подвижничестве привлекали множество народа, лишая его одиночества, которого он так жаждал. Люди толпились вокруг него и старались прикоснуться к святому. И если в Египте Антонию удалось скрыться, уйдя еще дальше в пустыню, то в Сирии это было невозможно, так как там площадь пустыни заметно меньше.

Поскольку уйти было невозможно, Симеон вознесся. В 412 году он обнаружил античную колонну девяти метров высотой, одиноко стоящую в пустыне недалеко от Антиохии. Возможно, она осталась от снесенного языческого храма. Симеон сумел взобраться на самый верх и там стоял под палящим летним солнцем и в зимние холода. У него были ученики, которые поселились у основания колонны и передавали ему еду и воду с помощью веревок. Неудивительно, что такой образ жизни имел определенные последствия. Поскольку почти все время Симеон проводил стоя, на его левой ноге появилась язва, которая сочилась гноем, и в конце концов почти вся нога сгнила. По ней ползали черви, и иногда они падали к подножию колонны. По его просьбе ученики осторожно собирали их и передавали ему обратно, чтобы они вновь могли терзать его плоть, причиняя боль. Как и в случае с Антонием, слава о Симеоне разнеслась широко вокруг. У колонны бывали сотни посетителей в день. Как-то раз их подсчитали: получилась цифра 1244. Вокруг колонны возвели стену, чтобы сберечь ее от напора почитателей. Симеон простоял на одном месте больше 40 лет, но и когда в 459 году он умер, то остался стоять в результате

трупного окоченения. В конце концов на месте колонны был возведен храм, в который приходили те, кто желал помолиться святому.

Как и квазирелигиозный статус византийских императоров, эта одержимость монахами выглядит в глазах людей другой эпохи и другой культуры странно. Предполагалось, что святые люди должны были обеспечивать целый ряд и духовных, и материальных благ. Бытовала искренняя вера в то, что за свое подвижничество святые, такие как Симеон, становились ближе к Богу, чем обыкновенные слабые люди, в том числе и рядовое духовенство. А значит, они могли служить каналами получения божественной благодати, заступниками, посредниками в молитве и в конечном счете в спасении, чего нельзя было достичь, просто посещая церковь по воскресеньям. Кроме того, многое от них можно было получить прямо здесь и сейчас. Люди приносили к колонне Симеона больных, чтобы он даровал им исцеление, и, по словам его биографов, такое регулярно случалось. Другие, особенно земледельцы, просили его, чтобы он помолился о перемене погоды ради хорошего урожая. Испрашивали у Симеона совета и по сугубо мирским вопросам. Жители окрестных деревень добивались его посредничества в судебных делах и спрашивали, когда лучше начинать сев. Но самая важная миссия Симеона Столпника и других святых мужей заключалась в том, чтобы защищать бедных и слабых от тяжелой длани государственной власти. В обширной империи коммуникации были затруднены, и имперские чиновники пользовались на своих территориях абсолютной властью и имели широкие возможности для злоупотребления ею. Призывы к справедливости, обращенные к далекому императору, сидящему в Константинополе, или даже к префекту, находящемуся в Антиохии или Александрии, чаще всего оставались не услышанными. Гораздо действеннее было обратиться за помощью к местному святому. Когда к Симеону пришли просители, чтобы пожаловаться на местного чиновника, который вымогал деньги у бедных, святой человек отправил к тому гонца, велел передать: «Не бери силой то, что тебе не принадлежит». Чиновник, конечно же, не обратил на это особого внимания, но, когда на следующий день он внезапно умер от сердечного приступа, никто не воспринял это как простое стечение обстоятельств. Конечно, такие драматические происшествия были крайне редки, но у святого человека имелось одно большое преимущество в противостоянии могущественным людям: он был абсолютно неуязвим. Бессмысленно грозить отъемом имущества или физическим насилием тому, кто ничего не имеет и добровольно истязает себя. В то время как городские эстеты и снобы, такие как Зосима, могли недолюбливать монахов, для

бедных и угнетенных они были заступниками и защитниками. Благодаря им народ мог заставить имперские власти услышать его голос и действовать в его интересах.

* * *

Некоторые из событий того периода заставляют предположить, что ранняя христианская церковь была настроена против мыслителей, художников и вообще чужда культуре и знанию. Происшествия, подобные убийству Гипатии, разрушение памятников архитектуры, в том числе Серапеума и Марнейона, свидетельствуют о фанатизме и культурном вандализме. Зосима с ужасом описал бунт, случившийся в Константинополе летом 404 года, когда воинствующие христиане сожгли не только собор Святой Софии, но также здание сената вместе с портиком, который украшали статуи муз, высеченные из мрамора редкого вида, больше не добывавшегося. Их утрата, сетовал он, отражает всеобщее презрение к искусству и красоте. Точно так же христиане относились и к богатому наследию классической литературы. Духовные знаменитости, такие как Антоний и Симеон Столпник, были малообразованны и говорили только на местных коптском и сирийском языках: они не знали ни латыни, ни греческого. Многие христиане считали крамольным читать Гомера, Аристофана и Лукиана с их историями о богах, нимфах и героях и полагали, что верующим следует изучать только Библию и другие укрепляющие в вере писания. В процессе христианизации произведения классической литературы рисковали разделить судьбу уничтоженных храмов.

Но этого не случилось, потому что, пока одна культурная традиция вытравлялась, другая развивалась, включая в себя многие элементы старой. Именно так произошло с классической литературой. Авторитетные христианские богословы, такие как Василий Кесарийский, считали, что на ее примере можно учиться красоте языка и стилю, и их точка зрения возобладала. Когда империя стала христианской, греческие классические труды не были брошены в костер, но, напротив, бережно сохранялись и изучались на протяжении всего ее существования. То же самое можно сказать и о религиозном искусстве, которое является четвертой отличительной чертой византийской цивилизации. В то время как Серапеум и Марнейон были разрушены, мраморные статуи языческих богов и богинь, украшавшие улицы Константинополя, остались нетронутыми.

Христиане готовы были сохранить их за красоту и художественность при условии, что они не будут объектами поклонения. Иногда языческое искусство даже слегка приспособивали под требования момента. Когда Константин захотел украсить одну из главных площадей столицы своим скульптурным изображением, он сделал любопытный выбор. Вместо того чтобы заказать новую статую, император приказал установить фигуру бога солнца Аполлона, вывезенную из храма в Малой Азии. На месте остались даже семь лучей, которые исходили из головы статуи.

Синтез старой классической и новой христианской культуры происходил и в архитектуре. Когда христиане были малочисленной гонимой сектой, они тайно встречались в домах. Слово «церковь», по-гречески «экклесия», в оригинале означало «собрание», то есть собрание христиан. Теперь же, когда христиан становилось все больше, потребовались огромные здания, чтобы вмещать их всех по воскресеньям. Возник вопрос, как должны выглядеть эти здания, потому что никакой христианской традиции архитектуры, на которую можно было бы опереться, еще не существовало. Были только языческие храмы, но христиане хотели, чтобы их церкви отличались от них. Так, община Газы воспротивилась предложению сделать Марнейон христианской церковью: он должен был быть уничтожен, место очищено, и на нем возведен новый храм. Христиане обратились к другому классическому типу строения – базиликам, большим общественным зданиям, которые существовали во всех городах империи: там проходили судебные разбирательства или аудиенции наместника. Это были довольно простые строения прямоугольной формы, с плоским потолком и двускатной крышей, иногда с боковыми проходами. Их преимущество заключалось в том, что они обеспечивали обширное крытое пространство, где многочисленные присутствующие могли все видеть и слышать. Одна из самых ранних христианских базилик была построена в 320-е годы в Риме над местом захоронения апостола Петра и посвящена этому святому. Другая была возведена императором Константином в Иерусалиме над гробницей, где якобы был захоронен после распятия Христос, и стала известна как храм Гроба Господня. Вслед за этим появились многие другие здания, включая собор Святой Софии в Константинополе, который был освящен в 360 году.

Но если размер и форма церквей теперь были утверждены, то оставался другой вопрос: надо ли их украшать и если да, то как именно? Едва ли можно было оставить стены голыми, ведь здание должно было быть ярким и красивым, чтобы отражать ту высокую цель, ради которой его построили. Поэтому ранние базилики были украшены пасторальными

сценками, изображениями деревьев и растений. Вскоре, однако, нашлись люди, которые стали говорить, что изображения должны быть не нейтральными, а духовными или поучительными. На них могут быть мученики, которые отдали свою жизнь за веру во время гонений, или сюжеты из Евангелия, демонстрирующие деяния Христа, его проповедь, распятие и воскресение. Эта идея, однако, вызвала сильное сопротивление в некоторых кругах: она напоминала идолопоклонство и статуи богов, которые украшали языческие храмы. Во время паломничества в Палестину в 394 году Епифаний, епископ кипрского города Саламина, пришел в ужас, когда увидел изображение Христа на занавесе в церкви. Он сорвал этот занавес и покинул храм. Но на том дело не кончилось. Община ополчилась против Епифания и потребовала, раз ему не нравится их занавес, приобрести вместо него другой.

В любом случае Епифаний проиграл спор. К началу V века уже было принято украшать храмы сценами из Священного Писания, чтобы вдохновлять и наставлять прихожан. Этот новый подход применили в базилике Санта-Мария-Маджоре в Риме, которая была реконструирована и декорирована между 432 и 444 годами. Ее интерьер украшает серия мозаик, сложенных из тысяч крошечных цветных кусочков мрамора. В центральном нефе находятся мозаики на сюжеты Ветхого и Нового Завета, с пророками и ангелами, одетыми в тоги, как если бы они были римскими сенаторами, – наглядная демонстрация того, как старая традиция стала частью новой. Так что, хотя христианизация Римской империи, несомненно, сопровождалась насилием, гонениями и разрушениями, это не означало гибели искусства и культуры, как считал Зосима.

* * *

Возможно, критики, такие как Зосима, могли бы простить Константину его бесполезный проект Константинополя и странный выбор религии, если бы не тот факт, что к 500 году половина территории империи была утрачена. Язычники возложили вину за это на Константина и его христианских преемников, но и тут они были не вполне справедливы. Проблемы, с которыми столкнулись христианские императоры в IV и V веках, были отнюдь не новы, и языческие предшественники византийцев также не преуспели в их решении.

Дело в том, что к 200 году Римская империя имела границы огромной протяженности. В первые два столетия после Рождества Христова это не

создавало проблем, поскольку римлянам приходилось отражать лишь отдельные нападения на границах и они могли спокойно хвастаться таким своим достижением, как *Pax Romana* (Римский мир). Но в III веке ситуация резко изменилась. В Персии, восточном соседе Рима, на смену ослабевшей династии Аршакидов пришли честолюбивые Сасаниды, которые рассчитывали расширить свои владения за счет римских восточных провинций. Римляне потерпели целую серию поражений, а в 260 году император Валериан, известный гонитель христиан, был захвачен персидским царем Шапуром I и сгинул в плену навсегда. Примерно в то же время персы разграбили крупный город Антиохию. Ситуация на Востоке была близка к катастрофической, но положение римлян усугублялось еще и тем, что в то же время нападению подверглись их северные границы. В 251 году германское племя, известное как готы, прошло по Дунаю, разгромило армию римлян, убив императора, и добралось до Малой Азии, где завоеватели подожгли одно из семи чудес Древнего мира, храм Артемиды в Эфесе. Само существование империи было под угрозой. Но начиная с 260-х годов ряд энергичных императоров сумели увести ее от края пропасти, одержав серию военных побед и на время нейтрализовав персов и готов. Любимец Зосимы Диоклетиан заключил с персами договор, закреплявший существовавшие на тот момент на Востоке границы. Восстановив порядок, император провел серию внутренних реформ, призванных помочь империи выжить в новом, полном угроз и неопределенности мире. По его мнению, империя была слишком велика, чтобы управляться одним человеком, и он создал новую систему, при которой два императора правили совместно, один на западе, а другой на востоке.

Однако ситуация на северной границе оставалась угрожающей. Врагом империи там было не унитарное государство, как у Сасанидов, а множество отдельных «варварских» племен. В отличие от персов, они не стремились расширить свои территории. Они пересекали границу ради грабежа или, еще чаще, спасаясь от другого племени, которое вытесняло их на юг или на запад. Императоры давно поняли, что победоносными сражениями и заключением договоров тут ничего не сделаешь. Военные действия и уничтожение варваров были крайней мерой, но не годились в качестве долгосрочного решения проблемы: рано или поздно на место одних племен приходили другие. Поэтому византийцы начали пытаться интегрировать их в империю. В 280 году император Проб поселил на Балканах племя бастарнов, пришедшее из-за Дуная, и этот эксперимент оказался удачным. Людские ресурсы всегда были в дефиците, а поселенцам вменялось в обязанность предоставлять, когда нужно, войска. Таким образом они

становились *foederati* – федератами, или союзниками, и укрепляли оборону границ империи. Их также можно было селить на пустовавших землях, которые они начинали возделывать, производя излишки продукции и платя налоги. Как бы уничижительно ни отзывался Зосима о полководческих способностях Константина, тот действовал в отношении варварской угрозы во многом так же, как и его предшественники. Никаких подтверждений рассказа Зосимы о том, как Константин якобы бежал при столкновении с варварами, нет. Наоборот, в 320-х годах он успешно обезопасил дунайскую границу, построив мост через реку, чтобы его войска могли вести боевые действия на территории готов. А в 332 году племя, известное как тервинги (вестготы), было вынуждено сдаться и заключить соглашение с империей, пообещав отправлять 40-тысячное войско на помощь императору, когда потребуется.

Но Зосима осуждал не только предполагаемую трусость Константина. Он считал, что, предпочтя мирную христианскую религию мужественной и воинственной вере предков и допустив во власть вместо мужчин-воинов скопцов, Константин подорвал боевой дух, на котором основывалось величие Рима. Однако, если разобраться, и это было не так. В то время как некоторые христиане, такие как Василий Кесарийский, считали любое убийство, даже ради защиты своей родины, греховным, другой видный христианский деятель, Афанасий Александрийский, писал, что убивать на войне достойно похвалы, и во славу тех, кто так поступает, должно воздвигать монументы. Кроме того, нет никаких свидетельств того, что христиане отказывались служить в императорской армии. Уже в 160-х годах христиане сражались на дунайской границе с племенем маркоманов, а в 314 году Арльский собор постановил, что для христиан вполне допустимо вступать в войско. К концу IV века они должны были составлять значительную часть армии. Кроме того, начал зарождаться новый боевой дух, во многом более мощный, чем прежний. Поскольку империя была в основном христианской, а ее враги – персы и варвары – придерживались иной веры, защищать римские границы означало защищать Церковь. Эта идея отражалась в военных регалиях и знаменах. Евсевий утверждает, что в бой против вестготов Константин шел с тем самым крестом, который якобы явился ему в 312 году. Знамена были украшены христомграммой – монограммой из греческих букв, символизирующей имя Христа, которая также была и на монетах. Так что на самом деле миссия по защите христианской империи считалась достойной похвалы, и почти любое средство достижения победы было оправданно. В 358 году христианский император Констанций II, сын Константина, напал на сарматов и куади –

племена, которые прежде были союзниками римлян, а теперь совершали набеги на Балканы. Когда воины были побеждены в бою, имперские войска ворвались в их деревни, окружили безоружных людей и тех, кого не убили, потом продали в рабство.

Что же касается всеми презираемых скопцов, то они появились при императорском дворе задолго до утверждения христианства, ибо обладали великим достоинством – не могли претендовать на императорский престол. Нет никаких доказательств того, что их участие в управлении сколько-нибудь вредило военной мощи империи. Больше того, евнухами были некоторые успешные военачальники, в том числе Нарсес, который в 560-х годах довел до победного конца войну с готами. Так что со стороны Зосимы было совершенно неверным полагать, что христианизация подорвала военное могущество империи.

Византия лишилась своих западных территорий не из-за некомпетентности христианских императоров или утраты воинского мастерства. Это стало результатом событий, происходивших за тысячи километров от нее в степях Центральной Азии, где кочевники, известные как гунны, начали свое движение на запад. Яростные конные воины, на скаку выпускавшие стрелы из своих луков, они терроризировали германские племена, оказавшиеся на их пути. В 376 году большая группа готских племен скопилась у дунайской границы империи. Их посольство встретилось в Константинополе с императором Валентом и предложило военную службу в обмен на возможность поселиться на безлюдных землях на территории Римской империи, где они были бы вне досягаемости гуннов. Валент был в восторге от представившейся возможности заполучить новую военную силу и принял предложение при условии, что готы разоружатся. Кроме того, он пообещал, что они будут обеспечены провиантом, пока не соберут собственный урожай. Готы перешли на Римскую территорию, но потом начались проблемы. Чиновники, ответственные за передачу готам денег на покупку продовольствия, украли большую часть этих средств да еще брали с новоприбывших взятки, если те желали оставить при себе свое оружие. Очень скоро голодающие вооруженные готы начали неистовствовать на Балканах. Валент был вынужден собрать армию Восточной Римской империи, чтобы попытаться изгнать мародеров. Не дожидаясь прихода западной римской армии, 9 августа 378 года он атаковал готов под Адрианополем, что к северо-западу от Константинополя. Поспешность оказалась роковой. Римская армия была почти полностью уничтожена, ее потери составили около 20 000 человек. Среди павших был и Валент, хотя никто не знал, где и как он погиб, такая

неразбериха царила на поле боя.

Поражение под Адрианополем стало переломным моментом, после которого римляне уже не могли сдерживать все более многочисленных захватчиков, нападавших на их северные границы. Правда, готы в конце концов, после четырех лет войны, были поставлены на колени, однако им разрешили остаться внутри империи и предоставили квазинезависимый статус. В 395 году они подняли восстание под предводительством своего вождя Алариха, двинулись в Италию и в 410 году захватили Рим. Тем временем под давлением гуннов все новые волны переселенцев штурмовали римские границы. В декабре 406 года граница на Рейне пала, и несколько варварских племен, таких как вандалы и свевы, вошли на территорию империи и стали селиться везде, где хотели, а западные римские императоры не в силах были остановить их. К 480 году, когда был убит последний человек, называвший себя императором Западной Римской империи, Юлий Непот, все земли, которыми он когда-то правил, находились под властью новых хозяев, даже если некоторые из них на словах признавали верховенство константинопольского императора Зенона.

* * *

Учитывая происхождение и положение Зосимы, нет ничего удивительного в том, как он относился к современным ему событиям и тому, что им предшествовало. Его философия и религия были отвергнуты, а государство, которое он отождествлял с цивилизованным миром, заметно сократилось в размерах. Кого-то нужно было в этом обвинить, а Константин символизировал собой все то, что не любил и презирал Зосима. Но многовековая дистанция позволяет взглянуть на все иначе. Представляется, что вовсе не неверный выбор религии, упадок и моральное разложение стали причинами того, что произошло в IV и V веках. Правители империи оказались в новой опасной ситуации и делали все, чтобы адаптироваться к изменившимся условиям. В ходе этого процесса империя прошла через большие перемены: традиционная религия была вытеснена христианством, а место Рима как главного города занял Константинополь. Новая религия проникла во все сферы жизни, от способов ведения войны и политической мысли до общественных услуг и изобразительного искусства. Одним словом, около 500 года Римская империя стала Византийской.

Глава 2

Форпост империи

От природы любящий нововведения и перевороты, жаждущий того, что ему никак не принадлежит, он... хочет объять всю землю и захватить всякое государство^[2].

Прокопий Кесарийский

В дни величия Римской империи влиятельные люди редко ездили в Равенну. В то время как ее порт Классис был важной военно-морской базой в северной части Адриатического моря, сам город оставался небольшим поселением, состоящим из домов, построенных на сваях, и окруженным унылой болотистой местностью. Но в 402 году эта провинциальная глушь вдруг превратилась в столицу Западной Римской империи. Император Гонорий (правил в 395–423 гг.), раздраженный и встревоженный беспорядками в Риме, покинул город и вместе с двором обосновался в Равенне. Некоторые из его наиболее привередливых придворных, должно быть, ужаснулись новым, куда менее роскошным, чем прежде, условиям проживания, но за выбором Гонория стояли уважительные причины. Болота делали город неприступным с суши, а река, которая связывала его с портом Классис, находившимся в шести километрах, была слишком мелка для морских судов. До города можно было добраться на лодках, но приходилось ждать прилива, чтобы подплыть к оборонительной стене. Словом, здесь Гонорий мог не опасаться бунтов и вторжения готов.

Византийская империя ок. 565 г.

Последовавшие затем политические потрясения только укрепили новый статус Равенны. Когда уже никаких западно-римских императоров не существовало, новый правитель Италии, Одоакр, также поселился в городе среди болот и избегал Рима не менее усердно, чем Гонорий. Правивший в Константинополе император Зенон (474–491 гг.) был не слишком доволен таким положением дел, но мало что мог предпринять, поскольку у него не было достаточно войск, чтобы отправить их в Италию и вернуть ее себе. В конце концов он прибег к обычной для византийцев тактике борьбы с врагами, которые были слишком сильны, чтобы выступать против них открыто: он заплатил, чтобы за него это сделали другие. Зенон вступил в переговоры с Теодорихом, королем остготов. Присутствие последних на Балканах в последние годы стало нежелательно. Формально они были союзниками, федератами, однако среди них часто вспыхивало недовольство условиями службы императору, и они нападали на византийские города. В 488 году Зенон заключил с Теодорихом соглашение, которое, как он рассчитывал, должно было избавить его от остготов и вернуть под его власть Италию. Остготы должны были отправиться на запад, избавиться от Одоакра и править страной от имени Зенона. Уже в следующем году Теодорих прибыл в Италию, где без особого труда победил армию Одоакра в нескольких сражениях, но затем его

противник укрылся в Равенне, и тут сложилась тупиковая ситуация. Теодорих властвовал на большей части Италии, но не мог взять приступом равеннскую крепость. После трех лет неудач он наконец решился пойти на переговоры при посредничестве архиепископа Равенны. Теодорих и Одоакр торжественно договорились править Италией совместно, и в марте 493 года войскам Теодориха было дозволено войти в Равенну. Договор, однако, был нереалистичным, и неудивительно, что он продержался всего десять дней. Теодорих пригласил Одоакра на пиршество в честь их дружбы и в разгар торжества зарубил соперника мечом.

Таким образом теперь в Равенне поселился Теодорих, и надо сказать, что, хотя власть он взял силой, но город и Италия в целом при нем процветали. Называя себя королем остготов, он старательно поддерживал впечатление, будто правит исключительно с разрешения константинопольского императора. Сам он был христианином-арианином, однако не предпринимал никаких попыток повлиять на религиозные пристрастия своих подданных, в большинстве халкидонитов, принявших постановления Никейского и Халкидонского соборов, согласно которым Иисус Христос был равно Богом и человеком. Решив, что все христиане должны жить в Равенне мирно, он построил новый кафедральный собор и церкви для своих единоверцев, ариан, следя за тем, чтобы эти храмы были не менее великолепны, чем халкидонские. Когда он заказал строительство новой базилики в честь Христа Спасителя (позже она стала известна как Сант-Аполлинаре-Нуово), на мозаичной отделке экономить не стали. Также в Равенне были два отдельных баптистерия, где обе группы верующих могли крестить детей в соответствии со своими обрядами.

Не во всех частях бывшей Западной Римской империи правление было столь же спокойным и терпимым. В Северной Африке, находившейся теперь под властью вандалов, предпринимались попытки заставить халкидонитов принять арианскую веру.

В Италии, однако, жизнь оставалась почти такой же, как тогда, когда ею правил римский император, а не король остготов, обосновавшийся в Равенне. В Риме по-прежнему заседал Сенат, а епископ города, которого называли Папой, беспрепятственно возглавлял Церковь – согласно официальной доктрине Константинополя, – хотя был убежденным приверженцем постановлений Халкидонского собора. Перемены случились вовсе не из-за остготов, а потому, что в Константинополе на престол взошел новый император. Последовавшие за этим бурные события привели к тому, что из столицы остготской Италии Равенна превратилась в наиболее важный форпост Византийской империи.

В 491 году император Зенон умер бездетным, и его преемником стал придворный по имени Анастасий, за которого вышла замуж вдова Зенона Ариадна. К моменту возведения его на трон супруги были уже далеко не молоды, а потому детей у них не было. Поэтому, когда в 518 году Анастасий умер, по некоторым сведениям, в возрасте около 90 лет, проблема престолонаследия возникла вновь. За неимением лучшей кандидатуры дворцовые чиновники избрали новым императором начальника дворцовой стражи Юстина. Как воин и человек действия, Юстин в каком-то смысле хорошо подходил на роль императора, но он, как и его предшественник, был уже немолод и к тому же не имел образования. Поэтому он не мог ни прочитать документы, принесенные ему на утверждение, ни поставить на них свою подпись. Последняя трудность была преодолена при помощи трафарета, который позволил императору писать свое имя, обводя буквы, но ему нужен был кто-то надежный, чтобы читать и объяснять содержание бумаг. В этом он решил полагаться на своего смышленного племянника Юстиниана, который сменил его на посту начальника дворцовой стражи. Юстиниан не только читал документы своего дяди, но также и писал некоторые из них и подписывал своим именем. Со временем, как человек незаменимый, правая рука императора, он был назначен его соправителем, а после смерти дяди совершенно естественным показалось, что он должен стать его преемником.

Юстиниан I (правил в 527–565 гг.) – один из немногих византийских императоров, чей облик мы знаем как по описаниям, так и по реалистичному портрету. Современники отмечали, что он был среднего роста, с круглым румяным лицом. Его мозаичный портрет в базилике Сан-Витале в Равенне подтверждает эти слова, изображая сурового человека средних лет в богато украшенной драгоценными камнями короне. В целом новый император внешне был ничем не примечателен. Чего, однако, нельзя сказать о его правлении.

Именно во времена Юстиниана те тенденции, которые трансформировали империю, начиная с правления Константина, достигли своей кульминации, в частности процесс христианизации. В десятилетия, предшествовавшие вступлению Юстиниана на престол, язычники, такие как Зосима, могли жить в империи спокойно. Но, едва оказавшись у власти, новый император попытался стереть последние следы старой религии. Он решил нанести удар по той области, где язычники еще сохраняли свое

влияние. Их не было при дворе, им не было места в церкви, но их голоса все еще были решающими в системе образования, где учебная программа была основана на классической древнегреческой. В 529 году был издан указ, которым закрывались все философские школы в Афинах. Тем самым был положен конец традиции, уходящей во времена Сократа и Платона, а многие интеллектуалы-язычники лишились средств к существованию.

Потеряв надежду на будущее, они с тоской устремили свои взоры на нехристианский мир за пределами границ империи. Ученые мужи были наслышаны о новом шахиншахе сасанидской Персии Хосрове I, который, по рассказам, воплощал собой тип правителя-философа, идеального государя, о котором писал Платон в «Государстве». Как утверждали, при Хосрове в Персии исчезла преступность: ценные вещи можно было оставлять без присмотра на улице, и никто не брал их. Итак, около 531 года группа из семи философов-язычников пересекла границу и устремилась ко двору Хосрова в Ктесифоне. Но по прибытии они были жестоко разочарованы. Хосров, хотя и принял их и проявил гостеприимство, вовсе не был склонен к серьезному изучению философии, как они ожидали, и, разумеется, в Персии было довольно преступности. Правящие классы, также далекие от философии, были хищными, властными и деспотичными. Но что более всего поразило этих утонченных интеллектуалов, так это тяга мужчин к прелюбодеянию, несмотря даже на разрешенное многоженство. Проведя в Персии два года, философы решили вернуться домой, что бы их там ни ждало. К тому времени Юстиниан несколько смягчился, и хотя их не встретили с распростертыми объятиями, однако оставили спокойно доживать свой век. Правда, время от времени власти предпринимали какие-то действия. Так, в один из летних дней 559 года нескольких видных язычников арестовали, а их книги, статуи и картины свалили на одной из главных площадей Константинополя и сожгли. Но подобное случалось нечасто. Один из эмигрантов, вернувшихся из Персии, Симпликий Киликийский, смог продолжить исследования и до своей смерти в 560 году успел написать ряд ценных комментариев к работам Аристотеля. Но это было последнее поколение интеллектуалов-язычников Византии, и многие из них приняли христианство, хотя бы формально, ибо жить в империи, не примкнув к религиозному большинству, стало невозможно.

Среди таких номинальных христиан, вероятно, был и Прокопий Кесарийский. Внешне он был образованным христианином, вхожим в придворные круги. Как и Евсевий во времена Константина, он написал панегирик императору, превознося строительную деятельность Юстиниана и утверждая, что «там, где император проявляет свое благочестие,

божественные существа не избегают принимать участие в человеческих делах». Он также написал объемный труд, посвященный войнам, которые велись в царствование Юстиниана, хотя, что любопытно, сам император упоминается там совсем нечасто. Но в то же время Прокопий писал другую работу, так называемую «Тайную историю», которая при жизни автора не получила широкого распространения. Здесь он обнаружил свои истинные чувства, излив на Юстиниана и его жену Феодору не меньше желчи, чем Зосима в свое время на Константина. Юстиниан в этой хронике предстает перед читателем не просто расточителем, равнодушным к благополучию подданных: его преследования тех, кто не признавал официальную религию, перевернули мир с ног на голову. Это был резкий протест, но его голос постепенно затихал. Когда языческое поколение Прокопия ушло, уже не было никого, кто мог бы прийти им на смену.

Последние язычники оказались не единственными, кто испытал на себе тяжкие последствия ревностной христианизации Юстиниана. Именно при его воинствующем христианском режиме было ужесточено законодательство в отношении гомосексуалистов, и при нем же процветало двойственное отношение к предполагаемым врагам Христа, иудеям. Закон, который защищал их жизни и собственность, оставался в силе, но Юстиниан не мог не вмешаться. Он ввел другой закон, согласно которому, если в каком-то году иудейский Песах случался перед христианской пасхой, отмечать его можно было лишь после христианского праздника. Это постановление, вероятно, вскоре было забыто или даже вовсе никогда не соблюдалось, но оно демонстрирует неприятие Юстинианом религиозных различий. Однако на кого гнев императора обрушился с особой силой, так это на тех христиан, которые отказались принять официальное определение христианской веры, принятое Никейским и Халкидонским соборами. В 528 году Юстиниан ввел закон, запрещающий «еретикам» выступать на суде свидетелями против халкидонитов. Маловероятно, что он имел в виду ариан, которые уже перестали быть значимой силой внутри империи, хотя многие западноевропейские правители-варвары придерживались арианской веры. Гораздо больше Юстиниана беспокоили так называемые монофизиты.

В восточных провинциях империи, особенно в Александрии, многие священнослужители и богословы были недовольны постановлением Никейского собора относительно божественной сущности Христа. Они полагали, что собор зашел недостаточно далеко в подчеркивании божественной – в противоположность человеческой – природы Христа. В середине V века Диоскур, патриарх Александрийский, выступил с

утверждением, что две природы Христа, божественная и человеческая, соединились столь тесно, что стали физически едины. В 451 году Халкидонский собор попытался решить эту проблему, объявив, что Иисус был совершенным человеком и совершенным Богом. Но это решение не удовлетворило последователей Диоскура, полагавших, что Христос был преимущественно Богом и лишь в малой степени человеком. Их стали называть монофизитами. Если бы это был просто богословский спор, имперские власти, возможно, и не уделили бы ему особого внимания, но, к несчастью, все оказалось сложнее. К концу V века большинство жителей восточных провинций – Сирии, Палестины и Египта – придерживались монофизитских взглядов, что разжигало в них недовольство императором-халкидонитом, правящим в Константинополе.

При императорах Зеноне и Анастасии совершались попытки найти компромисс между позициями халкидонитов и монофизитов. Но не таков оказался Юстиниан. Едва его дядя Юстин вззошел в 518 году на престол, он обратился к Папе, который решительно не одобрял политику компромисса, и пообещал отстаивать истинную веру, как определил ее Халкидонский собор. Для тех, кто не разделял постановления собора, жизнь серьезно осложнилась. В сердце монофизитского движения, Египте и Сирии, репрессии начались с «еретических» епископов, которых изгоняли из их епархий и заменяли халкидонитами. Монахинь и монахов – монофизитов заставляли покинуть монастыри. Однако вскоре Юстиниан столкнулся с тем, что установлению единообразия есть пределы. Если малочисленных гомосексуалистов, иудеев и оставшихся язычников преследовать было несложно, то монофизитов оказалось слишком много, чтобы воздействовать на них силовыми методами. Изгнанные епископы ушли в подполье и продолжали проводить службы для своих прихожан. Даже в устойчиво халкидонском Константинополе император столкнулся с противодействием со стороны собственной жены Феодоры, которая была монофизиткой. Ей удалось вернуть некоторых сосланных епископов, а в 535 году она даже добилась того, что патриархом Константинопольским был назначен монофизит Анфимий, митрополит Трапезундский. Правда, как только его убеждения стали известны, он был отстранен и провел следующие 12 лет, тайно живя во дворце Феодоры. Но даже рьяный Юстиниан вынужден был признать поражение и вернуться к поиску компромисса.

Однако, хотя он не сумел навязать единой доктрины, империя, без сомнения, была уже полностью христианской и господствующая вера все больше влияла на самые разные стороны жизни. Евсевий и другие

теоретики сформулировали постулат о том, что римский император был наместником Бога на земле и что границы империи определяли границы христианского мира. Действительно, на протяжении большей части своей истории жители Византии называли себя римлянами, а название «византийцы» появилось гораздо позже. Учитывая духовное значение императорской власти, публичные церемонии приобрели религиозный подтекст. Веками возвращение императора в столицу считалось крупным общественным событием, и, когда в августе 559 года Юстиниан совершил торжественный въезд в Константинополь после нескольких недель отсутствия, во время которого он инспектировал строительство укреплений во Фракии, его встретили у городских ворот префект и другие сановники и красочная процессия двинулась по главной улице, Месе. Однако достигнув храма Святых апостолов, кавалькада всадников резко остановилась. Император спешил и вошел в церковь, чтобы помолиться, и лишь после молитвы церемония продолжилась. Больше того, церковные службы и императорские церемонии все больше походили друг на друга, и на них пелись одни и те же гимны.

Также во время правления Юстиниана стали четко различимы те черты византийского христианства, которые позже отмечались в христианстве Западной Европы. Одной из них было преклонение перед личностью святого человека, чувство, которое Юстиниан разделял с подавляющим большинством своих подданных. Весной 530 года до императора дошло известие, что Савва, лидер общины монахов, живших в пустыне близ Иерусалима, отправился в Константинополь. Отшельник уже однажды бывал в столице, но не сумел попасть на аудиенцию к императору Анастасию, потому как стражники, стоявшие у дверей, взглянули на грязную латаную одежду Саввы и прогнали его. Юстиниан не повторил этой ошибки. Он отправил императорские галеры сопровождать корабль Саввы на последнем этапе его путешествия, а когда он причалил, отшельника и его сопровождающих доставили в Большой дворец. Когда же их привели в тронный зал, Юстиниан вскочил с трона, подбежал, чтобы обнять Савву, и расцеловал его со слезами на глазах. Согласившись построить в Иерусалиме странноприимный дом и базилику Пресвятой Девы, Юстиниан получил благословение старца, хотя оно демонстративно не распространялось на Феодору из-за ее симпатий к монофизитам. Только святой человек мог иметь такой прием у императора и не бояться вызвать его неудовольствие.

Отношение Юстиниана к Савве было вполне типично для того времени, но в период его правления проявились признаки,

свидетельствующие о развитии византийской религии. Христианство сознательно отделялось от иудаизма, украшая места богослужений, в том числе и изображениями Иисуса и его учеников, для поучительных целей, несмотря на возражения Епифания и других. Новая традиция имела определенные последствия. Ведь Христос был воплощением Бога, так что, воспроизводя его образ, художник воспроизводил образ Бога. И если изображение императора, окруженного сиянием, должно было вызывать почитание и благоговение, то и образ Христа, безусловно, тоже. В конце концов его начали изображать не в виде мозаик на стенах церквей, а на деревянных досках, которые было легко передвигать и переносить. При этом Христос изображался не в контексте евангельской истории, но один, глядящий вовне, так что возникал прямой зрительный контакт с молящимся. Эти иконы могли использоваться только для личного, исполненного эмоций почитания. И если встречались те, кто опасался, что такое почитание изображения на дереве равносильно идолопоклонству, то во время правления Юстиниана начали циркулировать истории, в которых утверждалось обратное. Жители сирийской Эдессы утверждали, что у них есть так называемый Спас Нерукотворный, изображение Христа, явившееся на свет не в результате работы художника, но благодаря чуду. За сотни лет до этого правитель их города, Авгар, написал послание Иисусу Христу, умоляя прийти в Эдессу и исцелить его от мучительной болезни. Иисус не смог покинуть Палестину, но вместо этого приложил к своему лицу плат, и на нем отпечатался образ Спасителя. Этот плат он послал Авгару, который сразу же исцелился. Жители селения Камулианы в Малой Азии утверждали, что у них тоже есть подобное нерукотворное изображение Иисуса. Юстиниан повелел, чтобы эту реликвию пронесли через все города региона, чтобы каждый мог увидеть ее, и в 574 году она, наконец, прибыла в Константинополь. Существование таких чудотворных изображений, казалось, подтверждало, что почитание икон Христа было не только допустимо, но и подкреплено божественным повелением.

* * *

Итак, правление Юстиниана ознаменовалось развитием наметившихся прежде религиозных тенденций, но ему пришлось также иметь дело со всеми теми же угрозами на границах, возникшими еще в III веке. Прокопий постарался представить Юстиниана властителем, совершенно не способным противостоять врагам империи, но это было несправедливо,

особенно если говорить о начале его правления. Персы-Сасаниды по-прежнему грозили с востока, ожидая возможности вторгнуться и захватить как можно больше территорий. В 530 году в сражении у приграничной крепости Дара византийцы впервые за столетие нанесли персидскому войску сокрушительное поражение. И хотя в следующем году персы вторглись в восточные провинции Византии и разбили императорскую армию в битве при Каллинике, их потери были столь велики, что им не осталось ничего, кроме как договариваться. В 532 году сторонами было подписано соглашение о Вечном мире.

Но это не решало проблему другой постоянной угрозы, исходившей от племен, которые жили вдоль Дунайской границы. Волна за волной накатывали переселяющиеся народы. После смерти своего вождя Аттилы в 453 году империя гуннов перестала быть главной силой в регионе, но вскоре ее место заняли другие этнические группы, такие как славяне и тюркоязычные авары и кутригуры. В поисках земель и добычи они, как в прежние времена готы, совершали набеги на византийскую территорию. В 548 году славяне дошли до Фракии, где захватили и полностью разрушили город Топирос. В 558 году кутригуры переправились через Дунай и почти дошли до Константинополя, прежде чем их сумели отбросить назад. Юстиниан пытался сдерживать натиск, выстраивая оборонительные стены вокруг городов региона и цепи крепостей вдоль берега Дуная. Однако он, как и его предшественники, понимал, что одной военной силой эту проблему не решить. Но была и альтернатива. Как уже говорилось, на протяжении веков императоры ослабляли угрозу вторжения варваров, позволяя некоторым из них селиться на территории империи и, когда нужно, выступать ее союзниками. После катастрофы под Адрианополем в 378 году контролировать этих поселенцев стало гораздо сложнее. Но те готы, что получили земли на Балканах, в конце концов перестали бунтовать и воевать с империей. И правители Византии стали прибегать к более тонкой тактике, убеждая вождей племен, что гораздо разумнее жить в мире с империей и быть ее союзниками. В начале 381 года Феодосий I пригласил предводителя вестготов, Атанариха, в Константинополь. Тот был грозным воином, но никогда не бывал в больших городах, жил разве что в деревнях и по большей части проводил свои дни в походах. Огромные городские площади, ипподром и Большой дворец поразили его. Он сказал, что был слышан об этих чудесах, но никогда не верил в их существование, и заявил, что император должен быть богом на земле и тот, кто поднимет на него руку, заслуживает смерти. Такого рода психологическое воздействие лучше всего убеждало варваров связать свою жизнь с империей.

То же самое можно сказать и о так называемых «ежегодных выплатах» некоторым непокорным племенам. В 460-е королю остготов Валамиру каждый год выплачивалось около 135 килограммов золота. Такими же платежами Юстиниан откупался от аваров. Но это были не просто взятки, даваемые, чтобы избежать нападения: в каком-то смысле выплаты имели такое же воздействие, как посещение Атанарихом Константинополя. Деньги платились византийскими золотыми номисмами, которые весили больше, чем любые другие монеты, бывшие в обращении в то время. Сама по себе номисма с отчеканенным изображением императора впечатляла не меньше, чем красоты Константинополя. Говорили, что король Шри-Ланки счел византийского императора более великим правителем, чем шахиншах Персии, просто сравнив их монеты. И те, кто получал их, отлично понимали ценность этих монет: номисмы часто клали в могилы вождям.

Юстиниан был не первым, кто прибегал к подобной тактике, но он несколько расширил это практику. В 512 году император Анастасий поселил племя герулов на землях вокруг города Сингидунум (современный Белград) в обмен на военную службу в византийской армии. Договоренность герулы соблюдали, но с тех пор жили на Балканах, никак не контролируемые, и часто совершали грабительские набеги на соседние территории. В 528 году их предводитель, Гресп, был приглашен в Константинополь вместе с 12 его родственниками и некоторыми самыми выдающимися соратниками. Несомненно, при виде столицы империи он испытал тот же священный трепет, что и Атанарих. Получив щедрые дары, Гресп возобновил обещание служить византийскому императору, когда бы его ни призвали. Но было и одно заметное отличие от визита Атанариха 381 года. Гресп и его товарищи были публично крещены, а крестным отцом стал сам Юстиниан. Для скрепления уз с империей важно было и то, что герулы приняли официальную, халкидонскую, а не арианскую веру. Но обращение было не вполне успешным. Несмотря на крещение Гресп, многие другие герулы продолжали грабить своих византийских соседей. В своей «Тайной истории» Прокопий высмеял Юстиниана за его щедрые дары варварам, опустошающие казну, но не приносящие заметной пользы. Тем не менее этот визит 528 года положил начало процессу вхождения герулов в состав империи и постепенного исчезновения их как отдельного народа, а значит, и как угрозы. Впоследствии еще многие народы, представляющие для империи угрозу, будут обращены в православие и интегрированы.

Стремление Юстиниана произвести впечатление на варваров и привлечь их на службу империи было тесно связано с его чрезвычайно амбициозной строительной программой. Каждый из сменявших друг друга императоров оставлял свой след в новом городе Константина, устанавливая памятник или возводя здание. Феодосий I привез из Египта мраморный обелиск весом почти в 800 тонн и повелел установить его на ипподроме на постаменте, украшенном высеченными фигурами – самого императора и его семьи, наблюдающей за соревнованиями. Юстиниан хотел оставить гораздо более заметный отпечаток на облике города, тем более что у него были и средства, и возможности сделать это.

Средства представляли собой 145 150 килограммов золота, которое осталось в казне после смерти рачительного императора Анастасия. Юстиниан вовсе не собирался хранить его там. А возможность появилась в январе 532 года, когда «синяя» и «зеленая» группировки болельщиков вместе собрались на ипподроме, требуя освободить несколько своих товарищей, посаженных в тюрьму за нарушение общественного спокойствия. Вскоре стало ясно, что волнения еще более серьезны, чем в 498 году при Анастасии. Толпа выплеснулась на Августеон, начались грабежи и стычки, вспыхнули пожары, которые некому было тушить, и все они слились в одно огромное бушующее пламя. В огне пожара погибли многие обитатели приюта для больных. Наблюдавший за происходящим из окон Большого дворца Юстиниан уже готовился бежать из города на корабле, но, как говорили, решительная Феодора убедила его остаться и бороться. Порядок удалось восстановить только тогда, когда на усмирение бунтовщиков отправили войска. В последовавшем за этим кровопролитии погибли около 30 000 человек, и через несколько дней пугающая тишина опустилась наконец на город, жители которого начали осознавать весь ужас произошедшего. Многие из самых известных памятников города превратились в дымящиеся груды обломков. Главный вход в Большой дворец, Медные ворота, были уничтожены, то же произошло с Сенатом. Собор Святой Софии, вновь возведенный после того, как в 404 году его подожгли сторонники Иоанна Златоуста, опять сгорел дотла.

Но Юстиниан недолго пребывал в потрясении: не прошло и месяца после волнений, как начали расчищать площадки под новое строительство. Еще не остыл пепел, а у императора уже возник план. Учитывая тождество Церкви и империи, приоритетом был новый собор. Но Юстиниан не хотел

восстанавливать прежнее его здание. Первые два собора, стоявшие на этом месте, были незамысловатыми прямоугольными базиликами, хотя второе строение было окружено внушительной колоннадой. Новому собору предстояло поражать воображение, чтобы такие люди, как Атанарих и Грег, благоговейно дивились величю византийского императора. Поэтому Юстиниан выбрал революционный проект Анфимия Тралльского, согласно которому собор должен был быть ближе к квадрату, чем к прямоугольнику, и увенчиваться гигантским куполом. Работа продвигалась споро, поскольку Юстиниан не жалел денег на строительство. Две команды по 5000 рабочих трудились день и ночь, и на это тратились огромные суммы. Только на украшение алтаря пошло около 18 000 килограммов серебра. Новый собор Святой Софии обошелся дороже всех прежних строений, но он стоил того. Когда 27 декабря 537 года его освятили, собор впрямь являл собой истинное чудо. Его купол, возвышающийся на 55 метров, был виден на многие километры вокруг, даже с кораблей в море. Внутри же здание впечатляло еще больше: его размеры буквально подавляли. Эффект усиливался декоративной мозаикой, покрывавшей весь купол, и колоннами из разноцветного мрамора – красного, фиолетового и зеленого, – которые поддерживали галереи. Через 40 небольших окон, идущих по кругу у основания купола, проникал солнечный свет – в разное время суток с разных сторон – и освещал мозаики и мраморные колонны. Не удивительно, что Юстиниан был чрезвычайно доволен своим новым собором. Говорили, будто он даже хвалился, что превзошел Соломона, ветхозаветного царя, построившего Иерусалимский храм.

Новый собор был лишь частью масштабной программы Юстиниана, предполагавшей строительство в тех частях города, которые были разрушены во время восстания 532 года. Вторым по величине собором Константинополя был храм Святых апостолов, где покоился сам Константин. Но уже к 527 году это здание пребывало в плачевном состоянии, и Юстиниан решил переделать его полностью. Новый проект представлял собой низкий прямоугольник, увенчанный четырьмя малыми куполами, сгруппированными вокруг центрального большого. Еще 33 церкви по всему городу были или перестроены, или построены заново, все в новом стиле, с куполом, и таким образом был создан характерный облик византийского Константинополя с его куполами и колоннами. Все, что Юстиниан делал, призвано было повысить престиж империи в целом и его самого в частности. Вход в Большой дворец был перестроен и украшен впечатляющими мозаичными портретами Юстиниана и Феодоры. А неподалеку, на Августеоне, была воздвигнута колонна, увенчанная статуей

Юстиниана на коне, той самой, которую, одним из последних, увидел потом Пьер Жиль. Комментарий Прокопия был, как обычно, сух и ироничен: Юстиниан не упустил из виду в своей программе строительства ничего, за исключением стоимости. Но, украшая Константинополь и усиливая производимое им почти мистическое впечатление, Юстиниан пестовал ту его особенность, которая в предстоящие годы поможет империи выжить.

* * *

Хотя во многих отношениях царствование Юстиниана предвосхитило будущее Византийской империи, в каких-то аспектах это все еще был закат римского прошлого. Некоторые старые римские институты, такие как консулат, во время его правления исчезли, но другие были сознательно оставлены. Сам Юстиниан говорил не на греческом, а на латыни, и на латыни же был выпущен свод законов империи. Но более всего Юстиниан проявил себя римлянином, когда решил начать войну против германских правителей, чтобы отвоевать у них захваченную ими западную половину империи. Возможно, его беспокоила критика со стороны язычников, таких как Зосима, говоривших, что, приняв христианство, Рим пришел в состояние упадка, а возможно, он просто мог себе это позволить, учитывая находившееся в его распоряжении богатство. Конечно, он мечтал об империи, которая вновь простиралась бы от Британии до Сирии. Но, какими бы ни были его мотивы, эта кампания оказалась не похожа на все прочие, которые вели византийцы, и ее итог был плачевным.

Первым делом Юстиниан обратил свой взор на Северную Африку. Годами императоры беспомощно наблюдали из Константинополя за тем, как вандалы завоевывали сначала Карфаген, а затем и земли вокруг него и периодически нападали на халкидонян. В 468 году для возвращения утраченных провинций был отправлен флот, который без особого труда захватил город Триполи. Вандалы, однако, попытались выиграть время, вступив в мирные переговоры, сами же ждали перемены направления ветра. И когда погода оказалась благоприятной, подожгли корабли и направили их на византийский флот, стоявший в гавани у мыса Меркурия. Многие корабли византийцев загорелись, а довершило разгром нападение флота вандалов, воспользовавшихся хаосом. Уцелевшие после неудачной экспедиции корабли спешно отплыли на Сицилию. По некоторым данным, эта катастрофа обошлась византийской казне почти так же дорого, как

позже – постройка Юстинианом собора Святой Софии.

Это поражение было столь унижительным, что в течение двух поколений никто в Константинополе не решался предпринять новую попытку освободить Северную Африку от вандалов. Никто до Юстиниана. В 530 году король вандалов был свергнут, и на престол взошел его двоюродный брат Гелимер. Юстиниан сделал вид, что встревожен, и отправил Гелимеру требование восстановить в правах законного короля. А получив дерзкий ответ, собрал своих советников и предложил пойти на вандалов войной. Не сказать, чтобы они его поддержали. Советники сразу припомнили разгром 468 года, а заодно заявили, что войска устали после недавней войны с персами. К тому же воевать – затратно, а успех был сомнителен. Юстиниан уже, было, начал соглашаться с этими доводами, но в этот момент ко двору прибыл епископ и попросил аудиенции у властителя. Он заявил, что во сне ему явился Господь и велел просить императора за страдающих халкидонян, вынужденных жить в Северной Африке под владычеством ариан. Это решило дело. Юстиниан решил воевать.

У него были основания верить в себя и пренебречь мнением советников. Византийская армия к тому времени сильно изменилась, и ее боевые порядки уже ничем не напоминали те неуклюжие колонны, которые были разгромлены готами в сражении при Адрианополе в 378 году. Теперь большую роль в ней играла конница, способная противостоять самому мобильному противнику. А поскольку экипировка и вооружение всадников были делом затратным, некоторые подразделения были фактически личными дружинами состоятельных офицеров, которые платили им из собственного кармана. Эти командиры были важны для Юстиниана, поскольку, в отличие от Константина, Валента и Феодосия I, он никогда не вел свои войска в бой лично и ему нужно было найти надежного военачальника для войны на западе. Выбор пал на Велизария, конница которого насчитывала больше тысячи воинов. Назначение это было несколько спорным. Именно Велизарий одержал блестящую военную победу над персами у крепости Дара в 530 году, но год спустя показал себя куда хуже в битве при Каллинике и, как некоторые говорили, покинул тогда поле боя, уплыв по реке Евфрат в лодке. Вполне вероятно, однако, что главной причиной этого выбора стало богатство Велизария, поскольку Юстиниан не желал вкладывать слишком много в эту кампанию: он предоставил Велизарию всего 15 000 человек, на порядок меньше той армии, которая потерпела поражение в 468-м. Поэтому собственные ресурсы командующего должны были сыграть решающую роль в успехе

кампании.

Как оказалось, выбор был удачным, и мрачные прогнозы не подтвердились. Военная кампания Велизария была исключительно успешной. Высадившись в Капут-Ваде (современный Тунис) летом 533 года, византийская армия застала вандалов врасплох и двинулась на Карфаген, не встречая какого-либо сопротивления. Только когда она была уже в 15 километрах от города, Гелимер со своим войском подоспел, чтобы преградить ей дорогу. В последовавшем коротком сражении византийцы разгромили вандалов и уже через несколько дней торжественно вступили в Карфаген. В начале следующего года король Гелимер и вандалы сдались, и провинции Северной Африки вновь стали частью Византии. В конце лета Велизарий вернулся в Константинополь, чтобы принять участие в триумфальном шествии, после которого на ипподроме плененный Гелимер преклонил колени перед победителем Юстинианом. Впечатляющая победа в Африке была увековечена в мозаике, которая украсила внутренние своды новых Медных ворот Юстиниана.

Столь быстрый и полный разгром вандалов, очевидно, подвиг Юстиниана на мысли о новых завоеваниях, и подходящий повод вскоре представился. В 526 году в Равенне умер король остготов Теодорих Великий, победитель Одоакра. Он был похоронен в великолепном мавзолее, который заранее для себя построил. На престол вззошел его восьмилетний внук Аталарих, а мать мальчика, Амаласунта, стала регентом и опекуном короля. К несчастью, Аталарих оказался сущим наказанием для своей многострадальной матери: повзрослев, он, что называется, попал в плохую компанию и часто впадал в продолжительные запои. Амаласунта стала тревожиться за свое политическое будущее, которое выглядело одинаково мрачным независимо от того, достигнет ли ее своенравный сын совершеннолетия или же ухнет до смерти раньше. Поэтому она вступила в тайные переговоры с Юстинианом в надежде добиться от византийцев военной помощи в борьбе против своих врагов. События, однако, развивались слишком быстро. В октябре 534 года Аталарих умер, а ближайшим его родственником оказался немолодой уже кузен Теодахад, человек довольно образованный. Вероятно, его бы вполне устроило, если бы все пошло как раньше: он был бы королем – номинально, а реально страной правила бы Амаласунта. Но ему не удалось избежать правления. Сношения Амаласунты с Константинополем вызвали подозрения, и советники Теодахада, родственники которых были казнены по ее приказу, призвали его нанести удар, прежде чем она договорится с императором о вводе в Италию византийских войск. Весной 535 года Амаласунта была

схвачена и отправлена в заключение со строгим режимом изоляции подальше от Равенны, на берега озера Больсена. А вскоре после этого она была убита при загадочных обстоятельствах.

Теперь у Юстиниана был предлог для начала военных действий, и он приготовился напасть на остготов сразу по трем направлениям. Одна часть армии, под началом Мунда, должна была двинуться вдоль побережья в Далмацию, в то время как флоту под командованием Велизария предстояло отправиться якобы к Карфагену, а на самом деле нанести удар по Сицилии. И вдобавок к этому был заключен союз с халкидонскими франками, которым надлежало, согласно договору, пересечь Альпы и атаковать ариан-остготов с севера. Но не все в этом плане сработало. Франки не захотели выступать против остготов, пока не будут уверены в победе, а войско Мунда потерпело неудачу возле города Салона. Флот Велизария, однако, беспрепятственно достиг берегов Сицилии, а именно Катании. К концу 535 года Сиракузы были захвачены, и Сицилия подпала под власть императора. Теперь Теодахад начал прощупывать почву на предмет перемирия с Юстинианом и отправил в Константинополь в качестве посланника Папу, но ему постоянно препятствовали сторонники применения силы при его собственном дворе, выступавшие против каких бы то ни было уступок. Когда к лету 536 года мирные переговоры явно зашли в тупик, Юстиниан приказал Велизарию пересечь Мессинский пролив и двинуться на север, к Неаполю. Сопротивления византийские войска почти не встречали. Местное население – халкидоняне – встречало их с радостью, и, по мере того как они продвигались по территории Калабрии, города один за другим открывали свои ворота перед освободителями. Появились даже дезертиры из войска остготов, вступавшие в ряды армии Велизария. Только достигнув Неаполя, византийцы наконец столкнулись с серьезным сопротивлением. Остготский гарнизон закрыл ворота и несколько недель выдерживал осаду, ожидая подмоги. Но бездарный правитель Теодахад не прислал помощи, и, когда солдаты Велизария нашли способ попасть за укрепления через заброшенный акведук, Неаполь пал. Проведя какое-то время в городе для пополнения запасов, Велизарий двинулся дальше на север. В декабре 536 года он беспрепятственно вошел в старую столицу империи Рим.

До этого момента завоевание Италии шло примерно так же, как покорение Северной Африки, и, когда в начале 537 года весть о взятии Рима дошла до Юстиниана, он, должно быть, решил, что еще одна легкая победа у него в руках. Однако в этот раз сопротивление было куда более жестким. Остготы были озлоблены бездарным правлением Теодахада, и их войско собралось в Регате, чтобы обсудить положение дел. Там королем

был избран Витигес, прославленный полководец, а Теодахад бежал в Равенну, но не успел добраться туда, как был настигнут и убит. Новый король сразу перешел в контрнаступление и в феврале взял в осаду византийские войска в Риме. К этому моменту под началом Велизария оставалось всего только около 5000 воинов, и с ними он должен был оборонять городские стены протяженностью около 18 километров. Тем не менее ценой героических усилий он продержался целый год и еще девять дней, пока, наконец, с востока не прибыло подкрепление. В марте 538 года Витигес снял осаду и отошел на север, преследуемый византийской армией. Войска, отправленные в Ломбардию, взяли Милан, и Витигес вернулся в свой последний оплот, неприступный город Равенну.

Здесь можно было продержаться довольно долго и заставить Юстиниана пойти на соглашение. Ведь в 490-х у Теодориха ушло три года на то, чтобы вынудить Одоакра сдаться. Из Константинополя пришло предложение о мире на том условии, что Витигес уступит всю Италию к югу от реки По, и остготы готовы были согласиться на это. Велизарий, однако, отказался подписывать этот договор, поскольку не видел в нем смысла, если учесть, что полная победа была уже почти у него в руках. Из тупиковой ситуации удалось выйти, лишь когда византийцы прибегли к хитрости. От некоторых остготов, разочарованных поражением Витигеса, пришла весть, что они готовы открыть ворота Равенны, если Велизарий объявит себя императором Запада и восстановит императорский титул, переставший существовать за век до этого. Византийский полководец сделал вид, что согласен, но, когда его войска вошли в город, объявил, что отныне тот находится под властью императора. Таким образом, в мае 540 года Равенна вошла в состав расширяющейся империи Юстиниана.

* * *

Но даже в минуту триумфа находились люди, которые считали, что все идет не так уж гладко. Глядя, как византийские войска входят маршем в Равенну, Прокопий, который во время кампании служил секретарем у Велизария, думал вот о чем:

Мне пришла в голову мысль, что таким образом дела человеческие вершатся не благодаря мудрости людской или каким-либо другим достоинствам, но Божьим соизволением, а потому события происходят не так, как видятся людям...

В своем стремлении к безоговорочной победе, отказавшись от каких-либо компромиссов, Юстиниан и Велизарий переоценили свои возможности. Ради обеспечения войск и снабжения итальянской кампании другие рубежи империи были оставлены почти без защиты, и отступивший к Равенне Витигес предпринял последнюю отчаянную попытку отыграться, воспользовавшись этим. Он нашел двух итальянских священников, которые в обмен на крупную сумму денег согласились доставить на восток его письма к персидскому шахиншаху. Это было долгое и опасное путешествие, в ходе которого нужно было пройти через земли Византии, и к тому же священникам было сложно общаться, когда они попали на территорию Персии. Но им повезло. Никто не стал выяснять, не готы ли они, а добравшись до Фракии, они случайно встретились с переводчиком, знавшим множество языков, который и сопровождал их всю оставшуюся дорогу. Осенью 539 года они прибыли ко двору Хосрова в Ктесифоне и вручили ему послание Витигеса. Посланцы предупредили Сасанидского правителя, что амбиции Юстиниана не знают границ и как только королевство остготов будет покорено, он неизбежно вновь обратит свой взор на Персию. Хосров был связан договором о Вечном мире, заключенным с византийцами семь лет назад, да и едва ли он поверил, что его империя стоит перед лицом серьезной угрозы. Однако возможность беспрепятственно напасть на византийскую территорию была слишком заманчива, чтобы упустить ее. Весной 540 года Хосров вторгся с большим войском в византийскую Сирию и, не встретив никакого сопротивления, осадил город Суру. Его жители отправили к Хосрову посольство во главе с епископом в надежде договориться. Хосров отклонил их условия, но настоял на том, чтобы обратно до городских ворот делегацию сопровождал военный эскорт. Горожане, стоявшие на стенах, были польщены, увидев, какие почести оказывают их епископу, и распахнули ворота, чтобы приветствовать его, но персидские воины, которые были с ним, бросили под ворота большой камень, который привезли с собой, чтобы те не закрылись. По их сигналу вся персидская армия бросилась вперед и ворвалась в открытые ворота. После того как Суру сожгли, а ее жителей пленили, чтобы отдать в рабство, прибыли византийские послы, чтобы напомнить Хосрову о Вечном мире. Когда они ехали вместе по местам побоища, победоносный персидский царь указал посланникам на женщину, которую тащил один из его солдат: она вцепилась в руку своего малыша, который, не в силах устоять на ногах, упал на землю и волочился за ней в пыли. Слезы навернулись на глаза Хосрова, и он гневно вскричал, что Бог должен наказать виновного: он имел в виду, конечно, Юстиниана. Затем он

отпустил послов со словами: «Скажите императору Юстиниану, где вы оставили Хосрова, сына Кавада».

Из Суры Хосров неспешно двинулся далее на запад, и вскоре стало очевидно, что теперь его целью был великий город Антиохия. Юстиниан направил туда своего племянника Германа с небольшим отрядом из 300 воинов, чтобы укрепить оборону. Как и Рим, Антиохия была окружена длинными стенами, и они в целом были в хорошем состоянии. Но, к сожалению, было там и слабое место, где над стеной высилась скала, с которой нападающие могли попасть на укрепления. Обсуждались самые разные решения, в том числе и строительство на утесе башни, соединенной со стеной, но стало ясно, что завершить работы до подхода Хосрова не удастся. А неоконченная стройка сразу подсказала бы Хосрову, где именно в обороне города можно пробить брешь.

К тому времени Хосров был уже в Иераполе, в четырех днях пути от Антиохии. Там его встретила антиохийская делегация во главе с епископом Берои и умоляла пощадить город. Нехотя Хосров сказал, что готов принять выкуп в 100 000 золотых слитков. Но это условие было отклонено Германом, к которому только что прибыли из Константинополя посланники, передавшие приказ Юстиниана не давать противнику никаких денег. Хосров продолжил свое продвижение, захватил и разграбил город Берою, и в июне 540 года, менее чем через месяц после того, как Велизарий захватил Равенну, персидская армия раскинула свои шатры на реке Оронт у стен Антиохии. К тому времени городской гарнизон пополнился 6000 воинов, так что жители были уверены, что сумеют выдержать осаду. Они собрались на стенах и выкрикивали оскорбления в адрес Хосрова, а персидского посланника, который был отправлен к ним с предложением заплатить выкуп, забросали градом стрел. И Хосров отдал приказ атаковать город.

Он сам повел свои войска и основной удар решил нанести именно по тому уязвимому месту, которое легко определил и без помощи византийцев. Гарнизон сосредоточил там лучших воинов, которым помогали молодые горожане, имевшие опыт боевых столкновений между «синими» и «зелеными». Поэтому сначала атака персов не увенчалась успехом, и им не удалось воспользоваться нависающей над стеной скалой, однако потом несчастный случай подорвал оборону. Для того чтобы сконцентрировать как можно больше людей на этом участке стены, защитники соорудили несколько деревянных платформ, подвешенных на веревках между крепостными башнями. Это значительно расширило пространство за стеной, и на нем скопилось большое количество защитников, стрелявших в

персов. Но в результате произошла катастрофа. Те, кто услышал грохот, однако не смог понять, что вызвало его, предположили, что часть стены рухнула, и покинули свои посты. Некоторые вскочили на лошадей и помчались на другой конец города, чтобы бежать через ворота на противоположной стороне, но улицы заполнились толпами женщин и детей, которые, услышав шум, в страхе выбегали из своих домов. Многие из них были затоптаны бегущими воинами. Между тем персы воспользовались брешью в обороне, чтобы приставить к стене лестницы и попасть внутрь. Но они не вошли в город сразу, потому что просто не могли поверить, что можно вот так просто захватить третий по величине город Византийской империи. Они решили, что это какая-то ловушка. Поэтому персы начали показывать оставшимся византийским воинам, что те могут бежать и их не станут преследовать. Многие приняли предложение, и, в то время как персы входили в Антиохию с одной стороны, поток солдат и мирных жителей выходил с другой. Лишь уверившись, что гарнизон защитников покинул город, персы решились занять центр Антиохии. Соппротивление они встретили не от солдат, а от молодых членов команд болельщиков, вооруженных в основном только камнями. Однако те действовали с таким ожесточением, что персы поначалу отступили, но хорошо вооруженные, профессиональные солдаты просто обязаны были взять верх, и в конце концов сражение превратилось в бойню. Изничтожив юных метателей камней, персы повернули оружие против всех, кто остался в городе, не щадя ни стариков, ни детей. Потом началось мародерство. Будучи зороастрийцами, персы не испытывали ни малейших угрызений совести, грабя церкви. Хосров довольствовался тем, что взял лишь из одного храма, поскольку там оказалось более чем достаточно золота, серебра и полированного мрамора, а остальные он оставил своим людям. Когда все, что можно было увезти с собой, собрали, он приказал поджечь город.

Последующее продвижение Хосрова по византийской Сирии напоминало царское шествие. Он встретился с парламентарями, направленными Юстинианом, который предложил щедро заплатить ему золотом за то, чтобы тот вернулся в свои земли. Но поскольку византийских войск, способных угрожать ему, в регионе не было, Хосров задержался в Сирии еще на несколько недель, будто это была увеселительная прогулка. Сперва он отправился на запад, в портовый город Селевкию, где искупался в море. Затем посетил предместье Антиохии Дафну, славившуюся прекрасной лавровой рощей и источниками, а также Апамею. Там ему было дозволено войти в город в сопровождении 200

воинов, чтобы посетить состязания колесниц на ипподроме. Он знал, что Юстиниан болеет за «синих», и потому поддерживал «зеленых», а когда «синяя» колесница едва не пришла первой, он приказал своим людям преградить ей путь, чтобы «зеленая» смогла обойти соперника.

Когда же шах все-таки повел свое войско домой, оно двигалось очень медленно из-за повозок, груженных многочисленными трофеями, и длинной колонны пленных. И несмотря на свое соглашение с послами Юстиниана, Хосров не отказал себе в том, чтобы взимать дань с городов, встречавшихся на его пути, поскольку к этому не было никаких препятствий.

Но падение Антиохии было только началом тех бедствий, которые постигли Византию во второй половине царствования Юстиниана. После захвата Равенны в 540 году положение византийцев в Италии резко ухудшилось. Велизарий был отозван оттуда отчасти потому, что его предпочтительнее теперь было отправить на восток, чтобы защищать границы империи от Хосрова, и отчасти потому, что та уловка, на которую он пошел ради взятия Равенны, вызвала подозрения относительно его верности императору. Как только он покинул Италию, единоличного командующего византийским войском там не осталось. Проблемы начались еще до отъезда Велизария: некоторые из подчиненных перестали выполнять его приказы. Потом же координировать военачальников, возглавлявших разные гарнизоны и отряды, и вовсе стало некому. Полевой армией командовали Бессас и Иоанн, но в Равенне главным был Константин. Недостатки такого механизма командования стали очевидны, когда в 542 году византийцы решили выбить остготов из Вероны. Город был взят штурмом, но военачальники затеяли спор о дележе добычи. Пока они были поглощены перебранкой, остготы собрались с силами и выгнали византийцев из Вероны. Стремясь добиться некоего единства, Юстиниан отправил в Италию нового главнокомандующего, Максимиана. Но по какой-то причине тот доплыл лишь до Адриатического побережья Далмации и задержался там, а ситуация в Италии тем временем неуклонно ухудшалась.

Проблема была не только в конфликтах между военачальниками, но и в том, что они стремительно теряли поддержку халкидонян, населявших Италию. Велизарий умел налаживать отношения с местными жителями и хорошо платил им за продовольствие для византийского войска. В конце концов, он ведь был очень богат и содержал часть византийской армии за свой счет. Его преемники не имели подобных нравственных установок, не отличались состоятельностью и видели в военной кампании возможность обогатиться. Но не только армия начала бесстыдно грабить местное

население. Поскольку теперь Равенна принадлежала ему, Юстиниан решил, что Италия, как одна из провинций империи, должна платить в казну. Он послал туда одного из самых эффективных сборщиков налогов, логофета Александра, прозванного «ножницами» за то, что он якобы мог обрезать края золотых монет, не портя их окружность. Он ввел новые налоги и в то же время стал сокращать расходы, в частности выплаты солдатам. Таким образом ему удалось одновременно оттолкнуть от Византии местное население и подорвать боевой дух армии.

Последствия этого не были бы столь серьезны, останься остготы разобщенными и без верховного правления. Витигеса Велизарий пленил в Равенне в 540 году и увез в Константинополь. Когда стало ясно, что византийский военачальник не собирается объявлять себя императором Западной Римской империи, остготы избрали своим королем правителя Вероны Ильдебада. Тот был храбрым полководцем, но неразумными поступками навлек на себя гнев некоторых из своих подданных. Однажды вечером на пиру, когда сидевший за столом Ильдебад наклонился вперед, чтобы взять еще еды, один из его охранников подошел к нему сзади и отрубил ему голову, оставив обезглавленный труп сидеть с куском в руке. После этого королем был провозглашен Эрарих, но буквально через несколько месяцев он разделил участь прежнего правителя. На престоле его сменил племянник Ильдебада Тотила.

В отличие от своих недолго правивших предшественников, новый король остготов проявил себя как блестящий полководец. Вскоре после того, как летом 542 года византийцы не сумели взять Верону, Тотила сошелся с ними в открытом бою у города Фаэнца. Проявив хитрость, он послал 300 всадников напасть на противника с тыла в самый разгар сражения, и в результате византийцы впали в панику и обратились в бегство, подумав, что им угрожает куда более многочисленное войско. После этого византийские полководцы заперлись за стенами Равенны, а Тотила двинулся через всю Италию, беря город за городом. В 543 году ему покорился Неаполь, в 546-м – Рим, а за ним и то немногое, что осталось у византийцев в Италии, кроме Равенны. Успех Тотилы отчасти объяснялся тем, что он действовал в интересах местного населения. Византийцы несли с собой халкидонскую веру, но они были в Италии чужеземцами. А у герулов, персов и мавров, составлявших большую часть византийской армии, общего с жителями Италии было и того меньше, и Тотила в полной мере воспользовался в пропагандистских целях безжалостными поборами логофета Александра. У тех итальянцев, которые оставались под властью Византии, жизнь была почти невыносимой. Риму, прежде чем он сдался

Тотиле, пришлось выдержать несколько лет осады, в течение которых жители фактически голодали. Некоторые кончали с собой, бросаясь в Тибр. И будто мало было несчастий в Италии, завоевание Северной Африки, которое вроде бы произошло легко и быстро, оказалось не таким полным и безоговорочным. Хотя вандалы были разгромлены, берберские племена остались непокоренными. В 544 году они подняли мятеж, в ходе которого погиб византийский полководец Соломон, заняли большую часть провинции и заставили византийцев укрыться в их крепостях.

* * *

Но не только военные поражения омрачили вторую половину царствования Юстиниана. Она ознаменовалась также беспрецедентными стихийными бедствиями и катастрофической эпидемией бубонной чумы, которая началась в дельте Нила в Египте летом 541 года. Отдельные вспышки чумы не были чем-то необычным, но вскоре стал очевиден небывалый масштаб распространения болезни. В сентябре эпидемия достигла Александрии, а затем распространилась и на Сирию, где свирепствовала особо: целые поселения опустели, урожай остался необранным. К весне следующего года чума пришла и в Константинополь, где погубила значительную часть многочисленного городского населения. Заболел и сам Юстиниан, но выздоровел. В следующем году эпидемия пошла на убыль, но вспышки чумы случились потом и в 558, и в 573 годах.

Отмечен был VI век и серией землетрясений. Антиохия, сильно пострадавшая от Хосрова в 540 году, испытала подземные толчки в 526, 528 и 551 годах, причем в 528-м погибло около 5000 человек. В декабре 557 года землетрясение случилось и в Константинополе, и началось оно около полуночи, когда большинство людей спало. С первыми толчками они выбежали на улицы, но много пострадавших оказалось в беднейших районах города, где дома сразу разрушились. Кое-где колонны высоких зданий силой толчка были выбиты со своих мест и рухнули на близлежащие строения. Толчки ощущались еще несколько дней.

С современной научной точки зрения такая сейсмическая активность была вполне ожидаема, поскольку Константинополь находится в зоне Северо-Анатолийского разлома, а Антиохия – в зоне Восточно-Анатолийского. Однако во времена правления Юстиниана землетрясения происходили так часто и были столь сильны, что современники могли объяснить их только гневом Божиим. Монофизиты, конечно, усмотрели его

проявление в страшной смерти Евфрасия, халкидонского патриарха Антиохии, погибшего во время землетрясения 526 года. Он был наверху, в своем дворце, когда случился подземный толчок: пол обрушился, и Евфрасий упал в котел со смолой, которую использовали изготовители бурдюков, работавшие в подвале здания. Несчастный попал прямо в кипящую смолу, и, когда его нашли, от него осталась только голова, возвышавшаяся над краем котла: все остальное сгорело до костей. Недовольные тяжкими налоговыми поборами, установленными Юстинианом, также сделали соответствующие выводы и, конечно, испытали некоторое удовлетворение, когда один из его главных налоговых сборщиков погиб в результате константинопольского землетрясения 557 года. Его звали Анатолием, и он был в постели, когда началось землетрясение: от стены отвалилась мраморная плита, упала и проломила ему череп. Символичной оказалась и судьба наиболее значимого достижения Юстиниана, нового собора Святой Софии. Во время землетрясения 557 года он устоял, но у основания купола появились зловещие трещины. Были начаты ремонтные работы, однако пять месяцев спустя часть купола обрушилась и разбила алтарь. Пришлось перестраивать купол, делать его меньшего объема, и до 563 года собор был закрыт.

* * *

Юстиниан мало что мог поделать с чумой и землетрясениями, разве что снизить налоги в пострадавших районах. Но поскольку военное положение оставалось тревожным, он вынужден был тратить деньги и снаряжать войска для решения этой проблемы. Одного за другим он отправлял полководцев в Северную Африку на усмирение берберов, пока наконец Иоанн Троглита не разбил их в 547 году. Велизария Юстиниан отправил обратно в Италию для борьбы с Тотилой, но стареющий военачальник уже утратил былую хватку. Он не сумел удержать Рим, который вновь перешел в руки остготов, и, по свидетельству его секретаря Прокопия, занимался в основном тем, что путешествовал на корабле из одного укрепленного прибрежного города в другой, ступая на землю лишь ненадолго. В конце концов ему удалось отвоевать Рим у Тотилы, но вскоре после того, как в начале 549 года его отозвали обратно в Константинополь, Вечный Город был снова утрачен. Дела пошли лучше, только когда новый полководец, евнух Нарсес, прибыл в Равенну, единственный надежный

оплот византийцев в Италии, привезя с собой многочисленное войско и деньги. Это позволило Нарсесу кормить солдат и платить им, не обирая местное население. Поэтому летом 552 года, когда состоялось финальное сражение с Тотилой на плоскогорье Буста Галлорум, Нарсес располагал армией численностью 25 000 человек, включая воинов германских племен, в основном лангобардов и герулов. Тотила избрал такую тактику: изобразить отступление, а затем, когда византийцы ослабят бдительность, бросить на них конницу. К несчастью для него, Нарсес догадался, что он задумал, и, когда остготы перешли в наступление, византийская кавалерия зашла с флангов и окружила их. Около 6000 оказавшихся в капкане остготов погибли, и среди них – сам король Тотила.

Но даже такая серьезная победа не привела войну к концу. Вскоре после битвы Рим был вновь отвоеван и перешел в другие руки уже в пятый раз начиная с 536 года, однако остготы по-прежнему не сдавались. Они избрали нового короля, Тейю, и собрали новую армию. Битва между Тейей и Нарсесом состоялась в следующем году на Молочной горе в Кампании, и остготы вновь потерпели сокрушительное поражение. Тем не менее они все еще удерживали некоторые города. Только когда в 561 году Верона наконец капитулировала, можно было с уверенностью сказать, что Италия полностью завоевана и вернулась в состав империи.

* * *

После бесконечных войн и стихийных бедствий последние годы правления Юстиниана были далеко не так оптимистичны, как его начало. Северная Африка, Сицилия, Италия и даже часть юга Испании вернулись в состав империи, но это стоило многих жизней и колоссальных средств. Никто толком не знал, сколько было потрачено на войны и программу строительства. По свидетельству Прокопия, многие в Константинополе желали бы знать, пуста ли казна или за стенами Большого дворца все еще припрятано немало денег. Юстиниан, естественно, не должен был отчитываться о своем финансовом состоянии. Но его подданные нередко выражали недовольство и вели разговоры о том, что стареющий император уже ничем не управляет. Юстиниану повсюду виделись заговоры с целью свергнуть его, и он слепо расправлялся со всеми вокруг. В конце 562 года был раскрыт план покушения на императора, многих схватили, и среди подозреваемых оказались несколько известных личностей. Даже Велизарий попал под подозрение и был подвергнут опале, хотя уже в следующем году

его оправдали.

Годы шли, и тревога охватывала жителей Константинополя. У бездетного Юстиниана не было никакого очевидного преемника. Через несколько лет после смерти императрицы Феодоры, в один сентябрьский день 560 года улицы города облетела весть, что император не принимает посетителей и уже несколько дней его никто не видел. В скором времени прошел слух о его смерти, и толпы людей устремились к пекарням, чтобы запастись хлебом впрок. К концу дня хлебные лавки по всему городу закрылись, так как в них ничего не осталось. И только тогда выяснилось, что император отменил аудиенции из-за головной боли.

Но панические настроения оказались напрасными. Когда в ночь на 14 ноября 565 года Юстиниан умер в своей постели, передача власти произошла упорядоченно и безболезненно. О смерти императора сообщили его племяннику Юстину, и, когда хор птичьих голосов возносил приветствия восходящему солнцу, тот уже явился в Большой дворец, пройдя через Августеон. Дворцовая стража провозгласила его императором, а патриарх венчал на царство как Юстина II. Днем он проследовал по длинному коридору, соединявшему дворец с императорской ложей на ипподроме, чтобы выслушать приветствия огромной толпы «синих» и «зеленых», которые собрались там, узнав о смерти старого императора. Затем из дворца выдвинулась торжественная похоронная процессия. Тело Юстиниана несли под тяжелым покровом, на котором были вышиты сцены побед над вандалами и остготами. Он был похоронен в храме Святых апостолов в большом мраморном саркофаге. В числе первых деяний нового императора была отмена одной из реформ Юстиниана: он вернул консулат и лично возглавил его.

Итак, после всех потрясений второй половины царствования Юстиниана многие, должно быть, решили, что все пойдет так, как прежде. На западной окраине империи Юстина II, в Равенне, казалось, был восстановлен старый порядок. Правление остготов свергли, и арианские церкви Теодориха стали халкидонскими.

Базилика Сан-Витале, возведение которой началось при Теодорихе, была достроена и освящена при Юстиниане. По обе стороны от алтаря разместились мозаичные портреты императора и Феодоры, властно вззирающих на прихожан. В отличие от конной статуи в Константинополе, эти мозаики сохранились: достойный памятник человеку, который, казалось бы, так много сделал для усиления Византии, но привел ее на грань разорения. А видимость мирной преемственности оказалась обманчива. Очень скоро Византию захлестнула лавина бедствий.

Глава 3

Лавина

Опасность есть не только воздаяние; нет, она ведет к вечной жизни. Давайте же сохранять мужество, и Господь Бог наш поможет нам и уничтожит врагов наших.

Ираклий

Полдень в Александрии, год примерно 607-й. Город пуст, жители прячутся по домам от невыносимой жары. Только два монаха, Иоанн и Софроний, шагают по улицам, направляясь к дому Стефана Софиста. Их дело не терпит отлагательств. Они стучат в дверь, из окна второго этажа высовывается служанка и сообщает, что хозяин еще отдыхает. Могут ли посетители прийти позже? Монахи решают направиться к ближайшему тетрапилону, двум пересекающимся под прямым углом аркам, дарующим желанную тень. В дремотной жаре там нет никого, кроме троих слепых.

Усевшись у подножия колонны, монахи раскрывают свои книги, но их отвлекает от чтения разговор, который ведут три слепца: они рассказывают друг другу, как потеряли зрение. Один заработал воспаление глаз, когда был моряком, другой повредил их, когда был стеклодувом. Третий сперва не хочет рассказывать свою историю, но в конце концов признается, что в молодости промышлял воровством. Как-то раз он увидел пышную похоронную процессию, следующую к церкви Святого Иоанна. Той же ночью он пришел туда, взломал гробницу и осторожно снял с трупа богатые одежды, оставив только саван. И уже собирался уходить с добычей, как вдруг ему пришло в голову, что и саван может пригодиться, и потому он вернулся и стащил его с тела. Но едва он сделал это, как труп внезапно распахнул веки и сел. А потом протянул свои скрюченные руки к остоленевшему от ужаса рабиту и выцарапал ему глаза.

Услышанное производит на монахов такое впечатление, что они решают уйти, оставив срочное дело до другого раза.

Оба эти монаха родом не из Александрии, а из сирийского Дамаска, а постриг приняли в монастыре Святого Феодосия близ Вифлеема. Оттуда они отправились в путь, как это было принято у византийских монахов, и

шли от монастыря к монастырю, посетив гору Синай в Египте, а в 594 году пришли в Иерусалим. В пути Иоанн Мосх записывал назидательные истории, услышанные в дороге, вроде рассказа александрийского слепого, и включал их в свою книгу «Луг духовный», которая, как он надеялся, должна была стать нравоучительным чтением для монахов, отшельников и тех, кто восхищался их образом жизни. Однако с наступлением первых двух десятилетий VII века Мосх и Софроний перестали странствовать для нравственного назидания. Теперь они просто бежали, спасая свои жизни, поскольку империя рушилась.

* * *

Кризис назревал в течение многих лет после 565 года, когда умер Юстиниан. Уже через три года после того, как он был захоронен в его грандиозном мавзолее, в расширившихся границах империи появилась первая трещина. Авары все больше теснили германские племена, жившие к северу от Дуная, и лангобарды решили пойти проверенным путем и, в поисках безопасности, пересекли границу византийской Италии. Едва ли это был беспрецедентный случай, но византийский наместник в Равенне изо всех сил старался уладить дело миром и позволил вторгшимся захватывать в Северной Италии город за городом, сначала, в 569 году, Милан, а затем, в 571-м, Павию. Поскольку военной мощи, чтобы изгнать лангобардов, не хватало, византийцы испробовали все другие способы. Немало золотых монет было отправлено соседям-франкам, чтобы они напали на лангобардов, но те деньги взяли, а свою часть сделки не выполнили. Постепенно ариане-лангобарды оттесняли византийцев к югу, к Равенне и другим городам побережья, завладевая землями, которые с таким трудом были отняты у остготов.

Повсюду наблюдались признаки того, что границы вновь меняются. Небольшая территория на юге Испании, отвоеванная в 550-х, постоянно подвергалась нападениям вестготов, и в 572 году они взяли город Кордова. На востоке Хосров вновь забыл о мирных договоренностях и в 573 году захватил укрепленный город Дару, чем привел в бешенство преемника Юстиниана I Юстина II. Но наиболее тревожным было положение на дунайской границе. В начале своего правления Юстин II чувствовал себя настолько уверенно, что отменил ежегодную выплату аварам, которые вскоре начали активно отстаивать свое господство к северу от Дуная. Однако византийский император просчитался. Стремительные конные

воины, опоясывавшие свои тела цепями и носившие длинные волосы, авары внушали другим племенам, жившим вдоль Дуная, такой же страх, как и византийцам. В 567 году они с помощью лангобардов сокрушили гепидов, а затем повернули оружие против своих бывших союзников и заставили их уйти через Альпы и через границу в византийскую Италию. К 580 году они стали главной силой в бассейне Дуная, а славяне, кутригуры и другие племена платили им дань, признавая их превосходство. Укрепившись на этой территории, авары начали вместе с союзными подчиненными племенами совершать набеги на земли империи. Около 570 года они обратили византийскую армию в бегство, а в 581-м захватили город Сирмий и вернули его обратно, только когда император согласился на ежегодную выплату в 80 000 золотых монет. Однако легкость, с которой авары взяли Сирмий, показывала, что долго мир не продержится. Аварскому кагану было ясно, что он может делать что угодно. Он потребовал, чтобы ему привезли из Константинополя золотое ложе и... слона, существо, которое он никогда не видел. Император трусливо выполнил требование, но, когда ложе и слон были доставлены, каган заявил, что разочарован увиденным, и отослал дары обратно. Набеги продолжились: летом 583 года авары пошли на порт Анхиалос, а в следующем году организовали вторжение своих славянских союзников на принадлежавшие Византии Балканы. Эти нападения превращались в нечто гораздо более серьезное, чем обычные грабежи, по мере того как группы славян начали оседать на землях империи. Правители Византии привыкли отражать на границах угрозы со стороны непокорных племен, но никто не ожидал, что к концу VI века нападения примут такие масштабы и станут столь яростными.

К этому времени империей правил Маврикий (582–602 гг.). Он взшел на трон благодаря благоразумному конституционному соглашению, к которым византийцы никогда не питали особого доверия. У предыдущего императора, Тиберия II (правил в 578–582 гг.), не было сына, который мог бы стать преемником. В августе 582-го врачи сообщили Тиберию, что жить ему осталось недолго. Маврикий только что вернулся в Константинополь с восточной границы, где нанес крупное поражение персам, и Тиберий решил выдать за военачальника свою дочь Константину и назначить его соправителем. В день двойной церемонии император произнес незабываемую речь, заверив своих слушателей в том, что в эти смутные времена им нужен исключительный человек, который поведет их за собой, и этим человеком является Маврикий.

На следующий день Тиберий поел шелковичных ягод, подхватил

инфекцию и умер. А на Маврикия легла задача решить проблему не только аваров на Балканах, но и лангобардов в Италии, а также персов. Вопреки всему это ему почти удалось.

У империи явно не хватало ресурсов, чтобы противостоять всем этим угрозам одновременно, поэтому нужно было определить приоритеты. В Северной Африке обстановка была более-менее спокойной, в то время как в Италии сложилась тяжелая ситуация, но имперские войска были надежно скрыты за стенами Равенны и, кроме того, удержались в Апулии и Калабрии на юге. Соответственно, Маврикий решил на время предоставить эти западные провинции самим себе и занялся проведением административной реформы, которая должна была изменить ситуацию. Отныне Карфаген и Равенна становились экзархатами, правители которых получали полный контроль над военной и гражданской администрацией. Оба они командовали армией, а также собирали с местного населения налоги на финансирование войска. Такие широкие полномочия, с одной стороны, давали им возможность эффективно реагировать на угрозы на своих территориях, но, с другой стороны, отныне экзархи были сами по себе: им давали понять, что просьба прислать из Константинополя дополнительные силы и средства не будет услышана. Обстоятельства помогли Маврикию обезвредить также угрозу на востоке, исходившую от Сасанидской Персии. В 579 году умер грозный Хосров I, а в феврале 590-го новый персидский шах Ормизд IV был свергнут, и его место занял знаменитый полководец Бахрам Чубин. Сын и наследник Ормизда Хосров II бежал, однако, в Византийскую империю и отправил Маврикию послание с просьбой помочь взойти на престол, который принадлежал ему по праву. Маврикий отправил войско, чтобы поддержать Хосрова, и благодаря этому Бахрам был свергнут. А Хосров заключил со своим благодетелем Маврикием договор о вечном мире, согласно которому византийцам также были возвращены города Дара и Мартирополь.

Таким образом, с 591 года Маврикий мог обратить все свое внимание на аваров, и, поскольку попытки решить проблему дипломатическим путем провалились, настала пора действовать силой. Весной 593 года Маврикий направил к Дунайской границе мощное войско во главе со своим лучшим полководцем Приском. Цель кампании была в том, чтобы потеснить славян, которые обосновались на придунайских территориях, и в этом византийской армии, в которую вошли многие из тех, кто вернулся из персидского похода, сопутствовал успех. Авары воспротивились нападению на своих союзников, но византийцы теперь чувствовали себя достаточно сильными, чтобы не принимать их в расчет. В течение 599 года

Приск одержал серию впечатляющих побед над славянами и аварами, среди коих десятки тысяч были убиты или взяты в плен.

Успех, однако, был иллюзорным. Византийцам не удалось нанести решающий удар, поскольку славяне действовали небольшими, трудноуловимыми группами. Лето за летом армии приходилось возвращаться, каждый раз с тем же результатом. Эти военные кампании легли на империю тяжким финансовым бременем. Со времен Рима каждая провинция обязана была платить налог на имущество около одного процента и подушный налог с каждого взрослого. Главный город провинции отвечал за их сбор и передачу в центр. Однако в VI веке череда войн и стихийных бедствий привела к тому, что города и провинции обеднели и все меньше и меньше готовы были платить налоги. А это не давало Маврикию экипировать и содержать эффективную армию. Окончательная победа не давалась в руки, казна пустела, и Маврикий нашел решение обеих проблем, радикальное, но рискованное. В конечном итоге оно стоило ему трона и жизни. Осенью 602 года он приказал балканской армии, которой теперь командовал его брат Петр, не возвращаться, как обычно, на отдых во Фракию. Вместо этого войско должно было отправиться на славянские территории к северу за Дунаем и провести зиму там, преследуя противника, для которого это станет неожиданностью. Предполагалось, что солдаты будут «жить с земли» и таким образом удастся сэкономить, не тратя средства казны на их содержание.

Когда весть об этом приказе разнеслась по византийскому лагерю, начались беспорядки. Многие воины захватили во время летней кампании ценные трофеи и теперь хотели доставить их домой. Бунт возглавил офицер низшего командного состава по имени Фока. Петр, полностью утративший контроль над ситуацией, бежал в Константинополь. Армия последовала за ним, решив свергнуть ненавистного Маврикия. Узнав о восстании, император сперва попытался все скрыть и устроил гонки на колесницах, чтобы отвлечь народ. Вскоре, однако, стало ясно, что жители Константинополя утратили доверие к своему правителю. По улицам ходили толпы «синих» и «зеленых», выкрикивая оскорбительные лозунги и призывая родственника Маврикия, тестя его сына Феодосия, Германа, захватить трон. Вероятно, опасаясь, что войско Фоки впустят в Константинополь его сторонники, находящиеся в городе, Маврикий ночью на корабле бежал вместе с семьей и переправился на другой берег Мраморного моря в надежде дождаться помощи от своего друга Хосрова II, шаха Персии. Жители столицы решили, что бегство императора означает

его отречение. На следующий день патриарх отправился на встречу с Фокой, который стоял лагерем в Эвдомоне, недалеко от западной стены Константинополя, и объявил его императором. После этого Фока триумфально въехал в Константинополь на колеснице, запряженной четырьмя белыми лошадьми, а на улицах его встречали ликующие толпы.

До сих пор передача власти происходила почти бескровно, и, возможно, так все и осталось бы, если бы не вечно враждующие группировки болельщиков. Против Маврикия «синие» и «зеленые» выступали совместно, но, когда он покинул город, между ними вспыхнул спор, где какая группа должна стоять, приветствуя нового императора. Когда Фока отправил войска навести порядок, «синие» начали скандировать: «Маврикий не умер!». Опасаясь, что может начаться бунт, который приведет к восстановлению на престоле его предшественника, Фока отдал приказ убить Маврикия. Его солдаты выволокли бывшего императора и восемь членов его семьи из церкви, где те укрывались, и доставили их в гавань города Халкидон, что напротив Константинополя. Маврикий и четверо его сыновей, младший из которых был еще младенцем, были обезглавлены. Их головы привезли в Константинополь и выставили на всеобщее обозрение на военном плацу, а тела бросили в Босфор. Некоторые из них вынесло потом на берег, их видели проходившие мимо и грызли собаки.

Если Фока полагал, что эта казнь упрочит его положение на императорском престоле, то он жестоко просчитался. Страшная кончина превратила Маврикия из ставшего неудобным государственного деятеля в святого и мученика. Слухи о том, как мужественно он встретил смерть, быстро распространялись. Говорили, что нянька его младшего сына хотела подменить малыша своим ребенком в надежде спасти хотя бы одного из семьи, но Маврикий заметил подмену и настоял на том, чтобы его собственный сын предстал перед палачом. Кроме того, захватив трон и отдав приказ об убийстве, Фока положил конец долгому периоду, начавшемуся с правления Константина, когда власть переходила от императора к императору вполне мирно. Создав прецедент, он стал опасаться, что против него может быть организован контрпереворот, и потому инициировал дальнейшие убийства, избавившись сперва от родственников и ближайших соратников Маврикия, а потом от его жены, бывшей императрицы Константины, и их дочерей. Среди жертв оказались и некоторые из самых успешных полководцев империи, которые вели военные кампании против аваров и персов. Фока еще не знал, что очень скоро ему понадобятся талантливые военачальники.

Весной 603 года новый император отправил посольство в Персию, чтобы сообщить о своем вступлении на престол Хосрову II. Это известие не было встречено благожелательно. Хосров захотел знать, что случилось с его другом и благодетелем Маврикием, и заявил, что при его дворе находится один из сыновей Маврикия, уцелевший после казни. И негодование, и заявление были притворством. На деле Хосров искал предлога, чтобы возобновить войну с Византией. И теперь такой предлог у него был. А пока император пытался упрочить свое положение в Константинополе, персы могли быть уверены, что не получат серьезного отпора. Летом 604 года войско Хосрова перешло границу и захватило город Дара, отданный Маврикию в 591 году. Встречая сопротивление лишь в единичных случаях, персы осаждали города один за другим, в частности Эдессу, и захватывали их.

В то время как иранское войско наседало с востока, авары и славяне также в полной мере воспользовались тем, что византийская армия вернулась в Константинополь. Значительными силами они перешли Дунай и вторглись далеко на юг, дойдя до Пелопоннеса. А поскольку теперь византийская армия не приходила каждое лето, чтобы изгнать их обратно, они начали заселять византийские земли. Фока совершенно явно вел империю к катастрофе, но в Константинополе все сколько-то похожее на протест безжалостно подавлялось. Переворот мог удасться, только если бы начался где-нибудь на периферии. Одной из немногих провинций империи, еще не затронутой вторжением чужеземцев, оставалась Северная Африка, и ее правитель, экзарх Карфагена Ираклий, наладил сношения с недовольными в Константинополе. Ираклий был одним из полководцев Маврикия в войне против персов в 580-е и, по всей видимости, не питал теплых чувств к узурпатору. Он отправил своего племянника Никиту с армией в Египет, а сына, тоже Ираклия, с флотом в Константинополь. Тот, кто прибудет первым, должен был свергнуть Фоку и занять его место на престоле. Первым оказался Ираклий-младший: 3 октября 610 года его корабли подошли к стенам столицы. Если бы им оказали хоть какое-то сопротивление, у Ираклия и его флотилии было бы мало шансов. К тому же Фока предусмотрительно взял в заложницы мать и невесту Ираклия, которые в то время были в Константинополе.

Однако же само присутствие его флота сильно подействовало на городскую оппозицию. В последние месяцы «зеленые» все больше ополчались против Фоки, и теперь они пошли на штурм дома, где держали мать и невесту Ираклия, и освободили их. Дальнейшие уличные беспорядки были предупреждены тем, что рано утром 5 октября два

видных царедворца вошли в покои Фоки в императорском дворце и вытащили его из постели. Они стащили обнаженного императора вниз по лестнице к берегу, где посадили в маленькую лодку и доставили на корабль Ираклия. Представ перед своим соперником, Фока проявил не меньше храбрости, чем когда-то Маврикий. Когда Ираклий начал упрекать его за то, что случилось с империей за последние восемь лет, Фока ответил: «Попробуй править лучше!» Ему отрубили сперва правую руку, потом голову и публично сожгли тело на одной из главных площадей Константинополя. В те часы, когда происходила эта жестокая казнь, Ираклий находился в соборе Святой Софии, где патриарх торжественно венчал его на царство.

А снаружи, на улицах, ликующие «зеленые» жгли изображения Фоки и флаги «синих». Так, насильственным путем, политическое равновесие было восстановлено.

* * *

Произошедшая в 610 году смена власти сумела положить конец насилию в столице, но ситуацию на границах она только ухудшила, так что последние слова Фоки грозили стать пророческими. Набеги аваров и славян участились, они полностью уничтожили город Юстиниана Прима и осадили Салоники. Мощная оборона сдерживала их натиск, но окрестности уже перешли под их контроль. В Италии лангобарды захватили последние оставшиеся византийскими города на побережье Тосканы, а вскоре были утрачены и все владения в Испании. Но хуже всего дела обстояли на Востоке. Хосров II не собирался прекращать военные действия, хотя убийство Маврикия было отомщено, и вторжение в Сирию продолжилось. Весной 614 года войско Хосрова направилось на юг, в сторону Кесарии на побережье Палестины, а затем повернуло вглубь страны и пошло на Иерусалим. Императорских войск, могущих защитить город, поблизости не было, и патриарх Захария хотел начать переговоры с персами, рассчитывая откупиться от них. Но когда иерусалимские «синие» и «зеленые» узнали об этом, они высыпали на улицы, требуя, чтобы город защищали любой ценой. Захария неохотно уступил и взялся организовывать оборону, призвав на помощь войско из находящегося неподалеку города Иерихона. Однако, когда подкрепление прибыло, персы уже стояли лагерем вокруг Иерусалима, и, увидев, сколько их, несостоявшиеся защитники ушли обратно. 15 апреля войско Хосрова начало штурм, используя катапульты,

чтобы метать камни в городские укрепления. За несколько недель им удалось разрушить часть стены, и через пролом они вошли в город. По непонятным причинам персы начали убивать всех без разбора, так что в результате погибли десятки тысяч мирных жителей. Причем к персам присоединились и местные иудеи, которым, видимо, пришлось многое претерпеть за годы господства христианства. Церкви и монастыри были разграблены и сожжены. Выживших, в том числе патриарха, угнали в плен в Персию. Туда же среди прочих трофеев вывезли и Крест Господень, как считалось, тот самый, на котором был распят Христос. Казалось, это предвещает скорый крах и империи, и христианства.

Это катастрофическое поражение было совсем не то, что падение Антиохии в 540 году. Тогда персы забрали добычу и отправились домой. Но в этот раз войско не вернулось в Персию, поскольку целью шаха было завоевание Византийской империи и присоединение ее к своему государству. Иерусалим был передан иудеям, окружающие территории оккупированы. В следующем году персидская армия начала наступление в Египте, а часть ее под командованием Шахина прошла, не встречая сопротивления, через Малую Азию и достигла берегов Босфора, города Халкидона, где 13 лет назад был казнен Маврикий. Оттуда персидские воины могли видеть на другом берегу пролива купола Константинополя. Шахин вскоре ушел с Босфора, но в Египте персы намеревались остаться. Раздираемая междоусобицами Александрия пала в июне 619 года, и таким образом византийцы лишились второго по величине города империи и одной из богатейших провинций. При том что Балканы почти полностью перешли под власть славян и аваров, падение Византии казалось неизбежным. То, что она выстояла, было отчасти заслугой Ираклия. Но имелась и другая причина – все то, что было заложено еще во времена правления Константина и так возмущало Зосиму. Христианская религия, духовность, визуально выраженная через иконы и город Константина Константинополь, – все это сыграло свою роль в момент глубочайшего кризиса.

* * *

Заслуга Ираклия в том, что он сумел обратить поражение в победу, бесспорна, но возникает вопрос: что он делал в течение первых десяти лет своего правления, почему допустил потерю стольких территорий? Отчасти трудность для него заключалась в том, чтобы определить, с каким врагом

бороться в первую очередь. Если Карфаген и Равенну он мог оставить на попечение их экзархов, то в восточных провинциях и на Балканах ситуацию можно было переломить, только направив туда большую армию, но у Ираклия не хватало ресурсов, чтобы выступить против персов и аваров одновременно. В первые годы правления он предпринял несколько попыток разделить своих врагов, заключив мир с одним, чтобы можно было сосредоточиться на другом. Вначале Ираклий попытался договориться с персами, чтобы развязать себе руки и выступить против аваров, но Хосров, предвидя полную свою победу, надменно отверг его предложение. В конце концов в 618 году перемирие было достигнуто с аварами, и ради этого им передали огромные суммы денег и оставили все завоеванные ими земли. Это было смелое решение, и наверняка нашлось немало тех, кто винил императора, отказавшегося от своих подданных и отдавшего их на милость варварам. К тому же даже перемирие с аварами не означало, что Ираклий мог теперь перебросить все войска из Европы в Азию и выступить всей мощью против персов.

Проявив мудрость, император начал войну не сразу. В начале 620-х годов, вместо того чтобы выступить против персов в Сирии, он встал лагерем со своим войском на западе Малой Азии, в одной из немногих областей, по-прежнему находившихся под его властью. Там началась интенсивная подготовка: армию разделили на две части и устраивали между ними тренировочные сражения. Чтобы содержать войско в течение этого периода, Ираклий взял у церкви, как это стыдливо называлось, «взаймы» золотую и серебряную утварь и канделябры и переплавил их в монеты. Но это не было поступком неверующего человека. Он действовал с полного одобрения церковных властей, поскольку сделал все для того, чтобы предстоящая кампания воспринималась как праведная война в защиту веры. Христианство и раньше не подрывало боевой дух воинов империи, как опасался Зосима, но все же война считалась тяжелой необходимостью, особенно в глазах многих иерархов церкви. Теперь же в своих пламенных речах, обращенных к войскам, Ираклий особенно подчеркивал тот факт, что византийцам предстоит сражаться за истинного Бога с неверными, ибо персы были зороастрийцами. Это священный долг, заявлял он, – наказать за преступления, совершенные против христиан в Иерусалиме, – и обещал, что те, кто исполнят его, получат в награду вечную жизнь на небесах.

Благодаря подобным заявлениям Ираклия часто воспринимают как первого крестоносца, однако между идеологией Крестовых походов, которая позже получила развитие в Западной Европе, и тем, как вели войну

против нехристиан византийцы, есть существенная разница. Очевидное отличие заключается в том, что византийское духовенство при этом сохраняло молчание. В то время как на Западе Крестовые походы начал Папа Римский и священнослужители призывали верующих участвовать в них, в Византии такое случалось редко. Хотя именно епископ призвал Юстиниана пойти войной на ариан-вандалов в Северной Африке в 533 году, утверждая, что Бог говорил с ним во сне, никакого духовного вознаграждения тем, кто откликнется на это призыв, Церковь не обещала. Вместо этого византийский император пообещал своим воинам, что Бог вознаградит их усилия. Кроме того, с этой идеологией, основанной на вере в собственное духовное превосходство, соседствовал и своеобразный прагматизм. Византийцы никогда не были склонны к тому, чтобы погибать в бою ради славы, даже если это была битва против нехристиан. В наставлении по военной тактике, написанном примерно в то же время, говорилось, что лучше одолеть врага с помощью планирования и хитрости, а не грубой силы, и избежать сражения. Многие тактики, предлагаемые в этом наставлении, никак не согласуются с романтическими представлениями об овеянных славой Крестовых походах. Посылайте неверные донесения и распространяйте ложные слухи в стане врага, призывает анонимный автор, и тем самым подрывайте его боевой дух. Подбадривайте своих людей, сообщая о победах, якобы одержанных где-то в другом месте, а если кто-то из ваших солдат окажется изменником, сделайте так, чтобы в руки врага попали письма, из которых станет ясно, что этот человек шпион. В глазах византийцев во всем этом не было ни малейшего противоречия. В конце концов, защита христианской империи – дело настолько праведное, что для достижения этой цели годятся любые средства.

Другой характерной для Византии составляющей идеи священной войны были религиозные изображения. Иконы играли в жизни империи все более заметную роль, и теперь Ираклий использовал их и для целей ведения войны. Уже в 610 году, когда он отплывал из Карфагена, направляясь в Константинополь, чтобы свергнуть Фоку, на носу его корабля была икона Богородицы. Теперь же, готовясь выступить против персов, он взял с собой на битву икону Спасителя, якобы не рукотворную, а обретенную чудесным образом. Видимо, это был образ Христа из Камулианы, привезенный в Константинополь в 574 году. Тут Ираклий и Церковь действовали сообща. Когда ситуация стала критической, патриарх Сергей распорядился, чтобы на всех воротах в стенах Константинополя было сделано изображение Богородицы с младенцем на руках. Вероятно,

списаны эти образы были с иконы «Одигитрия» («Указующая Путь»), названной так потому, что на ней Богородица указывает на путь спасения, а именно на Иисуса. Считалось, что икона была написана евангелистом Лукой и что это реальный прижизненный портрет Богородицы и Иисуса. По преданию икона была привезена из Палестины в Константинополь в V веке. Теперь же она заняла свое место на стенах города вместе с его защитниками.

Когда подготовка завершилась, весной 624 года Ираклий отправился на Восток. Возможно, персы ожидали, что император первым делом попытается вернуть часть утраченных территорий в Сирии. Если так, то их армия ждала там Ираклия долго и безрезультатно: он так и не пришел. Вместо этого византийская армия двинулась на восток через Малую Азию и далее на север, в Армению, которая давно была спорной территорией, поделенной между двумя империями. Оттуда византийцы повернули на юг и вышли к незащищенным северным границам самой Персии. Известие об этом прозвучало для Хосрова II как гром среди ясного неба: он призвал свои войска вернуться и защитить родную землю. Однако пока персидская армия находилась в пути, никто не мог помешать Ираклию захватывать и уничтожать персидские города один за другим. Когда его армия подошла к священному для зороастрийцев городу Шиз, Хосров был уже недалеко со значительными силами, но, услышав о приближении Ираклия, решил уйти, избежав сражения. Таким образом, византийские войска смогли войти в город, не встретив сопротивления, и отомстили за разрушение церквей в Иерусалиме, уничтожив храм, где горел священный огонь. Кампания оказалась настолько успешной, что с приближением зимы Ираклий не стал выводить войска на византийскую территорию в Малой Азии, а решил остаться в Армении. Следующей весной византийцы возобновили военные действия. На этот раз персы были готовы, и на перехват войска Ираклия отправились две крупные армии. После долгого преследования по пересеченной местности Ираклий вступил с ними в бой там, где сам счел нужным, и разбил их одну за другой, захватив золотой щит и доспехи одного из полководцев, который бросил их, убегая с поля боя. После этого византийской армии ничто не мешало возобновить свой победный марш по Персии.

В отчаянии Хосров и его военачальники придумали, как заставить Ираклия уйти: они решили действовать его методами и ударить прямо по Константинополю, чтобы вынудить императора вернуться на защиту столицы. К аварам были отправлены посланники с призывом нарушить перемирие и также пойти на штурм византийской столицы. Аварского

кагана не пришлось долго уговаривать, поскольку он уже несколько раз нарушал соглашение, а воспользоваться ослабленным состоянием империи было слишком соблазнительно. Поэтому, когда весной 626 года Хосров направил своего полководца Шахрвараза с большими силами в Малую Азию, авары и их союзники славяне тоже выступили в поход. В начале июня персы подошли к Босфору, а вскоре после этого, на другой стороне пролива, у стен Константинополя оказались и передовые отряды аваров. Союзники могли видеть друг друга и общаться, подавая сигналы огнем. Когда ловушка захлопнулась, в городе воцарилось мрачное настроение. В мае на улицах и в Святой Софии происходили массовые беспорядки и протесты против высоких цен на продовольствие, а к Ираклию отправили гонцов с вестью об опасности, грозящей столице.

Но, несмотря на расчеты Хосрова, это не заставило императора прервать военную кампанию в Персии и вернуться на запад. Вместо этого он отправил треть своего войска на защиту Константинополя, в то время как остальные остались на востоке. Кроме того, он заключил союз с местным тюркским племенем, хазарами, и теперь уже двойное вторжение в Персию продолжилось, несмотря на угрозу в тылу. Константинополь был предоставлен сам себе. Ираклий никогда бы не пошел на такой смелый шаг, если бы не знал, как трудно будет аварам и персам захватить город: для этого им нужно было переправиться через Босфор, а потом взять штурмом оборонительные стены. Возможно, аварский каган мало представлял, насколько хорошо защищен Константинополь, раз он решил, что его войско с осадными машинами сумеет быстро войти в город. К концу июля перед стенами Константинополя были установлены 12 осадных башен и многочисленные катапульты, и начался штурм. Два дня шли жестокие бои. Но аварам не удалось продвинуться, поскольку камни, выброшенные их катапультами, ничего не могли сделать стенам, построенным из массивных блоков известняка. Количественно нападающие сильно превосходили защитников города, но стены были построены таким образом, что штурмовать их, используя осадные башни, было очень трудно. Строители укреплений создали неприступную трехуровневую систему обороны. Главная внутренняя стена имела около 12 метров в высоту. В нее были встроены 96 башен, из которых византийцы стреляли в аваров из баллист и катапульт. Перед ней стояла наружная стена, чуть ниже и с 92 башнями, с которых по аварам тоже стреляли. И наконец, перед стеной был широкий, облицованный кирпичом ров, от 15 до 20 метров в ширину и 5–7 метров в глубину, а со стороны города вдоль него шло еще и ограждение из дерева и кирпича. Противник должен был переправиться через ров и перелезть

через заграждение, и все это под обстрелом, ведущимся с наружной и внутренней стен. Но даже если ему удалось бы сделать это и захватить внешнюю стену, он оказался бы в ловушке, коридоре пятиметровой ширины, отделявшем внешнюю стену от внутренней.

Аварам удалось подогнать часть своих осадных башен близко к наружной стене, заполнив некоторые участки рва, но дальше этого дело не пошло. Моряки, покинувшие свои корабли в гавани, чтобы присоединиться к защитникам города, прислонили к зубчатой стене мачту, к которой была привязана лодка, наполненная горючим веществом. Его подожгли, а затем мачту повернули так, чтобы горящее вещество вылилось на осадную башню аваров, и та загорелась. Видя, что его замыслы сорвались, каган прибег к запугиванию, направив своих посланников с требованием сдать город, если жители хотят сохранить свои жизни и имущество. В противном случае он грозился бросить в бой персов, которые все еще ждали в Халкидоне, на другом берегу Босфора. Византийцы, вероятно, были бы рады перемирию и заплатили бы аварам большую дань, но пойти на полную капитуляцию они не могли. Переговоры сорвались, и осада продолжилась.

Теперь аварскому кагану нужно было выполнить свою угрозу и ввести в бой персов, но сказать это было легче, чем сделать. Две армии разделял Босфор, а флота, чтобы доставить армию союзников на этот берег, не было. Однако авары привезли с собой множество лодок-долбленок. Они были довольно примитивными, но каждая могла доставить с азиатского берега двоих-троих мужчин. Ранним августовским утром эти лодки были спущены в беспокойные воды Босфора и взяли курс на Халкидон. Но как только они отошли от берега, византийский флот из 70 кораблей вышел из бухты Золотой Рог и с легкостью затопил их, а гребцы-славяне либо погибли от стрел, либо утонули. Те же из них, кому удалось доплыть до берега, были убиты по приказу кагана, который пришел в ярость от этого провала. В результате больше всех пострадали славяне, и потому они решили, что с них достаточно. Они начали снимать свой лагерь, выступив таким образом против своих аварских хозяев. Видя, что его силы истощаются, каган вынужден был последовать их примеру, хотя, уходя, его всадники разграбили и сожгли несколько церквей в окрестностях города. Соответственно, персам теперь тоже не было смысла оставаться, и они начали отступать на восток. К середине августа осада закончилась.

Конечно, все вдохновенные речи и военное искусство Ираклия не стоили бы ничего, пади Константинополь в 626-м. Его географическое положение таково, что, лишись Византия столицы, Малая Азия оказалась

бы отрезана от остальных частей империи и не осталось бы ничего, что удерживало бы их вместе. Другого хорошо укрепленного города, который мог бы заменить Константинополь, став центром управления, у византийцев на Востоке не было. Единственными альтернативами могли служить находившиеся на Западе Равенна, Карфаген и, возможно, Сиракузы. Таким образом, империя прекратила бы свое существование к востоку от Босфора и византийцы потеряли бы центр, определявший их культуру и мировоззрение. После того как в 626 году Константинополь все-таки выстоял, вера византийцев в то, что их империя находится под защитой Господа, укрепилась, а город приобрел почти мистическую ауру: считалось, что ему покровительствует Богородица.

Теперь, когда расчеты Ираклия оправдались, он мог снова повести наступление в самом сердце вражеских территорий. В сентябре 627 года он вновь пришел с войсками в Персию и опять застал Хосрова врасплох. Персидский шах думал, что угроза миновала, потому что лето закончилось и время военных походов подошло к концу, так что армия Ираклия успела дойти до древней Ниневии, прежде чем встретилась с войском персов, преградившим ей путь на Ктесифон. Утром 12 декабря 627 года две армии сошлись в битве на широкой открытой равнине, и сражение продолжалось весь день. Ираклий был в самом центре кровавой схватки и получил ранение в лицо. Но в конце концов персидский полководец был убит, и византийцы покинули поле боя с 28 захваченными знаменами. Остатки персидской армии отошли, в то время как Ираклий двинулся к Дастагирду, резиденции Хосрова, где разрешил своим войскам разграбить и сжечь дворец шахиншаха. Сам Хосров, который еще за девять дней до прибытия Ираклия был в этом дворце, бежал ночью и укрылся в сельском доме. Несколько дней спустя преследовавшие шаха византийцы достигли и этого места. Хосров был уже далеко, но Ираклий, по свидетельствам, был поражен, когда увидел узкую дверь, ведущую в дом. Зная, что Хосров был человеком крупным, он поразился тому, что шах сумел в эту дверь войти.

Победа в Ниневии не была решающей. Персидская армия отступила, но уцелела, и Хосров усилил ее еще 3000 воинов. Однако поспешное бегство шаха и неблагоприятное течение войны вызвали недовольство в его собственном окружении. Возник заговор, который возглавил Широ – старший сын Хосрова. Группа заговорщиков захватила власть 23 февраля 628 года. Хосров был убит. Взойдя на престол, Широ почти сразу отправил к Ираклию посланников, прося мира и обещая вернуть все территории, захваченные с 602 года, а также освободить всех пленных, взятых в ходе долгой войны, в том числе и патриарха Захарию и других

несчастных, захваченных в Иерусалиме в 614 году. Посланники также вернули Животворящий Крест и другие похищенные реликвии. Ираклий принял условия мира и отвел войска: он добился того, что хотел. К тому же он знал, что Шахрвараз, персидский полководец, осаждавший Константинополь в 626 году, был не в ладах с шахским двором в Ктесифоне, и понимал, что вскоре в Персии может начаться внутреннее противостояние. В следующем году персы оставили Сирию, Палестину и Египет, и восточные границы Византии вернулись к состоянию на 602 год.

Возвращение Ираклия в Константинополь было исключительно торжественным. На азиатской стороне Босфора, в Иерии, его встречала огромная толпа горожан, впереди которой были его сын Константин и патриарх, все с оливковыми ветвями и свечами. Прибыв в город, Ираклий устроил победное шествие по ипподрому, во главе которого шагали четыре трофейных слона. Но самым волнующим стал праздник победы, устроенный в Иерусалиме весной 630 года, когда Ираклий прибыл туда с Животворящим Крестом, чтобы вернуть его в Святой город. Однако он также хотел свести счеты. Иудеи, часть которых помогала персам, были изгнаны из города и лишены права жить в пределах пяти километров от него. Христиане-несторианцы, секта, которой отдавалось предпочтение, когда город находился под властью персов, лишились своих храмов – их отдали халкидонитам. Однако эти карательные меры были не слишком жестокими. Ведь Ираклий мог позволить себе быть великодушным. Он добился того, чего так редко удается достичь с помощью войны, – безоговорочной победы после многих лет, когда поражение казалось неизбежным. Мало кому из правителей доводилось испытать на своем веку такое торжество. И мало кому доводилось так быстро и безвозвратно потерять все завоеванное, как это случилось с Ираклием.

* * *

Едва закончились празднества, как начали приходить сообщения о нападениях арабов на сирийскую границу. Однако в Константинополе их восприняли не слишком серьезно. Арабы часто совершали набеги в поисках добычи, и это было задачей наместника – собрать силы и изгнать их. Так, весной 529 года арабы добрались до предместий Антиохии, но под напором византийской армии быстро ретировались. И вообще, арабов, хоть они и доставляли неприятности, не считали серьезной угрозой. Они были разделены на небольшие племена и потому не могли собрать большое

войско, как персы и авары. Кроме того, они постоянно враждовали друг с другом, и на это уходили их основные силы. Бороться с ними можно было простым способом: заключить с каким-то из этих племен союз против персов и других арабов. И одно такое союзническое племя было – гассаниды. Его территории вдоль сирийской границы служили буфером против вторжений других арабских племен. Юстиниан приглашал их царя, христианина-монофизита аль-Хариса ибн Джабалу, в Константинополь в 563 году, а Ираклий в 624-м вторгся в Персию, имея среди своих воинов много гассанидов. Таким образом, византийцы традиционно общались с арабами точно так же, как с другими соседними народами, способными доставить проблемы. В любом случае у Ираклия были дела поважнее, чем участие в мелких стычках на границе.

Эффектная победа над персами и возвращение Сирии и Египта означали, что теперь византийскому императору предстояло взяться за решение проблемы, которая тревожила еще Юстиниана и его предшественников: добиться какого-то согласия между монофизитами и халкидонитами. Та легкость, с которой персы завоевывали восточные провинции в период с 613 по 619 год, отчасти объяснялась безразличием местного населения: оно не видело причин противостоять захватчикам и защищать власть, которая считала их веру ересью. Персы умело воспользовались этой ситуацией. Множество иерусалимцев-халкидонитов были убиты, а монофизитов не тронули. Теперь, когда персы ушли с этих территорий и в Александрии и Антиохии были восстановлены византийские наместники, нужно было добиться того, чтобы восточные провинции примирились с правлением из Константинополя. Эта проблема преследовала Византию на протяжении всего ее существования. При всей значимости Константинополя, способствовавшей спасению империи в момент кризиса, сконцентрированные там богатства и власть отталкивали окраинные территории, для жителей которых столица была далекой и чуждой. Императоры успешно налаживали отношения с иностранными захватчиками и привлекали их к защите империи, но добиться того же результата в отношении своих собственных монофизитов было куда сложнее.

Как и многие до него, Ираклий решил испробовать компромиссное решение. В 630 году он встретился с патриархом Антиохии, который был монофизитом, и 12 другими епископами, чтобы выработать доктрину, с которой могли бы согласиться обе стороны. Они пришли к тому, что получило название «моноэнергизм»: к идее о единстве действий Христа как Богочеловека. В июне 633 года в Александрии прошел собор

духовенства, который провозгласил моноэнергизм общепризнанным вероучением. Монофизиты вроде бы были готовы принять его, и в какой-то момент стало казаться, что расколу скоро придет конец. Однако же новая доктрина не устроила халкидонитов, и ее так резко осудили в Константинополе и Риме, что Ираклий был вынужден отказаться от нее. В 638 году на свет родилась новая компромиссная доктрина – монофелитство, идея о том, что, хотя Христос имел и божественную, и человеческую природу, божественная воля едина. Эта инициатива получила еще меньше сторонников, чем предыдущая, ибо она была совершенно неприемлема для монофизитов и устраивала очень немногих халкидонитов. Полный решимости продвинуть ее, Ираклий прибег к силе, и монофизитское духовенство снова было загнано в подполье. К этому времени на первый план снова вышла проблема очередной волны вторжений.

Чего не знали Ираклий и его советники, так это того, что, пока они противостояли персам и занимались теологическими спорами, в никому не известном уголке Аравийского полуострова стремительно развивались судьбоносные события. Весной 627 года, в то время как Ираклий планировал окончательное вторжение в Персию, подходил к концу очередной раунд бесконечных арабских племенных войн. Племя курайшитов из Мекки осадило город Медину. Защитников города, которые численностью сильно превосходили нападавших, возглавлял Мухаммед, сам по рождению курайшит, бежавший из Мекки за пять лет до того из-за своих монотеистических религиозных взглядов. Осада закончилась неудачей. Защитникам удалось сорвать нападение, прокопав сеть траншей вдоль стен, что заставило мекканцев отказаться от своей затеи. Благодаря этой победе известность Мухаммеда среди арабских племен начала расти. Одно за другим они принимали его религиозное учение, которое позже получило название «ислам». К моменту своей смерти в 632 году Мухаммед успел добиться беспрецедентного политического и религиозного единства на всем Аравийском полуострове. И именно это единство в большей степени, чем ислам, представляло серьезную угрозу для соседних государств. Приняв мусульманство, арабы не стали более воинственны. Они всегда жили войной, и ислам не изменил этого. Но он положил конец длившимся веками межплеменным конфликтам и помог создать общее государство. Это единство удалось сохранить и после смерти Мухаммеда, когда его преемником был избран Абу Бакр, первый халиф. И следовательно, вторжение 633 года, которое прошло для Константинополя почти незамеченным, было не обычным набегом одного из племен, но предвестником полномасштабного вторжения.

Осознание серьезности этой проблемы приходило очень медленно. Если арабы вторглись в пределы империи в конце 633 года, то реакция последовала лишь в начале следующего года, когда имперский наместник по имени Сергей пришел с небольшим войском, чтобы изгнать их.

Однако арабы не бежали, как обычно, увозя свою добычу, а остались и дали бой. Сергей был убит, многие из его людей, оставшихся в живых, попали в плен и были угнаны в Аравию. Это было поражение, но не настолько серьезное, чтобы в Константинополе тревожно зазвонили колокола. Находясь в Эдессе, на севере Сирии, Ираклий решил отправить в этой район своего брата Феодора, чтобы тот решил проблему. Когда же Феодор также потерпел сокрушительное поражение, император заменил его полководцем по имени Ваан. Эта замена заставила перемениться и фортуны, и арабы были отброшены и понесли большие потери. Ираклий, вероятно, решил, что угроза отведена, и засобирался обратно в Константинополь.

Однако вывод оказался преждевременным: в начале 636 года арабская армия, невиданная по численности, вошла на территорию империи. Ваан сразу понял, что это полномасштабное вторжение, а не обычный набег, и попросил прислать подкрепление. К нему отправили императорскую армию. Объединившись, два войска представляли собой грозную силу, хотя ее и не возглавлял лично покоритель Ниневии. Византийцы и арабы сошлись в долине реки Ярмук и в течение нескольких недель между ними происходили лишь мелкие стычки. Преимущество было, несомненно, за византийцами, которые имели более многочисленную армию и воевали на своей земле, но недели шли, а постоянные проблемы не позволяли им нанести решительный удар. Погода была против них: ветер дул со стороны арабов, швыряя им в лица песок. В рядах византийской армии начался разброд. В ее составе, как всегда, было много союзников-арабов. И хотя в прошлом они всегда охотно сражались с другими арабами, но на этот раз союзникам недоплатили и некоторые из них стали переходить на сторону мусульман. И ко всему, как и Велизария, Ваану приходилось терпеть постоянные клеветнические слухи, распространявшиеся и при дворе императора, и в его лагере, о том, что он якобы хочет захватить трон. Но в конце концов ничто из этого не привело бы византийцев к поражению. Все решил умный ход арабского полководца, который сделал вид, что уводит свои войска, а ночью вернулся, окружил византийцев и захватил мост, по которому они могли бы уйти. Понимая, что они в ловушке, византийские войска запаниковали и потеряли сплоченность. Теснимые со всех сторон, византийцы гибли тысячами, в то время как арабы упрочивали свое

преимущество. В результате, как и при Адрианополе в 378 году, армия была полностью уничтожена. Лишь немногие сумели вырваться из окружения. Одним ударом арабы сломали сопротивление византийцев. Из долины реки Ярмук мусульмане двинулись на Дамаск, который открыл им свои ворота без боя.

Кажется почти невероятным, что Ираклий, который проявил такую энергию и мужество в борьбе с персами всего несколько лет назад, теперь пребывал в бездействии и лишь наблюдал за происходящим. Он не участвовал в битве при Ярмуке, находясь в это время далеко в Антиохии. А после падения Дамаска, вместо того чтобы попытаться спасти ситуацию, покинул Сирию и отправился на запад. С собою он увез Крест Господень, возвращенный персами в 628 году, тем самым словно открыто признав, что теперь все кончено. На этот раз его возвращение в Константинополь разительно отличалось от возвращения с войны с персами. Когда Ираклий прибыл в Иерию, его не встречали ликующие толпы и лишь один корабль ждал его, чтобы незаметно переправить через Босфор в Большой константинопольский дворец. Но Ираклий отказался вступать на его борт и остался во дворце в Иерии. Известие о странном поведении императора повергло чиновников и видных горожан в беспокойство, и от них прибыли делегации с просьбами к императору приехать в столицу и вернуться к своим обязанностям. Но все было бесполезно. Император оставался непреклонен. Он отправил в Константинополь своих сыновей Константина и Ираклеона, чтобы те присутствовали вместо него на церковных празднествах и на ипподроме, настаивая на том, чтобы потом они вернулись в Иерию.

Не скоро стало ясно, что стоит за апатией императора. Оказалось, что у него развился панический страх воды. И для того, чтобы Ираклий попал в столицу, нужно было предпринять нечто экстраординарное. Вместо корабля, который мог бы перевезти его на другой берег, был собран большой флот. Суда поставили на якорь бок о бок, чтобы образовался мост через пролив. Сверху настелили доски, сотни кустов и других растений выкопали с корнем и посадили в горшки, которые расставили по обе стороны прохода. Когда все было готово, императора убедили сесть на коня и въехать на мост. Листва растений закрывала вид на море. И только тогда Ираклий наконец прибыл в Константинополь.

Тем временем ситуация в Сирии становилась все хуже. Сельская местность находилась в основном под контролем арабов, а города, потеряв надежду на помощь от императора, сдавались им один за другим. Иерусалим был окружен, но горожане, опасаясь повторения событий 614

года, держались в течение двух лет. Выход из этого безнадежного положения нашел городской патриарх, который начал переговоры с халифом Омаром. В обмен на обещания, что христиан и их святые не тронут, городские ворота наконец открыли, и победоносный халиф въехал в них на белом верблюде. Это произошло в феврале 638 года. В следующем году пала Антиохия, вслед за ней Эдесса и Дара. В начале 640 года арабский полководец Амр ибн аль-Ас вторгся в Египет и подошел ко второму по значимости городу империи Александрии. Патриарх и префект города Кир, как и патриарх Иерусалима, надеялся, что византийская армия придет к нему на помощь, но этого не случилось, и ему пришлось вступить в переговоры с арабами. В ноябре 641 года он заключил с ними перемирие на один год, пообещав по истечении этого срока сдать город. А затем в Константинополь были отправлены срочные донесения с просьбой к императору скорее прислать помощь.

Ираклий не предпринял ничего, чтобы остановить надвигающуюся катастрофу, но это не так уж удивительно: к тому времени он был очень болен. Он страдал от водянки, от которой его внутренние органы разбухали и больно давили на мочевой пузырь. Этот недуг и стал причиной смерти императора в феврале 641 года в возрасте 66 лет. Его кончина могла бы стать началом возрождения Византии, но этого не случилось, поскольку Ираклий оставил завещание, согласно которому на престол должны были взойти его сыновья, Константин и Ираклеон, и править совместно. Это было непопулярное решение. В то время как Константин был сыном первой жены Ираклия, Евдокии, которая умерла в 612 году, матерью Ираклеона была Мартина, племянница и вторая жена Ираклия. Женитьба императора на столь близкой родственнице вызвала скандал, и Мартину в Константинополе недолюбливали. Все сходились на том, что истинным преемником Ираклия являлся Константин III, но в свои 29 лет старший наследник был серьезно болен. Большую часть времени он проводил во дворце в Иерии, где климат был для него благоприятнее. Тем не менее он пережил своего отца всего на четыре месяца, и ходили слухи, что его отравила мачеха, Мартина.

С его смертью ситуация стала еще неопределеннее. Перед кончиной Константин III успел отправить письма военачальникам, прося их проследить за тем, чтобы были соблюдены права его сына, девятилетнего Константа. Летом 641 года соединения византийской армии пошли на Халкидон, чтобы потребовать признать Константа преемником Ираклеона. Встревоженные, Ираклеон и Мартина устроили появление Константа на публике, чтобы доказать, что мальчик жив и здоров, и поклялись на Кресте

Господнем защищать его и заботиться о нем. Несмотря на эти заверения, в городе вспыхнули беспорядки, и Ираклеону и Мартине пришлось согласиться на то, чтобы Константин был венчан на царство в соборе Святой Софии в качестве соправителя империи. Солдаты в Халкидоне, которые причиняли огромный ущерб виноградникам за пределами города, должны были быть успокоены щедрыми подношениями из золотых монет. Их командир получил повышение и обещание быть защищенным от любых репрессий. Однако Мартина и Ираклеон могли лишь отсрочить свою злую участь. В начале следующего года произошел дворцовый переворот. Группа заговорщиков захватила юного императора и его мать. Ираклеону отрезали нос. Это не было обычной мезтью, хотя, несомненно, и ею тоже. Физическое уродство означало, что он не мог больше быть императором, и таким образом заговорщики не оставили Ираклеону возможности вновь претендовать на престол. Мартине отрезали язык, что, возможно, символически обозначало конец ее политического влияния. Дальнейшая их судьба неизвестна, но, видимо, их отправили доживать свой век в каком-нибудь монастыре. А на престоле воцарился юный Константин II, который правил, внимательно прислушиваясь к своим советникам – несомненно, тем самым людям, которые свергли Мартину и Ираклеона.

В свете происходивших в Константинополе событий не приходится удивляться тому, что помощь Киру в Александрию так и не была отправлена: большая часть византийского войска была занята, вытаптывая виноградники окрест Халкидона. Сам Кир погиб весной 642 года, и к сентябрю горожане поняли, что дальше держать оборону бессмысленно. Ворота открыли, и арабы вошли в город. Захват не был организованным и мирным. Сразу же после вступления арабов сгорели несколько церквей и знаменитая александрийская библиотека, но тем не менее большинство монофизитского населения радовалось смене власти. Коптский патриарх Вениамин, много лет скрывавшийся в пустыне, торжественно вернулся в Александрию, получив от арабского военачальника Амра заверения в том, что он и его паства могут исповедовать свою веру, не опасаясь преследований.

Но и это был еще не конец. В 645 году Константин II и его советники запоздало отправили флот, чтобы вернуть Александрию. Амр оставил в городе немногочисленный гарнизон, и византийцы смогли высадиться и без особого труда захватить город. Узнав об этом, Амр двинулся туда с большим войском. На этот раз ворота были закрыты, а стены защищали, поэтому ему пришлось идти на штурм с осадными машинами и катапультами. Сделав пробоину, войска мусульман проникли за стену, и

сопротивление византийцев было подавлено. Мануил Аршакид, командовавший флотом, был убит, а уцелевшие корабли отплыли в Константинополь. Византийцы вернулись к ситуации 620 года, когда все восточные провинции были утрачены, только на этот раз навсегда.

В течение ближайших нескольких лет ситуация продолжала ухудшаться. Став полновластными хозяевами побережья Сирии и Египта, арабы начали строить свой флот. Будучи жителями пустыни и не имея соответствующего опыта, они использовали местную рабочую силу и местных же набирали в корабельные команды, и очень скоро их флот готов был выйти в море. В 649 году под руководством арабского правителя Сирии, Моавии, он напал на византийский остров Кипр и захватил и разрушил город Констанцию, древний Саламин. Спустя несколько лет арабы высадились на Родосе. Их пребывание там было недолгим, но они увезли с собой ценную добычу: остатки колосса, бронзовой статуи бога солнца Гелиоса, имевшей 32 метра в высоту. Одно из семи чудес света, она рухнула после землетрясения в 228 году до н. э. и с тех пор лежала на земле. Ее распилили на части, вывезли и пустили на переплавку. А в следующем году Моавия нацелился на Константинополь. Его флот захватил Халкидон и готовился пересечь Босфор, но был рассеян штормом...

Рано или поздно, но византийцам предстояло встретиться с арабами на море лицом к лицу. В 655 году Моавия начал строить в сирийском Триполи другой флот. Дело осложнилось тем, что византийские пленники, содержавшиеся в городской тюрьме, взбунтовались и вырвались наружу. Они побежали вниз, к берегу, подожгли склады и инструменты, а потом захватили несколько судов и отплыли в направлении Константинополя. Несмотря на эту неудачу, Моавия продолжил строительство, а потом направил свои корабли для атаки на города южного побережья Малой Азии. Констант II, теперь уже молодой человек в возрасте за 20, ждал с византийским флотом и встретил арабов близ портового города Финикс, но арабский флот взял в этом бою верх. По свидетельствам, море было красным от крови византийцев, и один из тех, кто поднял восстание в Триполи, умолял императора бежать. Констант отдал царские одежды другому человеку, а сам спешно покинул флагман, перейдя на меньшее быстроходное судно, и скрылся на нем. Тот же, кто взял плащ императора, стоял на носу флагманского корабля и сражался, пока его не окружили и не убили. Констант благополучно прибыл в Константинополь, но флот был разбит, и оставалось только гадать, как долго еще столица будет безопасным местом пребывания. В 626 году персы и авары не смогли взять ее, потому что не имели кораблей. Теперь же это был только вопрос

времени, когда арабский флот вновь войдет в Босфор. С тревогой смотрел Константин со стены, обращенной к морю, на юг, где на горизонте рано или поздно должны были появиться вражеские корабли.

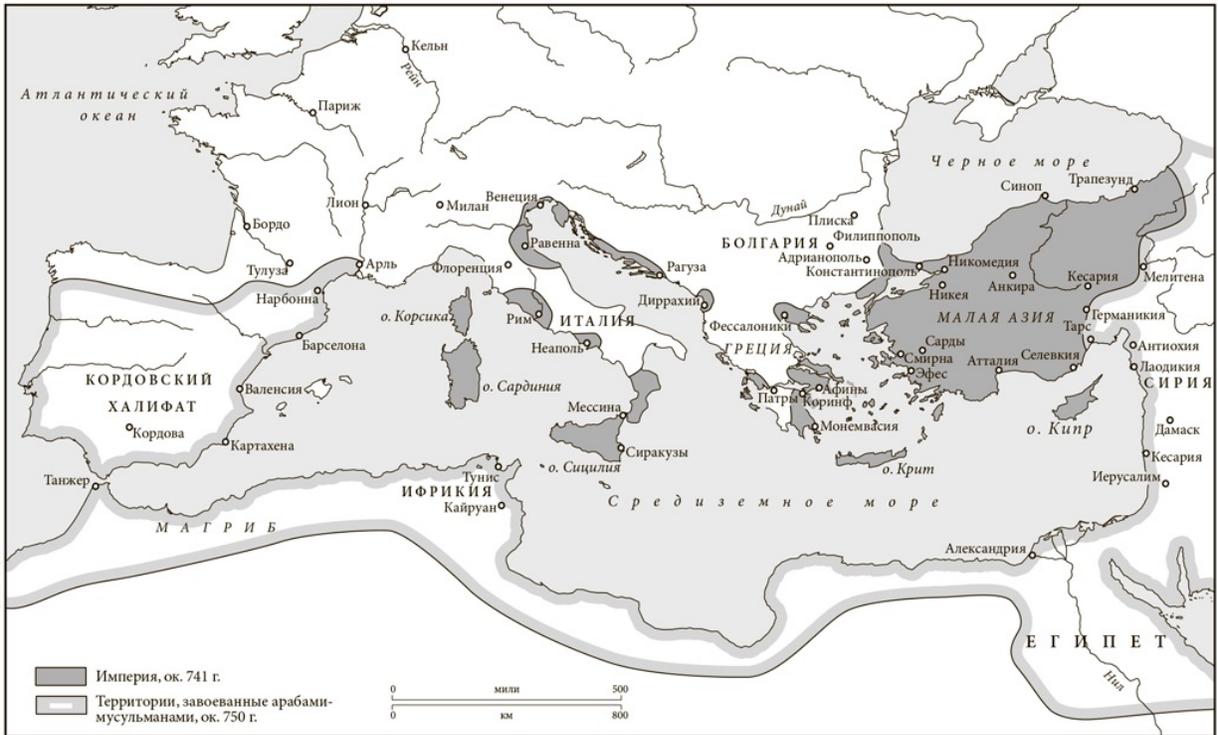
Глава 4

Мир меняется

Никто из тех, кто посвятил себя без остатка делам своей страны и уповал на свой народ, не окончил свои дни хорошо^[3].

Павсаний (ок. 160 г.)

Несмотря на все опасения, через 100 лет после разгрома императорского флота у Финикса Византия все еще существовала – хотя и очень отличалась от той империи, какой она была при Константине и Юстиниане. Размеры ее заметно сократились. Утрачены были не только восточные провинции Сирия, Палестина и Египет: в 697 году арабы вторглись в экзархат Карфаген и положили конец византийскому владычеству, длившемуся с 534 года, когда город был завоеван Велизарием. Больше всего территории оставалось у Византии в Малой Азии: ее земли тянулись там от Босфора до Таврских гор. Остров Крит также все еще был под властью Византии, но Кипр по договору 686 года был признан совместным владением византийцев и Арабского халифата. На Балканах империя сохранила за собой только несколько укрепленных анклавов, таких как города Салоники, Афины, Патры и Монемвасия, расположенные у моря, откуда можно было снабжать их. Все остальное было занято славянами. В Италии Византия также потеряла свои земли, когда в 751 году лангобарды захватили Равенну, положив таким образом конец экзархату и ограничив византийское владычество на юге, в Апулии, Калабрии и на острове Сицилия. С утратой большей части западных территорий использование при дворе латыни утратило всякий смысл, и официальным языком остался только греческий.

Византийская империя ок. 741 г.

За пределами этих сузившихся границ на место старых врагов пришли новые. Государства Сасанидов не осталось: в борьбе с арабами персы оказались еще менее удачливы, чем византийцы. Потерпев в 636 году сокрушительное поражение в битве при Кадисии, они не смогли сдержать арабское завоевание. Последний Сасанид, Йездигерд III, погиб в 652 году, когда пытался тайно бежать. Его убил мельник, позарившийся на кошелек и драгоценности шаха. Вместо Персии Византия теперь граничила на востоке с халифатом Аббасидов, пришедших на смену династии Омейядов. Это была гигантская сверхдержава, которая простиралась от Афганистана до Марокко. Ее столице Багдаду суждено было стать одним из крупнейших городов мира с населением свыше миллиона человек и местом действия многих сказок из «Тысячи и одной ночи». На Балканах могущество аваров было подорвано неудачной осадой Константинополя в 626 году, и они утратили свою власть над славянами. Их место в качестве доминирующей силы в бассейне Дуная заняло другое пришлое тюркское племя, болгары. В 680-х они отправились по знакомому маршруту на юг и пересекли Дунай. Попытка византийского императора изгнать их прежде, чем они осядут и начнут угрожать прибрежным районам, все еще остававшимся под его властью, потерпела фиаско, и болгары смогли прочно закрепиться на территории между Дунаем и Балканскими горами. Они породнились с

местными славянами, переняли их язык и в итоге слились с ними. Возникшее затем Болгарское царство было уже не просто совокупностью разных племен, а мощным единым государством с хорошо укрепленной столицей – городом Плиска. Болгары были язычниками, поклонялись своим богам и, как и Аббасиды в Багдаде, идеологически противостояли христианской власти Константинополя.

Резкое сокращение территории и сопутствовавшие этому потрясения не могли не отразиться на Константинополе. Население столицы сократилось и теперь составляло лишь малую долю того, что было во времена Юстиниана. Отчасти это было политикой государства: из-за постоянной угрозы осады со стороны арабов тех, кто не нужен был для обороны, выдворили из города, ибо с утратой Египта не стало достаточно зерна, чтобы кормить многочисленное население. Дело довершали повторяющиеся эпидемии чумы. Летом 747 года от нее погибло так много людей, что мест для захоронений не хватало, и трупы зарывали в садах и виноградниках. Великий кафедральный собор Святой Софии по-прежнему возвышался над городом, но дни больших строек вроде тех, что вели Константин и Юстиниан, давно миновали.

Однако, хотя империя сильно сократилась в размерах и оказалась в кольце могущественных врагов, бедствия, обрушившиеся на нее, в какой-то степени способствовали ее усилению. Утрата восточных провинций привела к прекращению богословских споров о природе Христа, поскольку на территории империи остались только халкидониты, а монофизиты жили теперь под арабским владычеством. С характерным для него упрямством Констант II все же примкнул к компромиссной доктрине монофелитства, возможно надеясь, что Египет и Сирию еще удастся вернуть. Но его сын и преемник Константин IV (правил в 668–685 гг.) в 681 году отказался от непопулярной доктрины, специально созвав для этого Вселенский собор. Таким же образом сокращение населения Константинополя свело на нет конфликт, длившийся на протяжении двух предыдущих веков. Хотя на ипподроме по-прежнему проводились гонки на колесницах, безумства болельщиков остались в прошлом. «Синие» и «зеленые» превратились в нечто вроде закрытых клубов, основной задачей которых было участие в императорских процессиях и церемониях.

Потеря столь значительных территорий означала также и то, что империя стала более компактной и ее легче было защищать, и особенно это касалось Малой Азии. Если в восточных провинциях на пути захватчиков было немного естественных преград, то Малую Азию заграждали с востока Таврские горы. Тем, кто стремился попасть на запад, приходилось

использовать один из нескольких проходов, например так называемые Киликийские ворота, а потому их передвижения было проще отслеживать и определять, где они планируют нанести удар. Путь на север был легче, но там стояли суровые зимы и перевалы заваливало снегом на несколько месяцев в году, отрезая возможность двигаться дальше. Любой вражеской армии грозила мрачная перспектива провести эти месяцы на негостеприимном Анатолийском плоскогорье, так что лучше уж было отступить обратно. Поэтому арабы предпочитали возвращаться с добычей в жаркую Сирию и возобновлять боевые действия с наступлением весны.

Византийские императоры, правившие после Ираклия, стремясь использовать эти естественные преимущества, реорганизовали армию. Ее больше не держали на границах, а разместили по всей Малой Азии. В то же время прежняя административная система, когда города собирали налоги с окружающих территорий, перестала существовать или, возможно, стала неэффективной. Вместо этого Малая Азия была поделена на семь административных единиц, известных как фемы. На этих территориях, как прежде в экзархатах, гражданская и военная власть были объединены. Каждая фема имела свое войско, и его командующий, или стратиг, был также наместником. Он вел войско в бой, но был ответственен и за сбор налогов, и отправление правосудия. Однако со времен Юстиниана налоговые поступления резко сократились, и нужно было придумать новый способ кормить и экипировать воинов. Вместо денежного содержания им давали землю, на доходы с которой они должны были вооружить себя и купить лошадь.

Теперь им платили только во время военных кампаний, а в остальное время они и их семьи должны были кормиться с хозяйства.

Не ясно, через какие стадии проходило реформирование, прежде чем пришло к столь радикальному варианту, поскольку свидетельства современников о том, как оно развивалось, почти не осталось. Но точно известно, что в 685 году фемы уже существовали, так что созданы они были, вероятно, при Константе II и Константине IV, хотя процесс преобразований продолжался еще долго после этого. В черные, полные отчаяния времена, в VII и начале VIII века, новая система принесла ряд преимуществ. Стратиг был достаточно независим в принятии решений и мог реагировать на внешние угрозы, не дожидаясь приказов из Константинополя: собрать армию, чтобы немедленно отразить нападение арабов. Кроме того, поскольку войска были расквартированы по всей Малой Азии, мобильные конные отряды нападавших не могли проскочить мимо них: они давали отпор, где бы арабы ни собрались нанести удар. И

наконец, хотя земля была предоставлена воинам, она все еще принадлежала империи. Ничто не было отчуждено или утрачено.

Военная и административная реорганизация изменила карту Малой Азии. Некогда процветавшие города Древнего мира, составлявшие основу прежней административной системы, исчезли. Магнесия сократилась в размерах до площади около 300 на 250 метров. Пергам, захваченный и разрушенный арабами в 715 году, так и остался стоять в руинах, которые сохранились до наших дней. Но по мере того, как жители покидали эти места, стал появляться новый тип городов, больше подходивших для жизни в то время. Небольшие поселения возникали вокруг *кастро*, крепости на вершине холма, где жители могли укрыться при приближении арабского войска. Одним из примеров такого города были Сарды в феме Фракиссия. Древний город, находившийся на открытой равнине, был оставлен, а новый вырос вокруг акрополя, где была построена крепость. К ней имелся только один, очень крутой подход, а с другой стороны стояли отвесные скалы, и укрепления были построены со стороны подхода, так что нападавшие могли быть поражены стрелами из амбразур прежде, чем окажутся у стены. Но, пожалуй, самые странные из таких городов-убежищ были обнаружены в Каппадокии, в центре Малой Азии. Там жители воспользовались мягкостью вулканического туфа и выдолбили в нем целые поселения, где были даже подземные часовни и зернохранилища.

Изменилась не только карта империи, но и демографическая ситуация. Византийцы понимали, что человеческие ресурсы важны не меньше, чем территории, и стремились заселять те районы, которые нуждались в укреплении обороны. Поэтому император Юстиниан II (правил в 685–695 гг. и 705–711 гг.) переселил многих жителей приграничного города Германикия на востоке Малой Азии, который вот-вот должны были захватить арабы, во Фракию, где они могли бы защищать подступы к Константинополю от славян. И как и в прошлом, византийцы селили в пределах своих границ поверженных врагов. В 688 году в ходе военной кампании против славян во Фракии Юстиниан II взял множество пленных, и в его войско вступило немало славянских дезертиров. С ними он отправился на юг в город Абидос, что на Дарданеллах, и переправил их в Малую Азию. Оттуда они двинулись севернее и получили земли для поселения в феме Опсикий, несомненно, в обмен на участие в боевых действиях против арабов, когда нужно. Точно так же мардаиты, христианский народ, живший на границе Византии с халифатом, был переселен на европейские земли империи. К 750 году Византийская империя представляла собой по-настоящему многонациональное общество.

Греческий оставался языком власти и церкви, но во Фракии был широко распространен армянский, а в Малой Азии – славянские языки. Такая политика иногда приносила немало трудностей вынужденным переселенцам. Зачастую им приходилось оставлять значительную часть своего имущества, потому что вывезти его было невозможно, и находились люди, которые предпочитали наложить на себя руки, лишь бы не отправляться в чужие земли. Неизбежно существовала опасность, что насильно переселенные люди затаят глубокую обиду на то, что их оторвали от корней, и, когда придет время сражаться за империю, они не станут делать этого. В 692 году византийцы потерпели серьезное поражение от арабов, потому что множество славян из их армии перешли на сторону врага. Однако в мире, где молодые трудоспособные люди были самым ценным природным ресурсом, такой риск был оправдан.

Политика сокращения расходов и административная и военная реформы должны были доказать свою состоятельность, когда набеги арабов на Малую Азию стали повторяться чуть ли не ежегодно. Они становились все более дерзкими, особенно после того, как у халифата появились два важных форпоста. Одним был Тарс к югу от Таврских гор, другим – Мелитена на западе. Обладание последней означало, что теперь арабские войска имели возможность безопасно зимовать, не отступая за горы. Они стали пользоваться этим, чтобы проводить весь год в Малой Азии, переходя с места на место и грабя попадающиеся по пути города. В 726 и 727 годах войско под началом самого халифа отправилось в Малую Азию и захватило Кесарию, а штурмовой отряд был отправлен вглубь византийской территории, чтобы атаковать Никею. Он не смог взять город, но отступил, тяжело грузенный добычей. Не в силах прекратить эти набеги, византийцы думали над тем, как снизить наносимый ими ущерб. Они стали использовать тактику слежения: не вступая в бой, шли за арабской армией, когда та двигалась с добычей в сторону Мелитены и Таврских гор. Таким образом византийцы могли отлавливать отставших и возвращать часть награбленного. Кроме того, они создали систему раннего оповещения – построили на возвышенностях маяки, которые могли предупредить стратега конкретной фемы, что арабы идут одним из проходов в Таврских горах, чтобы у него было время подготовиться к встрече с ними. Новая стратегия оправдала себя в мае 740 года, когда огромное войско арабов возвращалось на восток. Византийские военачальники не стали мешать отходу основных сил, но сумели отрезать два тыльных отряда и почти полностью уничтожили их в битве при Акроиноне.

Такие победы несомненно воодушевляли, но рейды после них не прекращались, и тем более они были бы совершенно напрасны, если бы арабам удалось-таки захватить их главную цель – Константинополь. В 674 году они напали на город с моря. Крупный флот халифата прошел через Дарданеллы и захватил город Кизик на берегу Мраморного моря, от которого можно было добраться до Константинополя. В Кизике к флоту присоединилось войско, которое шло на встречу с ним через Малую Азию. Там флот провел несколько лет, в летние месяцы вступая в сражения с византийскими судами недалеко от стен Константинополя. Возможно, эти испытания на прочность так и продолжались бы неизвестно сколько, но византийцам удалось получить преимущество с помощью необычного оружия. Экипажи арабских судов вдруг заметили, что на кораблях их противников, на носу, появились странные торчащие трубки. И уж, конечно, они никак не ожидали, что эти трубки вдруг издадут могучий рев и из них вылетит пламя. Этот огонь невозможно было погасить, он горел и в воде, грозя быстро охватить любой корабль, на который попадет.

Это был первый задокументированный случай использования так называемого «греческого огня» в морском сражении. Он был изобретен сирийским христианином по имени Каллик, который бежал в Константинополь от арабского владычества и привез свое изобретение с собой. Рецепт «греческого огня» неизвестен, так как по понятным соображениям он держался в строжайшем секрете. Возможно, это была смесь серы, смолы, негашеной извести и сырой нефти, которую специально привозили с Кавказа, где несложно было найти места ее выхода на поверхность. Как эта смесь поджигалась и выбрасывалась через трубу – еще одна загадка, но есть основания думать, что для стрелявших она представляла не меньшую опасность, чем для их противников. Конечно, это не было супероружие, подобное тому, что изменило войны в XX веке, так как стрелявшие с трудом попадали по вражеским судам. Но его деморализующее психологическое воздействие было несомненно, особенно если учесть, что арабы никогда с ним прежде не сталкивались. Вполне возможно, что именно из-за него они приняли решение увести свой флот. И тут на помощь византийцам пришла погода: на пути в Египет вдоль побережья Малой Азии множество кораблей халифата уничтожил шторм.

На самом деле, вероятно, арабы не смогли одержать победу в 670-е не из-за «греческого огня», а из-за того, что не окружили город полностью. Пока флот сражался с византийцами в водах Мраморного моря, сухопутная армия оставалась на азиатском берегу и, похоже, многого не видела, поскольку на протяжении всей осады в город со стороны суши поступало

продовольствие и подкрепление. Это упущение было исправлено почти 40 лет спустя, летом 717 года, когда арабы предприняли наиболее согласованную и опасную попытку взять город. Мощная армия под командованием Масламы ибн Абдул-Малика, сводного брата халифа, прошла через Малую Азию на соединение с флотом, который поднялся по Эгейскому морю к Мраморному. На этот раз сухопутная армия не осталась на азиатской стороне, но переправилась через Дарданеллы в Европу, а затем двинулась на север к стенам, защищавшим Константинополь с суши. Там Маслама приказал выкопать ров и возвести вдоль стен вал, чтобы никто не мог прийти Константинополю на помощь, а флот в то же время установил блокаду с моря. Арабы явно рассчитывали взять Константинополь измором, поскольку надеяться на успешный штурм его стен не приходилось.

С блокадой с суши византийцы не могли ничего поделать, но они ждали подходящего момента, чтобы напасть на корабли халифата. И 1 сентября такая возможность представилась. По Мраморному морю к Константинополю шли большие суда с припасами для войска, осаждавшего город с суши. Они попали в штиль, и течением со стороны Босфора их стало медленно относить назад. Византийский флот, оснащенный «греческим огнем», сразу же вышел к ним навстречу из бухты Золотой Рог. Поскольку тяжело нагруженные арабские корабли не могли быстро скрыться, к ним оказалось легко подойти и поджечь их. Часть горящих кораблей села на мель под морскими стенами Константинополя, часть беспомощно дрейфовала вдоль побережья Мраморного моря, около 20 из них были уничтожены вовсе. Это был успех, хотя он и не привел к прорыву блокады, которая продолжалась в течение зимы 717–718 годов. И конец ей был положен не силой оружия. Причина провала осады была прозаической: невозможность обеспечивать провизией тысячи воинов, что были на кораблях и стояли лагерем в траншее вдоль городских стен.

Случилось так, что зима 717–718 годов оказалась очень суровой, и три месяца земля была скрыта под толстым снежным покровом. У византийцев припасов было достаточно, чтобы выжить, несмотря на блокаду. Они уже несколько лет знали, что нападение неизбежно, и подготовились, а также потребовали от тех, кто не мог заготовить провизию на три года, покинуть город. Воды также хватало, благодаря хранилищам под городскими улицами. Но по мере того, как погода ухудшалась, пищи стало недоставать осаждающим. Попав во фракийскую снежную ловушку, арабы были вынуждены есть ослов и верблюдов, которых привели с собой, а когда тех не осталось, перешли на листья и корни. Поговаривали и о случаях

людоедства. Было сделано все, чтобы наладить поставки морем. Весной 718 года большой флот из более чем 300 кораблей прибыл из Египта, грузенный оружием и провизией, и направился к побережью Мраморного моря. Командующий флотом действовал очень осторожно, так как не знал, нет ли поблизости византийских кораблей, и только с наступлением ночи приказал подвести суда к берегу и встать на якорь. Под покровом темноты гребцы-христиане, коих было немало, решили воспользоваться случаем и угнали несколько небольших судов к Константинополю. Сойдя на берег, они сообщили императору, где находится арабский флот, и с приходом дня византийская флотилия напала на него. Запертые в бухте, без гребцов, арабские корабли стали легкой мишенью. Многие из них подожгли «греческим огнем», часть взяли на абордаж и сняли с них весь груз. После этого положение осаждающих еще больше осложнилось. Арабские фуражиры, которые высадились на азиатской стороне пролива, попали в засаду и были убиты, и в то же время союзники византийцев – болгары напали на арабское войско, и оно понесло многотысячные потери. К лету 718 года стало очевидно, что у осаждающих нет шансов на победу, и в августе арабское войско и флот ушли. Со стороны арабов это была последняя попытка захватить столицу Византии, и провал осады, а также последовавшая в 740 году победа византийцев при Акроиноне показали, что империя хотя и стала меньше и беднее, чем во времена Юстиниана, но исчезать не собирается.

* * *

Своим выживанием Константинополь и Византия в целом были обязаны не только географическому положению, погоде и действенным боевым пиротехническим средствам. В критический для империи момент у ее руля оказались выдающиеся люди. Во время осады 717–718 годов императором был Лев III (правил в 717–741 гг.). Он родился в городе Германикия в Малой Азии, и его семья была среди тех, кого переселили во Фракию во времена правления Юстиниана II. Еще молодым человеком он привлек к себе внимание Юстиниана II, когда в 705 году предоставил 500 овец для войска будущего императора, который вел армию на Константинополь, чтобы отобрать престол у узурпатора. Такая поддержка произвела впечатление на Юстиниана, и он тут же взял Льва к себе на службу. Постепенно возвышаясь, в 713 году Лев стал стратигом крупнейшей фемы Анатолик, а спустя четыре года возглавил

государственный переворот, сверг Феодосия III и взошел на престол. Таким образом, он сам узурпировал власть, но, получив ее, показал себя блестящим правителем. Именно Лев руководил обороной Константинополя во время осады Масламы в самом начале своего царствования, и он же привел византийцев к победе при Акроиноне в 740-м. Кроме того, Лев III был не только талантливым военачальником. Он прекрасно понимал, что невозможно достичь безопасности, одолев арабов на поле сражения, поскольку халифат был слишком могуществен. Поэтому, как и его предшественники, Лев постоянно искал союзников, чье географическое положение позволяло бы наносить максимальный ущерб противнику. Во время осады 717–718 годов он привлек на свою сторону болгар, чьи территории находились в тылу у арабов, без сомнения, хорошо заплатив им за вмешательство. Еще более действенным противовесом арабам могли быть тюрки-хазары, чьи земли располагались на Кавказе между Черным и Каспийским морями, непосредственно к северу от халифата. Как и византийцы, хазары постоянно подвергались набегам со стороны своих арабских соседей и были рады заключить союз против общего врага. Император Юстиниан II стал инициатором этого альянса, женившись на сестре хазарского хана. Лев III укрепил союз, устроив в 733 году брак своего сына Константина с другой хазарской принцессой.

Лев III был выдающимся администратором, а также дипломатом. Он провел целый ряд внутренних реформ, издал свод законов и ввел новую серебряную монету, милиаресион. Он также продолжил развитие системы административного деления на фемы, поскольку не понаслышке знал об одном из ее главных изъянов. Возложенные на стратигов широкие полномочия позволяли им не только быстро и эффективно отражать набеги арабов, но и пытаться узурпировать императорскую власть в Константинополе, что сам Лев с успехом и проделал. Поэтому он раздробил крупную фему Анатолик, тем самым сократив ресурсы, которыми мог располагать стратиг, и лишив кого бы то ни было возможности последовать его собственному примеру. Принятые меры оказались действенными: Лев правил долго, умер своей смертью и оставил престол сыну.

Сын и преемник Льва III, Константин V (правил в 741–775 гг.), второй представитель так называемой Исаврийской, или Сирийской, династии, остался в истории как один из величайших правителей Византии. Правда, жил он в такое беспокойное и опасное время, что сведений о нем дошло очень немного. Письменные свидетельства крайне скудны, нет и прижизненного портрета, вроде мозаики Юстиниана и Феодоры в Равенне,

лишь стилизованные поясные изображения на монетах. На них мы видим человека с короткой бородой и длинными распущенными волосами, в руках у него крест или держава, и выглядит Константин почти точно так же, как и его отец на монетах. Некоторое представление о его характере дают записи, оставленные современниками. Он очень любил смотреть гонки на колесницах на ипподроме, настолько, что приказал изобразить сцены состязаний на Милионе – двойной триумфальной арке, стоявшей на Августеоне. Константин был начитан и грамотен и написал 13 богословских трудов. Возможно, он также любил музыку и именно поэтому в качестве дипломатического подарка отправил королю франков орган.

Но главное, что мы знаем о Константине V, – он думал о том, как сократившейся в размерах Византийской империи выживать в этом новом и опасном мире, в условиях арабской экспансии, с одной стороны, и непрекращающихся волн миграции племен из Центральной Азии – с другой. С утратой стольких территорий было как никогда важно сохранить Константинополь, но в последний год царствования Льва III землетрясение большой силы обрушилось на город. Оно разрушило не только многие храмы, монастыри и статуи, но также и несколько участков стены, защищавшей столицу со стороны суши. Восстановительные работы начались сразу же и были завершены при Константине: на некоторых башнях до сих пор можно увидеть сделанные в память об этом надписи. На протяжении всего правления Константин заботился о своем главном активе – столице. Чтобы восполнить потерю населения после эпидемии чумы 747 года, он привез в нее новых жителей с греческих островов. Когда в засуху хранилища воды опустели, Константин перестроил всю систему водоснабжения. Он восстановил акведук Валента, который сильно пострадал во время аварской осады 626 года. Для этого были привлечены сотни каменщиков и штукатуров из провинции, и вода вновь стала поступать в Константинополь. То, что император смог переселить всех этих людей, кормить их и платить им, означало, что экономика Византии выстояла, несмотря на все перипетии прошедшего века. Казна Константина V пополнялась за счет приличных доходов от налогов, и он мог тратить эти средства на реализацию столь масштабных проектов.

Но какое бы значение ни имела столица, Константин V не впал в заблуждение, как некоторые из последующих императоров, и не считал, что она единственно важна. Как и его предшественники, он постоянно стремился заселять территории, важные для защиты границ. По свидетельствам, именно он поселил 208 000 славян на реке Артана в северо-западной части Малой Азии и столько же христиан-сирийцев и

армян во Фракии – в крепостях вдоль опасной границы с болгарами. Константин понимал, насколько важно противопоставить одну силу другой, чтобы свести к минимуму угрозы своим границам. Он продолжил союз с хазарами, заключенный его отцом, и в 760-х годах Византия пользовалась всеми преимуществами от вторжений хазар в халифат, которые отвлекали арабов от завоеваний. И, как и прежние императоры, Константин понимал значение фем в обеспечении обороны Малой Азии без необходимости содержать постоянную армию, но также осознавал, чем грозит концентрация больших полномочий в руках стратиггов. В самом начале своего правления он едва не был свергнут Артаваздом, стратиггом фемы Опсикий, и даже был изгнан из Константинополя. Только после трех лет войны император сумел подавить бунт, во многом благодаря поддержке войск фемы Анатолик. Не удивительно, что сразу после этого он разделил Опсикий на более мелкие административные единицы, чтобы сократить возможности ее стратиггов.

Но этим Константин не ограничился, и, чтобы в случае очередного бунта ему было что противопоставить войскам фем, создал *тагмату*. Это были несколько небольших элитных полков, которые дислоцировались в Константинополе и его окрестностях и подчинялись непосредственно императору, – преданные ему войска, готовые в случае необходимости выступить против армии мятежной фемы. Чтобы сохранить эту преданность, император заботился о своих людях. Болгарскую кампанию 773 года он объявил «благородной войной», поскольку в ней было мало жертв со стороны христиан. Во время другой кампании, когда часть его кораблей затонула у побережья Черного моря, император отказался покинуть место крушения, пока море не протралили рыболовными сетями, чтобы собрать тела и предать их достойному погребению. Нет сомнений и в том, что Константин был очень популярен среди солдат своей тагматы не только потому, что заботился о них, но также и потому, что сам был чрезвычайно умелым воином и одерживал впечатляющие победы и на Востоке, и на Западе. В 746 году, воспользовавшись гражданской войной в халифате, чтобы перейти в наступление, он повел свое войско через Таврские горы в Сирию, на территорию, куда византийская армия не ступала на памяти живших в то время. Ему удалось отбить город своих предков Германикию, хотя он и не рассчитывал удержать ее навсегда, потому как воевал на два фронта и его присутствие было необходимо в другом месте. Болгары, бывшие союзниками византийцев против арабов в 718 году, теперь стремились расширить свою территорию и в ходе войны 756 года напали на приграничные крепости, которые Константин построил,

чтобы создать там гарнизоны из переселенных сирийцев и армян и защищать византийскую территорию. Когда же Константин отказался платить болгарам дань за эти города, те вторглись на земли Византии и дошли почти до Константинополя, грабя и сжигая все на своем пути. В июне 763 года Константин взял реванш. Пройдя на север вдоль побережья Черного моря, при поддержке мощного флота, он встретил и разгромил болгарское войско в битве при Анхиало во Фракии. Сражение длилось весь день. Свою победу император отметил триумфальным въездом в Константинополь, каких жители столицы не видели со времен Ираклия.

В свете таких достижений можно было бы ожидать, что современники и последующие поколения византийцев относились к Константину V с почтением и любовью. Но нет. В сохранившихся исторических свидетельствах его называют отродьем Сатаны и врагом Христовым. Авторы этих записей – монахи – неизменно добавляют к имени Константина оскорбительное прозвище «копроним», труднопереводимый эпитет, означающий нечто вроде «тезоименитый навозу, калу». Как утверждали недоброжелатели, младенцем, во время крещения, Константин испражнился в купель. Священник не заметил этого и приступил к таинству, начав поливать грязной водой голову ребенка. Но эти брызжущие ядом эпитеты и истории никак не были связаны с военными и управленческими достижениями императора. Дело было в его теологических воззрениях. Константин V был иконокломом – противником икон.

* * *

В VII веке считалось, что иконы Христа, Богородицы и святых сыграли свою роль в спасении Византии от врагов. Ираклий нес икону Спасителя в бой, а патриарх поместил образ Богородицы с младенцем на стену, когда к Константинополю подступили полчища аваров. Иконы стали неотъемлемой частью жизни империи. Они были в каждой церкви, от собора Святой Софии до скромной сельской часовни, будь то великолепная мозаика, более дешевая в изготовлении настенная фреска или просто роспись по дереву. Их роль выходила далеко за рамки простого украшения или визуального наставления. Они сами по себе становились объектами поклонения, им приписывали способность совершать чудеса. Из уст в уста передавались истории, например, о женщине, которая выкопала колодезь, но до воды так и не добралась. Только

когда она опустила вниз икону святого, колодец чудесным образом наполнился водой. Зачастую это было проявлением фанатизма, но правящие круги понимали, что его можно использовать в своих целях. Юстиниан II чеканил образ Спасителя на своих золотых монетах и украсил им Медные ворота, главный вход в Большой дворец, в качестве символа божественного покровительства.

Но, хотя иконы тесно вплелись в ткань византийской жизни, находились и сомневающиеся, как было когда-то в IV веке, когда Епифаний из Саламина не одобрил изображение Христа на занавесе.

Особенно сильны были такие сомнения в районе восточной границы, где города, такие как Германикия, регулярно переходили из рук в руки, то к арабам, то к византийцам. В тех местах христиане хорошо знали, что в Исламском халифате ситуация развивалась в ином направлении. Первоначально к изображениям там относились лояльно, но с наступлением VIII века образы живых существ из исламского искусства исчезли, и оно сосредоточилось на орнаментах и каллиграфии. В 721 году халиф Язид II пошел еще дальше и постановил, что изображения должны быть уничтожены во всех церквях на подвластной ему территории. Смерть Язида в 724 году помешала выполнить этот указ до конца, но было очевидно, что расхождения между исламом и христианством в этом вопросе становятся все более явными. А поскольку арабы успешно расширяли свои владения за счет христианских земель, в Византии нашлись те, кто начал думать, что мусульмане могут быть правы, а христиане несут наказание за нарушение Второй заповеди, запрещающей сотворять себе «идола» и поклоняться ему.

В 720-е годы до патриарха Константинопольского стали доходить слухи о том, что два малоазиатских епископа, Константин из Накоеи и Фома из Клавдиополя, придерживаются неортодоксального взгляда на иконы. Константин отказался преклоняться перед ними, как уже стало привычным, а Фома и вовсе вынес их из своей церкви. Разделяя сомнения этих священнослужителей, Лев III, однако, придя к власти, не стал открыто говорить о своей нелюбви к иконопочитанию, вероятно потому, что слишком хорошо помнил арабскую осаду Константинополя. Но к 724 году среди его советников появились епископ, который разделял его взгляды, и человек, который провел много лет в заключении в халифате, и император стал высказывать свое отношение к вопросу. А событие, которое он считал божьим знаком, подтолкнуло его к тому, чтобы начать действовать. Осенью 726 года произошло мощное извержение вулкана на острове Тира (современный Санторини): в небо поднялся густой столб дыма, из жерла по

всему Эгейскому морю разлетались камни. Лев воспринял это бедствие как проявление божьего гнева за идолопоклонство, распространившееся в империи. Примерно в это время император приказал, чтобы с Медных ворот сняли образ Христа, а несколько лет спустя он низложил Константинопольского патриарха и заменил его человеком, разделявшим его взгляды. Впрочем, дальше этого Лев не пошел. Он не пытался ни удалить иконы из церквей, ни запретить их почитание или наказать тех, кто поклонялся им. Ведь многие поколения византийцев выросли с верой в то, что иконы несут благодать Божью, что их нужно беречь и почитать. И эту глубоко укоренившуюся веру нельзя было уничтожить, издав эдикт. Тем более что Лев получил жесткое предупреждение и знал, что может случиться, если пытаться навязывать свои взгляды подданным. Когда отряд солдат послали снять образ с Медных ворот, на улице собралась враждебно настроенная толпа. Согласно более позднему преданию, одна женщина толкнула лестницу, на которой стоял солдат, снимавший образ: несчастный упал и разбился насмерть, и в тот день было еще несколько подобных случаев. После этого Лев ограничился тем, что установил запрет на религиозные изображения среди царедворцев.

Не таков, однако, был Константин V. Не просто противник икон, как его отец, но ярый иконоборец, активно стремящийся положить конец «идолопоклонству». Это могло быть вопросом личных убеждений, но присутствовал также и политический аспект. Когда летом 741 года стратиг фемы Опсикий, Артавазд, поднял против Константина мятеж, его активно поддержали иконопочитатели, объявив, что теперь, при Артавазде, иконопочитание больше не запрещено при дворе. Когда же в последовавшей за тем гражданской войне Константин одержал победу, он, вероятно, считал иконопочитателей не просто людьми других богословских взглядов, но изменниками. Правда, он действовал осторожно и не пожалел времени, чтобы организовать себе поддержку, но в 754 году созвал 338 священников на собор в летнем дворце в Иерии на азиатской стороне Босфора. После нескольких месяцев обдумывания епископы издали ряд указов, осуждающих почитание икон и тех, кто его отстаивал. Всем, кто отныне стал бы создавать иконы, грозило тяжелое наказание. Иконоборчество стало не просто воззрением, но официальной политикой государства.

При этом собор не заявлял, что все иконы и изображения должны исчезнуть, и никакого массового уничтожения произведений искусства не последовало. Их устранение происходило постепенно, по мере того как церкви и другие здания подвергались ремонту и реконструкции. Одной из

первых стала церковь Святой Ирины, неподалеку от собора Святой Софии, поврежденная во время землетрясения 740 года. Апсиду здания, где раньше была изображена Богородица с младенцем, теперь украсил простой крест. Церковь Богородицы во Влахернах также была восстановлена во времена правления Константина. Это был очень известный храм, поскольку в нем хранилась драгоценная реликвия, риза Богородицы, и, следовательно, внутри он был богато украшен мозаиками со сценами из жизни Христа. По приказу Константина они были сбиты и заменены изображениями деревьев, цветов и птиц – именно так византийские церкви украшали в прошедшие века. Но никакой спешки не было. Патриарх Константинопольский, разделявший взгляды Константина, только в 768 году убрал изображения Христа и святых со стен своей официальной резиденции.

О правлении Константина осталось так мало письменных свидетельств, что трудно понять, чего именно он хотел достичь. Возможно, император был недоволен не только иконопочитанием, но и другими переменами, произошедшими в византийском христианстве за несколько последних веков, и пытался вернуться к прежней, более простой версии религии. Поэтому он ополчился не только против визуального выражения религиозных убеждений, но и против другого феномена византийского христианства – почитания святых людей. Особенно усердно Константин V боролся с отшельниками и монахами. В противовес традиционному их почитанию император безжалостно с ними расправлялся. Андрей Каливит, публично осудивший Константина V и сравнивший его с языческим императором Юлианом и арианом Валентом, был засечен бичами до смерти. Стефан Новый, отшельник, живший на горе в Малой Азии, был схвачен и привезен в Константинополь. Солдаты из Константиновской тагматы обвязали его ноги веревкой и волочили по улицам, пока тот не умер. Возможно, император нацелился на святых людей не только потому, что они не разделяли его отношения к иконам, но и потому, что не одобрял той важной роли, которую они стали играть в византийском обществе. Константин называл монахов «мраконосителями» – любопытный отголосок высказываний язычника Зосимы, – и многие из его карательных мер, казалось, были направлены на то, чтобы именно их унижить и опорочить. Так, летом 766 года он собрал группу монахов и заставил их ходить по кругу ипподрома, при этом каждый держал за руку женщину-монахиню, а толпа зрителей смеялась и издевалась над ними. Еще одним излюбленным наказанием было сбривание бород у монахов – лишение их того, что в Византии считалось признаком мужественности. Несколько монастырей в

Константинополе были закрыты и стали использоваться под другие нужды. Монастырь Христа Спасителя в Хоре, что рядом с городской стеной, стал доходным домом, другие превратились в казармы для воинов тагматы. Правитель, который столь неустанно заботился о людских ресурсах для защиты империи, вполне мог быть недоволен тем, что так много мужчин выбирают монашескую жизнь и таким образом избегают военной службы.

Такие воззрения оказались губительны для посмертной репутации Константина, поскольку почти все сохранившиеся свидетельства того периода были сделаны монахами-иконопочитателями. И когда дело дошло до описания его смерти, авторы превзошли самих себя. В августе 775 года Константин вновь отправился на войну с болгарами, но задолго до того, как его армия достигла границы, император заболел: у него на ногах появились язвы. К тому моменту, когда Константина доставили в порт Силимврия на Мраморном море, у него уже была горячка. Его внесли на корабль, который отплыл в направлении Константинополя. По просьбе умирающего возносились молитвы Богородице, но Константинополя император так и не достиг. Один летописец радостно утверждал, что, умирая, Константин воскликнул: «Еще живой я предан неугасемому огню!» – а затем добавлял, что в своих злодеяниях тот преуспел не хуже древних тиранов. Но все это, конечно, было написано позже. А в то время Константина оплакивали как великого императора, и он был погребен со всеми почестями в мраморном саркофаге в храме Святых апостолов.

* * *

Противостояние иконоборцев и иконопочитателей могло вызывать язвительные насмешки по поводу того, что византийцами правит человек, не согласный с их религиозными взглядами, но этот раскол, похоже, не имел для империи столь трагических последствий, как разногласия между монофизитами и халкидонитами. В целом империя в эти годы успешно сопротивлялась внешним врагам и проводила консолидированные реформы, которые позволили ей сохраниться. И в конце концов, несмотря на могущество Константина V, победителями в этом противоборстве оказались иконопочитатели, ибо за ними было одно важное преимущество. Даже когда иконопочитание было объявлено в Константинополе вне закона, христиане за пределами столицы отказались признать эти изменения. В Италии, где власть императора была в лучшем случае непрочной, Папа был убежденным иконопочитателем. Вскоре после снятия образа Христа с

Медных ворот Константинополя ему было отправлено распоряжение удалить все изображения из церкви, но Папа отказался выполнять его. Вместо этого он созвал на собственный собор 93 епископа, чтобы одобрить роль священных изображений. Представитель Льва III в Италии, экзарх Равенны, попытался повлиять на ситуацию, послав в Рим своего человека, чтобы убить Папу, но заговор был раскрыт, и убийцу схватили. Следующие Папы придерживались той же позиции: представители папства не присутствовали на соборе в Иерии в 754 году, а иконопочитателей-беженцев ждал в Риме теплый прием. Не в силах повлиять на Папу, император отомстил, выведя из-под его юрисдикции Сицилию и Южную Италию и тем самым лишив его значительной доли доходов.

Как ни странно, меньше всех пострадали от императоров-иконоборцев христиане, жившие под властью мусульман. Они могли наиболее свободно выражать свои взгляды. Халкидониты– патриархи Александрии, Антиохии и Иерусалима выступали против иконоборчества и, как и Папа Римский, отказались присутствовать на соборе 754 года. А самым влиятельным из иконопочитателей был Иоанн Дамаскин, христианин, который занимал высокое положение при дворе халифа, а затем удалился в монастырь Святого Саввы близ Иерусалима. Там, в 730-е годы, он написал влиятельный богословский труд «Три слова в защиту иконопочитания».

В основу догматического обоснования иконопочитания у Иоанна легли две идеи. Согласно первой, восходящей к Платону и неоплатоникам, изображение выступает символом и связующим звеном. Иоанн проводит различие между самой иконой и лицом, изображенным на ней. Почитание иконы, утверждает он, не является идолопоклонством, поскольку молитвы адресованы не дереву, на котором написана икона, а святому, пребывающему вне ее. Далее Иоанн опровергает тот аргумент иконоборцев, что любое изображение Христа представляет только его человеческую сущность, тем самым косвенно отрицая Божественную природу Спасителя. В качестве контраргумента Иоанн связывает иконопочитание с вочеловечением Христа. Только принимая иконы, утверждает Иоанн, можно принять истину вочеловечения Христа. Если же вы отрицаете, что Христос может быть изображен красками на дереве, то тем самым отрицаете также, что он мог существовать во плоти. Чтобы подкрепить свое утверждение, Иоанн ссылается на Преображение на горе Фавор, когда Божественная слава воссияла вокруг Иисуса и его ученики преклонили колени и молились ему. Они молились не плоти и крови человеческой, в которой был явлен Христос, но Богу, который пребывал вне его, и то же самое происходит с иконами. Таким образом, делает вывод

Иоанн, иконопочитание не только законно, но является неотъемлемой частью православной христианской веры.

Подобные доводы служили поддержкой иконопочитателям, но едва ли могли быть приняты во внимание властями, пока был жив Константин V или его сын и преемник Лев IV (правил в 775–780 гг.), разделявший взгляды отца. Тем не менее немало сторонников иконопочитания оставалось даже при дворе императоров-иконоборцев. Так, Лев IV обнаружил, что некоторые из его царедворцев тайно молятся пред иконами, и, более того, нашел две небольшие иконки, спрятанные под подушку, в спальне своей жены. Императрица Ирина была родом из Афин, города, который остался в составе Византии, несмотря на господство славян на Балканах, и в котором преобладало иконопочитание. Ей удалось избежать мужниного гнева, видимо потому, что она сделала вид, что не знает, откуда взялись эти иконы. А вскоре, в сентябре 780 года, Лев IV скоропостижно скончался в возрасте всего лишь 30 лет.

Сыну почившего императора, Константину VI, было всего 10 лет, и в таких случаях в Византии было принято, чтобы мать мальчика становилась регентшей и правила при участии советников. Так произошло и с Ириной. Учитывая ее приверженность иконопочитанию, она, должно быть, восприняла это как ниспосланную свыше возможность изменить официальную политику по отношению к иконам, но в начале своего регентства не решалась открыто предпринимать какие-либо шаги в этом направлении. Неодобрение иконопочитания оставалось официальной доктриной, имевшей много сторонников, в то время как группа царедворцев начала открыто выступать за то, чтобы вместо Ирины и ее сына на престол взошел дядя мальчика, Никифор, младший сын Константина. Весной 781 года на стороне Никифора выступил стратиг Сицилии, и пришлось отправить на остров флот, чтобы подавить мятеж.

Только по прошествии четырех лет Ирина почувствовала себя достаточно уверенно, чтобы начать действовать. Начала она с того, что написала Папе Римскому о том, что хотела бы положить конец расколу в Церкви по вопросу отношения к иконам и созвать для этого собор. К тому времени патриархом Константинополя стал человек близких ей взглядов, Тарасий, и многие епископы также готовы были поддержать официальное возвращение к иконопочитанию. По повелению Ирины архиерейский собор был созван в храме Святых апостолов, крупнейшем церковном сооружении Константинополя после собора Святой Софии. На него прибыли папские прелаты и патриархи Александрии и Антиохии, а сама императрица и юный император присутствовали при начале обсуждения, наблюдая с

балкона. Однако без тагматы Ирина не имела веса. Обсуждение было прервано громким стуком в двери: в церковь ворвались солдаты с обнаженными мечами. Верные памяти Константина V, они грозили убить патриарха и всех, кто вмешивался в веру православную. Ирина отправила своих личных воинов вниз, чтобы они восстановили порядок, но солдаты отказались уходить, и патриарх вместе с поддержавшими его епископами вынужден был удалиться. Те же епископы, что остались, радовались вместе с солдатами тому, что собор не состоялся.

Очевидно было, что мощную поддержку иконоборчеству нужно устранить. Для этого было объявлено об угрозе арабского нашествия. Тагмату услали из Константинополя на Восток, а в столице, наоборот, разместили войска из фем. А затем тагмату разоружили. Семьи солдат были выдворены из Константинополя и отправлены к ним, и им был дан приказ возвращаться в свои дома, так как их служба больше не требовалась. Новое элитное воинское формирование набиралось под командованием офицеров, преданных Ирине. Но несмотря на это, когда собор возобновился, Ирина предпочла провести первые его заседания в Никее, подальше от Константинополя, где иконоборцы могли устроить демонстрации. В главном городском храме собрались 367 святых отцов, и дебаты начались снова. Вероятно, Ирина созвала туда епископов–иконопочитателей, понимавших, что их задача – восстановить поклонение иконам, но они искренне попытались дать этому убедительное богословское обоснование. Святые отцы обсудили труды Иоанна Дамаскина и включили приведенные им аргументы в постановления собора. Обращались также к более ранним авторитетным источникам, чтобы доказать, что иконопочитание не было новшеством, но практиковалось христианами на протяжении многих веков. Старые авторитетные труды были внимательно изучены и подвергнуты сравнению, чтобы убедиться, что никто не переписывал тексты и не делал в них более поздних вставок. Завершив эту работу, собор вернулся в Константинополь и провел заключительное заседание в зале Магнавра в Большом дворце. Именно там в 787 году постановления собора, который стал известен как Второй Никейский собор или Седьмой Вселенский собор, были оглашены публично. Они грозили проклятием всякому, кто не поклонится священным изображениям или будет называть их идолами. Вскоре после этого образ Христа был вновь помещен над Медными воротами.

Однако это не положило конец спорам. Немедленной резкой ответной реакции со стороны иконоборцев не последовало, но спустя поколение череда поражений, которые византийцы потерпели от болгар во времена

императора Льва V (правил в 813–820 гг.), привела к отмене в 815 году постановлений Никейского собора якобы потому, что Бог наказывал византийцев за их идолопоклонство. Непокорных монахов и епископов, не захотевших принять эти изменения, отправили в изгнание. Еще один император-иконоборец Феофил (правил в 829–842 гг.) зашел дальше и приказал вырезать у двух монахов на лицах надписи, сообщавшие, что те распространяют ересь. До конца жизни монахи должны были ходить с этими надписями. Чаще, однако, противников иконоборчества ссылали на острова в Мраморном море, где они не могли доставить никаких неприятностей. Свидетельств массового уничтожения образов в ходе этого второго периода иконоборчества немного. Затем маятник качнулся в обратную сторону, и история повторилась. Когда в 842 году император Феофил умер, его сыну Михаилу III было всего два года. И снова регентом стала вдова покойного императора, и вновь она оказалась тайной иконопочитательницей. Как и Ирина, императрица Феодора якобы хранила святые образы в своей спальне, а застигнутая придворным шутком за молитвой, избежала разоблачения, убедив его, что она просто играла с куклами. Но в отличие от Ирины Феодора действовала без промедления и уже в 843 году созвала новый собор, вернувшийся к постановлениям 787 года – на этот раз навсегда. К этому времени иконоборческое движение уже стало угасать, и недовольства, такого, с каким столкнулась Ирина, когда созвала собор в храме Святых апостолов, не последовало. Однако мир и гармония не воцарились и после этого. Не успели византийцы согласиться с тем, что почитание икон есть православный догмат, как начались споры по поводу того, насколько великодушны должны быть победившие иконопочитатели и как поступить с бывшими иконоборцами, в частности епископами. Патриарх и люди умеренных взглядов считали, что те должны быть просто изгнаны из своих епархий, а фанатики требовали расправы. Разногласия не прекращались долгие годы, пока не возникла другая проблема, затмившая прежнюю. Но Византию постоянно сотрясали теологические споры: это было составляющей политического процесса.

* * *

Долгий конфликт по поводу икон был сугубо внутренним и никак не отражался на продолжавшейся борьбе Византии с арабами и болгарами. Однако он и его исход имели глубокое влияние на искусство, культуру и сознание себя византийцами. В течение 20 лет после восстановления

иконопочитания империя стала богаче и пребывала в большей безопасности, чем в течение столетия до этого. В 816 году был заключен мир с болгарами, а в 863 году византийская армия одержала блестящую победу над арабами в битве при Посоне: эмир Мелитены погиб, все его войско было уничтожено. Арабские набеги на Малую Азию стали реже, и в условиях большей стабильности доходы от налогов увеличились. Росту торговли способствовало то, что купцы со всех концов света оценили преимущество географического положения Константинополя на стыке важных торговых путей – Шелкового из Азии и морского из Западной Европы. Арабы доставляли специи, благовония, ковры, фарфор и драгоценные камни, а также изделия из стекла; итальянцы везли древесину, золото и шерсть; русы – воск, мед, янтарь, мечи и меха; болгары – холсты и мед. Шелка приносили огромные барыши в Западной Европе, а меха – в Арабском халифате. Константинополь стал оживленным торговым центром, где товары из одной части света продавались или обменивались на товары из других краев. И хотя занимались этим в основном иностранные купцы, византийский император извлекал выгоду, взимая таможенный сбор в 10 процентов на ввоз и вывоз товаров и получая таким образом высокий и надежный доход.

Впервые со времен Юстиниана у императоров появились средства, которые можно было тратить на реализацию грандиозных проектов, и вторая половина IX века ознаменовалась настоящим строительным бумом: в Константинополе и провинциях возводились великолепные новые церкви и монастыри. В правление Михаила III (842–867 гг.) был завершён новый домовый храм-часовня в комплексе Большого дворца. Известный как храм Богородицы Фарской (Богородицы маяка), из-за своей близости к маяку на оконечности мыса Константинополь, он не впечатлял размерами. Тех, кто увидел его после освящения в 864 году, поразило богатство внутреннего убранства, на которое не пожалели средств. Пол был из белого мрамора, колонны, которые поддерживали купол, из яшмы и порфира – редкого камня пурпурного цвета, использовавшегося только для императорских нужд, – а двери покрыты серебром. Тому, что этот небольшой храм так богато украсили, была причина. Он стал хранилищем наиболее ценных приобретений императоров – собрания святынь. Среди них были части Креста Господня, привезенные Ираклием, когда он отступал перед лицом арабского вторжения в Сирию, а также плащаница Христа, его терновый венец, копье, которым его пронзил центурион, небольшой пузырек с кровью Спасителя, часть ризы Пресвятой Богородицы и голова Святого Иоанна Крестителя.

Но украшение храма было не просто дорогостоящим: оно соответствовало новой тенденции в изображении святых. В его пространстве доминировали две огромные мозаичные фигуры. Одна – Богородицы с распростертыми руками – находилась в апсиде в дальнем конце. Другая – глядящего вниз Иисуса Христа – располагалась в центре купола. По сути это были огромные иконы, к которым обращались проходившие там богослужения, а стены храма покрывали изображения апостолов, святых и мучеников. Но не только внутреннее убранство храма отражало роль изображений для византийского богословия и богослужения. Через 80 лет к собранию добавилась новая реликвия, привезенная из Эдессы полководцем-победителем. Это был Мандилион – древний кусок ткани с нерукотворным изображением Христа, полученным, когда сам Спаситель приложил плат к лицу. В глазах иконопочитателей это было неоспоримым доказательством законности и каноничности изображений, раз уж сам Бог во плоти создал одно из них. Это рассеивало все сомнения, порождаемые культурой ислама или доводами иконоборцев. Теперь византийцы были непоколебимо уверены в своей религии, неотделимой частью которой стала визуальная культура.

Еще одним значимым проектом времен правления Михаила III была реставрация мозаики Богоматери с младенцем в апсиде собора Святой Софии. Предположительно в какой-то момент она была заменена на простой крест, как в церкви Святой Ирины, но к весне 867 года ее восстановили, снабдив торжественной надписью: «Изображения, которые обманщики здесь низвергли, благочестивые правители восстановили». Во время проповеди при освящении мозаики патриарх Константинопольский Фотий подчеркнул неразрывную связь икон и православия. Только через иконы, по его словам, можно воспринять евангельскую истину и вочеловечение Иисуса Христа. А те, кто ответственен за иконоборчество, относятся к «полуварварским и растленным родам» и не могут считаться ни ромеями, ни даже христианами.

Это мировоззрение нашло отражение во всех других церквях, возведенных в этот период, в частности в пятиглавой Неа Экклесиа, или Новой церкви, построенной между 876 и 880 годами, и церкви монастыря Мирелейон, датируемой 930-ми. По сравнению с собором Святой Софии и храмом Святых апостолов, это были небольшие церкви, внешне очень простые, безо всяких украшений. Другое дело – их внутреннее убранство. Все пространство этих церквей было покрыто изображениями: будь то мозаики, настенные росписи, иконы в иконостасе или изображения на занавесе, закрывавшем от прихожан алтарную часть храма, – молчаливое

собрание святых, взирающее на молящихся. Церковь, по сути, сама стала «изображением» царствия небесного, предвкушением того, что истинно верующий будет испытывать после смерти.

Так спустя столетие после смерти Константина V его попытка отвлечь народ от того, что он считал идолопоклонством, провалилась окончательно, и иконопочитатели сделали все от них зависевшее, чтобы он вошел в историю как тиран и нехристь. Но, несмотря на все их усилия, память о нем и его заслугах, позволивших Византии выжить вопреки всему, не была уничтожена полностью. Солдаты тагматы, которые ворвались в храм Святых апостолов в 786 году, возможно, сделали это не потому, что были непримиримыми иконоборцами, а потому, что не могли видеть, как дело рук их вождя и героя уничтожается. К 813 году империя вновь зашаталась после поражения от болгар, которых Константин V сдерживал столь эффективно. Когда пришла весть о том, что болгары захватили город Месембрия во Фракии, охваченная паникой толпа бросилась в храм Святых апостолов. Вскрыв двери императорского мавзолея, люди упали на колени перед гробницей императора-иконаборца, моля его встать и вновь выступить против врага. По городу пронесся слух, что мертвого императора видели скачущим верхом на коне на запад, туда, где лютовали враги. Такого власть потерпеть не могла. Городской наместник прибыл в мавзолей и арестовал зачинщиков. А позже, после восстановления икон в 843 году, саркофаг вывезли из церкви, а кости давно умершего императора вынули из него и сожгли на одной из главных площадей Константинополя. Так Византия отплатила одному из величайших своих правителей, лишь потому, что его взгляды отличались от тех, что стали догмой православия.

Глава 5

Покорение Севера

[Русы] грязнейшие из творений Аллаха... Они не моют своих рук после еды, но они, как блуждающие ослы.

*Ибн Фадлан, арабский путешественник
(922 г.)*

Вторник 18 июня 860 года начался для жителей Константинополя как любой другой день. Императора и его главных советников не было в столице. Вместе с войском они переправились через Босфор и двинулись на Восток, в Малую Азию, отражать набег арабов. Никаких вестей или предупреждений о других угрозах не поступало, и казалось совершенно безопасным оставить город на эпарха (градоначальника) и небольшой гарнизон. В бухте Золотой Рог, как обычно, кипела жизнь: у пристани толпились купеческие галеры со всех уголков Средиземноморья. Вдруг все увидели дым, поднимавшийся над морем на востоке: что-то горело в проливе Босфор и на Принцевых островах в Мраморном море. Те, кто поднялся на городскую стену, смотрящую на море, чтобы выяснить, что происходит, с ужасом увидели флот из 200 кораблей, курсирующих вдоль азиатского берега. С них на сушу сходили вооруженные люди и нападали на разбросанные там беззащитные поселения. Сам Константинополь, окруженный стенами, был в безопасности, но в отсутствие армии невозможно было ничего сделать, чтобы помешать пришлым разграбить пригороды. К императору отправили гонцов, а после этого единственным, что оставалось, была молитва. Толпы собрались в западной части города у Влахернской церкви Богородицы, где размещалась драгоценная реликвия, риза Богородицы, которая, по преданию, в 626 году помогла спастись от аваров. На город опустилась тьма, но на расстоянии были видны огни. На следующий день к толпе молящихся присоединился сам патриарх Константинопольский Фотий. Он распорядился вынести покров Богородицы из церкви и процессией обойти с ним городские стены в сопровождении гимнов и литаний. К концу дня, когда святыню вернули в церковь, корабли исчезли так же внезапно, как появились.

Когда группы разведчиков осторожно вышли за пределы укреплений, стали ясны масштабы резни. Трупы были повсюду, писал Фотий:

...лежал вол и около него человек, дитя и лошадь получали общую могилу, женщины и птицы обагрjali кровию друг друга ... мертвые тела загноили нивы, стеснили дороги ... лощины и овраги нисколько не отличались от городских кладбищ.

Но кто устроил эту резню? Это не были старые враги, арабы, так как флот пришел с севера, а не с юга. Это был, как писал Фотий, «неименитый» народ, на который прежде обращали мало внимания. Во всяком случае в Византии. В Европе-то его знали очень хорошо. На Константинополь напали те же люди, которые в течение многих лет сеяли хаос на побережьях Англии, Франции и Ирландии, – скандинавские викинги. В начале века, в то время как датчане и норвежцы отправились в своих ладьях на Запад, шведы пошли на Восток, пересекли Балтийское море и, пройдя еще много по суше, основали город Новгород. Они называли себя «росами», что, возможно, происходило от скандинавского слова «гребцы». От этого наименования пошло их более позднее название – русы, или русские. Из Новгорода они двинулись на юго-запад, по Днепру спустились к стоящему на холме городу Киеву, где создали другое свое постоянное поселение, правя местными славянами и постепенно смешиваясь с ними и перенимая их язык. Именно русы из Киева напали на Константинополь летом 860 года.

* * *

Византийцы были захвачены врасплох не потому, что они не подозревали о существовании русских. В течение нескольких десятилетий эти свирепые воины плавали вниз по Днепру к Черному морю, а оттуда в Византию. Поначалу, однако, их намерения не были враждебными: они приезжали в Константинополь торговать. Весной привозили воск, мед, янтарь и меха, а осенью их корабли уходили, груженные дорогими шелками и специями. Почему они вдруг решили напасть на Константинополь, мы уже никогда не узнаем. Возможно, возник какой-то спор за право торговли или из-за таможенных пошлин, а может, они успели заметить, что поселения на берегах Босфора совершенно не защищены. Что бы ни спровоцировало нападение, оно оказалось для его жертв полной

неожиданностью.

Теперь византийцы вынуждены были считаться с угрозой с севера, с востока и запада и переосмыслить всю свою оборонительную стратегию. С тех пор как в 622 году Ираклий принял решение сосредоточить свои силы против персов, византийские императоры уделяли больше всего внимания самой, как казалось, серьезной угрозе с востока. Ведь там им приходилось противостоять обширной и мощной империи – сначала Сасанидской Персии, а затем Исламскому халифату. Осады 674–678 и 717–718 годов угрожали не только Константинополю, но и существованию империи в целом. При этом на западе византийская территория граничила с землями славян, которые, освободившись от аварского господства, заняли южную часть Балканского полуострова и не стремились к дальнейшей экспансии. Находившееся севернее Болгарское царство было более агрессивным, однако после поражений, которые оно понесло от проклинаемого, но очень эффективного императора Константина V, перестало быть такой серьезной угрозой. И хотя славяне продвинулись далеко на юг, заняв Пелопоннес, византийцы сохранили свое присутствие в этом регионе в укрепленных городах, таких как Салоники, Афины и Монемвасия. Более того, на протяжении VIII века казалось, что они смогут вернуть большинство из утраченного на Балканах, о чем в восточных провинциях невозможно было даже думать. В конце VIII – начале IX века военные экспедиции отправлялись во Фракию, Македонию и Фессалию, и войска византийцев доходили до самого Пелопоннеса. Славянские племена не смогли оказать им согласованное сопротивление и в конечном итоге были вынуждены признать над собой власть императора. К 850 году вся территория современной Греции была под властью Византии, так что земли империи простирались теперь от Константинополя до Пелопоннеса. Чтобы заселить эту область, из Южной Италии привезли грекоговорящих поселенцев, и постепенно греческий сменил здесь славянские языки. В авангарде этого почти бескровного завоевания были отшельники и монахи, а не солдаты. Они бродили по отдаленным горным районам Пелопоннеса в качестве странствующих проповедников, обращая в христианство последние изолированные поселения славян. В свете этих успехов казалось, что с Запада не стоит ждать таких угроз, как с Востока.

Однако в IX веке картина мира изменилась. Угроза с Востока стала ослабевать. В халифате Аббасидов нарастали внутренние проблемы, и набеги в Малую Азию совершались все реже. Уничтожение арабской армии в битве при Посоне в 863 году показало, что теперь византийцы могли дать арабам отпор, и к концу IX века между Византией и халифатом был

достигнут некий *модус вивенди*. Приграничные рейды и пиратские нападения еще случались. В 820-х годах арабские войска высадились на Крите и Сицилии и в конечном счете завоевали оба острова. В 904 году арабский флот захватил и разграбил Салоники. Но эти потери не угрожали существованию Византии, как во времена Великой арабской осады Константинополя. На фоне усиления безопасности на Востоке поражение 860 года продемонстрировало появление новой угрозы с другой стороны.

За полвека до этого еще более серьезное поражение Византия потерпела от болгар. Вернув в состав империи южную часть Балканского полуострова, византийцы вполне могли рассчитывать на то, что им удастся сделать то же самое на севере и вновь отодвинуть границу к Дунаю. Поэтому, когда болгарский каган Крум вторгся на их территорию и захватил византийскую крепость Сердика, император Никифор I (правил в 802–811 гг.) решил дать жесткий отпор. В мае 811 года он пришел на земли Болгарского царства с огромной армией, в состав которой входили и тагмата, и солдаты из фем Малой Азии. Видя численное превосходство противника, Крум отправил послов просить о мире, но Никифор был настолько уверен в победе, что отверг их предложение. В июле вторжение продолжилось. Византийская армия дошла до Плиски, подавив всякое сопротивление, захватила город и уничтожила гарнизон. Деревянный дворец Крума был захвачен нетронутым, и в нем обнаружили многие сокровища, которые Никифор раздал своим солдатам. Затем дворец и город сожгли, и армия Никифора двинулась на юг, чтобы отвоевать Сердику. Для этого, однако, надо было преодолеть Балканские горы и пройти через местность, которая давала преимущество защитникам. Когда медленно двигавшаяся колонна византийцев пробиралась через ущелье, передовой отряд к своему ужасу обнаружил, что выход завален стволами деревьев, перекрыт частоколом и удерживается болгарами. Как потом выяснилось, другая часть болгарского войска закрыла второй выход из ущелья.

Какое-то время солдаты еще не догадывались о том, что оказались в ловушке, а офицеры были уверены, что эта новость не распространится. Войско разбило в ущелье лагерь и два дня дожидалось, какой следующий ход сделает Крум. В последнюю ночь болгары устроили страшный грохот, угрожающе стуча мечами по щитам, и, услышав в темноте эти звуки, солдаты поняли, что окружены значительными силами, и чувство ужаса и обреченности охватило их. На рассвете следующего дня болгары напали на византийский лагерь. Очень скоро император и многие его старшие советники были убиты, и сражение превратилось в бойню. Византийская армия была раздроблена, каждый пытался спастись сам. Некоторые

пробовали прорваться через заграждения, где болгары не оставили воинов – все участвовали в нападении на лагерь. Пробраться через поваленные стволы и ветви деревьев было трудно, и спасающиеся бегством солдаты подожгли их. Но те, кому удавалось пробраться через расчищенные огнем участки, падали в ров, оказавшийся за заграждением, и там многие сгорели или были задавлены теми, кто падал сверху. Сыну Никифора Ставракию удалось скрыться, но он был так тяжело ранен, что через полгода умер. А тысячи его товарищей так и не выбрались из ущелья. Когда все было кончено, Крум приказал разыскать тело императора и отрезать ему голову. Ее насадили на кол и пронесли по кругу, чтобы все могли видеть ее. Позже из черепа Крум сделал чашу, украшенную серебром, и пил из нее на пирах.

Уничтожение армии в Балканских горах было не менее серьезным поражением, чем то, что византийцы потерпели под Адрианополем в 378 году, и в краткосрочной перспективе оно привело к новому витку иконоборчества: в панике император постарался смягчить гнев Божий, вызванный, как он решил, идолопоклонством византийцев. В долгосрочной же перспективе это заставило византийцев задуматься над тем, как сдерживать угрозу с севера, – то же произошло позже, в 860 году, после нападения русов. К новым врагам надо было применить ту же тактику, которая уже не раз спасала империю в прошлом. Как и всегда, первой реакцией на поражение было укрыться за неприступными стенами Константинополя. Разбив в 811 году византийскую армию, Крум смог беспрепятственно дойти до Фракии, но его продвижение остановилось, когда перед ним встали стены византийской столицы. Тут ему пришлось довольствоваться грабежом окрестностей города. В последний раз, в 814 году, он пришел хорошо подготовленным, собрав 10 000 волов, чтобы тащить множество осадных машин и катапульт. У него были даже тысячи повозок, покрытых огнестойкими железными пластинами на случай, если византийцы решат использовать «греческий огонь». На этот раз, однако, осадные орудия так и не были пущены в дело. Крум как раз наблюдал за подготовкой к осаде, когда неожиданно у него изо рта, носа и ушей хлынула кровь. Это было внутреннее кровоизлияние. Он упал на землю замертво, и его лишившаяся предводителя армия поспешно отступила.

Удача и мощные стены Константинополя спасли византийцев и от русов в 860 году, но они понимали, что нельзя бесконечно полагаться только на крепость стен и Божью помощь. Требовалось заключить соглашения, которые заставили бы неприятеля прекратить нападения, и у византийцев было что предложить: золотые монеты и торговые привилегии

на международных рынках Константинополя. И болгарские, и русские купцы привозили в византийскую столицу свои товары, и обещание снизить ставки таможенной пошлины было мощным инструментом торга. Благодаря ему в 816 году удалось заключить с новым болгарским ханом Омуртагом мирный договор на много лет. Но усадить за стол переговоров русов оказалось куда сложнее. Около 907 года они вновь напали на Константинополь. Под предводительством князя Олега, который объединил под своей властью Киев и Новгород, их флот прошел по Босфору, поджигая церкви, монастыри и поселения, встречавшиеся ему по пути. Только в 911 году удалось, наконец, заключить с русскими договор, причем на чрезвычайно выгодных для них условиях. Русские купцы были освобождены от уплаты обычной 10-процентной таможенной пошлины на все товары, ввозимые и вывозимые из Золотого Рога. Кроме того, им было отведено специальное место проживания в предместье, в квартале Святого Маманта, расположенном на европейском берегу Босфора, к северу от Золотого Рога. Там на шесть месяцев в году им предоставлялось бесплатное жилье и, как было указано в договоре, возможность мыться в банях, сколько захотят. Тем не менее настороженность, с которой византийцы относились к своим торговым партнерам, отразилась в другой статье договора. Русским было разрешено въезжать в сам Константинополь только через одни ворота, без оружия, в количестве не более 50 человек одновременно и в сопровождении императорского чиновника.

Столь щедрые условия договора были чрезвычайной мерой, и византийцы ждали, когда их можно будет пересмотреть. В случае с русскими это удалось в 941 году, когда князь Игорь решил вернуться к старому и напасть на Константинополь с моря. Как и в 860 и в 907 годах, был выбран подходящий момент: византийская армия и флот находились в другом месте, и оставалось всего лишь 15 ветхих кораблей, стоявших на верфи в бухте Золотой Рог. Их спешно отремонтировали и подготовили к бою. Когда суда русов встали на якорь, а их команды высадились на берег, византийские корабли вышли в море и начали обстреливать их «греческим огнем». Орудия для его метания были размещены не только на носу, но и на корме, и по обоим бортам. Один за другим вражеские корабли загорались, люди прыгали с них за борт, спасаясь от огня. Игорь отдал приказ, чтобы его ладья уходила на север. Неглубокая осадка позволяла ей держаться близко к берегу и таким образом избежать преследования. Но большинство русских не смогли пойти за ним, так как оказались отрезаны, и укрылись на азиатском берегу, где несколько месяцев спустя их добила вернувшаяся византийская армия. Теперь договор можно было пересмотреть, и в 944

году охладившие свой пыл русские согласились на это, потеряв освобождение от уплаты таможенных пошлин.

Поскольку неравноправные договоры были лишь временным средством, византийцы постоянно искали союзников, которым можно было бы заплатить и держать в резерве для нападения на болгар и русских, если в этом возникнет необходимость. В случае с болгарамид лучшими кандидатами на эту роль были народы, жившие к западу и северу от них и опасавшиеся быть захваченными своими соседями, – сербы, хорваты и венгры. Против русских можно было мобилизовать старых друзей византийцев – хазаров: через несколько месяцев после нападения 860 года к ним отправилось посольство, чтобы заключить соответствующее соглашение. Наконец, идеальным союзником против обоих государств был еще один тюркский народ, который мигрировал на запад по степям Азии, – печенеги. Их земли тянулись по обоим берегам Днепра, и они могли как ударить по северной границе Болгарии, так и отрезать русским выход к Черному морю. Каждый год хану печенегов делали «подношения» в виде золотых слитков, чтобы купить его верность и готовность в случае необходимости взяться за оружие.

Те же тактики долгое время применялись для нейтрализации угрозы со стороны арабов. Стены Константинополя спасли город в 674–678 и 717–718 годах, но, кроме того, от халифата удавалось откупаться выплатами ежегодной дани. Заключали с арабами и торговые соглашения, и специально для арабских купцов в Константинополе была построена мечеть. На протяжении многих поколений альянс с хазарами на севере создавал противовес халифату. Однако в 850-х и 860-х годах кое-кто в Константинополе начал задумываться о принципиальных различиях между врагами империи на востоке, на западе и на севере. Благодаря этим различиям к последним можно было найти иной подход. Среди тех, кто так считал, был человек, который, будучи в сане патриарха, стал свидетелем нападения русов на Константинополь в 860 году, – Фотий.

* * *

Один из талантливейших и умнейших людей своего поколения, Фотий, однако, едва ли мог надеяться стать патриархом, поскольку в возрасте далеко за 40 еще не был рукоположен даже в сан простого священника. Представитель состоятельной константинопольской семьи иконопочитателей, сохранившей свои убеждения во время второй волны

иконоборчества, он после возвращения иконопочитания в 843 году сделал карьеру, став царедворцем. Двор, при котором Фотий служил в 850-х, был довольно странным местом. В теории правителем был Михаил III, но император мало интересовался делами управления. Его главным увлечением были гонки на колесницах, и он предавался любимому занятию не только как зритель, но и как возничий. Местом его увеселений был не главный ипподром, а берег небольшой гавани Святого Маманта на Босфоре, где русским было разрешено разгружать свои корабли. Там находился дворец и небольшой ипподром, где император и его друзья могли состязаться вволю не на глазах у публики. Император всегда выступал за «синих». Даже известие о грядущем нападении арабов не могло помешать начавшимся состязаниям. После наступления темноты устраивались разгульные вечеринки, и ходили слухи, что Михаил и его друзья даже устраивали пьяные и кощунственные представления литургии.

Поскольку император так часто пребывал вдали от двора и был озабочен лишь собственными удовольствиями, управлять империей приходилось другим. Сначала это была его мать, Феодора, регентша с 842 года, правившая при поддержке Феоктиста, одного из дворцовых евнухов. Когда Михаилу исполнилось 15, его начала возмущать материнская опека, и недовольством юного императора воспользовалась группа царедворцев во главе с братом императрицы Вардой. Заговорщики устроили засаду, захватили Феоктиста, когда тот вышел с заседания дворцового совета, кинули его в подземелье, а потом убили. Лишившись главного советника, удрученная Феодора решила отойти от дел. Через несколько месяцев после убийства Феоктиста, весной 856 года она созвала сенат, отчиталась в состоянии государственной казны, чтобы доказать свое добросовестное правление, а затем отказалась от регентства и удалилась в монастырь.

После этого дворцового переворота Михаил пожаловал Варде титул кесаря и возложил на него задачу управления империей. Таким образом наиболее значительные достижения периода царствования Михаила после 856 года были заслугой Варды и его фракции. Например, византийскую армию, когда она разгромила эмира Мелитены в битве при Посоне в 863 году, возглавлял брат Варды, Петронас. Кроме того, несмотря на кровавый путь, приведший его к власти, Варда был покровителем искусств: именно при нем был достроен храм Богородицы Фарской и начались работы по восстановлению мозаики Богоматери с младенцем в апсиде собора Святой Софии. Также он был сторонником светского высшего образования на основе изучения греческих классиков. За несколько столетий до этого Василий Кесарийский и другие утверждали, что эти произведения, хотя и

написанные язычниками, должны быть сохранены и изучены, но в трудные для империи времена, в VII и VIII веках, высшее образование пришло в запустение. Теперь Варда возродил Константинопольский университет (Магнаврскую высшую школу), под который был отведен Магнаврский дворец в комплексе Большого дворца. Кроме того, Варда обеспечил государственное финансирование преподавания. Будучи императором во всем, кроме официального титула, он, однако, решал и все проблемы, доставшиеся ему в наследство от сестры. Одной из них был продолжавшийся церковный раскол между умеренными и фанатиками, которые продолжали спорить по поводу того, как обращаться с епископами – бывшими иконоборцами. Варда открыто встал на сторону лагеря умеренных: он даже пригласил бывшего иконоборца, архиепископа Салоник, преподавать геометрию в новый университет. Но патриарх Игнатий яростно выступал против него и публично критиковал частную жизнь Варды, поскольку кесарь открыто сожительствовал с женщиной, не являвшейся его женой. Около полутора лет Варда терпел этот вызов его власти, но в ноябре 858 года Игнатий был арестован. Правитель, конечно, не мог убить патриарха, но стражники Варды избили его и бросили в пустой саркофаг Константина V возле храма Святых апостолов. Игнатий провел там на холоде всю ночь, а на следующий день был отправлен в изгнание на остров Теревинф.

Именно тогда на сцене появился Фотий. Вполне возможно, он входил в окружение Варды, но был ли он причастен к заговору и убийству Феоктиста, неизвестно. Фотий также разделял интерес кесаря к древнегреческой литературе и, вероятно, преподавал в новом университете. Он был автором «Библиотеки», краткого обзора прочитанных им книг. Все они были написаны много веков назад, и Фотия интересовали, главным образом, их стиль и лексика, так как в его дни разговорный греческий уже значительно отличался от классического языка. В своих суждениях Фотий бывал довольно резок. Так, он осудил Евномия Кизикского (ум. в 393 г.) как не имеющего «представления о красоте и изяществе стиля», «напыщенного и некрасиво звучащего». В то же время он любил язычника Флавия Арриана, написавшего исторический труд об Александре Великом, и речи современника Александра, Исократ. Варда хотел, чтобы именно Фотий встал во главе церкви вместо Игнатия, в противовес фанатикам, которые составляли большинство партии зилотов.

Незначительное осложнение, заключавшееся в том, что Фотий не мог стать патриархом, поскольку был мирянином, оказалось легко устранимым. Двадцатого декабря 858 года Фотия постригли в монахи, а затем в течение

следующих четырех дней последовательно рукоположили в иподиаконы, диаконы, священники и епископы. Наконец, в Рождество он стал патриархом Константинопольским. И хотя это было откровенно политическое назначение одного из личных друзей Варды, Фотий оказался одним из величайших византийских патриархов и сыграл роль почти во всех значительных событиях своего времени. Когда в 860 году на Константинополь напали русы, именно он помог укрепить боевой дух защитников города тем, что велел пронести покров Богородицы по оборонительным стенам. Он участвовал в новом оформлении церкви после восстановления иконопочитания и произнес проповедь на открытии новой мозаики Богородицы с младенцем в Софийском соборе в 867 году. И, кроме того, он относился к той группе при византийском дворе, которая разработала новый подход к борьбе с угрозой с севера.

На первый взгляд кажется, что такие люди, как Фотий, изучавшие труды древнегреческих философов и писавшие на классическом греческом языке, едва ли были в состоянии понять своих соседей. В своих сочинениях они предпочитали называть иноземцев не иначе как «варвары». Русские, напавшие на Константинополь в 860 году, в этом смысле не стали исключением: для Фотия они были «варварами», как и все, кто жил за пределами Византии и не исповедовал христианскую веру так, как это было предписано Вселенскими соборами. Однако слово это было обычной литературной условностью, доставшейся в наследство от древних греков, которые обозначали им тех, кто не говорил по-гречески и чей язык звучал для них, как невразумительный набор звуков: «вар-вар». Образованные византийцы, такие как Фотий, не были ни ксенофобами, ни расистами и много знали о жизни и культуре других народов. Фотий имел непосредственный опыт жизни в Аббасидском халифате, поскольку, прежде чем стать патриархом, был направлен туда императором с дипломатической миссией. В Багдаде он завязал немало крепких дружеских отношений, несмотря на «разделяющую стену вероисповедания». В конце концов, у византийцев и арабов было немало общего: монотеистические религии, имевшие схожие корни, крупные города, письменная культура и преклонение перед древнегреческими авторами.

Но отнестись с пониманием к болгарам, русским и другим северным народам просвещенным константинопольским царедворцам было куда труднее. Их религия была политеистической, с многочисленными злыми богами, которых нужно было то и дело умиротворять. Готовясь штурмовать стены Константинополя, Крум принес несколько человеческих жертв богу неба Тангре. В Киеве стоял огромный храм богов войны, неба, солнца,

ветра и двух божеств плодородия, каждый из которых был представлен резным деревянным идолом. Плиску и Киев едва ли можно было сравнивать с Константинополем и Багдадом: скопище деревянных изб, окруженное земляным валом и стенами, с деревянным же дворцом правителя посередине – именно поэтому Никифор I с такой легкостью сжег Плиску дотла в 811 году. Письменной культуры у славян не было, так как их язык не имел алфавита. Само появление таких людей было неприятно культурным византийцам и арабам. Болгарский посланник, прибывший в Константинополь, был описан так: «стрижен на венгерский манер, немыт и опоясан бронзовой цепью». Более доброжелательный наблюдатель, арабский путешественник Ибн Фадлан, описал русских как людей «с совершенными телами ... Они подобны пальмам, светловолосы и румяны». Но он же критиковал их пренебрежение личной гигиеной и особенно встревожился, когда увидел их похоронный обычай. Покойного сжигали вместе с кораблем и всем имуществом – включая девушку-рабыню.

Заслуга Фотия и его окружения в том, что они поняли: отсутствие цивилизации у славян было огромным преимуществом, и именно в нем был ключ к нейтрализации той угрозы, которую они представляли. Веками византийцы встречали на Балканах волну за волной мигрирующие народы и, когда не могли победить их, селили на территории империи, давая землю в обмен на военную службу и заставляя принять христианство и интегрироваться. Государства с центрами в Киеве и Плиске были слишком крупными и могущественными, чтобы войти в состав империи, но можно было постараться завлечь болгар и русов составляющими византийской цивилизации, особенно если несколько адаптировать их к культуре этих народов.

Варда и Фотий сумели реализовать это на практике, когда в 862 году в Константинополь прибыл неожиданный посланник. Он был отправлен князем Моравии, славянского государства, с которым, благодаря его удаленности, прежде византийцам почти не приходилось иметь дела. Он передал просьбу о том, чтобы в Моравию отправили миссионеров, дабы обратить ее жителей в христианство. Такое пожелание было продиктовано не только соображениями духовности. С тех пор как король Восточно-Франкского королевства Людовик Немецкий заключил союз с болгарским ханом, небольшое княжество оказалось под угрозой исчезновения. Существовала реальная опасность того, что Моравия будет поделена между франками и болгарами, и князь нуждался в союзниках. Этим и объяснялась его обращение к византийцам. Кесарь Варда и Фотий решили откликнуться на призыв. В качестве главы миссии они избрали одного из сподвижников и

бывших учеников Фотия по имени Кирилл, который преподавал в Магнаврской высшей школе, и его брата Мефодия, на тот момент – настоятеля монастыря в Малой Азии. Оба были опытными миссионерами, уже участвовавшими в посольстве к хазарам. Но что еще важнее, они были родом из Салоник, города, близ которого после нашествий VII века появилось много поселений славян и где их присутствие было еще весьма значительно. Братья выросли в двуязычном окружении и говорили на греческом и на местном славянском наречии и потому могли хоть как-то напрямую общаться с принимающей стороной в Моравии. В какой-то момент, однако, было принято решение, что просто проповедовать жителям Моравии на их собственном языке недостаточно: нужно также сделать для них перевод Писания и богослужений. Некоторые из прежних миссионеров уже пытались сделать это и использовать для славянской письменности греческий или латинский алфавит, но получалось не очень хорошо, поскольку в славянском было много звуков, для которых в греческом и латыни не нашлось букв. Ввиду этой трудности Кирилл приступил к созданию славянской азбуки, получившей название «глаголица», для которой могли быть использованы уже существовавшие наработки. Приехав в Моравию, братья приступили к переводу богослужебных текстов, используя греческие слова там, где не находилось аналогов среди славянских. В процессе этой работы они создали литературный язык, старославянский, который был понятен всем славянам.

Однако большого успеха миссия в Моравию не имела. Византийские проповедники встретили сопротивление франкского духовенства, которое решительно возражало против ведения богослужения на местном языке, считая, что ко Всевышнему можно обращаться лишь на латинском, греческом и еврейском. Когда в 864 году Людовик Немецкий вторгся в Моравию, эти соперники получили военную поддержку, и византийские миссионеры были вынуждены уехать. Как только они отбыли, Папа написал моравскому правителю и настаивал на том, что отправление богослужений на славянском языке должно быть прекращено. Тем не менее этот опыт оказался весьма полезным, когда пришлось применить его к ближайшему соседу Византии – Болгарии.

* * *

Со времен договора 816 года византийцы и болгары в течение многих десятилетий жили в мире. Однако в 860-е, после эффектной победы над

арабами в битве при Посоне, к византийцам вернулась былая самоуверенность, а поражение 811 года подзабылось. Поэтому, когда кесарь Варда и его окружение узнали, что болгарский хан Борис в целях разделения Моравии заключил союз с Людовиком Немецким, они заняли воинственную позицию, поскольку решили, что этот альянс грозит усилением франкского влияния в регионе, который Константинополь считал по праву своим. В 864 году византийская армия подошла к границе с Болгарией, а флот курсировал вдоль побережья Черного моря. Кампания в корне отличалась от похода 811 года. Как и Крум, Борис решил не рисковать, ввязываясь в военные действия, и предложил начать переговоры. В его стране царил голод, и он понял, что в сложившихся обстоятельствах не сможет оказать серьезное сопротивление. На этот раз предложение было принято, и никаких попыток разрушить Плиску, как это сделал Никифор I, предпринимать не стали. Напротив, дело, кажется, обошлось вовсе без битв и какого-либо кровопролития. Условия договора тоже были весьма удивительными. Византийцы не потребовали ни земель, ни дани. Все, чего они хотели, – это чтобы Борис отказался от союза с франками и принял христианскую веру. В следующем году из Константинополя в Плиску был отправлен епископ, чтобы крестить хана, а с ним прибыло и длинное письмо от Фотия с наставлениями новообращенному. Возле ханского дворца в Плиске начались работы по возведению церкви.

Все это могло показаться недостаточным с учетом военных приготовлений и расходов на кампанию, но Варда и Фотий знали, что делают. Крестным отцом Бориса стал император Михаил, и, приняв это, Борис фактически признал над собой власть императора и союз его государства с Константинополем, а не с Восточно-Франкским королевством. Это не означает, что обращение Бориса было неискренним и диктовалось исключительно политической целесообразностью. Судя по всему, хан стал проявлять интерес к христианству задолго до того, как византийцы заставили его креститься, и позже он добровольно отрекся от престола и стал монахом. Но в то же время его обращение было вопросом международной политики, а не только личных религиозных убеждений. Поэтому Варда и Фотий едва ли могли наивно полагать, что церемония крещения поставит в этом деле точку. Когда непосредственная угроза миновала, Борис начал опасаться, что слишком сильно поступился независимостью и подорвал свой авторитет у собственного народа. Некоторые из его приближенных тоже приняли христианство, но многие продолжали настаивать на сохранении традиционного язычества. Недовольство вызывал и отказ от союза с франками, и византийское

духовенство, которое прибыло, чтобы обращать население, воспринималось как посланники византийского императора, чье стремление вернуть Болгарию в состав империи ни для кого не было тайной. Через несколько месяцев после крещения Бориса вспыхнул серьезный бунт, и подавить его удалось, только когда Борис безжалостно казнил 52 зачинщика вместе с детьми. Но после этого ему все-таки нужно было показать, что принятие христианства не повлекло за собой признания византийского господства. Не прошло и года с его обращения, как он предложил, чтобы новая Болгарская церковь находилась не под юрисдикцией Константинопольского патриарха, а имела своего собственного. Когда же византийские церковные власти отвергли просьбу, он коварно отправил послов в Рим с просьбой к Папе прислать миссионеров на смену священникам из Константинополя.

Со временем в Болгарии победило византийское влияние. В какой-то степени потому, что Константинополь был ближе, чем Рим, и в интересах Болгарии было поддерживать хорошие отношения со своим могущественным соседом. В 870 году Борис пошел на компромисс: решено было, что Болгарскую церковь возглавит не патриарх, а архиепископ, который будет в достаточной степени независим. Еще важнее было то, что в 886 году в Плиску прибыла новая группа византийского духовенства. Это были миссионеры, которым пришлось покинуть Моравию после вторжения Людовика Немецкого. Все они говорили на славянских языках и привезли с собой тексты богослужений и священные Писания на церковнославянском. Борис был в восторге, ибо это позволяло не связывать веру с культурным и политическим подчинением византийскому императору. Он побеседовал с возглавлявшими миссию византийскими монахами Климентом и Наумом и поручил им проповедовать новую религию. Наум остался в Плиске, а Климент был отправлен в западный македонский город Охрид, где перед ним стояла незавидная задача обращать и учить славянское население. Невероятно, но благодаря самоотверженному труду и силе личности он преуспел в этом. Наум не только проповедовал местным крестьянам, но также привез им новые сорта плодовых деревьев из южных византийских провинций, чтобы сделать их жизнь лучше. Он обучал местное духовенство, и, вероятно, именно ему принадлежит заслуга разработки более простой славянской письменности, так называемой кириллицы, которая в конечном итоге заменила глаголицу. К тому времени, когда Климент умер, к 916 году, небольшое поселение на берегу озера Охрид превратилось в центр славянской христианской культуры, место, где греческие церковные тексты переводили на славянский язык и писали

иконы в византийском стиле. По всей Болгарии строились храмы того же крестово-купольного типа, что был принят в то время в Византии. Внутри они были украшены фресками с сюжетами и образами икон, и зачастую это были работы византийских монахов-иконописцев. Болгария сохранила свою независимость, но была включена в культурную орбиту Византии.

* * *

К тому времени, когда Охрид начал развиваться как культурный центр, Варда и Фотий уже не были у власти. Оба они лишились ее вскоре после крещения хана Бориса, поскольку в то время, пока они занимались делами Болгарии и Моравии, появился новый претендент на осуществление властных полномочий от имени Михаила III. В отличие от Феодоры, Феоктиста и Варды, он не принадлежал к дворцовым кругам. Это был фракийский крестьянин Василий, приехавший в Константинополь на поиски счастья. Он нашел работу в доме Феофила, родственника кесаря Варды, и дослужился до должности главного конюха. Однажды вечером Василий присутствовал при том, как Варда и Феофил принимали посланников болгар. Выпив вина, гости стали хвастаться, что они привезли с собой из Болгарии борца, которому нет равных, на что Феофил заявил, что его слуга Василий будет ему не по зубам. Столы раздвинули, и два борца схватились. К удивлению зрителей, Василий поднял гигантского болгарина и с оглушительным грохотом обрушил на один из столов.

Известие об этом происшествии вскоре дошло до ушей Михаила III, а некоторое время спустя, когда Феофил и Михаил охотились вместе, лошадь императора понесла и Василию удалось остановить ее. Впечатленный талантами Василия, Михаил взял его к себе на службу, и тот стал его постоянным спутником. Император забрал Василия из конюшни и даровал ему придворную должность паракимомена, а также жену из высшего класса, одну из своих бывших наложниц. Таким образом Михаил нашел лидера для той партии при дворе, которая всегда ненавидела Варду и ждала момента для нанесения удара. Весной 866 года Михаил и Варда отправились с флотом на юг по Эгейскому морю, чтобы вернуть остров Крит, освободив его от арабского владычества. Однажды ночью, когда корабли стояли на якоре, а император и кесарь высадились на берег для ночлега, группа заговорщиков, в числе которых был Василий, ворвалась в императорский шатер, где Варда корпел над счетами, и зарубила его. Едва ли все заговорщики рассчитывали, что недавний конюх окажется

единственным, кто будет претендовать на место Варды, но они не взяли в расчет волю императора. Не позже чем через месяц после смерти Варды Михаил сделал Василия своим приемным сыном, и на пышной церемонии в соборе Святой Софии тот был коронован как император-соправитель. Тем самым Михаил подписал себе смертный приговор. Василий и его сторонники прекрасно понимали, что, покуда Михаил стоит у них на пути, они не могут быть уверены в своем будущем. И уже в следующем году, сентябрьской ночью, когда пьяный Михаил спал в своей кровати во дворце Святого Маманта, заговорщики ворвались к нему в покои и убили его. На следующее утро Василий был провозглашен императором. Он вышел из Большого дворца, бросая в толпу золотые монеты. Как Василий I он стал основателем Македонской династии, которая будет править Византией, прямо или косвенно, до 1056 года.

После такого поворота событий Фотий остался в одиночестве, ибо он с самого начала был ставленником Варды. Кроме того, он имел смелость осудить Василия за убийство Михаила и не допустить нового императора к причастию. Василий решил избавиться от него. Фотий был не только пережитком прежнего режима, но также и помехой. А поскольку многие в византийской церкви, а также Папа Римский до сих пор считали Фотия узурпатором из-за того, каким образом он был возведен в патриарший сан, в ноябре 867 года Василий низложил его, сослал в монастырь и восстановил на престоле предыдущего патриарха, Игнатия.

Отстранив от власти Варду и Фотия, Василий, однако, продолжил проводить их политическую линию в отношении славянских соседей Византии, убеждая хана Бориса оставить заигрывания с Римом и полностью войти в орбиту Византии. В 870-е еще один славянский народ, сербы, направил в Константинополь послов с просьбой прислать к ним миссионеров, чтобы обращать их в христианство. Сербы, конечно же, тоже занимали земли, прежде принадлежавшие Византии, но надежды вернуть их не было, так как они были отрезаны от империи Болгарским ханством. Поэтому Василий был рад отправить туда миссионеров, ведь крещение в византийскую веру подразумевало признание господства Константинополя. С миссионерами в Сербию пришли и богослужение на церковнославянском, и переведенное на этот язык Священное Писание, и кириллица с глаголицей, и византийский стиль церковной архитектуры и внутреннего убранства. Учитывая такую преемственность в политике, неудивительно, что в 870-е годы Василий вернул Фотия из изгнания и сделал его наставником своего маленького сына Льва. Когда в 877 году Игнатий умер, Фотий вновь стал патриархом Константинопольским и

пребывал на престоле до 886 года, когда был низложен и сослан вновь – на этот раз сыном и преемником Василия Львом VI (правил в 886–912 гг.), который, похоже, не испытывал никакой благодарности к своему бывшему воспитателю. Некоторым утешением для Фотия, который провел свои последние годы в изгнании (умер в 893 г.), могло служить то, что на Балканах установилось наконец равновесие и произошло это в немалой степени благодаря ему.

* * *

Равновесие это, однако, не продержалось долго. Пусть Болгария уже была вовлечена в культурную орбиту Византии, это не означало полной нейтрализации угрозы с ее стороны. В начале X века из-за болгарского хана Симеона Византия оказалась в наиболее опасном положении со времен арабской осады 717–718 годов. И дело было не в том, что Симеон ненавидел соседнюю империю. Наоборот, он любил ее и восхищался ею. Симеон хорошо знал Константинополь, потому что его отец Борис отправил его туда получать образование. Он выучил греческий и не понаслышке знал византийский двор с его пышностью и церемониалом. Когда он вернулся домой, Плиска, должно быть, показалась ему мрачной и непривлекательной. В 893 году, после свержения его брата-язычника Владимира, Симеон взошел на престол и начал обустраивать свою страну наподобие Византии. Из Плиски столица была перенесена в Преслав, который должен был стать не менее впечатляющим городом, чем Константинополь. Из византийских провинций привезли мастеров, чтобы построить оборонительные стены и множество прекрасных церквей. Самой великолепной из них стала Золотая, названная так из-за позолоченного купола. Также был построен новый большой ханский дворец, из которого Симеон рассылал свои указы с печатью, изображавшей его очень похожим на византийского императора. Рядом с дворцом была построена еще одна резиденция: Симеон, как и его отец, надеялся, что в Болгарии вскоре будет свой патриарх, и заранее подготовился к этому.

В 913 году, когда Византия отказалась платить Болгарии ежегодную дань, которой ее обложили в результате предыдущих «торговых войн» из-за таможенных пошлин, Симеон пошел на нее войной.

До стен Константинополя его армия добралась, не встречая серьезного отпора, так как в ту пору государство было ослаблено внутренней политической ситуацией. Император Константин VII был семилетним

ребенком, и делами правления занимался регентский совет. Вопреки обычной практике, мать Константина Зоя не стала его главой. Церковь признала недействительным ее брак с отцом Константина Львом VI, так как Зоя была его четвертой женой, а православие запрещало четвертые браки. Поэтому она осталась в стороне, а регентский совет возглавил патриарх Николай Мистик, бывший воспитанник Фотия.

Когда армия болгар встала лагерем под стенами Константинополя, патриарх понял, что иного выхода, чем пойти на переговоры, нет, и спросил у Симеона, каковы его условия. Любопытно, что Симеон повел себя так же, как Варда и Фотий, когда в 864 году они вышли победителями. Он потребовал не сокровищ или земель, ему нужно было нечто более символичное: чтобы юный Константин Багрянородный женился на одной из его дочерей, а его самого патриарх короновал бы как императора. Первое требование не было беспрецедентным, поскольку раньше византийские императоры, например Лев III, уже заключали аналогичные брачные союзы с хазарами. Второе, однако, было чем-то неслыханным. В 811 году Круму даже в голову не приходило возжелать чего-то подобного, хотя его положение было не менее выигранным. Настаивать на императорской коронации мог только человек, глубоко приверженный византийским ценностям и потому стремящийся взойти на верхнюю ступень иерархии правителей. Не видя иного выхода, патриарх согласился на оба требования. Симеон отобедал со своим будущим зятем Константином Багрянородным, после чего за стенами Константинополя прошла церемония коронации. С этого момента Симеон считал себя императором.

Он упразднил титул хана, приняв вместо него другой – царь (славянское наименование цезаря), а на своих свинцовых печатях, которыми скреплялись документы, называл себя василевсом, используя слово, которым своего императора обозначали византийцы.

Достигнув своих целей, Симеон вернулся в болгарские земли, но он недооценил превратности византийской придворной политики. Через несколько месяцев после его коронации патриарх неосмотрительно позволил императрице Зое вернуться во дворец, потому что маленький Константин тосковал по матери. Однако, оказавшись в Константинополе, Зоя с помощью сторонников сместила патриарха и заняла свое законное место во главе совета. Одним из первых ее деяний стала отмена условий перемирия, согласованных с Симеоном. Помолвка Константина VII была разорвана, и сторонники Зои начали говорить, что коронация была недействительной, поскольку патриарх в последний момент отложил корону и надел на голову Симеона собственный церковный головной убор,

а коленопреклоненный правитель Болгарии не заметил этого. В Константинополе воцарились воинственные настроения, и императрица решила раз и навсегда покончить с притязаниями Симеона. Летом 917 года большие силы, состоящие из войск фем и тагматы, двинулись на север и встретились с армией Симеона у города Ахелой на черноморском побережье. Результат этой битвы показывает, почему византийцы, как правило, избегали генеральных сражений. Изначально они располагали преобладающими силами, но их союзники-печенеги не смогли прибыть из-за склоки между командирами кораблей, которые должны были переправить их к месту битвы. Когда же распространился слух, что их командир убит, византийские войска запаниковали и рассеялись, позволив болгарам перейти в контрнаступление и нанести им поражение столь же катастрофическое, как и в 811 году. Византийская армия вновь была почти уничтожена.

Эта победа позволила Симеону взять под контроль все Балканы почти до самого Коринфского залива и объявить себя отныне императором ромеев и болгар, а архиепископа Болгарии – патриархом. Однако, как случилось со многими до него, амбиции Симеона разбились о неприступность стен Константинополя и изворотливую византийскую дипломатию. Он хорошо понимал, что его притязания на императорский титул бесплодны, пока он не захватил столицу Византии, а победа при Ахелое не приблизила его к этой цели. Понимая, что для того, чтобы получить шанс захватить Константинополь, ему нужен флот, Симеон отправил послов в Фатимидский халифат в Тунисе, предложив напасть на византийцев совместно. Однако по дороге домой корабль, на котором плыли послы, захватило калабрийское судно. А поскольку калабрийцы были подданными византийского императора, пленных отправили в Константинополь. Там болгарских послов бросили в темницу, а к арабам отнесли как к почетным гостям. Их накормили, напоили и отправили домой с внушительным подарком халифу, фактически с взяткой, которая должна была убедить его никуда не посылать свой флот. Одновременно с этим врагам болгар на севере, сербам и хорватам, заплатили, чтобы они напали на Симеона, и такая тактика позволяла сдерживать его, пока он не пойдет на соглашение...

Но затем византийская придворная политика совершила еще один из своих бесчисленных зигзагов. В 919 году императрицу Зою удалили от власти, и регентом молодого императора стал друнгарий (командующий) византийского флота Роман Лакапин. Как мы увидим в следующей главе, Лакапин не собирался быть только главой совета и провозгласил себя

императором, соправителем законного представителя Македонской династии Константина Багрянородного. Именно Роман пришел в 924 году к соглашению с Симеоном, обручив свою внучку с сыном Симеона Петром и признав Симеона царем, настояв, однако, на том, что это было меньшей честью, чем называться императором ромеев. Когда три года спустя Симеон скоропостижно скончался от сердечного приступа, угроза была наконец нейтрализована, так как его сын Петр отнюдь не был таким грозным воителем. Тем не менее ради сохранения мира и спокойствия византийцы продолжали называть его царем и ежегодно подносили ему дары в виде золота.

С точки зрения византийцев, хотя Болгария и продолжала оккупировать территорию, которая по праву принадлежала им, был достигнут модус вивенди, который устраивал обе стороны. Болгары гарантировали себе безопасность, будучи союзниками самой могучей державы в регионе, и в то же время сохранили независимость, не попав под прямое императорское правление. Византийцы же сумели отстоять свою политическую теорию, согласно которой их властители были римскими императорами, ниспосланными на землю, чтобы защищать весь христианский народ. Только теперь они говорили об императоре как о главе семьи христианских государей. В этой семье была строго определенная иерархия. Византийский император находился на ее вершине. Ниже были его сыновья, далее в списке – главы государств, бывших союзниками или принявших христианство из Константинополя. Затем шли дружественные народы, добившиеся взаимопонимания с императором, даже если они были язычниками, мусульманами или христианами, не входящими в византийскую сферу влияния. Особое место в этой иерархии получили болгары. Когда болгарские посланники посещали Константинополь, они занимали очень достойное место за столом во время пиров, хотя оно могло меняться в зависимости от того, насколько теплыми были на данный момент отношения. Эта тщательно выстроенная иерархия, подкрепленная церемониями и дипломатическими подношениями, создавала империи некую мистическую ауру в глазах гораздо менее искушенных северных балканцев, и духовный авторитет Византии был не менее действенным, чем военная сила.

* * *

Оставалась, однако, проблема русских. На Северных Балканах угрозой

применения силы болгар удалось вовлечь в византийскую орбиту даже несмотря на то, что в тех двух случаях, когда угроза была исполнена, последствия оказались катастрофическими для самих византийцев. Но в отношении русских такие угрозы были недействительны, так как их столица Киев находилась слишком далеко. После нападения 860 года были предприняты усилия, чтобы обратить русских в христианство. В 874 году в Киев отправили архиепископа, и Фотий даже хвалился тем, что русские стали «подданными и друзьями» империи. Такие заявления оказались преждевременными. Новообращенные там были, и до 944 года в Киеве даже действовал христианский храм, но, поскольку сам князь Киевский оставался язычником, процесс шел крайне медленно. Византийцы извлекли все возможное из ситуации, когда в 957 году Ольга, вдова князя Игоря, правившая в Киеве как регент ее сына Святослава, посетила Константинополь. Ей был оказан пышный прием. Ольга сидела за золотым столом вместе с императорской семьей и была приглашена занять высокое место в византийской иерархии государств. Потом она была крещена патриархом Константинополя и уехала, одаренная золотом и шелками. Но, несмотря на все эти усилия, крещение Ольги не привело к обращению русского народа в целом. Возможно, она, как и болгарский хан Борис, опасалась, что принятие христианства из Константинополя приведет к потере независимости, и вскоре после своего визита Ольга пригласила в Киев христианских миссионеров из Германии. В любом случае ее сын Святослав открыто презирал христианство, и, как только он повзрослел и стал править самостоятельно, шансов на дальнейшие преобразования не осталось.

Крещение Руси произошло только при следующем Киевском князе, сыне Святослава Владимире. Правда, на первый взгляд он, как и его отец, не производил впечатления человека, который не просто обратится в христианство, но и впоследствии будет причислен к лику святых. К моменту восшествия на Киевский княжеский престол он уже был братоубийцей и имел гарем из четырех жен и 800 наложниц. Как и его отец, он был ярким язычником и воздвиг в Киеве новое капище с идолами шести главных богов. Но, как и в случае с болгарским ханом, обращение Владимира было вызвано как духовными, так и политическими соображениями. Духовные мотивы, изложенные в летописи^[4], вероятно, вымышлены, но зерно истины в повествовании наверняка содержится. Примерно в 987 году Владимир почувствовал, что настало время выбрать иную, более достойную веру для себя и своего народа, чем язычество предков. Узнав об этом, в Киев прибыли несколько групп миссионеров.

Однако Владимир не впечатлился ни одной из предложенных религий. Ислам перестал интересовать его, как только выяснилось, что у мусульман запрещен алкоголь. Иудаизм мало кто мог проповедовать, так как его приверженцы утратили свои земли и были разбросаны по всему миру. Христианские миссионеры, прибывшие от Папы Римского, также не вдохновили его, зато со священником, присланным из Константинополя, у князя состоялась долгая беседа. Все еще сомневаясь, Владимир послал десять доверенных послов для изучения основных мировых религий с тем, чтобы сделать свой выбор на основе их доклада. Сперва они отправились в соседний Хорезм, к тюркам, где был принят ислам. Посланники посещали мечеть, но в пользу ислама не склонились: «Нет веселья в них, но печаль и смрад велик. И нет ничего доброго в их учении». Богослужение в католическом соборе в Германии также не произвело впечатления: «Нет в нем никакой красоты». И наконец, много повидавшие посланники прибыли в Константинополь, где их приветствовал сам император и дал им возможность попристутствовать на литургии в соборе Святой Софии. На этот раз все было иначе. Красота и зрелищность церемонии, мозаики, фрески и иконы – все это ошеломило посланников: «И не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми». Столь эмоциональная реакция на визуальную составляющую византийской религии, результат победы иконопочитателей, вполне могла повлиять на решение Владимира принять христианство из Константинополя.

Но в конце концов больше всего на его решение повлияли, вероятно, материальные и политические соображения, поскольку дружеские связи с византийцами могли принести ощутимую выгоду. Русь не только процветала от торговли с Константинополем: русские воины нанимались в Византии на службу, а союз со столь богатой и могущественной державой даровал престиж, который выделял киевских князей среди соседей. В 987 году появилась возможность усилить эти преимущества. Один из византийских полководцев, Варда Фока, организовал мятеж против молодого византийского императора Василия II (правил в 976–1025 гг.). Не имея войска, Василий отправил к Владимиру просьбу о помощи и, будучи в отчаянном положении, пообещал за нее не только обычную денежную выплату, но и руку его сестры Анны. Владимир послал в Византию 6000 солдат, и мятеж был подавлен. Теперь Киевский князь мог жениться на Анне, но необходимо было выполнить еще одно условие: Владимир должен был креститься сам и крестить свой народ. Это было жесткое условие, но

престиж брака с сестрой правящего византийского императора стоил того, поэтому Владимир принял крещение и отпустил своих жен и наложниц. В авторитарных обществах, таких как средневековая Русь, если уж правитель обращался в христианство, остальное не составляло труда. По всему Киеву были разосланы вестники, объявлявшие, что те, кто на следующий день не пойдет к Днепру, рискуют серьезно не угодить князю. На другой день берега были заполнены людьми. Зная, что от них требуется, они вошли в воду. Группа специально прибывших византийских священников совершила массовое крещение. Между тем на холме над городом идол Перуна, бога-громовержца, с серебряной головой и золотыми усами, повергли наземь и лошадьми потащили вниз, к реке. Прежде чем скинуть его в воду, 12 дружинников побили идола палками, а потом его понесло течением, он достиг днепровских порогов и скрылся из виду.

Как и в случае с Болгарией, обращение русских в христианство не означало полного прекращения боевых действий между Русью и Византией. В 1043 году сын Владимира Ярослав послал флот, чтобы напасть на Константинополь, после того как там был убит в драке русский купец. Повторилась катастрофа столетней давности: русские были разбиты в проливе Босфор, и лишь очень немногие из их кораблей сумели спастись. Впоследствии два общества сосуществовали мирно, а религиозная культура Руси развивалась именно по византийскому образцу. Сразу же после крещения Владимира в 989 году^[5] в Киеве была заложена церковь Успения Пресвятой Богородицы, а в 1037 году – еще один храм, посвященный Премудрости Божией, явно в подражание Святой Софии Константинопольской. На строительство этого храма в византийском стиле ушло около 20 лет, мозаики и фрески внутри были, вероятно, выполнены византийскими художниками. Священники, священные сосуды, мощи и иконы – все было из Константинополя. Но богослужения совершались на славянском языке по книгам, написанным на кириллице.

Русы стали частыми гостями в Константинополе, и не только купцы. Наемные русские воины служили личными телохранителями императора, варягами, вооруженными тяжелыми топорами. Также русы приезжали в качестве паломников, жаждущих приложиться к многочисленным мощам святых в церквях города. Самым высокопоставленным из них, возможно, даже дозволялось увидеть коллекцию в храме Богородицы Фарской. На этих паломников Константинополь производил впечатление не менее сильное, чем на посланников Владимира в 980-х годах. Один такой паломник, Добрыня Ядрейкович, который впоследствии стал архиепископом Новгородским Антонием, написал книгу о поездке,

совершенной им в 1200 году. В мельчайших подробностях он перечислил все мозаики, иконы, фрески и святые мощи, которые ему довелось увидеть. В соборе Святой Софии ему показали то, что, как он искренне верил, было Скрижалями Завета, данными Моисею на горе Синай, и часть манны, падавшей с неба израильтянам во время их хождения по пустыне.

Правда, не все русские паломники питали должное уважение к святому месту. Один из них высек на мраморной балюстраде в галерее слова: «Господи, спаси раба Твоего Филиппа, сына Никиты, раба Киприана, митрополита Киевского и всея Руси». Впрочем, это был весь ущерб, что нанес Филипп, в отличие от его предков в 870 году, и сам факт того, что он был там, что он мог оставить эту надпись и что у него был для этого алфавит – все это свидетельства включения Руси в византийскую культурную орбиту. В конце концов Византия покорила Север – силой не оружия, но дипломатии, а также своей удивительной визуальной и письменной христианской культурой. Возможно, это было самое главное ее достижение.

Глава 6

Пути славы

*Мы из фемы Анатолик, из знатной ромейской
семьи, отец наш из Киннамадов, а мать наша –
урожденная Дукиня, из семьи Константина...*

Дигенис Акрит

К осени 904 года византийцы еще не оправались от тяжелого поражения, которое они потерпели летом. Арабский флот отправился из Сирии в дерзкий налет на Фессалоники. Второй по значению город империи был хорошо укреплен и в прошлом успешно отражал многочисленные нападения славян с суши. Арабы, однако, нашли брешь в обороне со стороны моря, несмотря на тяжелые цепи, которые закрывали вход в гавань. Захватив и разграбив город, они согнали около 20 000 молодых людей и вывезли их на Крит, где продали в рабство. Поэтому император и его советники в Большом дворце возрадовались, когда пришло известие о скромной победе, одержанной на восточной границе. Небольшая византийская армия продвинулась к постоянно оспариваемому городу Германикия, где была атакована объединенными арабскими силами из Мопсуестии и Тарса. Заметно проигрывая в численности, византийцы сражались мужественно, прогнали врагов и благополучно вернулись из похода с трофеями.

Византийская империя ок. 900 г.

Командовал ими некий Андроник Дука. Вероятно, один из предков Андроника носил титул Дука (что соответствует латинскому *Dux* – лидер, предводитель), и титул превратился в фамилию, передаваемую по наследству. К началу X века все больше и больше видных византийцев использовали не только имена, но и фамилии. Семейство Дук было одним из многих известных кланов, появившихся в Малой Азии, где они владели значительными земельными участками и соперничали друг с другом в набегах на арабских соседей. Их идеал войны в виде регулярных рейдов по ту сторону границы и обратно породил яркий фольклор, рассказывающий о подвигах этих кланов. В конце концов на основе этого фольклора была создана эпическая поэма «Дигенис Акрит»^[6], воспевающая дерзкие подвиги одноименного героя в его войнах против неверных. Сын мусульманского эмира и христианки – дочери византийского полководца, Дигенис отличался всеми добродетелями рыцаря Круглого стола: верностью императору, глубокой верой в бога и беззаветной преданностью друзьям. Но, кроме того, он обладал нечеловеческой силой и мог руками разорвать льва надвое. Победив всех своих врагов, Дигенис поселился в роскошном дворце, построенном на берегу Евфрата. Его реальные прототипы, возможно, не отличались такой силой и столькими добродетелями, но их набеги в Сирию тоже бывали весьма успешны.

Эта новая военная аристократия могла нападать на соседей– арабов безнаказанно, потому что старый враг, Аббасидский халифат, вступал в период упадка. Дни, когда халифы сами вели свое войско в Таврские горы, давно миновали, потому что более важные дела удерживали правителей дома. Соперничающие арабские группировки постоянно возводили на престол и свергали все новых халифов, и, чтобы закрепить свое положение, властители опирались на рабов-тюрков из Центральной Азии, которые составляли дворцовую гвардию. Они хранили верность хозяину и могли защитить его в случае покушения или попытки мятежа, но это не решало проблему полностью. Тюрки составляли явное меньшинство среди преобладающего арабского населения, и, поскольку от халифа полностью зависели их средства к существованию, они должны были быть уверены в том, что на престоле сидит человек, готовый соблюдать их интересы. Следовательно, они сами регулярно свергали неугодных халифов и ставили на их место других, казавшихся им более подходящими. Политическая нестабильность сопровождалась экономическим спадом. Богатство Месопотамии основывалось на сложной системе поливного земледелия. На этих работах были заняты африканские рабы, а между 869 и 883 годами они несколько раз поднимали восстания. На подавление бунтов бросали многочисленные войска, и это, а также ущерб, нанесенный системе орошения и земледелия, повергли государство в экономический кризис. К 930 году халиф был уже не в состоянии платить своим солдатам.

Слабая центральная власть неизбежно вела к сепаратизму на окраинах, усугублявшемуся религиозными различиями. В 909 году автономный, но проаббасидский режим в Северной Африке был свергнут Фатимидами, мусульманами-шиитами, которые не считали Аббасидов потомками Пророка и законными правителями всех правоверных. Именно Фатимид вел с Симеоном, царем Болгарии, переговоры, которые так встревожили византийцев.

Слабость халифата привела и к изменению ситуации на восточной границе Византии. Защита арабских земель и вторжения на византийскую территорию были отданы на откуп наместникам, назначаемым из Багдада. Со временем они стали полностью независимыми от халифа эмирами, и к 920-м годам главной силой, противостоящей византийцам на Востоке, оказались Хамданиды, чей независимый эмират находился сначала в Мосуле, а затем в Алеппо. Хамданиды были богаты и воинственны, но они не могли бросить на борьбу с византийцами такие ресурсы, какими располагал в зените своего могущества халифат.

В то время как правители Византии были заняты противостоянием с

Симеоном, царем Болгарии, в Малой Азии находились воители, которые пользовались возможностями, открывшимися на Востоке. Человеком, возглавившим контрнаступление, был Иоанн Куркуас, семья которого владела землями вокруг Докеи в феме Армениакон. В 919 году он помог Роману Лакапину захватить власть в Константинополе, и наградой ему стало назначение на относительно новый пост доместика восточных схол – главнокомандующего армии на восточной границе. Одновременно с этим постом появился и новый вид войск, более востребованный в изменившихся условиях. По мере того как Византия переходила на восточной границе от обороны к наступлению, прежние войска фем все больше морально устаревали. Они были созданы для того, чтобы отражать нападения арабов на земли Малой Азии, не перенося боевые действия на территорию противника за Таврские горы. Их солдаты были одновременно земледельцами, что обеспечивало им пропитание. Вместо этих войск стала расширяться регулярная армия, тагмата, основанная Константином V. Этим солдатам платили жалованье из имперской казны, а не наделяли земельными участками, и улучшение их экономического положения вызвало приток желающих записаться в войско. Среди вербовавшихся в этот элитный полк оказывалось все больше чужеземцев, рожденных за пределами Византийской империи. Особенно много было русов, но встречались даже и арабы. Анема, сын эмира Крита, входил в число императорских стражников и погиб, сражаясь за императора в Болгарии в 971 году. Появление на службе наемников не было признаком слабости или упадка, но следствием экономического возрождения, позволившего византийцам покупать лучших солдат, а также их исключительной способности интегрировать чужаков и обращать их воинственность себе на пользу. Роль тагматы также менялась. Раньше ее полки – тагмы – базировались вокруг Константинополя, во многом на тот случай, если взбунтуются стратеги фем, но теперь они переместились на восточные окраины, где от них было больше пользы. Командовал ими доместик схол, так что Куркуас полностью контролировал императорскую армию на востоке и потому был влиятельнее, чем стратеги фем.

В течение 920-х годов Куркуас регулярно совершал набеги на приграничные арабские города, но его главной целью была Мелитена, которая много лет служила арабам надежным убежищем на западе Таврских гор во время их рейдов в Малую Азию. В мае 934 года Куркуас вторгся на земли Мелитены, захватил их и осадил город, и в конце концов губернатор сдался и открыл ворота. Куркуас вручил город и его окрестности императору Роману, который принял их как владение империи,

а не разделил земли между воинами, как делалось в прошлом. Так было выгоднее для сбора налогов, позволявших платить элитным войскам. Сделав Мелитену неопасной, Куркуас смог повести свои войска за пределы Византии в Сирию. В 943 году он окружил город Эдесса, находившийся далеко на арабской территории. Понимая, что помощи в ближайшем будущем ждать неоткуда, жители были готовы к переговорам. В обмен на свою безопасность они предложили отдать драгоценный Мандилион, древний плат, на котором сохранился отпечаток лица Христа. Куркуас был рад согласиться и, сняв осаду, ушел в Таврские горы. Реликвию торжественно привезли в Константинополь в августе 944 года и поместили в храме Богородицы Фарской. Для византийцев обладание Мандилионом оказалось значимее, чем взятие Мелитены. Куркуас стал героем, и о нем и его победах даже был написан труд в восьми томах. Но нашлись и те, кто взирал на успехи Куркуаса с тревогой. Пока на востоке империи добывались победы, в Большом Константинопольском дворце события развивались своим чередом.

* * *

К началу X века, каким бы кровавым и компрометирующим ни было их воцарение, Македоняне считались признанной правящей династией. Она сумела пережить и царствование малолетнего Константина VII, и сомнения по поводу законности наследования им императорского титула, и разгромное поражение от хана Симеона при Ахелое в 917 году. Уже три поколения сменилось со времен Василия I, захватившего власть в 867 году, и все императоры династии целенаправленно проводили политику престолонаследия. Схемы вроде тех, что привели Маврикия к власти через брак в 582 году, были хороши, но оставляли много места для случайностей. Куда безопаснее было назначать преемника задолго до смерти императора. Чтобы не возникало сомнений, кто может претендовать на это, со времен Константина V в Большом Константинопольском дворце имелся специальный зал с окнами, выходившими на Босфор. Его стены были облицованы порфиром – редким мрамором, который добывался в единственном месте в Египте. Мрамор был пурпурного цвета (со времен Римской империи – цвет императорской власти) и усеян белыми крапинками. В этом зале рожали императрицы. Поэтому сын императора назывался «багрянородным», или «порфирородным», то есть «рожденным в Порфире», и со временем народ Константинополя уверовал в то, что

истинный император – тот, кто появился на свет именно в этом зале. Константин VII, хотя и родился в четвертом браке императора, был все-таки багрянородным, и потому, когда амбициозный друнгарий флота Роман Лакапин совершил в 919 году переворот, он не мог попросту избавиться от него, как Фока от Маврикия или Ираклий от Фоки. Вместо этого Роман вынужден был поступить более осторожно: он выдал замуж за Константина свою дочь и тем самым связал свою семью с законной династией. А полтора года спустя провозгласил себя кесарем, что было на ступень ниже, чем император. Только в декабре 920 года Роман был коронован как император в соборе Святой Софии, но даже тогда он не сменил Константина Багрянородного, а правил совместно с ним. Несомненно, Роман рассчитывал, что это не продлится вечно. В свое время его династия, Лакапины, должна была сменить Македонян, и он готовился к этому дню, коронуя также своего сына Христофора. Но пока что на золотых монетах оба императора изображались рядом, стоящие бок о бок и держащие крест. Правда, Роман следил за тем, чтобы его изображение было крупнее, чем Константиново.

Но, опытный политик, Роман все-таки просчитался. Его династии не суждено было сменить Македонян. Все рухнуло в конце 944 года. Сыновья Романа, устав ждать, свергли своего отца и заточили его в монастырь. Точно так же они хотели поступить с Константином VII, а затем стать правящими императорами, но, когда весть об этом разнеслась по городским улицам, приверженные Македонской династии жители Константинополя решили вмешаться в происходящее. Разъяренная толпа собралась у Медных ворот Большого дворца, требуя, чтобы ей показали императора Константина, живого и здорового. Только когда Константин появился с непокрытой головой, чтобы его можно было узнать, люди разошлись. Планы братьев Лакапинов сорвались, и им оставалось лишь беспомощно дожидаться, когда Константин при поддержке своих сторонников схватит их и отправит в изгнание. После этого с 945-го до самой своей смерти в 959 году Константин Багрянородный правил единолично, и Македонская династия продолжилась. Именно Константин произнес политическую эпитафию Роману I: он оказался успешным воином и дипломатом, сумевшим дать отпор царю Симеону, но в других отношениях был «простым неграмотным человеком, не принадлежащим к тем, кто с детства воспитывался в царских покоях».

Сохранение Македонской династии обеспечило продолжение того курса, которого в предыдущем столетии придерживались Фотий, Варда и их окружение. Его сторонники, как правило, имели классическое образование, вероятно полученное в Магнавской школе, но при этом ни в коей мере не были далекими от мира учеными мужами. Их подход к защите империи был, напротив, исключительно практичным. Стоящая на пути миграций народов Византия не могла обеспечивать свою безопасность одной лишь военной силой. Вместо этого она должна была управлять своими врагами, сталкивая одного с другим и включая их, когда возможно, в духовную и религиозную орбиты империи. Война считалась неприятной необходимостью, на которую решались лишь в крайнем случае. Этот подход был приведен в систему и изложен в целом ряде практических руководств, составлявших при византийском дворе во времена правления Льва VI и Константина VII. Так, трактат «Тактика»^[7] Льва VI олицетворяет глубокое недоверие к полномасштабным военным действиям и предлагает более мудрые альтернативы:

«Полезно наносить противнику ущерб путем обмана, набегов, голода, вредить ему в течение долгого времени частыми нападениями и другими действиями. Никогда не давайте вовлечь вас в решающую битву. Мы видим, что чаще всего успех достигается везением, а не храбростью... Многократных побед над врагами можно добиться и без войны, с помощью денег. Если у них есть другие враги... предложение денег должно побудить их начать войну против ваших противников».

Еще более четко эти альтернативы были описаны Константином VII в трактате «Об управлении империей»^[8], дипломатическом руководстве, которое он оставил своему сыну, Роману. В нем рассказывается о народах, живших на границах империи, и даются советы относительно того, как лучше держать их в узде. В случае с русами и болгарами лучшей стратегией была ежегодная плата печенегам за то, чтобы в случае необходимости они нападали на болгар, переправляясь через Дунай, или перекрывали Днепр, по которому русы попадали в Черное море. Если же сами печенеги вдруг пошли бы на Византию, надо было обращаться к их соседям узам. И тех же узов, а также аланов можно было в случае чего использовать против традиционных союзников Византии хазар. Но этими дипломатическими маневрами дело не ограничивалось. Для Константина VII и его окружения очень важно было поощрять и укреплять

дружественные отношения с соседними народами, и для этого не было способа лучше, чем оказывать им пышный прием в Константинополе. Посланников испанского халифа из рода Омейядов Абд ар-Рахмана III, который был не в ладах со своим соперником Аббасидом в Багдаде, принимали в 946 году в Магнаврском дворце, который специально по этому случаю убрали шелками. Впечатляющий прием был оказан в 957 году Ольге, вдове Киевского князя Игоря, которая подумывала об обращении в христианство: княгиню встречали под звуки органной музыки, а ее сопровождавших одарили серебряными монетами. Константин VII Багрянородный любовно описал эти случаи в руководстве по имперскому церемониалу. Такая щедрость играла свою роль и в военных кампаниях. Константин советовал всегда возить в армейском обозе дорогие шелка, которые могут быть преподнесены в качестве даров по окончании военных действий при заключении мирного договора.

Этот практичный, далекий от героического подход образованной столичной элиты уже доказал свою состоятельность, приведя к развитию славянской письменности и ритуала церковной службы, обращению в христианство болгар и сербов и расширению византийского культурного влияния далеко за пределы границ империи. Но в то же время он способствовал созданию картины мира, в центре которой был Константинополь. Эта концепция разрабатывалась и проводилась в жизнь небольшой группой людей, одинаково хорошо образованных и обитавших в Большом дворце. Для них Константинополь был единственным центром власти, образования и культуры в империи, и они часто относились со свойственным таким людям высокомерием к тем, кто родился за его стенами. Члены этого круга, которые оказывались заброшенными в отдаленные районы империи, оплакивали свою судьбу и с нетерпением ждали дня, когда смогут вернуться в столичный «большой свет». Священник, назначенный епископом небольшого города Синода в Малой Азии, горько жаловался в письме к императору Василию II на условия, в которых он оказался, в том числе на отсутствие хорошего вина:

«У нас не растут оливковые деревья; никто не выращивает их в феме Анатолик. Наш край не знает виноделия, поскольку расположен на значительной высоте. Для топки мы вместо дерева используем специально приготовленный навоз, вещь самую мерзкую и дурнопахнущую; и все необходимое для людей, для здоровых ли или занемогших, мы привозим из фемы Фракиссия, из Атталейи или из самого Константинополя».

Такое мировоззрение и эрудированный прагматизм Константина Багрянородного ярко контрастируют с агрессивной идеологией приграничных военных кланов, выраженной в «Дигенесе Акрите». Очевидная разница видна даже в грамматике и лексике: в то время как Константин Багрянородный пользовался архаичным и высокопарным языком Магнаврской высшей школы, эпическая поэма была написана на разговорном греческом. Иными словами, к середине X века между столицей и провинциями начал возникать разрыв. Провинциальные наместники крайне недоверчиво относились к Константинополю и императорскому двору с его тщательно разработанным церемониалом и строгой иерархией. Всего этого, как один сановник советовал сыну, следовало избегать, как чумы. Гораздо лучше оставаться в своей провинции:

«Если у тебя есть своя земля, укрепленное место или поместье, где ты являешься владельцем и правителем, не позволяй себе соблазниться золотом, почестями или великими обещаниями императоров ... В глазах императора и всех прочих ты будешь оставаться значимой персоной, заслуженной, уважаемой и благородной до тех пор, пока ты, твои дети и дети твоих детей будут оставаться на своей земле и при своей власти».

В свою очередь императоры из Македонской династии и их советники в Константинополе мало доверяли малоазиатским военачальникам, несмотря на все их победы, одерживаемые на границе. Как Юстиниан опасался Велизария, а Лев III и Константин V – стратигов фем, так в начале 900-х годов императоры воспринимали успешных полководцев вроде Андроника Дуки и Иоанна Куркуаса как потенциальных узурпаторов. Имея огромные богатства в виде имений в Малой Азии и командуя большими армиями, готовыми последовать за ними всюду, они могли бы свергнуть Македонян, стоило им только захотеть. И подобные подозрения были вполне обоснованными, потому что не так уж давно наместник провинции предпринимал такую попытку.

Вскоре после того, как в 913 году семилетний Константин VII взошел на престол, Константин Дука, сын Андроника, повел свои войска в столицу. Ночью сторонники, находившиеся внутри, помогли ему войти в город, и группа людей с факелами двинулась в сторону ипподрома, по дороге провозглашая Дуку императором. Но когда они дошли до ворот стадиона, те оказались заперты: жители Константинополя, верные Македонской

династии, преградили узурпатору путь. Конюший Дуки, уверенный, что легко разгонит этот сброд, повел отряд вперед, чтобы освободить ворота, но не успел открыть их, как оттуда вылетело копье и поразило его. Тогда Дука решил прорваться в Большой дворец через Медные ворота. Но и там его встретило отчаянное сопротивление со стороны дворцовой стражи. Дука пустил лошадь в галоп перед своими солдатами, чтобы вдохновить их на бой, но забыл, что находится не на равнинах Анатолии: его лошадь поскользнулась на плитах мостовой и сбросила его на землю. Дука потерял сознание, и тут подоспел кто-то из его противников и отрубил ему голову. Скользящая мостовая спасла династию, но Дука подобрался к императору слишком близко. И это было только вопросом времени, когда кто-то еще решит предпринять новую попытку.

Однако в 919 году власть захватил не представитель известного военного клана: Роман Лакапин хоть и дослужился до звания друнгария флота, но был сыном армянского крестьянина. Придя к власти, он не только сохранил Македонскую династию, но и стал чем-то вроде «браконьера, превратившегося в егеря». Не будучи ни военным аристократом, как Дука, ни представителем высокообразованной столичной элиты, он мог беспристрастно взглянуть на отношения между столицей и провинциями и в результате сделал собственные выводы. Поначалу он прославлял и продвигал Иоанна Куркуаса за его победы на Востоке, но в конце концов стал относиться к нему с подозрением. Через несколько месяцев после триумфального возвращения из Эдессы в 944 году Куркуас был внезапно разжалован из доместиков. Но не только клан Куркуасов беспокоил Романа. Он заметил, что многие из могущественных семей Малой Азии обзаводились очень обширными поместьями отчасти за счет того, что скупали землю у местных крестьян. Чем больше земли они приобретали, тем более могущественными становились, и Роман принял меры, чтобы остановить их. В 922 году он ввел закон, призванный помешать тому, чтобы земли крестьян-бедняков попадали в чужие руки. Согласно этому закону, если крестьянин желал продать свою землю, преимущественное право на покупку имели его родственники и соседи. Только если они не хотели или не могли приобрести ее, это мог сделать кто-то еще. Закон этот работал плохо. В 927–928 годах выдалась суровая зима, был голод, и многие аристократы задешево скупили землю отчаявшихся крестьян, так как никто другой был не в состоянии заплатить за нее. Роман ответил на это новым законом, принятым в 934 году и постановившим, что земли, купленные менее чем за половину справедливой цены, должны быть возвращены первоначальному владельцу безо всякой компенсации. Если же они были

куплены более чем за половину своей стоимости, земельный участок должен был быть возвращен, но стоимость покупки отдавалась в течение пяти лет. Та же озабоченность, вероятно, стояла за решением Романа, принятым после того, как Куркуас завоевал в 934 году Мелитену: город и прилегающая территория должны были стать собственностью империи. Роман не желал, чтобы все это прибрали к рукам местные чиновные землевладельцы.

Константин VII не любил своего тестя, но после свержения Лакапина продолжил его политику. Он ужесточил законодательство Романа серией собственных законов, опечаленный тем, что «мы получили известие о нищете и бедности людей в феме Анатолик и о том, что их угнетают сильные мира сего...» Вероятно, именно Константин отменил то, что на протяжении веков было одной из основ системы фем, – слияние гражданской и военной власти. Отныне стратиг только командовал армией, а гражданские дела отдали в другие руки. Поскольку члены могущественных семей монополизировали должность стратига, это был способ подрезать им крылья. Ирония заключалась в том, что и Роман I, и Константин VII, принимавшие столь жесткие меры, в то же время зависели от тех самых семей, которых опасались, так как те защищали границы империи и этим помогали им удерживаться на престоле. Поэтому в конечном итоге военные кланы не только не подавлялись, но один из них занял господствующее положение.

* * *

Свергнув в январе 945 года сыновей Романа Лакапина, Константин VII не стал полагаться исключительно на поддержку жителей Константинополя, но предусмотрительно окружил себя выдающимися военными. Одним из них был некий Варда Фока, происходивший, как и Дука и Куркуас, из богатой малоазиатской семьи, которая веками защищала границу от арабов. Варда был из тех людей, которых полезно иметь рядом в кризисной ситуации. Он отличился во время нападения русов на Константинополь в 941 году, когда дружина противника высадилась на берег, чтобы запастись провизией, и конники под командованием Варды истребили их всех до одного. И именно Варда был среди тех воинов, которые ради Константина VII нанесли решающий удар – арестовали братьев Лакапинов, когда те обедали в Большом дворце. Разумеется, став единоличным правителем, Константин наградил тех, кто поддержал его.

Варда Фока стал доместиком схол, а его сыновья Никифор, Лев и Константин – стратигами Анатолика, Каппадокии и Киликии. В результате этих назначений семья Варды полностью контролировала войска Византии на Востоке.

В качестве доместика Варда Фока не добился больших успехов, хуже того: его пребывание на этом посту было отмечено поражением, которое он потерпел у Германикии в 954 году. В ходе случайного столкновения с отрядом, которым командовал эмир Алеппо из династии Хамданидов Саиф ад-Даула, Варда не сумел справиться со своими солдатами, и большинство из них бежали. Сам Варда попал бы в плен, но телохранители окружили его и скрылись вместе с ним. В этом бою он получил глубокую рану на лбу, и шрам остался на всю его долгую жизнь. Сын Варды, Константин, стратиг Киликии, тоже был там, но не успел бежать и через несколько лет умер в плену в Алеппо. После этого поражения репутация Варды так и не восстановилась. Кто-то сострил, что он был прекрасным командиром, когда служил под командованием кого-то другого. Однако удачу семье Варды вернули два других его сына, Никифор и Лев, оба талантливые военные. Спустя два года после отцовского поражения Лев перехватил армию Саифа ад-Даулы, возвращавшуюся из набега: кто-то сообщил ему, каким путем пойдут арабы. Встретив их в узком месте, он уничтожил основные силы противника. Его брат Никифор, который сменил отца на посту доместика схол, тоже удачно вел войны с Хамданидами на Востоке, но по-настоящему прославился на Западе, где под его командованием был добыта величайшая победа Византии того века.

С тех самых пор, как в 820-е годы арабские корсары вторглись на Крит и оккупировали его, византийцы стремились вернуть себе этот остров. Не только потому, что он был богат и плодороден, но и потому, что, благодаря своему географическому положению, Крит как нельзя лучше подходил для того, чтобы совершать с него морские набеги на византийские берега и острова в Эгейском море, в чем арабы имели полное преимущество. Предпринималось несколько попыток отбить Крит, но все они закончились провалом. Военачальникам не удавалось решить сложную задачу – переправить достаточно большую армию вместе с лошадьми по морю и безопасно высадить ее на берег, готовую к бою. После смерти Константина VII в 959 году его сын и преемник Роман II (правил в 959–963 гг.) решил, что нужно предпринять еще одну попытку, и поставил эту задачу перед доместиком Никифором Фокой.

Весной 960 года Никифор собрал свою армию в Фигелах к югу от Эфеса. Настрой был хорошим, поскольку солдаты любили своего

командующего: считалось, что он заботится о людях. Во время военных кампаний Никифор разделял с ними все тяготы и невзгоды. Однажды, отдав приказ о строительстве укреплений на холме, он сам потащил первый тяжелый строительный блок вверх по склону и велел всем солдатам сделать то же самое. Неудивительно, что войска обожали его и прозвали «Белая смерть сарацин». Вряд ли Никифор был харизматичной личностью: низкорослый, сутулый, с густыми черными бровями и крючковатым носом. Один из его врагов отозвался о нем как о человеке, «с которым вы не захотели бы встретиться в темноте». Не была основана его популярность и на грубых шутках с солдатами. Наоборот, даже в обществе, где вера занимала важнейшее место в жизни каждого, Никифор выделялся своим благочестием. Он мог молиться всю ночь, стоя, и всегда спал на полу в ночь перед причастием. Призвание солдата domestik считал недостойным и страстно желал стать монахом. Больше того, он собирался принять постриг, как только кампания на Крите успешно завершится. В то время как шла подготовка к вторжению, Никифор совершил плавание через Эгейское море к полуострову Афон в Северной Греции, где испросил духовного совета у нелюдимого отшельника Афанасия.

Но, несмотря на весь свой религиозный пыл, Никифор Фока не пренебрегал воинским долгом. Он тщательно продумывал тактику и стратегию – даже написал книгу на эту тему. Все свои знания и опыт Никифор применил при подготовке к экспедиции на Крит. Когда все было готово, войско погрузилось на корабли. Такая большая флотилия не могла подойти к острову скрытно, и арабы ждали на берегу, готовясь напасть, когда захватчики окажутся в наиболее уязвимом положении – при высадке на берег. Никифор, однако, подготовился к этому. Он оснастил суда трапами, так что близко к берегу и пехота, и кавалерия смогли сойти с кораблей в полной боевой готовности. Арабы были столь поражены увиденным, что отошли, и наступление начали византийцы, заставив в конце концов арабов укрыться за стенами их столицы, города Хандак. За зиму 960–961 годов армия Никифора сумела занять большую часть острова и начала осаду Хандака.

Когда весть об этом достигла Большого дворца, реакция там была неоднозначной. Естественно, началось ликование, поскольку происходящее означало, что Крит, скорее всего, будет возвращен Византии, но в то же время поползли слухи, будто прославленный полководец намеревается воспользоваться своей победой, чтобы захватить престол. Главный министр императора, евнух Иосиф Вринга, который ведал всеми делами государства, особенно встревожился и стал убеждать Романа II отозвать

своего опасного подданного. К счастью, Роман не внял совету Вринги, и в марте 961 года осаждающие войска ворвались в стены крепости. Крит был возвращен Византии.

Оставив на завоеванном острове гарнизон и уверившись в том, что Крит надежно защищен, Никифор с частью флота вернулся в Константинополь. Он с триумфом въехал в столицу, и полученные трофеи, от доспехов и щитов до золотых монет и ковров, были выставлены на всеобщее обозрение на ипподроме. Часть завоеванных богатств должна была пойти на создание новой обители на Афоне, известной как Великая Лавра, а ее настоятелем должен был стать отшельник Афанасий. Возможно, Никифор даже хотел присоединиться к братии, но ему не дали мирной передышки: Роман II почти сразу же отправил его на восточную границу. Саиф ад-Даула воспользовался тем, что большая часть византийской армии находилась на Крите, и совершил набег в Малую Азию. Брат Никифора Лев перехватил его войско и изгнал прочь, но теперь Никифору предстояло свершить окончательное возмездие. В результате вторжения в Сирию столица Хамданидов Алеппо была взята и разграблена, а затем византийцы вернулись в свои земли.

Энергичность и эффективность братьев резко контрастировала с положением дел в столице. В то время как отец Романа II в основном сидел за книгами в библиотеке, сам молодой император предпочитал хорошо проводить время в кругу друзей. Его главный министр, Вринга, только поощрял Романа в этом, так как предпочитал, чтобы император ни во что не вмешивался и он мог бы сам решать все государственные вопросы. Это оказалось ошибкой, обошедшейся очень дорого. В 963 году во время Великого поста Роман отправился на охоту в пригороды Константинополя, а когда вернулся, почувствовал себя очень плохо. Через несколько дней он умер, став жертвой внезапного недуга. Смерть молодого императора была совершенно неожиданной. Патриарх Константинопольский Полиевкт сразу же вмешался и заявил, что теперь законными императорами являются сыновья Романа, но Василий II был еще мальчиком, а Константин VIII и вовсе младенцем. Империя снова оказалась в том же положении, что и в 913 году. Вдова покойного императора Феофано стала регентом вместе с патриархом и Врингой, но все понимали, что в такой ситуации кто-то из военачальников почти наверняка попытается захватить власть, как это сделал в 919 году Роман Лакапин. Императрица сильно недолюбливала Врингу, не доверяла ему и явно размышляла над тем, что, если случится военный переворот, ей надо бы оказаться на стороне победителя.

Как представляется, именно Феофано направила послание Никифору

Фоке, умоляя его приехать в Константинополь. Не прошло и месяца после смерти Романа, как генерал прибыл, привезя с собой добычу из Алеппо, которую демонстративно внес в государственную казну. В следующие несколько недель ничего не происходило. Императрица продолжала быть регентом при своих сыновьях, а Вринга управлял империей. И хотя он опасался Никифора Фоки, тот спокойно жил в своем доме в Константинополе. Однажды вечером в начале лета, когда Вринга собирался ужинать, в дверь его дома постучали и слуга объявил, что к нему прибыл с визитом сам прославленный генерал в сопровождении всего лишь одного охранника. Вринга был так поражен, что не придумал ничего лучше, как пригласить Фоку в боковую комнату для частного разговора. Там Фока показал евнуху власяницу, которую носил под туникой, и заверил его, что у него нет ни малейшего желания быть императором – только монахом. Вринга, похоже, поверил Фоке и даже попросил у него прощения за то, что думал о нем плохо. Несколько дней спустя генерал покинул столицу, чтобы присоединиться к своей армии.

Вполне возможно, Никифор Фока был искренен в своих заверениях, но тут Вринга совершил ошибку. Раскаявшись в легковерии, с которым он принял заверения опасного соперника, Вринга отправил тайные послания некоторым из его подчиненных, в том числе племяннику Фоки Иоанну Цимисхию, обещая им награду, если они арестуют своего командира. Он не учел того, что его противника в войске любили: Цимисхий и другие просто показали полученные письма Никифору. И он был вынужден согласиться на то, чтобы войска провозгласили его императором. Это произошло в Кесарии 2 июля 963 года. После этого Никифор Фока выступил в поход на Константинополь. Весть о его приближении вызвала переполох. Отец узурпатора вместе с другими родственниками скрылся в соборе Святой Софии, в то время как Лев, переодевшись ремесленником, бежал из города, выбравшись через городскую канализацию, и поспешил навстречу брату. Никифор, однако, отправил впереди себя епископа с посланиями к патриарху и горожанам, обещая, что, если они примут его как императора, он будет защищать права молодых представителей Македонской династии. Не только императрица, но и многие при дворе сочли, что лучший выход – признать Никифора императором. Среди дворцовых евнухов был незаконнорожденный сын покойного Романа I Василий Лакапин, которого в детстве кастрировали, чтобы он не мог претендовать на престол. Один из администраторов Большого дворца, он давно уже соперничал с Врингой. Лакапин вооружил 3000 своих слуг и напал на дома Вринги и его сторонников, и теперь для всесильного министра настал черед прятаться в

храме. 16 августа на корабле прибыл Никифор и вступил в город через Золотые ворота, сопровождаемый криками: «Встречайте Божьим соизволением императора Никифора!» В то время как его сторонники захватили Врингу и отправили его в изгнание, сам полководец прибыл в собор Святой Софии для венчания на царство как Никифор II (правил в 963–969 гг.). Месяц спустя он узаконил свое положение, женившись на Феофано, и таким образом стал отчимом двоих ее сыновей. Как и при Романе I Лакапине, Никифор II и Василий II изображались на монетах вместе, но бесспорным правителем империи был тот, кто старше.

* * *

Теперь, когда одна из ведущих семей военной аристократии правила империей, осторожная тактика Фотия и Константина Багрянородного была снята с повестки дня. Безжалостная война на Востоке возобновилась. В 965 году был захвачен Тарс. Кипр, несколько веков находившийся в совместном управлении арабов и византийцев, теперь был возвращен под единоличную власть Византии. Хамданидский эмир Алеппо был вынужден признать над собой власть императора, а в 969 году к Византии вернулся и великий город Антиохия, который три столетия назад отошел к арабам. Эти кампании проводились в атмосфере религиозного подъема, что напоминало войну с Персией во времена Ираклия.

Никифор II потребовал даже, чтобы патриарх объявлял воинов, погибших в боях против арабов, мучениками за веру, но своего не добился. Череда побед закрепила почти легендарный статус Никифора в армии, и жители Малой Азии, похоже, тоже были о нем высокого мнения. Во время его правления в церкви в Каппадокии была написана фреска, изображавшая его вместе с Феофано, отцом и братом. Фреску украшала надпись: «Да хранит всегда Господь наших благочестивых правителей». Ни юный Василий II, ни его брат Константин VIII упомянуты не были.

Показательно, однако, что в Константинополе Никифора почитали гораздо меньше, чем в провинциях, особенно после первых бурных дней его воцарения на престоле в 963 году. Образованным придворным конфронтационная политика нового императора казалась опасной, а его манеры – грубыми. Их раздражало отсутствие у него дипломатической тонкости, ибо он обладал даром едких острот, которые свободно обрушивал на послов зарубежных стран, чем-либо ему не угодивших. Посланнику Болгарии пришлось выслушать, как о его царе пренебрежительно

отозвались как о «вожде, покрытом шкурами и грызущем сырую кожу». Епископу, который прибыл в Константинополь по поручению германского императора, было сказано, что войска его хозяина не умеют воевать, потому что «им мешает их обжорство, их бог – чрево». Епископ пожаловался, что в его предыдущий визит, когда Византией правил Константин Багрянородный, с ним так не обращались. Тогда он ушел с многочисленными дарами. Царедворцам пришлось объяснять:

«Император Константин – мягкий человек, он всегда жил во дворце и превращал другие народы в дружественные таким способом. А Никифор... предан военному делу и бежит от дворца, как от заразы... С ним трудно ладить, он не подарками привлекает в дружбу, а подчиняет себе страхом и железом».

Император имел, однако, одного убежденного сторонника среди придворных в лице Василия Лакапина, сменившего свергнутого Врингу на должности «паракимомена», главы правительства. Лакапин и его окружение, несомненно, разделяли отношение константинопольцев к Македонской династии, но они понимали значение военных побед Никифора и осознавали, что его несомненным достоинством было отсутствие наследника. Его единственный сын умер несколько лет назад, когда был случайно поражен копьем во время воинских упражнений. Теперь же императору было под 60, и казалось маловероятным, что в браке с Феофано у него может родиться ребенок, – он едва ли мог попытаться сменить Македонскую династию своей собственной. Так что сложившееся на тот момент положение дел устраивало все стороны.

Однако же за пределами дворца и на улицах Константинополя императора-воина люто ненавидели за то, что он ставил нужды своего войска выше нужд всех остальных подданных. Когда в 963 году он вошел в Константинополь, чтобы стать императором, многие солдаты воспользовались этой возможностью, чтобы ограбить дома горожан, и богатых и бедных. Новый император даже не пытался пресечь это или наказать грабителей, мимоходом заметив: «Неудивительно, что при таком множестве людей некоторые своевольничают». Чтобы снабжать свои все возрастающие в численности войска и платить им, Никифор реквизирует продовольствие, когда в этом возникала нужда, и ввел новые налоги. Он даже прибег к манипуляциям при чеканке золотых монет. Несколько веков эталонной византийской золотой монетой была номисма весом 4,55 грамма. Теперь же в обращение ввели новую, более легкую монету, тетартерон.

Никифор постановил, чтобы подати вносились номисмами, а сама казна рассчитывалась тетартеронами. Так он получал чистую прибыль в золоте на каждой операции.

Непостоянные жители Константинополя вскоре проявили свои чувства. В один из приездов императора в столицу, когда он ехал верхом по улицам, толпа осмеяла его и забросала грязью и камнями. Две женщины, мать и дочь, забрались на крышу своего дома и стали бросать в Никифора камни. Никифор, однако, продолжал, несмотря ни на что, ехать, не глядя ни налево, ни направо, и с наступлением темноты беспорядки улеглись. Но оскорбление не осталось безнаказанным. Кто-то запомнил дом, в котором жили две женщины. На следующий день их схватили, вывезли за город и сожгли. При всей своей невозмутимости Никифор был обеспокоен. Он приказал возвести вокруг Большого дворца мощные стены, возможно памятуя о том, как народный протест помог свергнуть Лакапина в 945 году. Но отделенный от народа стеной, Никифор все же сохранял дружелюбие и мог принять шутку. Однажды к нему подошел седой старик, который хотел завербоваться в стратиоты – солдаты. Никифор сказал ему, что он слишком стар, чтобы служить. «Нет, сейчас я стал значительно сильнее, чем прежде, когда был юношей! – возразил старик. – Раньше купленный на номисму хлеб я возил, нагрузив его на осла, а в твое царствование хлеб на две номисмы я, не ощущая тяжести, могу носить на плечах». Это был намек на ведущую к инфляции политику Никифора, но, к его чести, император оценил остроту.

По иронии судьбы в конце концов Никифор пал жертвой не константинопольской толпы, а представителей его собственного класса. Военачальники в Малой Азии ожидали, что, взойдя на престол, новый император отменит законы, мешающие им приобретать земельную собственность. Никифор благоволил к ним, но законы оставил. Ведь теперь, когда он благополучно воцарился на престоле, не в его интересах было поощрять обогащение потенциальных соперников. И когда созрел заговор, во главе его оказался бывший верный помощник Никифора, его племянник Иоанн Цимисхий, который сопровождал императора во многих его походах и был потомком прославленного Иоанна Куркуаса. Как и его дядя, Цимисхий был маленького роста, но имел репутацию человека храброго до опрометчивости: несколько раз он в одиночку вступал в бой со множеством противников. Осенью 969 года Цимисхий получил сообщение, призывающее его в Константинополь. Оно было от Никифора, но послал его император по наущению своей жены, которая убедила мужа в том, что недавно овдовевшему Цимисхию необходимо найти подходящую жену.

Приехав, Цимисхий обнаружил, что Феофано имела на уме нечто иное. Она стала просить его избавить ее от грубого и чрезмерно набожного мужа и занять его место в качестве императора. Цимисхий охотно согласился, поскольку у него в душе таились свои обиды, и таким образом заговор был составлен.

Якобы тайный план вскоре стал широко известен в дворцовых кругах, и кто-то даже пытался предупредить Никифора. Однажды вечером он нашел в своей спальне записку, в которой потенциальным его убийцей называли Цимисхия. Несколько дней спустя в церкви священник передал ему загадочное послание, в котором говорилось: «Приготовься, о император, ибо немалая опасность готовится...» Но почему-то он не отреагировал на эти предупреждения. Декабрьской ночью Цимисхий и его сообщники приплыли на лодке в гавань Большого дворца, и через окно их подняли на веревках наверх сообщники, находившиеся во дворце. К этому времени Василий Лакапин уже знал о заговоре, но, почуяв, откуда ветер дует, лег в кровать и сказался больным. Даже сам Никифор почувствовал, что что-то затевается, и послал записку своему брату Льву с просьбой прибыть во дворец с группой вооруженных людей. Но Лев был занят: он играл в кости с друзьями, и ему везло. Засунув записку под диванную подушку, он продолжил игру. Таким образом, заговорщики беспрепятственно добрались до спальни Никифора и обнаружили дверь незапертой. Войдя, они, однако же, увидели, что кровать пуста. Обескураженные, они решили, что их заговор раскрыт, и вышли, но тут один из слуг Феофано сообщил им, что все в порядке: Никифор должен быть в комнате, просто у него есть привычка спать на полу. Так он готовился к монашеской жизни, о которой по-прежнему мечтал. Снова ворвавшись всей толпой в спальню, заговорщики нашли спящего императора, причем на кровати, в дальнем ее углу. Они разбудили его яростными пинками, и один из них обрушил меч на его незащищенную голову. Никифор все-таки успел позвать на помощь, так что они отрубили ему голову и держали ее в окне, чтобы те, кто спешил на помощь, могли видеть, что они опоздали. По приказу Цимисхия лишь через сутки тело положили в деревянный ящик, отвезли в храм Святых апостолов и погребли в пустом саркофаге. Только гораздо позже кто-то, хорошо знавший о роли в заговоре Феофано, написал на могиле эпитафию Никифору, который «победил всех, кроме собственной жены».

Тем временем в Большом дворце еще до наступления рассвета Василий Лакапин чудесным образом исцелился от болезни и предстал перед новым правителем, который наградил его тем, что оставил на прежней должности. Все члены семьи Варды были схвачены, спешно посажены на корабли и отправлены на разные острова Эгейского моря. Лев Фока был сослан на Лесбос, где, без сомнения, потом горько сожалел о том, что так долго играл в кости. А Цимисхий и его сторонники отправились в собор Святой Софии, уверенные в том, что его вступление на престол должно быть подтверждено официальной церемонией. Но они не взяли в расчет престарелого патриарха Полиевкта, который преградил им путь и заявил, что человек, который только что убил своего родственника, не может войти в храм, не говоря уже о том, чтобы венчаться на царство. Началось обсуждение условий. Иоанн возразил, что он не был убийцей, ибо сам не наносил ударов, ументвивших его дядю. Не был он и организатором заговора – во главе его стояла императрица Феофано. Он признал, что должен понести наказание за свое участие в преступлении, и пообещал, что раздаст все, чем владел как частное лицо, бедным. Полиевкт уступил и согласился короновать его, но не дал дозволения на вступление в брак с Феофано. Прежняя союзница Иоанна стала теперь препятствием на пути к власти, и потому ее, как и родственников Никифора, сослали на дальний остров. Но Феофана не ушла тихо. Ее пришлось силой тащить из собора Святой Софии, где она укрылась, и в драке императрица исхитрилась ударить по голове Василия Лакапина. Тех двоих, что убили Никифора, также сослали, что, конечно, было слабым вознаграждением за верность Цимисхию. Иоанн I (правил в 969–976 гг.) был коронован императором на Рождество и принял на себя роль своего предшественника в качестве защитника двоих малолетних законных императоров – Василия и Константина.

Что касается жителей Константинополя, то они приняли переворот, так как недолюбливали Никифора. Иоанн узаконил свое положение, женившись на Феодоре, дочери Константина Багрянородного и тете его подопечных. Этот шаг снискал ему популярность среди жителей Константинополя, так как означал сохранение власти Македонской династии. Роскошное празднество было устроено на ипподроме, и таким образом Иоанн оказался весьма популярен в столице. На улицах распевали скабрзные песни об опальной Феофано и ее «любовях», а в целом жизнь продолжалась, как обычно. Оппозиция Иоанну возникла в провинции. Семья Варды была встревожена свержением и гибелью родственника и вынашивала планы по восстановлению своей власти. В лето после

переворота еще один Варда Фока – сын Льва и племянник злополучного Никифора II – сумел сбежать из ссылки в Амасии в феме Армениакон и добраться до владений своей семьи в Кесарии, где войска провозгласили его императором. Не имея возможности оставить Константинополь, Иоанн должен был возложить задачу подавления бунта на кого-то другого. Его покойная жена была из семьи Склир, другого мощного военного клана, и теперь Иоанн поручил ее брату Варде Склиру командовать восточной армией. Вскоре Склир окружил войско Фоки в крепости, заставил бунтовщика сдаться, а затем отправил в более надежную ссылку на остров Хиос.

* * *

Семья Фоки была полностью отстранена от власти, но политику новый император и его союзники Склиры проводили прежнюю. Военная аристократия оставалась на коне, и захватнические войны продолжились. Неожиданная цепь событий привела, однако, к тому, что первые кампании Иоанна как императора велись не только в Малой Азии и Сирии, но и в Болгарии. По договору, заключенному с царем Симеоном в 924 году, византийцы согласились признать его титул и ежегодно производить выплаты золотыми монетами, рассчитывая на то, что, в свою очередь, болгары будут препятствовать набегам тюркских степных народов на византийскую территорию. Сын Симеона Петр уклонился от соблюдения своей части договора, и в 966 году Никифор II прекратил выплаты. Когда вследствие этого началась война, Никифор привел войска к границе и захватил несколько болгарских крепостей, но, памятуя об участии, постигшей его предшественника и тезку в 811 году, не захотел идти дальше. К тому же его внимания требовали военные действия на Востоке против арабов. Вместо этого Никифор решил отступить, прибегнув к тактике, от которой военная аристократия отказывалась, предпочитая прямое военное противостояние. Он решил заплатить кому-нибудь еще, кто мог бы поставить болгар на место. Посланник с 680 килограммами золота был отправлен в Киев к русскому князю Святославу.

Святослав был сыном Игоря и Ольги и отцом Владимира, который позже обратит Русь в христианство, хотя сам Святослав до конца своих дней оставался язычником. Он был грозным воином, недавно разгромил старых союзников Византии, хазар, и летом 968 года по просьбе Никифора повел свою дружину в Болгарию. Вторжение было настолько

разрушительным, что царь Петр поспешил помириться с византийцами и даже отрекся от престола в пользу своего сына Бориса II. Но уже на следующий год то, что казалось триумфом византийской хитрости и дипломатии, стало оборачиваться совсем другой стороной. Во время своего набега Святослав обратил внимание, насколько богаты и плодородны земли между Дунаем и Балканскими горами и как слабо сопротивляются болгары. На следующее лето он снова вторгся в Болгарию, теперь уже по собственной инициативе и с гораздо большими силами. Войско русов, не встречая сопротивления, переправилось через Дунай и двинулось на старую столицу Симеона город Преслав. Болгары укрылись за городскими стенами, а затем совершили небезуспешную вылазку против нападавших. Русы, однако, ответили полномасштабным штурмом города, в результате которого им удалось сломить оборону и ворваться внутрь. С падением Преслава сопротивление болгар было сломлено. Царь Борис попал в плен к Святославу, и русы быстро захватили всю страну. Лишь Филиппополь держался дольше других, но когда он все-таки пал, мстительный Святослав посадил множество его защитников на кол. За какие-то несколько месяцев византийцы получили вместо слабого и неопасного христианского соседа сильного и языческого.

Этот исход, видимо, убедил Иоанна Цимисхия в том, что ни дипломатия, ни другие подобные средства тут не помогут, и он начал готовиться к полномасштабной войне, как против Симеона в 917-м. Всю зиму 970–971 годов он делал запасы оружия и продовольствия в Адрианополе и готовил флот, который мог бы поддерживать армию в Черном море и на Дунае. В апреле он собрал 5000 лучших воинов и перешел с ними Балканские горы, в то время как основная часть армии под командованием Василия Лакапина последовала за ними. Передовой отряд двигался так быстро, что русы были захвачены врасплох, и о походе императора они узнали, только когда он был уже почти у стен Преслава. Около 8000 русских находились за городскими стенами, участвуя в учениях, и, когда подошла византийская армия, они бесславно бежали за укрепления. Вскоре после этого прибыла основная часть византийской армии и начался штурм Преслава. Тринадцатого апреля византийцы ворвались в город, но многие русы не захотели смириться с поражением и забаррикадировались внутри укрепленного дворца царя Симеона. Император Иоанн решил, что самым простым решением будет выкурить их оттуда. Византийцы выпустили горящие стрелы, те влетели в окна, и по всему зданию вспыхнули пожары. Некоторые русы выбежали, остальные погибли в огне. Но пожары опустошили великолепную столицу Симеона,

уничтожив Золотую церковь и прекрасные здания, которые, как он надеялся, могли соперничать красотой с константинопольскими. Пасху Цимисхий встречал среди руин.

Когда город пал, Святослава в Преславе не было, и теперь он шел туда с основными силами, надеясь отбить болгарскую столицу. Серия военных столкновений произошла у города Доростола, и византийцы в конечном счете вышли победителями. К тому времени погибли уже тысячи русов, и Святослав вынужден был признать, что ему надо выпутываться из болгарской кампании. Он отправил к императору Иоанну посланника с сообщением, что готов отказаться от Доростола и покинуть Болгарию. Стремясь завершить дело, Иоанн принял условия. Эта возможность была также использована, чтобы возобновить старый торговый договор, позволявший русам привозить свои товары в Константинополь. А затем русы пустились в долгий обратный путь. Но большинство их так и не достигли Киева: они попали в засаду, устроенную на Днестре печенегами. Среди убитых оказался и князь Святослав.

Одержав безоговорочную победу и захватив всю Болгарию, Иоанн должен был решить, что с нею делать. В ходе кампании он выступал с публичными заявлениями, согласно которым конфликт у него был с русами и он пришел избавить от них болгар. Когда Преслав пал, византийцы освободили Бориса II и его семью. Император отнесся к ним благосклонно и отпустил также всех других болгар, взятых в плен в ходе кампании. Вскоре, однако, стало ясно, что он не собирается возвращать Болгарию ее бывшим правителям. Земли между Балканскими горами и Дунаем были в прошлом византийскими и должны были стать таковыми снова. Было объявлено, что Преслав отныне будет известен как Иоаннополис, «город Иоанна», в честь императора, и там будет править византийский наместник. Несчастный Борис должен был сопровождать императора в Константинополь и принять участие в триумфальном шествии от Золотых ворот к собору Святой Софии. Там он был публично лишен царской короны и регалий, которые затем поместили на алтарь Святой Софии. Бывший царь остался жить в Константинополе и получил титул, позволявший ему принимать участие в церемониях и процессиях.

Иоанн же почти сразу переключил внимание на сирийскую границу, где события быстро развивались. В 969 году Фатимиды, правившие в Северной Африке, двинулись восточнее и захватили Египет, лишив Аббасидов одной из богатейших их территорий и основав собственный шиитский халифат в противовес Багдадскому. Позже в том же году их армии двинулись в Сирию и Палестину, грозя вплотную подойти к

границам Византии. Полувеком ранее византийский император и его советники могли бы увидеть в такой ситуации безграничные возможности для того, чтобы добиться уступок, противопоставляя Аббасидов Фатимидам. Но Иоанн Цимисхий использовал ее, чтобы выступить в поход. Его дерзкий рейд начался весной 975 года. Зайдя глубоко на территорию Сирии, византийская армия сжигала и грабила города на своем пути. Так, Гелиополь был захвачен и разграблен после нескольких дней осады. Но Иоанн был готов и просто принимать дань от горожан. Вскоре он подошел к Дамаску, где уже много веков не видели византийскую армию, но не имели ни малейшего желания разделить судьбу Гелиополя. Жители города вышли встречать императора с дарами в виде денег, лошадей и мулов. В обмен на признание владычества Византии и выплату ежегодной дани Дамаск уцелел, а император двинулся дальше. Получив дань с Бейрута, Триполи и других городов, он устремился на юг, в Палестину, и за сентябрь дошел до города Кесария.

Дерзкое присоединение Болгарии и грабительские завоевательные походы Иоанна в Сирию и Палестину резко контрастировали с той политикой, которую византийцы проводили прежде. При этом он поддерживал ту же атмосферу праведной войны за веру, которая царила в войсках при Никифоре II. Когда в 971 году Иоанн с победой вернулся в Константинополь из Болгарии, во главе шествия на колеснице везли икону Пресвятой Богородицы «Одигитрия», а сам император ехал сзади верхом, таким образом скромно приписывая победу Божьей помощи. Вскоре после этого Иоанн распорядился вместо изображения императора чеканить на бронзовых монетах образ Христа. На Востоке военные кампании Иоанна сопровождалась поиском священных предметов и реликвий. Так были обретены сандалии Христа и несколько волос Иоанна Крестителя. В Бейруте была найдена чудотворная икона распятия Христа: она якобы истекала когда-то настоящей кровью, после того как иудей проткнул ее копьем. А когда в 975 году армия подошла к Иерусалиму, Иоанн даже начал мечтать об освобождении Гроба Господня, который с 638 года находился в руках мусульман.

Но сколько бы побед ни одерживал император, он вынужден был постоянно следить за тем, что происходило в Константинополе, центре политической власти. Что могло прийти на ум Василию Лакапину теперь, когда молодой Василий II повзрослел и был готов вступить в свои права? Император обеспокоился, когда его войска проходили через плодородные сельскохозяйственные земли, недавно отвоеванные у арабов, и он узнал, что большинство из них уже стали собственностью Лакапина. Все деньги,

потраченные на военные кампании, и все тяготы, которые пришлось перенести его воинам, нужны были лишь для того, чтобы сделать человека, который имел все возможности свергнуть императора, еще богаче и могущественнее. Именно такие соображения, вероятно, заставили Иоанна отказаться от мысли захватить Иерусалим (и он был возвращен лишь во время Первого крестового похода в 1099 г.). Вместо этого осенью 975 года Иоанн вернулся в Антиохию, а оттуда направился в Константинополь. Когда его армия достигла окрестностей города Пруса на западе Малой Азии, император на несколько дней остановился в доме видного сановника. Ему предложили чашу вина, и он неосторожно выпил его, чувствуя себя в доме своего верноподданного в безопасности. На следующий день император почувствовал недомогание: у него началось онемение в конечностях, причину которого врачи установить не смогли. Вместо того чтобы остаться на месте, Иоанн решил любой ценой добраться до столицы, и его телохранитель отправился вместе с ним в сторону Босфора. Было начало января, дули сильные ветры. Когда корабль Иоанна причалил у Большого дворца, императора сразу же перенесли в спальню. Он тревожно спрашивал, готова ли его могила. 10 января 976 года Иоанн умер, и многие считали, что он был отравлен по приказу Лакапина. Однако не менее вероятно и то, что император пал жертвой бича средневековых армий – дизентерии.

Неожиданная кончина Иоанна I создала ситуацию неопределенности, ибо никто не знал, кто будет править империей после его смерти. Возьмет ли власть в свои руки другой военачальник, который также будет действовать от имени законных императоров Василия и Константина? Или на его месте окажется Василий Лакапин и получит таким образом доступ к власти, путь к которой для него закрыла кастрация? Или же представители Македонской династии сами восстановят свои права, как произошло в 945 году? Но, пожалуй, самым животрепещущим вопросом был следующий: продолжит ли Византия агрессивные войны против соседних государств или вернется к прежней тактике защиты своих границ, которая так хорошо показала себя в прошлом?

Глава 7

Долгая тень

[Семья Варда] господствовала беспредельно, я полагаю, пока не появились мы.

Земельный закон Василия II (996 г.)

Среди трех групп, боровшихся за власть в 976 году, казалось бы, меньше всего шансов на победу было у Македонян. Прошло уже много лет с тех пор, как император из этой династии реально и эффективно управлял государством, и наблюдатели предполагали, что в скором времени она прекратит свое существование или будет вновь отодвинута в сторону. Но они ошиблись. Македонской династии предстояло решать судьбу Византии еще 80 лет. Она должна была добиться дальнейшего расширения империи и периода относительного мира и процветания, но также и углубить пропасть между Константинополем и провинциями. И это привело к очередному серьезному кризису, на которые так богата история Византии. Сохранение династии, расширение границ, мир, процветание, а также, в какой-то мере, и кризис – за всем этим стоял человек, который управлял империей в течение полувека и определял ее судьбу еще 50 лет после своей смерти. Имя этого угрюмого тирана – Василий II (правил в 976–1025 гг.), и также он известен как Булгароктон (Болгаробойца).

Византийская империя ок. 1050 г.

В 976 году наиболее вероятным сценарием развития событий, особенно в представлении военных в Малой Азии, был такой: место, освободившееся после смерти Иоанна Цимисхия, займет другой полководец или кто-то еще, кто возьмет на себя роль императора и защитника законных наследников, Василия II и его младшего брата Константина VIII. Самым очевидным кандидатом был Варда Склиз, шурин покойного императора Иоанна. Он имел поистине выдающийся послужной список.

Особенно Склиз отличился в бою против войск Святослава, когда лично зарубил до пояса одного из военачальников русского князя. И именно он не дал Варде Фоке Младшему захватить престол в 970 году. Должность доместика схол была разделена, Склиз стал доместиком восточных схол и был достаточно могуществен, чтобы встать на место Цимисхия.

Но в Константинополе, где городское население было предано Македонянам, многие думали иначе. Они ненавидели Никифора II и приняли Иоанна I, только когда он женился на представительнице

Македонской династии. Многие придворные были согласны с этими настроениями народа и считали, что пришло время положить конец доминированию военных. Но что особенно важно, так же считал и самый влиятельный человек при дворе, Василий Лакапин, двоюродный дед двух молодых императоров. Хотя именно он сыграл важную роль в том, что в 963 году Никифор Фока был призван в Константинополь, теперь Лакапин решил положить конец правлению полководцев. Действуя якобы от имени молодых императоров, он отстранил Склира от командования сходами и отправил его к восточной границе командовать несколькими пограничными полками. Правителями империи были провозглашены 18-летний Василий и его младший брат Константин, но фактически всей полнотой власти обладал Лакапин.

Однако сколь проницателен ни был этот человек, он недооценил поддержку, которую Склир имел в Малой Азии. Разгневанный бывший domestik отправился на Восток, и, как только он убедился в том, что все его близкие родственники благополучно покинули Константинополь, войско провозгласило его василевсом. Это произошло в крепости Харпут. Под его знамя стекались добровольцы. Склир изъясил деньги у всех местных сборщиков налогов и таким образом обеспечил достаточно средств для финансирования своей кампании. Кроме того, у него были налажены связи с соседними арабскими эмирами, живущими по ту сторону границы, и они также дали ему людей в войско. Против него бросали армии, и у него ушел почти год на то, чтобы дойти до Константинополя, но, когда он добрался до Никеи и оказался менее чем в 200 километрах от столицы, Лакапин впал в отчаяние. Ему надо было или найти кого-то, кто сумеет остановить Склира, или ждать сокрушительного поражения. Но все, кто мог бы на равных сражаться со Склиром, были не менее опасны, чем сам узурпатор. Нужно было идти на риск, и Лакапин вспомнил о человеке, которого Склир поставил на колени в 970 году, о Варде Фоке, который до сих пор томился в изгнании на острове Хиос. Как и его прославленный дядя, Варда не отличался личным обаянием, был мрачен и суров нравом. Но при этом он был опытным воином и обладал внушительной физической силой. О нем говорили, что его боевой клич приводил в замешательство целую фалангу противника и что он мог одним ударом руки убить человека. На быстроходном судне его доставили с Хиоса во Фракию, он был назначен domestikом и отправлен за Дарданеллы, чтобы сражаться со Склиром.

В течение года два титана бились на равнинах Малой Азии, и Склир в большинстве случаев одерживал верх. Когда в марте 979 года обе стороны в очередной раз встретились на полпути между Анкарой и Кесарией, войско

Склира очень скоро стало теснить полки Варды. Решив, что славная смерть лучше, чем позорное поражение, Варда прищпорил коня и поскакал навстречу самому Склиру. В состоявшемся поединке Склир сумел отрубить ухо коню Фоки, но сам получил от Варды мощный удар по голове. Приближенные Склира положили его на землю, чтобы он пришел в себя, но не смогли привязать его лошадь. Конь военачальника поскакал сквозь ряды солдат, без всадника и весь в крови. Увидев его, воины решили, что их командир убит, и побежали с поля боя. Когда Склир пришел в себя, стало ясно, что все проиграно, и он также бежал на арабскую территорию, добрался до Багдада, а там сдался на милость халифа. Так, почти случайно, Варда Фока спас Лакапина.

Теперь могущественный евнух безраздельно правил в Константинополе, а у восточных границ командовал domestик Варда Фока. В традициях своих предков он совершал регулярные набеги на арабскую территорию, вымогая деньги у незащищенных городов, обогащаясь сам и обогащая своих людей. Это хрупкое равновесие нарушилось только тогда, когда на сцену вышел новый и весьма неожиданный участник: молодой император Василий II. В юности и в возрасте за 20 он, как и его отец Роман II, жил легко и свободно, не интересуясь политикой, наслаждаясь всем тем, что могут дать безграничное богатство и власть, и предоставляя Лакапину управлять империей. И, как и Вринга в случае с Романом II, двоюродный дед Василий Лакапин всячески поощрял его в этом, стараясь держать молодого императора подальше от государственных дел. Однако же со времени разгрома Склира Василий II начал интересоваться происходящими событиями и требовать, чтобы его допустили до его законных обязанностей. В 980 году, когда из Багдада прибыли посланники, чтобы договориться о том, что делать с Вардой Склиром, Василий настоял на том, чтобы принять их лично, хотя Лакапин и вмешивался в их переговоры. Еще несколько лет Василий терпел эту опеку, но в 985 году настал день, когда он сообщил своему двоюродному деду, что тот отстранен, его обширные поместья конфискуются, а сам он отправляется в ссылку. Император постановил даже, что монастырь, основанный Лакапином, должен быть уничтожен, чтобы не осталось никаких следов его бывшего могущества. Так почти в одну ночь евнух потерял все, и его карьера закончилась.

Ход был смелый, но рискованный. Василий лишился самого опытного и надежного советника, и теперь ему предстояло доказать, что он может править империей самостоятельно. И у него появилась возможность сделать это, так как после смерти Иоанна Цимисхия болгары взбунтовались против их включения в состав империи. В то время как правящие силы

Византии были заняты подавлением бунта Склира, правитель болгар Самуил сумел взять Преслав и к 985 году продвинулся на юг до самой Лариссы, центра Фессалии. Летом 986 года Василий II отправился с войском спасать ситуацию, но потерпел поражение, когда попал в классическую болгарскую засаду в одном из ущелий в Балканских горах. Византийцам пришлось пробиваться сквозь заслоны болгар, и они вынуждены были оставить почти все свое снаряжение.

А Варде Фоке только этого и было нужно. Империи, оказавшейся в руках глупого юнца, явно грозило уничтожение. Требовался зрелый и опытный человек, готовый взять власть в свои руки. И на следующее лето, уже второй раз в жизни, Фока был провозглашен в Кесарии императором. Его имя все еще много значило, и немало влиятельных семей поддержали узурпатора. Даже старый соперник Фоки Варда Склир решил вернуться из Багдада и примкнуть к восстанию, получив обещание, что, воцарившись в Константинополе, Фока сделает его доместиком. Тот с радостью встретил бывшего врага в Кесарии, но затем заточил в крепость. Для Фоки Склир был слишком опасен, чтобы оставлять его на свободе.

Шансы на выживание Василия II были теперь очень невысоки, ведь большая часть малоазиатской знати и их последователи выступили против него. Но Василий был византийцем. А что значат для византийца неравные шансы с несметным числом противников, когда он владеет Константинополем? Это значило, что в руках Василия были все ресурсы имперской казны, и он стал искать союзников. Именно тогда он обратился к Владимиру, сыну Святослава, который княжил в Киеве, и предложил ему щедрую плату и руку своей сестры Анны в обмен на военную помощь и соглашение об обращении Владимира в христианство. Ответом на предложение молодого василевса стали 6000 могучих варяжских наемников. С их помощью в 988 году в битве при Хрисополе Василий разбил войско, возглавляемое братом Варды, а следующей весной в Абидосе сошелся в бою с самим узурпатором. Как и тогда, когда был разбит Склир, дело решило не столько военное превосходство, сколько неожиданный поворот судьбы. Варда подумал, что проще и быстрее будет убить или захватить в плен своего соперника, и лично повел лучшие войска туда, где находились Василий и его брат Константин. Мятежник уже почти пробился к ним, но вдруг осадил коня и поскакал обратно. С трудом спешившись, он медленно лег на землю. Когда его люди подбежали к нему, Варда был уже мертв. Никто так и не узнал, что стало причиной его смерти. Некоторые говорили, что он был поражен каким-то метательным оружием: брат Василия Константин даже утверждал, что это было его рук дело.

Также ходили слухи, что слугу Варды подкупили, и он отравил своего господина. А некоторые приписывали это вмешательству Богородицы, икону которой Василий прижимал к груди на протяжении всего сражения. Независимо от причины, лишившись своего предводителя, мятеж закончился с минимальными потерями с обеих сторон.

Василий торжественно прошел маршем со своей армией через всю Малую Азию и в ноябре 989 года достиг Антиохии. Брат Фоки Лев сдал город императору. Варда Склир также попал к нему в плен после того, как сбежал из заточения и попытался вновь заявить свои права на престол. В этом случае Василий проявил милосердие, поскольку Склир был уже в преклонных годах. Ему был дарован титул куропалата и дозволено с почетом удалиться в свои поместья в Малой Азии, а его сторонники были избавлены от преследования. Василий настоял также на том, чтобы они встретились, дабы обсудить соглашение, и в назначенный день Склир появился в лагере Василия. Они сидели и пили вино в шатре императора, и Василий сделал глоток из чаши Склира, прежде чем передать ее своему гостю: оба еще помнили о судьбе, постигшей Фоку. Молодой василевс обратился к старому полководцу с просьбой дать ему совет: как в будущем предотвратить раздоры, терзающие империю с 976 года? На это Склир откровенно ответил императору, что надо держать в узде людей знатного происхождения: *«Искореняй чрезмерно возгордившихся наместников. Не давай слишком много военным. Истоци их несправедливыми поборами, чтобы они были заняты своими собственными делами»*.

На этом разговор подошел к концу. Несостоявшийся император уехал, и Василий больше никогда не видел его. Однако же совет, данный Склиром, запомнился василевсу. Почти с самого начала между величественной столицей Византии и ее провинциями существовало некое противоречие. Политическая доктрина, согласно которой тот, кто не обладал Константинополем, не мог быть императором, заставляла правителей оставаться в столице и препоручать защиту границ кому-то другому. А это, в свою очередь, угрожало тем, что популярный и победоносный полководец придет в столицу со своим войском, чтобы свергнуть государя или сделать его своей марионеткой, как и поступили Роман I, Никифор II и Иоанн I. Чтобы разрешить эту дилемму, Василий II выработал собственный уникальный стиль управления. С одной стороны, он решил взять на себя командование армиями, став первым императором-полководцем из Македонской династии со времен своего прапрадеда Василия I, и таким образом побить военачальников Малой Азии в их собственной игре. Он даже перенял их воинственный облик и презрительное отношение ко двору

в Константинополе и его церемониям. Давая аудиенции, он надевал простое пурпурное одеяние и избегал украшений, в отличие от своих предшественников, носивших шелка и множество драгоценностей. Интеллектуалы, вроде Фотия, не были желанными гостями при его дворе, и он настаивал на том, чтобы все прошения и приказы были написаны простым и доходчивым языком. Но это была только одна сторона медали. С другой стороны, он жестко настаивал на своей легитимности в качестве порфирородного, точно так же яростно, как его предки. Именно это вкупе с захватом военного руководства обосновывало и поддерживало решительные действия императора против военной аристократии, ее власти и привилегий.

Что касается командования византийской армией, то после поражения 986 года Василий оказался неожиданно успешным полководцем, хотя вел свои кампании совсем не так, как военная аристократия, и преследовал иные цели. На границе с Сирией он прекратил нападения на арабские города и нисколько не стремился воевать против неверных, что было так важно для Никифора II и Иоанна I. Вместо этого Василий довольствовался тем, что отстаивал уже достигнутые позиции и, в частности, боролся с угрозой, исходившей от режима египетской династии Фатимидов, которые стремились вытеснить византийцев из Северной Сирии. В 995 году во время военного похода на Балканы Василий получил известие о том, что Фатимиды осаждают старую столицу Хамданидов, город Алеппо. Вместе с 17 000 воинов Василий стремительно двинулся на Восток и прибыл в Антиохию на несколько недель раньше, чем могли ожидать его враги. После целого ряда сражений в 1001 году фатимидский халиф аль-Хаким согласился на перемирие, и широкие боевые действия прекратились. Экспансия на Востоке во время правления Василия происходила за счет христиан, а не мусульман и во многом достигалась не завоеваниями, а путем договоров. Соседние армянские государства становились все более раздробленными из-за внутренних междоусобиц и турецких набегов на востоке, и их правители все чаще обращали свои взоры на византийского императора, ожидая от него помощи и защиты. Одним из таких правителей был Давид, царь Тао-Кларджети, государства, расположенного на берегу Черного моря между Арменией и Грузией. Он помог Василию II подавить восстание Варды Склира, а в 990 году, не имея наследника, составил завещание, согласно которому его земли должны были отойти византийскому императору. Когда в 1000 году он умер, Василий II сделал Тао-Кларджети византийской фемой Ивирия. Другие правители последовали примеру Давида, иногда обменивая свои армянские земли на

поместья в Малой Азии и византийские придворные титулы. К концу правления Василия границы империи простирались далеко на восток, как никогда раньше, – за озеро Ван.

Если на Востоке Василий вел только оборонительные войны, то на Западе он пошел на все, чтобы вернуть территории, утраченные Византией в 976 году после восстания в Болгарии. Но и здесь его тактика отличалась от той, что придерживались два его предшественника. В то время как Иоанн Цимисхий завоевал Болгарию в ходе молниеносной кампании всего за несколько месяцев, Василий решал эту задачу много лет, ведя непримиримую войну на истощение противника. Каждый год, когда ситуация на Востоке позволяла это, он вел свое войско вглубь болгарской территории, сжигая и грабя все на своем пути. Потомки приписали ему победу над болгарским войском и ослепление всех 15 000 взятых в плен, кроме тех немногих, кому оставили один глаз, чтобы они могли отвести своих незрячих товарищей домой. История эта почти наверняка миф: ослепление 15 000 человек лишило бы Болгарию значительной части трудоспособного населения, но современники тех событий никак об этом не упоминают. Но даже если и так, миф свидетельствует о той мрачной решимости, с которой Василий подчинял себе Болгарию. Затяжное противостояние подошло к концу летом 1018 года, когда болгарские полководцы сложили оружие и земли к югу от Дуная вновь перешли под власть Византии.

Василий доказал, что может сравниться с военной аристократией на поле боя, даже если действовал другими методами, но этого было недостаточно. Угроза, которую зная Малой Азии представляла для династии в Константинополе, должна была быть нейтрализована навсегда. Император подождал, пока его позиции достаточно укрепятся, и приступил к выполнению тех рекомендаций, который дал ему Склир. Летом 995 года, когда Василий шел обратно в Константинополь через Малую Азию после кампании в Сирии, к нему прибыла делегация из маленькой деревни. Пришедшие жаловались на неких Филокалов, которые благодаря своему богатству скупили все земли в деревне и окрестностях, превратив их в свое поместье. По приказу Василия все земли были тут же конфискованы и возвращены жителям села, а большой загородный дом Филокалов снесен до основания. Император и его свита двинулись дальше и в Кесарии были радушно приняты в доме Евстафия Малеина, одного из богатейших людей Малой Азии. Василий принял приглашение хозяина, но он хорошо помнил, что именно в этом доме девять лет назад был провозглашен императором Варда Фока. И в конце своего пребывания император предложил Малеину

отправиться вместе с ним в столицу, притом облек свою просьбу в такую форму, что отказаться было невозможно. А по прибытии в Константинополь Малеин был заключен под домашний арест и так, в заточении, но во вполне комфортных условиях, оставался до самой смерти. После нее все его имущество было конфисковано.

Однако Василий повел борьбу не с отдельными людьми, а с целым классом. Вернувшись в Константинополь, зимой император издал новый закон, получивший зловещее название «Новый закон благочестивого императора Василия Младшего, направленный против тех богатых людей, которые накопили свое богатство за счет бедных». Введенный с 1 января 996 года, он расширил прежнюю политику строгих ограничений на приобретение крестьянской земли. Согласно ему, все земельные участки, незаконно приобретенные начиная с 922 года, теперь подлежали возвращению прежним владельцам. А дополнительно введенный закон от 1004 года изменил способ сбора основного налога, уплачиваемого крестьянами, – аллиленгия. Прежде любая недоимка со стороны одного человека должна была восполняться за счет других членов сельской общины, но теперь налог обязан был выплатить кто-либо из крупных землевладельцев этого района. Цель закона была достаточно ясна: он наносил финансовый удар по крупным землевладельцам и в то же время гарантировал императору сбор налога. Кроме того, переложив бремя выплаты недостачи с крестьянства, он снижал риск того, что обедневшие крестьяне попадут в зависимость от могущественного патрона.

Столь агрессивная политика в отношении самых влиятельных фигур империи не могла не вызвать протест. Делегация духовенства и монахов во главе с патриархом Константинополя умоляли императора смягчиться, но безрезультатно. Бунт случился не сразу, но, когда он начался, его возглавила семья Фоки. Потерпев поражение в борьбе за престол в 989 году, она, однако, сохранила богатство и влияние. Василий не скрывал своей неприязни к Фокам и в своем законе от 996 года назвал их в числе самых злостных стяжателей богатства и земель. В 1021 году, в то время как Василий находился с военным походом в Армении, Никифор Фока, сын злосчастного Варды Фоки, объединился с другим крупным феодалом из Малой Азии, Никифором Ксифием, и провозгласил себя императором. Этот Фока обладал характерной для всей семьи непривлекательной внешностью и носил прозвище Кривошей, но его имени было достаточно, чтобы привлечь широкую поддержку по всей Малой Азии. Однако его борьба за власть продлилась недолго: он был убит в лагере, когда поссорился со своим сообщником Ксифием. Без Варды мятеж сошел на нет, а Василий

получил возможность конфисковать имущество у всех, кто в нем участвовал.

Каким бы краткосрочным и неудачным ни было это восстание, оно показывает, что даже к концу своей жизни Василий II сталкивался с серьезными вызовами со стороны малоазиатской знати и никогда не чувствовал себя в полной безопасности в этой части империи. Его политической опорой был Константинополь, где он как представитель Македонской династии мог рассчитывать на поддержку населения. Не то чтобы он искал популярности. Нет, Василий II никогда не опускался до разбрасывания щедрых пожертвований, с помощью чего императоры до и после него приобретали любовь толпы, и все добытое в походах и в результате конфискаций оседало в подвалах Большого дворца. Он не пытался культивировать образ добродетельного христианского правителя и, видимо, предпочитал, чтобы его не столько любили, сколько боялись. Не старался Василий и снискать расположение чиновников Большого дворца. Он не слушал их советов и жестоко карал любого, кого подозревал в нелояльности. О Василии говорили, что он лично обезглавил одного из своих чиновников, а китонита – охранника императорских покоев, который пытался отравить его, скормил дворцовым львам. Василий II был багрянородным, и этого казалось достаточно, чтобы поступать так, как он считал нужным.

Но не только успехи на военном поприще и поддержка народа позволили Василию править безраздельно. Было кое-что, на что он охотно тратил деньги, и именно это стало, пожалуй, главной его опорой. Еще в 989 году Василий призвал на помощь русов в борьбе против Варды Фоки и после прибежал к услугам иностранных наемников. Они нужны были ему на тот случай, если кто-то из его военачальников поднимет мятеж и привлечет армию на свою сторону. Предпочтение он отдавал армянам и русам – христианам из стран, входивших в орбиту византийского культурного влияния. Именно они составляли значительную часть его армии. В этом смысле Василий действовал точно так же, как до него поступали Константин I, Юстиниан I и Константин V, которые обращали себе на пользу обширные человеческие ресурсы территорий, граничащих с империей.

Вскоре после назначения нового патриарха Константинопольского, декабрьским вечером 1025 года Василий II скончался. Он правил так долго, что уже почти не осталось в живых тех, кто помнил времена, когда не он сидел на престоле. Похоронили Василия, по его собственному распоряжению, не в храме Святых апостолов в Константинополе, где

покойлось большинство его предшественников, а в деревне Эбдомон за городскими стенами, где расположены были небольшой дворец и церковь в честь Святого Иоанна Богослова. Как будто и в смерти Василий хотел быть подальше не только от феодалов из провинций, но и от чиновников Большого дворца. Эпитафия, которую Василий II написал сам, гласила, что он « всю жизнь неусыпно оберегал детей Нового Рима ». И это не было пустым бахвальством. Однако наследие, которое он оставил, оказалось противоречивым: на одной чаше весов – полная казна и расширившиеся границы империи, на другой – враждебная, озлобленная провинциальная аристократия.

* * *

Наследовал Василию II его брат Константин VIII. Теоретически он стал императором после смерти своего отца еще в 963 году, совместно с Василием, но был полностью отстранен от правления сначала Никифором Фокой и Иоанном Цимисхием, а позже братом, который не желал делиться властью. Василий предоставил Константину возможность предаваться охоте, купанию в банях и его любимому увлечению – чревоугодничеству, но не отвел ему никакой политической роли и назначил лишь небольшой почетный караул. Тот факт, что теперь, на 70-м году жизни, Константин стал правителем империи, было большим упущением со стороны Василия II. Всю жизнь он стремился к тому, чтобы Македонская династия правила из Константинополя без вмешательства военных феодалов Малой Азии, но так никогда и не женился и не произвел на свет наследника, который мог бы занять его место. У Константина, в отличие от него, была жена, женщина по имени Елена Алипина, и у них родилось трое детей, все девочки. Совершенно очевидно, что нужно было найти им подходящие партии, чтобы династия продолжилась. Одна из них, Зоя, была помолвлена с немецким императором Оттоном III, но, отправившись на собственную свадьбу, по прибытии в Италию она узнала, что жених умер, и сразу отплыла обратно в Константинополь. Больше ничего в этом отношении предпринято не было, и к 1025 году все три женщины были не замужем и уже в годах. При этом старшая, Евдокия, ушла в монастырь и приняла постриг.

Однако то, что Василий не постарался выдать племянниц замуж, вполне объяснимо. Если бы они сочетались браком с кем-то из византийцев, это должны были быть люди богатые и с положением, а как

раз таких император опасался.

Но к осени 1028 года вопрос обеспечения преемственности встал как никогда остро. Константин VIII заболел. Тревожась о будущем, он сделал то, чего Василий всегда избегал, – спросил совета своих придворных. Нужно было подобрать кого-то на роль преемника – как Маврикия в 582 году. При этом царедворцы должны были подыскать кандидата, который не станет жертвовать их интересами и интересами Македонской династии в пользу армии и отдаленных провинций. Конечно же, они не хотели видеть в этой роли успешного полководца, который при поддержке армии мог создать им большие проблемы. Потому, обсудив кандидатуру Константина Далассина, опытного воина, владевшего к тому же большим поместьем в феме Армениакон, придворные решили, что он похож на Никифора Фоку, и отвергли его. В конце концов остановились на более безопасной кандидатуре Романа Аргира, дальнего родственника Македонян, занимавшего должность епарха Константинополя. На престол его возвели поспешно и не слишком ловко. Он был вызван во дворец, где ему сообщили, что он должен развестись с женой и жениться на младшей дочери императора Константина, Феодоре. Честолюбивый Аргир с радостью согласился, его жену благополучно отправили в монастырь, патриарха принудили дать благословение на этот брак, но тут Феодора наотрез отказалась идти под венец. Пришлось срочно убеждать среднюю дочь, Зою, занять ее место. Константин VIII умер через три дня после свадьбы, и Аргир был провозглашен императором как Роман III (правил в 1028–1034 гг.).

Это бракосочетание положило начало почти 30-летнему периоду, когда несколько императоров поочередно правили благодаря браку с племянницей Василия II. Сама Зоя политикой не интересовалась. В то время как ее очередной муж вершил дела империи, она занимала себя тем, что создавала новые экзотические благовония. Для этого в ее спальне стояла жаровня, и императрица была настолько одержима своим увлечением, что нимало не смущалась удушающей жарой, царившей в покоях в летние месяцы. До наших дней дошло очень немного портретов византийцев, и один из них – Зоин. Она изображена на мозаике в соборе Святой Софии. Портрет выглядит весьма лестным для женщины, которой на момент его создания было за 60, но его реалистичность подтверждается описанием, оставленным тем, кто хорошо ее знал, – царедворцем Михаилом Пселлом:

«У нее были большие, широко расставленные глаза с

густыми бровями. Нос с маленькой горбинкой. Волосы золотистые, а тело ослепительной белизны. Кто не знал ее лет, подумал бы, что перед ним совсем молоденькая девушка».

Когда в 1034 году Роман утонул в собственной ванне при загадочных обстоятельствах, Зоя сразу же вышла замуж снова – на этот раз сделал выбор сама – за одного из командиров дворцовой стражи, человека на несколько десятков лет моложе ее, с которым она, возможно, состояла в связи еще до смерти Романа. Новый император правил как Михаил IV в 1034–1041 годах, пока не умер от эпилепсии, от которой страдал всю жизнь. Затем последовал короткий период, когда племянник покойного императора, принятый Зоей как сын, правил под именем Михаила V (1041–1042 гг.). Но стоило ему попытаться отставить свою приемную мать в сторону и утвердиться в качестве самостоятельного императора, как его правление резко закончилось. Преданность жителей Константинополя Македонской династии ничуть не поубавилась, и на улицах столицы вспыхнули беспорядки. Михаил V был вынужден бежать из дворца, а Зоя с триумфом вернулась туда. Через несколько месяцев совместного с сестрой Феодорой правления, летом 1042 года, Зоя вышла замуж в третий и последний раз – за Константина Мономаха, который стал Константином IX (правил в 1042–1055 гг.).

Хотя за период с 1028 по 1055 год сменилось четыре императора, преемственность власти обеспечивалась чиновниками Большого дворца. Если Василий II после падения Василия Лакапина в 985 году предпочитал править единолично, не прислушиваясь ни к чьим советам, то в эти несколько десятилетий после его смерти все пошло по-старому, и за тронном обязательно стояла какая-то влиятельная фигура. Сначала это был евнух, пришедший с малоазиатского побережья Черного моря и известный под именем Иоанна Орфанотрофа, поскольку занимал должность смотрителя сиротского приюта в Константинополе. Он служил в Большом дворце при Василии II, и преемники великого императора сочли, что Иоанн слишком полезен, чтобы обходиться без него. Ему можно было спокойно передать все повседневные административные дела, поскольку он отличался исключительным усердием и вниманием к мелочам. В любой момент Иоанн мог оказаться там, где его меньше всего ожидали, прискакав верхом из Большого дворца. И горе нерадивому чиновнику, который пренебрег своими обязанностями, если евнух решил проверить счета. К тому же он умел во время шумных пирушек оставаться настороже и вслушиваться в каждое слово, произнесенное его подчиненными. А на следующий день

напоминать им, похмельным и смущенным, об их неблагоприятных высказываниях и поступках. При этом на нем самом бурно проведенная ночь никак не сказывалась. Звезда Иоанна поднялась еще выше, когда в 1034 году его брат, дворцовый стражник Михаил, женился на Зое и стал императором Михаилом IV. Когда же болезнь Михаила стала усиливаться, управление империей фактически перешло в руки Иоанна. Но в конце концов и Орфанотроф соскользнул с намыленного столба византийской политики: юный и недолго правивший Михаил V отстранил его от должности и сослал в монастырь. Когда же в 1042 году императором стал Константин IX, Иоанна ослепили: это был жестокий, но эффективный способ лишить его шанса возвыситься вновь. Вскоре после этого некогда могущественный евнух умер.

А во дворце появился новый могущественный серый кардинал. Михаил Пселл не был евнухом, он проложил себе путь к дворцовой карьере хорошо подвешенным языком. Как утверждал Пселл, во время первого его разговора с Константином IX император был «охвачен странным чувством удовольствия» и испытал сильное желание обнять молодого человека. Маловероятно, что это влечение было любовным, поскольку у императора имелись многочисленные наложницы, но так или иначе Константин решил, что Пселл может быть ему очень полезен. Он сделал его своим главным советником. Пселл вел официальную переписку, писал публичные выступления, обосновывая политику Константина, – в общем, ему, по его же словам, «была доверена самая почетная обязанность». Столь значимую роль он играл до 1075 года и имел на политику почти столько же влияния, сколько и император. Пселл оставил отчет о своей жизни и работе в виде воспоминаний, которые, хотя и пристрастны, дают очень точное представление о жизни в Большом дворце.

В этот период правления часто сменяющихся императоров и могущественных царедворцев положение дел вновь стало таким, как при Константине VII, и политика формировалась людьми, для которых в центре всего стоял Константинополь, были ли они аристократами, как Роман III и Константин IX, или людьми скромного происхождения, как Михаил IV и Михаил Пселл. Они питали глубокое недоверие к открытой войне как политическому инструменту и очень скоро отказались от агрессивной экспансии прошлых десятилетий. Военные действия за пределами границ империи теперь велись редко. В 1030 году, когда эмир Алеппо отказался подчиняться Византии, Роман III отправился в Сирию, но его поход не увенчался успехом. Арабы напали на византийское войско и рассеяли его, и Роман вынужден был спешно отступить обратно в Антиохию. В 1030-е

была также предпринята попытка захватить Сицилию, а в 1045 году Византия включила в свой состав армянский город Ани, который был завещан императору его правителем. После этого, однако, режим взял власть на консолидацию. Войны, как правило, были оборонительными, как в 1041 году, когда византийцы подавили восстание в Болгарии, и в 1043 году, когда русы напали на Константинополь с моря и были отбиты. Вместо того чтобы воевать, с потенциальными врагами предпочитали договариваться. С 1001 года Византия не воевала с сильным мусульманским государством, с которым соседствовала на востоке, – египетским халифатом Фатимидов, а в 1027 году перемирие было закреплено формальным договором. В 1045 году был также заключен мир с русами. Сын князя Ярослава, Всеволод, женился на дочери Константина IX от предыдущего брака, и нападения на Константинополь из Киева прекратились.

Параллельно с сокращением военных действий шла реорганизация провинций, чтобы столица могла более эффективно контролировать наместников фем. Первоначально стратиг ведал и гражданскими, и военными делами, но в течение X века его роль постепенно свелась к решению лишь военных вопросов. Гражданские дела, в том числе судебные иски, были передоверены местным судьям. В 1040-е годы в Константинополе было создано своего рода министерство юстиции, чтобы контролировать деятельность этих местных судей. Переосмысливалось и военное значение фем. Созданные, чтобы отражать набеги арабов вглубь Малой Азии, войска фем стали в значительной степени ненужными, так как эти нападения прекратились, а основу византийской армии составляла теперь наемная тагмата. В середине своего правления Константин IX решил распустить армию фемы Ивирия в Армении и потребовать от ее 50 000 солдат-крестьян вместо военной службы платить денежные налоги, которые обеспечили хорошее пополнение казны.

Одним словом, правящие круги Константинополя вернулись к старым византийским методам обеспечения безопасности, не связанным с военными действиями, в частности к разумному использованию денег. Богатые дипломатические дары вновь вошли в обращение. Иностранные гости, посещавшие Константинополь, получали подарки в виде золота, серебра и шелковых одежд и предложение стать союзниками императора. Свойственные Василию II бережливость и нелюбовь к эффектным церемониям были забыты. И Роман III, и Константин IX строили в Константинополе новые крупные монастыри, расходуя на их украшение деньги из казны. Но это была не просто расточительность. И Роман, и

Константин повышали таким образом престиж империи, используя тактику, которая так хорошо сработала, когда удалось обратить в христианство русов. И она продолжала работать. В 1045 году вождь печенегов Кеген посетил Константинополь и принял крещение. Ему даровали титул патриция и три крепости вдоль Дунайской границы. Вместе с ним туда отправился монах, чтобы окрестить в реке 20 000 подданных Кегена. И точно так же, как Василий II, новые властители охотно брали на службу наемников, которых можно было держать под своим командованием, хотя теперь среди них было все больше западных европейцев, особенно норманнов, а не русских и армян.

Эта политика была не только не нова, но и вполне разумна, но малоазиатская военная аристократия, которая с 989 года оказалась в значительной степени отстранена от принятия решений, по-прежнему встречала ее в штыки. В ее глазах грандиозные строительные проекты в Константинополе были чистой воды расточительностью, а мирные договоры с иностранными державами – не более чем трусостью. Кроме того, эти люди прекрасно понимали, что реформа управления провинциями преследовала, помимо повышения эффективности, и другие цели. С тех пор как местные судьи стали более подконтрольны Константинополю, чиновники Большого дворца могли быть уверены, что тех не прибрали к рукам стратеги. Возмущала аристократов и вербовка иностранных наемников. Один из них предупреждал императора:

«Если иностранцы не имели царского происхождения в своей стране, не одаряйте их большими почестями и не доверяйте им высоких постов. Ведь поступая так, вы не поможете себе и не доставите удовольствия своим военачальникам, которые имеют римское происхождение».

Словом, все, кто правил Византией в тени покойного Василия II, разделяли его глубокое недоверие к военачальникам и хорошо понимали, как опасно может быть появление нового Фоки, который решит бросить им вызов. Именно поэтому Константин VIII окончательно расправился с этой семьей: внук Варды Фоки был арестован по ложному обвинению и ослеплен. Однако преемники Василия II понимали и другое: не менее опасно было полностью отворачиваться от военных феодалов. Поэтому они пошли на некоторые уступки. Взойдя на престол в 1028 году, Роман III отменил принятый Василием II в 1004 году закон об аллиленгии, который делал богатых собственников земли ответственными за недобор налоговых

поступлений в их округе. Едва ли это был радикальный шаг, так как и Василий II, и Константин VIII думали над тем же, но Роман хотел таким образом продемонстрировать свои намерения. Кроме того, он освободил людей, которые были заключены в тюрьму за неуплату аллиленгия, и вернул из ссылки Никифора Ксифия, который участвовал в восстании 1021–1022 годов. Однако в долгосрочной перспективе разрыв между провинциями и Константинополем преодолеть не удалось. Последовали новые заговоры и наказания. В 1029 году стратиг Фракиссийской фемы Константин Диоген был арестован за измену и покончил жизнь самоубийством, бросившись с башни. К 1040-м годам напряженность достигла опасной отметки.

* * *

Вспышка произошла, когда власть в Константинополе обошлась с одним из самых успешных полководцев империи примерно так же, как Василий II поступил с Филокалом и Малеином в 995 году. Георгий Маниак по рождению не принадлежал к военной аристократии, но вошел в ее ряды, тем более что выглядел он как настоящий полководец. Как и Варда Фока, он был огромного роста, с громовым голосом, хорошо слышным даже в разгар битвы. Прославился Маниак в 1030 году после того, как арабы разгромили войско под командованием Романа III и заставили его удирать назад в Антиохию. Бывший в то время стратигом фемы Телух, Маниак напал на арабское войско, возвращавшееся домой с победой, и захватил 280 верблюдов, навьюченных трофеями. В следующем году он взял Эдессу, а в 1038 году его отправили в Южную Италию, чтобы он вернул из-под власти арабов Сицилию. На следующий год ему удалось отвоевать большую часть восточного побережья острова, включая город Сиракузы.

Известия об этих успехах вызвали в Константинополе неоднозначную реакцию. Маниак вернул империи утраченные территории, но Иоанн Орфанотроф едва ли забыл, что за завоеванием Никифором Фокой Крита последовали его поход на Константинополь и захват престола. И когда ему пришло письмо от родственника, который служил в войске Маниака, предупреждавшее, что генерал задумал захватить престол, Иоанн не стал долго раздумывать. Он отстранил Маниака от командования и распорядился доставить его в Константинополь и бросить в темницу. Но Маниаку повезло. После того, как семья Иоанна Орфанотрофа утратила власть в результате беспорядков 1042 года, императрица Зоя освободила

полководца и отправила обратно в Италию командовать войсками. Однако семена недоверия и раздора были посеяны, и, когда Маниак узнал, что его владения в Малой Азии были безнаказанно разграблены одним из соседей, имевшим связи при дворе, он замыслил мятеж. Константин IX, новый император, узнал о заговоре и отправил чиновника по имени Пард вновь отстранить Маниака от командования. Но тот опоздал. К тому времени, когда Пард прибыл, Маниак уже был провозглашен императором, и его солдаты, фанатично преданные своему командиру, набросились на Парда, как только он въехал в лагерь, и убили его. Теперь пути назад не было. Маниак пошел с армией к морю, пересек Адриатику и двинулся на Константинополь.

Казалось, ничто не помешает Маниаку достичь своей цели, как это сделал в 963 году Никифор Фока. Но этого не произошло, и виной тому стала случайность, такая же, как внезапная гибель Варды Фоки в 989 году. В феврале 1043 года шедшая на восток армия Маниака встретила с войском, посланным из Константинополя, чтобы остановить ее. У императорской армии было мало надежды на успех, ведь одно только имя Маниака вселяло в солдат ужас, и после короткой стычки они начали спешно отступать. Маниак преследовал противника, когда его внезапно поразила стрела, попавшая ему в правый бок. Он упал с лошади и испустил дух, прежде чем кто-либо успел прийти ему на помощь. Без Маниака мятеж тут же прекратился. А Константину IX за время его правления повезло столь же крупно еще один раз. В 1047 году другие военные мятежники достигли стен Константинополя, и, когда император стоял на крепостной стене, оценивая оборону города, стрела просвистела у самой его головы. Но и эта попытка захватить престол также выдохлась, когда мятежникам стало ясно, что никто из находящихся в городе не впустит их за стену. До поры до времени военной аристократии пришлось сойти со сцены.

* * *

Вернуться к власти преемникам Никифора Фоки помогли два обстоятельства. Первым стали новые угрозы безопасности на границах. Отчасти это также было наследием правления Василия II. Присоединив Болгарию, он лишил империю государства, отделявшего ее от печенегов на Дунае. В прошлом печенеги были полезными союзниками в борьбе против болгар и русов, но теперь на пути их набегов лежали византийские земли.

Набеги начались в 1027 году, а в 1040-е стали настолько частыми, что Константин IX и его советники вынуждены были прибегнуть к старому испытанному методу: они разрешили печенегам селиться на территории империи, в бывшей Болгарии, в обмен на военную службу. К несчастью, печенегам не понравились предоставленные земли, и в 1048 году они двинулись на юг, через Балканские горы, на территорию, которую византийцы вовсе не собирались отдавать им. Противостояние затянулось на несколько лет, причем все это время византийская армия преследовала печенегов на Балканах, но безрезультатно. Поняв, что победить в этой войне не удастся, в 1053 году Константин заключил с печенегами 30-летний мир на крайне невыгодных условиях и разрешил им селиться к югу от Балканских гор.

Обострение ситуации на Балканах сопровождалось угрозами в других местах от врагов, с которыми византийцы прежде не сталкивались. На юге Италии отбытие Георгия Маниака в 1043 году открыло путь викингам. Родичи тех викингов, которые позже захватили Англию, они прибыли в Южную Италию в 1018 году, чтобы воевать в качестве наемников византийских мятежников. Но вскоре рассорились со своими нанимателями и начали захватывать территории для себя. В другой части империи, в недавно присоединенной Армении, такая же опасность исходила от турок-сельджуков. Как и печенеги, сельджуки были кочевым народом из азиатских степей, который мигрировал в Северо-Восточную Персию. Они приняли ислам и к середине XI века стали главной силой в мусульманском мире. В 1040 году под предводительством Тогрул-бека сельджуки одержали победу в битве при Данданакане, после чего к ним отошла значительная часть Средней Азии и Персии. Этот регион граничил с Византией как раз в Армении, и во времена правления Константина IX турки начали совершать набеги на византийскую территорию через эту границу.

В этой новой ситуации, когда экспансия внезапно сменилась оборонительной тактикой, феодалы из провинций больше не выглядели потенциальными бунтарями и стали, скорее, героями, отвечающими на вызовы, в то время как правительство в Константинополе демонстрировало свою неэффективность. В 1048 году, разорив армянский город Арзни, сельджуки напали на византийскую армию, которая спешила на помощь горожанам. Ее командующий, грузинский князь Липарит, отправленный Константином IX на борьбу с турками, был окружен и попал в плен. На правом фланге, однако, византийцы оказались гораздо успешнее. Катакалон Кекавмен, губернатор города Ани и ветеран сицилийской кампании Георгия Маниака, разгромил сельджуков и преследовал их до наступления темноты.

Похожий случай произошел несколько лет спустя, когда печенеги устроили засаду на отступающую византийскую колонну в Балканских горах. В то время как большинство византийских войск были рассеяны и стали для противника легкой добычей, один офицер, Никифор Вотаниат, сохранил свое подразделение. Целых 11 дней его солдаты отбивали атаки печенегов, как утверждалось, без пищи и сна, пока наконец не добрались до Адрианополя и не вошли в город.

Пока храбрые воины, такие как Катакалон и Вотаниат, проявляли доблесть на поле боя, режим в Константинополе окончательно лишился своей легитимности. Второе обстоятельство заключалось в том, что Македонская династия угасла. Зоя умерла в 1050 году, и, когда пять лет спустя скончался ее муж Константин IX, возник вопрос, кто станет преемником. Многие придворные считали, что на престол нужно возвести высокопоставленного чиновника, но остальные все еще сохраняли приверженность Македонской династии. Последняя племянница Василия II, Феодора, была жива, и многим казалось естественным, что она должна воспользоваться своим законным правом и взойти на престол. В результате еще полтора года старая императорская династия наслаждалась последними днями во власти, пока, наконец, Феодора не умерла от болезни пищеварительного тракта. А несколько дней спустя евнухи и чиновники Большого дворца объявили, что новым императором станет придворный из семьи Вринга, человек в уже весьма преклонных годах, получивший при восшествии на престол имя Михаила VI (правил в 1056–1057 гг.). Царедворцы без стеснения возвели на престол человека из своей среды, и этот выбор едва ли мог показаться другим бесспорным.

* * *

Кризис наступил на Страстной неделе следующего, 1057-го, года. Это было время, когда император традиционно раздавал ежегодные награды своим чиновникам и советникам. Он сидел за длинным столом в одном из залов Большого дворца, а должностных лиц вызывали в порядке убывания ранга. Им выплачивали золотые монеты, да так, что некоторые из высших чиновников брали с собой слуг, чтобы те помогли унести тяжелые мешки. А поскольку в списке гражданских должностных лиц было несколько сотен имен, церемония длилась несколько дней. Новый император Михаил VI не стал отступать от заведенного обычая, но на этот раз, как все заметили, выплаты были даже более щедрыми, чем обычно. В конце концов, своим

восшествием на престол Михаил был обязан исключительно придворным, и он не хотел показаться неблагодарным.

Затем наступил черед военных получить свое вознаграждение. Ряд видных военачальников прибыли в столицу в надежде, что им воздадут должное. Одним из них был Катакалон Кекавмен, отразивший нападение сельджуков в 1048 году. Иоанн и Константин Дука представляли одну из самых старых и заслуженных династий полководцев, и кроме них там был и Исаак Комнин, который владел землями вокруг города Кастамон в Малой Азии. Михаил Пселл присутствовал при том, как они вошли в зал для награждений. Он стоял позади императора и позже описал все, что произошло дальше. Щедрость, проявленная по отношению к дворцовым чиновникам, на военных не распространилась. Они не только не получили ни чинов, ни денег, но были обвинены императором в том, что не справляются с отражением набегов сельджуков и печенегов и используют свое положение для личного продвижения.

Ошеломленные и оскорбленные, генералы покинули зал. Разыскав главного советника Михаила VI, Льва Параспондила, они потребовали от него повлиять на императора, но и тут не встретили понимания. Выйдя из дворца, они отправились через Августеон к собору Святой Софии, обсуждая, что им теперь следует предпринять. Так составилась заговор, и единственный пункт, по которому возникли разногласия, касался того, кто должен возглавить бунт. Очевидным кандидатом на пост императора казался Катакалон, но он отказался. В конце концов сошлись на кандидатуре Исаака Комнина и без дальнейших проволочек покинули город. Около месяца спустя в Гунарии, в его владениях в Малой Азии, Исаак был провозглашен императором.

Так Михаил VI ускорил то, чего больше всего боялись правящие круги в Константинополе, и если он надеялся, что Исаак Комнин внезапно и очень кстати умрет, как это произошло с Вардой Фокой и Георгием Маниаком, то его ждало разочарование. Комнин и его войско двинулись на запад в Nikeю, обратили в бегство высланную им навстречу армию императора и вошли в Никомедию. Михаил VI попытался договориться с Комнином, отправив к нему посланников во главе с Пселлом и предложив Комнину стать наследником престола. Мятежник уже готов был согласиться, но ему не пришлось этого делать. В Константинополе на улицах собрались толпы народа, бунт против Михаила VI возглавил сам патриарх. Поняв, что даже его собственные советники уже не поддерживают его, Михаил отрекся от престола. Два дня спустя Исаак Комнин торжественно въехал в Константинополь, бурно приветствуемый

толпами на улицах. Теперь, когда никого из Македонян не осталось, жители Константинополя готовы были увидеть на престоле полководца из провинции.

Закрепив за собой столицу, Исаак стал действовать мудро, чтобы избежать нападков, которые обрушивались на Никифора Фоку. Он быстро расплатился со своими солдатами, чтобы у них не возникло соблазна грабить дома горожан, и отправил их обратно в Малую Азию. Не стал он преследовать и сторонников прежнего режима, которые так долго и упорно старались отстранить военачальников от власти. Пселл, который ожидал, что его арестуют, был принят новым императором очень дружелюбно и получил очередной титул. Но никто не сомневался в том, что перемены неизбежны. И первым о них возвестил новый выпуск золотых монет. Вопреки прежней практике, император приказал выбить себя стоящим с обнаженным мечом в руке: новый властитель собирался действовать решительно.

* * *

Как многие из тех, кто очень долго находился в оппозиции власти, император Исаак и его сторонники недооценивали, насколько трудно будет поменять политику прежнего режима. Первоочередная задача была очевидна: восстановление обороноспособности империи, слабость которой показали последние набеги сельджуков, норманнов и печенегов. На это требовались деньги, а казна была истощена. В считанные недели после восшествия на престол Исаак принял жесткую программу сокращения расходов, в числе прочего отменив все то, на что тратились его предшественники: награды и пенсии, назначенные Михаилом VI, богатые подношения церкви, крупные строительные проекты. Больше всех пострадали от этого курса на экономию придворные и служащие дворца, но даже Михаил Пселл, входивший в их число, не мог не признать, что сокращать расходы необходимо. Проблема заключалась лишь в том, что Исаак действовал слишком быстро и потому быстро восстановил против себя своими реформами и духовенство, и жителей Константинополя, как в свое время и Никифор Фока. Но если Фоку, по крайней мере, обожали его солдаты, то Исаак в своем стремлении к справедливости сократил выплаты и военным, чем вызвал и их недовольство.

Если бы Исааку удалось в этот период одержать впечатляющую победу, все было бы хорошо, но в первые месяцы после его воцарения на

престолу дела шли все хуже и хуже. Весной 1059 года сельджуки осадили город Мелитену, который прежде уже был яблоком раздора в приграничных войнах с арабами. Большинство мирного населения покинуло город загодя, но те, кто остались, через несколько недель, когда Мелитена все-таки пала, были преданы мечу. Византийская армия преследовала противника, ушедшего с добычей, но не только не остановила его, а позволила благополучно вернуться на свою территорию. Разве это обещал обнаженный меч Исаака?! Несколько месяцев спустя Комнин попытался вернуть свой авторитет, когда печенеги, перейдя Дунай, вторглись в Болгарию. Он сам повел на них войско, подобно Василию II, но, к сожалению, едва император появился на горизонте, нарушители границ тут же скрылись. Возвращаясь в Константинополь, византийская армия попала под проливной дождь. Река разлилась, и при попытке переправиться через нее многие утонули. Уже в столице удрученный и подавленный Исаак свалился в лихорадке, и казалось, что надежды на выздоровление нет. Его смерть вызвала бы борьбу за престол между всеми видными военачальниками империи. Чтобы избежать этого, придворные уговорили Исаака отречься от престола в пользу другого заговорщика 1057 года, Константина Дуки.

Взойдя на престол как Константин X (правил в 1059–1067 гг.), Дука предпочел действовать не так прямолинейно, как Исаак. Хотя он и был отпрыском одной из старейших военных фамилий, но вовсе не производил впечатления императора-солдафона. Желая добиться популярности при дворе, он не только восстановил многие из наград и пенсий, отмененных Исааком, но и назначил новые. Объявив, что придает огромное значение отправлению правосудия, он тратил много времени на слушания по гражданским делам. Что же касалось положения на границах, Константин избегал конфронтации и ни разу не повел свое войско в поход. Вместо этого он прибегал к дипломатии и в 1063 году продлил мирный договор с Фатимидами, отлично зная, что власть в Каире опасалась сельджуков не меньше, чем он. Но бедствия продолжались. В 1060 году сельджуки в течение восьми дней грабили город Севастию, а четыре года спустя сельджукский султан Алп-Арслан вторгся в византийскую Армению и разорил город Ани, который византийцы получили во владение всего за 20 лет до того. При этом Константин сознательно держал армию на мели. Севастия пала так легко, потому что в ней не было гарнизона. Поначалу турки не решались напасть на нее, поскольку издали купола церквей напоминали войсковые шатры, но, когда им стало ясно, что город совершенно незащищен, они попросту беспрепятственно вошли в него.

Дело в том, что, несмотря на свое военное прошлое, став императором, Константин X стал видеть все в ином свете. Он прекрасно сознавал, что теперь, когда общепризнанной законной династии не стало, ничто не мешало любому успешному полководцу совершить государственный переворот и свергнуть его, как он в свое время сверг Михаила VI. И на этот раз жертвами станут Константин и его семья. Поэтому он, сознательно или бессознательно, следовал совету, который Варда Склир дал когда-то Василию II: «Не давай слишком много военным». Но в конечном счете противоречия существовали не между мирными жителями и военными, а между потребностями столичного центра и отдаленных и недавно присоединенных провинций. Эти противоречия неминуемо должны были привести к катастрофе.

* * *

В декабре 1067 года Михаил Пселл был приглашен на беседу с императрицей. Константин X умер в мае, и с той поры империей правил регентский совет, который состоял из вдовы Константина, Евдокии, его брата Иоанна Дуки и Пселла и опекал сына покойного императора, Михаила VII, который был еще мальчиком. «Тебе и невдомек, – сказала императрица Евдокия, – в каком упадке и расстройстве находятся государственные дела. Войны вспыхивают одна за другой». Этого Пселл не мог отрицать: недавно сельджуки напали на Кесарию, город, расположенный не на территории Армении, а в глубине Малой Азии, далеко от границы. Тем не менее, опасаясь, что решение, которое предложит императрица, окажется не самым приятным, он сказал, что все это следует хорошо обдумать. В ответ на его слова императрица усмехнулась и объявила, что решение уже найдено: она намерена снова выйти замуж. Ее выбор пал на Романа Диогена, каппадокийского аристократа и сына Константина Диогена, покончившего с собой в 1029 году, когда его обвинили в измене. Послужной список Романа был безупречен, а во времена прежнего императора, будучи губернатором фракийского города Сердика, он нанес несколько поражений печенегам. Таким образом, Евдокия надеялась вручить власть в руки сильного правителя-полководца – каким явно не были ни Исаак I, ни Константин X, – чтобы он царствовал совместно с законным императором Михаилом VII, как Никифор II Фока с Василием II и Константином VIII. Брак заключили в первый день 1068 года, и Диоген был провозглашен

императором Романом IV (правил в 1068–1071 гг.).

Новый император произвел кардинальную смену курса. Заключение договоров и подношение богатых даров были в очередной раз сняты с повестки дня, и им на смену пришли военные действия. Как прежде Иракий, Роман принял решение первым делом расправиться со своими врагами на Востоке и собрался нанести удар по туркам-сельджукам. Заняв престол, он собрал большую армию и отправился с ней на восток Малой Азии. Одного только его присутствия оказалось достаточно, чтобы никаких сельджукских набегов в том году не случилось, но он не смог расправиться с противником, который даже не показывался на тех территориях, где находился император со своей армией. В следующем году Роман пошел по стопам Иоанна Цимисхия и вторгся в Сирию, вероятно чтобы показать, что Византия по-прежнему участвует в соперничестве за эмират Алеппо наряду с сельджуками и Фатимидами. Впрочем, это не помешало туркам вторгнуться на территорию Византии и разграбить Иконион.

На этом этапе Роман почувствовал некоторое разочарование, поскольку полная победа над врагами ускользала от него. Он прекрасно понимал, что от этой победы зависела не только безопасность границ, но и его собственное политическое выживание, поскольку в Константинополе у него было много врагов. Договариваясь о браке с Романом, Евдокия намеренно оставила своего деверя, Иоанна Дуку, и Михаила Пселла в неведении, прекрасно понимая, что они увидят в возвышении Диогена угрозу наследным правам юного Михаила VII и собственному положению при дворе. Пселл был личным другом Константина X и помог его восшествию на престол, так что его политическое будущее было неразрывно связано с могущественной фамилией Дук. Соответственно Пселл и его союзники, семья Дук, только и ждали подходящего момента, чтобы свергнуть Романа. Именно поэтому весной 1071 года император вновь отправился на восток Малой Азии, надеясь добиться полной военной победы, как это было в 971 году в Болгарии.

Поначалу кампании сопутствовал успех. Роман отбил у противника армянский город Манцикерт. Когда его разведчики сообщили о присутствии турецкой армии под предводительством самого султана Алп-Арслана, Роман решил, что у него достаточно войска, чтобы отвергнуть мирные предложения врага, и приказал идти на турецкую армию. Поначалу византийцы, казалось, одерживали верх. Сельджуки дрогнули под их натиском и рассеялись. Император преследовал врагов, пока не стало темнеть, и в итоге вместе со своим телохранителем оказался отрезан от византийской армии. После ожесточенного боя, в ходе которого его конь

был убит под ним, а Роман несколько часов отбивался от противников мечом, император был взят в плен. Опустилась ночь, и битва при Манцикерте, произошедшая 26 августа 1071 года, закончилась. Она вошла в историю как катастрофа, но на самом деле таковой не была. Не была она и слишком уж кровопролитной, и жертв с обеих сторон оказалось сравнительно немного, так что ее нельзя сравнивать с тяжелейшими поражениями, которые византийцы потерпели от болгар в 811 и 917 годах. Большинство византийских солдат просто бежали с поля боя: один из офицеров Романа, Андроник Дука, сын озлобленного на соперника Иоанна Дуки, призвал их покинуть императора еще до того, как тот был захвачен врагами. Естественно, сторонники Романа расценили этот поступок как предательство, но его также можно рассматривать как разумный шаг, позволивший избежать более серьезных потерь. Пленение императора оказалось, конечно, тяжким ударом, но всего через восемь дней султан отпустил его и разрешил вернуться к своей армии: Алп-Арслан был гораздо больше заинтересован в возвращении в Сирию, чтобы продолжить войну против Фатимидов. Таким образом, предполагаемая катастрофа оказалась лишь злосчастной и досадной неудачей.

К катастрофе привели события, последовавшие за этой битвой, а ее источником стал конфликт между столицей и провинциями. В конце августа в Константинополь стали прибывать гонцы, принося противоречивые известия о поражении, о том, что Роман мертв, а по другим сведениям – попал в плен. В этих обстоятельствах Пселл и семья Дук, которые никогда не желали видеть на императорском престоле Романа, заявили, что теперь править должен Михаил VII, уже достигший подходящего возраста. Варяжская гвардия собралась вокруг молодого человека и начала стучать по своим щитам, провозглашая его единственным правителем. Но через несколько дней в столицу прибыли новые гонцы с известиями о том, что Роман жив и даже уже не в плену – он воссоединился со своим войском и идет на запад. Конечно, семья Дук могла принять это и дать Михаилу VII вновь вернуться к подчиненному положению, но они не пожелали сделать это, и по всем провинциям был немедленно разослан приказ более не признавать Романа императором. В последовавшем за этим противостоянии Роман IV, несмотря на весь свой опыт и авторитет, быстро потерпел поражение. В мае 1072 года его войско было разбито Андроником Дукой у города Адана. Вместо того чтобы продолжать безнадежную борьбу, пытаясь удержать город, Роман сдался, когда ему пообещали личную безопасность. Но Дука обещания не сдержал, и свергнутого императора ослепили, причем это было сделано настолько

зверски, что через несколько месяцев Роман умер.

Это была безоговорочная победа Михаила VII и его сторонников, означавшая, что теперь он находится в полной безопасности как единственный император, правящий в Константинополе. В прошлом этого было бы достаточно, но десятилетия отчуждения между столицей и провинциями не прошли даром. Многие из тех, кто был предан Роману IV, отказались признавать суверенитет Михаила VII и создали свои независимые владения в Малой Азии. Французский наемник Руссель де Байоль, служивший в войске Романа во время сражения при Манцикерте, поднял мятеж и увел 400 отрядов, которыми он командовал, чтобы стать независимым правителем в феме Армениакон со столицей в городе Амасья. Местные жители, отчаявшись получить защиту от далекого Константинополя, стали платить налоги ему, и таким образом у них появилась сила, способная защитить их от турецких набегов. Филарет, армянин, который также был с Романом IV при Манцикерте, захватил под свою власть Эдессу и большую часть Киликии. В 1077 году Никифор Вотаниат, командир, который спас своих людей от засады печенегов в 1047 году, был провозглашен императором и начал поход на Константинополь. Позже в том же году другой генерал, Никифор Вриенний, объявил себя императором в Адрианополе.

Эти внутренние потрясения привели к тому, что защита границ начала ослабевать и турецкие набеги в Армению и Малую Азию возобновились. Совершал их не сам сельджукский султан, а его подданные, жившие вдоль границы, над которыми он был совсем или почти не властен. Обнаружив, что никто не оказывает им сопротивления, сельджуки перестали возвращаться в свои земли после набегов, а начали оседать на территории Византии, особенно на Анатолийском плато. Одна такая группа под предводительством полководца Данишменда-гази захватила город Севастию и взяла под свой контроль территорию вокруг него. Другая группа под командованием Сулеймана ибн Кутулмыша, двоюродного брата Алп-Арслана, дошла до запада Малой Азии, где Никифор Вотаниат сделал их своими наемниками, чтобы они помогли ему захватить престол. Взяв Никею, Вотаниат отдал ее в управление Сулейману, позволив туркам утвердиться там. К 1080 году император в Константинополе утратил контроль почти над всей Малой Азией, за исключением нескольких маленьких прибрежных анклавов.

Неизбежным результатом столь стремительной потери территорий стали взаимные обвинения и оскорбления. Сторонники Романа винили семью Дук в том, что она предательски свергла императора-воина. Пселл и

семья Дук обвиняли Романа в опрометчивости и поражениях на поле боя. Некоторые заглядывали еще дальше в прошлое и вспоминали, как третий муж Зои Константин IX распустил войско фемы Ивирия и потратил деньги на строительство нового великолепного монастыря в Константинополе. Несомненно, все эти люди сыграли свою роль в приближении катастрофы, но процесс начался задолго до них. В конечном счете, каким бы великим воителем он ни был, именно Василий II положил начало отчуждению Малой Азии от столицы, уничтожая тот класс, который обеспечивал ее защиту, и восстановив его против центра политической власти, который много брал у провинций, но мало что давал взамен. В свое время Византия еще продемонстрирует свою почти легендарную способность останавливаться на краю пропасти и возрождаться, но непростые отношения между Константинополем и отдаленными от центра территориями сохранятся до самого конца ее существования.

Глава 8

Враг внутри

От правления Мануила, возлюбленного Богом, латиняне обрели большую пользу, что стало заслуженной наградой за их преданность и доблесть.

Вильгельм Тирский (ок. 1130–1186 гг.)

Спустя век после поражения при Манцикерте Византийская империя не только оставалась на картах, но и процветала. Западные провинции, когда-то с трудом восстанавливавшиеся после нашествий славян и болгар, теперь благоденствовали. Города, такие как Афины, Фивы и Коринф, стали ремесленными и торговыми центрами и быстро развивались. Порты – Фессалоники и Диррахий – переживали торговый бум. Кроме того, империя вернула себе большую часть территории в Малой Азии, которая была утрачена в последние десятилетия XI века. Никея, Смирна и Аморион вновь оказались под властью Византии, как и большая часть малоазиатского побережья, самая плодородная и развитая часть региона. Но больше всех благоденствовал Константинополь, где торговля процветала как никогда прежде, принося широкий поток налогов, сборов и таможенных пошлин в императорскую казну. Бухта Золотой Рог был заполнена торговыми судами, и бросающееся в глаза богатство города вызывало удивление приезжих. Византия вновь проявила свою удивительную способность оправляться от любых бедствий.

После потрясений и почти что анархии 1070-х политическая стабильность была восстановлена. На престоле утвердилась новая императорская династия, Комнины, та самая семья военных феодалов из Малой Азии, которая привела к короткому правлению своего представителя Исаака I. На Пасху 1081 года племянник Исаака захватил Константинополь и правил там до 1118 года как Алексей I. Никакой легитимности он не имел, так как не заключал брака с представительницей семьи Дук. Он просто вошел в Константинополь, опередив остальных желающих занять престол, а после откупился от них титулами и землями. Однако ему так и не удалось полностью избавиться от клейма узурпатора, и его царствование было отмечено постоянными заговорами и попытками переворотов. Но к

тому времени, когда он умер, его семья уже была принята в качестве императорской династии. Переход власти к первому с 959 года порфирородному наследнику – его взрослому уже сыну Иоанну II (правил в 1118–1143 гг.) – прошел почти гладко. Когда же во время военного похода в Сирию в 1143 году Иоанн умер, преемником стал его сын Мануил, хотя тут не обошлось без небольшого нарушения: Мануил I (правил в 1143–1180 гг.) был младшим сыном, и, чтобы короноваться, ему пришлось на время заключить под стражу своего старшего брата. Однако же в сравнении с потрясениями конца XI века, период с 1118 по 1180 год был мирным и ознаменовался гармонией внутри империи, а жители Константинополя стали считать Комнинов такой же законной династией, какой они долго считали Македонян. Когда в 1169 году у Мануила родился сын, это вызвало ликование, поскольку означало, что те дни, когда кто-то из военачальников мог войти в Константинополь со своим войском и захватить власть, уже не вернутся. Кроме того, как и Василий II, Комнин сам водил свою армию в военные походы, так что едва ли кто-то из его подданных мог получить столь мощную поддержку войска.

Новые властители оставили свой след в городском пейзаже Константинополя в виде новых сооружений рядом с собором Святой Софии, колонной Юстиниана и храмом Святых апостолов. В центре столицы появились новая церковь и монастырь. К 1136 году Иоанн II и его жена Ирина построили монастырь в честь Христа Пантократора, которому предстояло стать местом упокоения императоров династии Комнинов. Сами Иоанн и Ирина были погребены в часовне Михаила Архангела рядом с главной церковью. Ктитору не поскупились на мраморные полы для храма и многочисленные мозаики, но монастырь Пантократора был возведен не только для того, чтобы польстить самолюбию императора. Как и многие церковные сооружения в Византии, он играл важную общественную роль благодаря монастырской больнице, где бедные жители Константинополя могли лечиться бесплатно. Со свойственным ему вниманием к деталям, Иоанн II разработал устав монастыря, в котором было точно прописано, какого рода лечение должно было предоставляться. В больнице лечили переломы, воспаления глаз и болезни желудка, и часть мест там должна была быть отведена для женщин, которых лечили врачихи. Такой же комплекс, получивший название Орфанотрофейон, отец Иоанна Алексей построил на восточной окраине города. Там поселили и кормили за счет государства тысячи калек и устроили школу для детей-сирот.

Появилась и новая резиденция императоров. Из Большого дворца

Комнины переехали во Влахерны. Расположенный у северной части городской стены с видом на Золотой Рог, этот дворец был гораздо более комфортен для проживания, и отсюда было проще добираться до охотничьих угодий в сельской местности во Фракии, где императоры могли предаваться своему любимому занятию. Мануил I с размахом перестроил дворцовый комплекс, добавив к нему грандиозный тронный зал и длинные портики, на стенах которых были выложены мозаики, изображающие его многочисленные победы.

Однако изменился не только городской пейзаж, но и этнический состав населения столицы. Константинополь всегда был многонациональным городом, его улицы заполняли арабские купцы, русские паломники и печенежские наемники. Но теперь одна группа чужеземцев стала особенно выделяться на фоне других. Это были люди, которых византийцы неопределенно называли латинянами, – христиане из Западной Европы, со всех уголков континента, от Скандинавии, Нормандии, Англии и Фландрии на севере до итальянских городов-государств на юге. Больше всего их было на полоске земли вдоль бухты Золотой Рог, в торговом квартале Константинополя. Здесь располагались дома, причалы и склады венецианских, генуэзских и пизанских купцов. Но и в других местах латинян встречалось достаточно. Во Влахернском дворце они теперь составляли большинство личной императорской гвардии, которая прежде состояла по преимуществу из русов. А когда император отправлялся в военные походы, латиняне составляли значительную часть его войска, особенно выходцы из Нормандии и других территорий современной Франции. Во многом их присутствие оказалось очень полезно, и им в значительной степени принадлежит заслуга выживания и восстановления империи после трудных 1070-х годов. Но в конечном счете эти западные христиане превратились в своего рода внутреннего врага и принесли Византии бедствия куда худшие, чем те, что она претерпела в прошлом.

* * *

Однако не только Комнины были ответственны за то, что латиняне стали играть в Византии видную роль. Этот процесс начался за несколько десятилетий до них. После того как Василий II стал опираться на русов в своем противостоянии с военной аристократией, его преемники оценили военные умения людей с Запада и стали активно вербовать их в качестве наемников. Именно наемники помогли Константину IX Мономаху

усмирить военный мятеж в 1047 году, а к 1070-м латинские солдаты составляли уже значительную часть византийского войска. Поэтому Алексей Комнин, будучи военачальником, командовал множеством латинян, и, отправившись в начале 1081 года завоевывать престол, именно их он повел на Константинополь. Как всегда бывало в таких случаях, продвижение Алексея остановили неприступные городские стены, и, пока войско стояло под ними лагерем, обдумывались различные варианты проникновения в город. Наиболее очевидным был подкуп, но Алексей знал, что два участка стены охранялись элитным полком Бессмертных, состоявшим из византийцев, и варяжской гвардией. И те и другие были известны своей верностью императору, и подкупить их было невозможно. Однако же еще один участок был доверен подразделению наемников-латинян, которые могли соблазниться на большой куш. Именно к ним и отправился под покровом ночи один из воинов-латинян Алексея, чтобы переговорить с их командиром, который ради этого высунулся из-за зубчатой стены. Именно этот человек 1 апреля 1081 года открыл ворота одной из башен, через которые Алексей и его войско вошли в город. Оказавшись там, и латинские, и византийские солдаты совершенно вышли из повиновения и весь день грабили церкви и дома горожан. В результате первые 40 дней своего правления новый император принужден был провести, исполняя строгую епитимию, наложенную Церковью, чтобы искупить эти безобразия, и носил под императорскими одеждами власяницу, а также спал на полу головой на камнях, а не на мягкой подушке.

Но, несмотря на столь неблагоприятное начало, факт оставался фактом: Алексей пришел к власти отчасти благодаря помощи латинян. Неудивительно, что в годы его правления они стали играть в Константинополе еще более заметную роль. Английский монах, посетивший византийскую столицу около 1090 года, был удивлен, когда один из дворцовых стражников вдруг обратился к нему на его родном языке. Латиняне не только охраняли Алексея, но и были среди его ближайших советников. В договоре, подписанном им в 1107 году, шесть из восьми других подписавшихся представителей императорского двора имели латинские имена, такие как Готфрид Майлийский. И император не ошибался, доверяя им, ведь во многом благодаря поддержке латинян Алексею удалось остаться у власти и переломить ту отчаянную ситуацию, в которой империя оказалась в начале его правления.

К 1081 году Византия едва не утратила контроль над всей Малой Азией. В южной ее части Киликия, как и большинство других регионов,

оказалась под властью армян, а запад, в частности Никея, управлялся различными группами турок. Империи еще принадлежали некоторые изолированные форпосты, такие как Антиохия, но и она пала под натиском турецких войск в 1084 году. На Балканах непокоренные печенеги продолжали нападать на византийские города и деревни, а весь юг Италии отошел к норманнам. И без того сложная ситуация обострилась летом 1081 года, когда норманнский правитель Южной Италии Роберт Гвискар, переправившись через Адриатику, вторгся на Балканы, осадил портовый город Диррахий и тем самым почти открыл себе путь на восток, в сторону Константинополя.

В такой ситуации прибегать, как обычно, к помощи латинских наемников было рискованно. Значительную их часть составляли норманны, которые могли предать византийского императора, если бросить их против Гвискара. Поэтому Алексей набрал несколько тысяч воинов-турок из Малой Азии и переправил их в Европу вместе с теми латинянами, о которых он точно знал, что они недолюбливают норманнов. Такими были, в частности, англосаксы, бежавшие из Англии после норманнского завоевания в 1066 году. Все они участвовали в сражении византийской армии с Гвискаром при Диррахии в октябре 1081 года. Но если английские наемники рассчитывали взять реванш за поражение в битве при Гастингсе, то их ждало жестокое разочарование. Византийская армия была разбита, и хотя Алексея не взяли в плен, как Романа Диогена при Манцикерте, но ему пришлось с позором бежать, а его преследовали норманнские всадники. Многим его английским воинам повезло куда меньше. Они укрылись в церкви, но норманны не проявили уважения к святыне и сожгли ее вместе со всеми находившимися внутри.

Скрывшись за стенами Константинополя, император начал искать помощи других латинских союзников, в частности германского императора Генриха IV, который, насколько Алексей знал, враждовал с итальянскими норманнами. Посланники византийского императора предложили Генриху IV 144 000 золотых номисм за то, чтобы тот вторгся на земли Гвискара в Италии. Генрих деньги взял, но союзником оказался ненадежным. Он не снаряжал поход в Италию до самого 1084 года, но и тогда его целью оказался Рим, а не норманны. Однако эта угроза заставила Роберта Гвискара пересечь Адриатику в обратном направлении. Воевать с Алексеем он оставил своего сына Боэмунда.

Более значимую роль в борьбе с норманнским вторжением сыграл другой западный союзник. Расположенная в верхней части Адриатики морская республика Венеция могла легко использовать свой флот, чтобы

помешать переправке людей и грузов в распоряжение норманнов на Балканах. Кроме того, в ее интересах было прийти на помощь византийцам, поскольку в планы венецианцев не входило, чтобы оба побережья Адриатики находились под властью одного государства. Нападения венецианцев на норманнский флот, везущий припасы и подкрепление, несомненно сдерживали вторжение, которое перед лицом упорного сопротивления постепенно ослабевало. В 1085 году норманны отступили.

С помощью латинян удалось расправиться и со старым врагом, печенегами, которые все еще не были покорены и бесчинствовали на Балканах. В суровую зиму 1090–1091 годов они дошли до предместий Константинополя и на протяжении многих недель никто не осмеливался выходить за пределы городских стен в занесенные снегом поля. С наступлением весны Алексей выступил против печенегов. В составе его войска были 500 рыцарей, которых направил к нему граф Фландрский, другие латинские наемники, прибывшие из Рима, а также представители еще одного степного племени, половцы. 29 апреля в битве при Левунионе во Фракии эта смешанная армия нанесла сокрушительное поражение печенегам, уничтожив все их войско численностью в несколько тысяч. На следующий день после боя победителям пришлось спешно покинуть это место из-за зловония, исходившего от такого количества трупов. Освобожденные жители Константинополя, ликуя, пели на улицах: «Всего один день, и печенеги никогда не увидят месяц май!» С учетом того, что помощь латинян сыграла решающую роль в восхождении Алексея на престол и одержанных им победах над норманнами и печенегами, неудивительно, что он продолжал привлекать все больше наемников и союзников с Запада. В отличие от своих предшественников, которые довольствовались союзами с теми, кто сам стремился к ним, Алексей решил закинуть сети дальше и отправил своих посланников в далекие края Западной Европы, к королю Англии, графу Фландрии и даже к Папе Римскому. Это было как никогда актуально, поскольку теперь, когда с Запада империи ничего не грозило, Алексей и его советники решили вернуть византийские территории на Востоке и изгнать турок с земель, которые те заняли после Манцикерта. При этом Алексей, похоже, несколько изменил традиционный способ вербовки союзников и наемников. Как всегда, им сулили много золота, но добавились и новые стимулы. Упор делался на том, что византийцы и латиняне были христианами, а турки в Малой Азии – нет. Таким образом, для христианского императора борьба против «неверных» становилась праведным делом, за которым должно было последовать не только материальное, но и духовное вознаграждение.

Возможно даже, посланники Алексея упоминали Иерусалим, который, хотя и лежал далеко за пределами Византии, прочно занимал воображение латинян, как место на земле, расположенное ближе всего к небесам. Конечно, это лишь предположение, поскольку записей того, что говорили византийские посланники, нет. Но если они делали это по поручению императора, то Алексей отчасти несет ответственность за то, что произошло дальше.

* * *

Весной 1096 года до Константинополя долетела весть о том, что несколько крупных армий латинян идут на Восток, чтобы соединиться в Константинополе, прежде чем переправиться через Босфор и отправиться на битву с турками, цель которой – освободить Иерусалим. Даже если император Алексей соблазнял западных европейцев духовными наградами и перспективой паломничества на Святую землю, едва ли он рассчитывал на столь масштабную ответную реакцию. И он не мог знать того, что его посольство к Папе Урбану II весной 1095 года возымело неожиданные последствия. Понтифик принял просьбу византийских посланников о помощи в борьбе против турок в Малой Азии близко к сердцу и следующей осенью, во время своего пребывания во Франции, произнес зажигательную проповедь перед огромным собранием рыцарей и дворян. Призывая их отправиться на Восток, чтобы помочь Византии, а затем захватить Иерусалим, он пообещал, что каждому, кто примет участие в этом походе, будут отпущены все его грехи, и что те, кто погибнет, будут допущены сразу в рай без необходимости искупить свои проступки в чистилище. Это обещание привело к тому, что очень многие откликнулись на призыв Папы, и положило начало так называемому Первому крестовому походу.

У Алексея и его советников в Константинополе приближение этих огромных армий вызвало некоторую тревогу и недоумение. С одной стороны, они шли якобы для того, чтобы помочь империи в борьбе против ее врагов, но с другой – были подозрительно похожи на многих других захватчиков, на протяжении веков вторгавшихся в пределы Византии. Ведь в рядах крестоносцев можно было встретить людей, которые в прошлом сражались против империи, таких как Боэмунд Тарентский, сын Роберта Гвискара. Кроме того, размеры приближающейся армии грозили огромными проблемами материального характера и заставляли опасаться, что крестоносцы будут грабить города и села на своем пути, чтобы

обеспечить себя провизией. Поэтому император прибег к проверенной тактике, с помощью которой византийцы всегда направляли агрессию одного потенциального врага на другого. Когда войска добрались до Константинополя, Алексей пригласил их командующих во Влахернский дворец, где, как обычно, осыпал подарками и лестью, но в то же время принял меры к тому, чтобы обеспечить Византии преимущество в предстоящем наступлении. Он настоял на том, чтобы крестоносцы поклялись вернуть ему все завоеванные ими города, которые раньше принадлежали Византии. Но когда они попросили его сопровождать их в Иерусалим, он вежливо отказался. Несомненно, император считал это безрассудным предприятием, которое, скорее всего, закончится поражением. Все, что он мог сделать, – это извлечь максимум пользы из него, пока не разразится катастрофа.

И Алексей сделал это, после того как войска были снабжены всем необходимым и переправлены на азиатскую сторону Босфора. Когда весной 1097 года крестоносцы осадили Никею, Алексей устроил переговоры с турецкими защитниками и убедил их сдать город ему. Когда крестоносцы двинулись дальше на восток и нанесли поражение турецкой армии при Дорилее, Алексей воспользовался этим, чтобы отправить свою армию на юг и вернуть Смирну и побережье Эгейского моря. За несколько лет часть самых плодородных и процветающих регионов Малой Азии удалось вернуть под власть Византии. К тому времени армия крестоносцев уже давно вышла за пределы византийской территории, захватив в 1098 году Антиохию и, наконец, летом 1099 года сам Иерусалим. Создание княжества Антиохийского и Иерусалимского королевства означало, что теперь у Византии были на Востоке христианские соседи, занявшие земли, прежде принадлежавшие мусульманам. Таким образом, на первый взгляд энергия и воинственность латинян вновь принесли Византии большую пользу.

Но по иронии судьбы именно в этот момент триумфа в Константинополе стали возникать сомнения по поводу того, насколько полезны были латиняне на самом деле. Хотя Первый крестовый поход позволил византийцам вернуть завоеванные турками области Малой Азии, его предводители не сдержали клятву отдать византийцам все города, которые когда-то принадлежали империи. Почти год крестоносцы провели у стен Антиохии, прежде чем им удалось выбить оттуда турецкий гарнизон, и за это время многие из них погибли от голода. Император Алексей выдвинулся со своей армией из Константинополя им на помощь, но повернул назад, когда получил известие, что к Антиохии приближается огромное турецкое войско. Из-за этого, когда в июне 1098 года город был

взяты, предводители похода не стали отдавать его в руки императора. Когда они двинулись дальше на Иерусалим, Боэмунд Тарентский провозгласил себя князем Антиохии и оставил там своих людей. Это княжество просуществовало до 1268 года. Поначалу Алексей возмутился и отправил морем свои войска, чтобы не дать Боэмунду захватить земли вокруг города, но вытеснить латинян из Антиохии не удалось. Так христианские союзники отняли у него один из самых важных византийских городов, в результате чего некоторые люди в Константинополе стали задаваться вопросом, насколько хорошо проявил себя Алексей в Первом крестовом походе.

Похожие сомнения вызывал и другой латинский союзник, привлеченный Алексеем, – венецианцы. Их флот, безусловно, помог нанести поражение норманнам в 1080-х годах, но не слишком ли высокую цену заплатил за это император? Помимо золота, шелков и титулов, венецианцы получили нечто гораздо более ценное с точки зрения их заинтересованности в морской торговле между Константинополем и Западом. Отныне их купцам было разрешено ввозить любые товары во все уголки Византийской империи без уплаты стандартной 10-процентной таможенной пошлины. Также они получили во владение участок берега бухты Золотой Рог в Константинополе, длиной примерно в 1,5 километра, с тремя пристанями. На этом куске суши венецианцы построили собственный торговый квартал. Он стал своего рода латинским анклавом, жители которого не подчинялись византийским властям. Неудивительно, что эти уступки вызывали недовольство подданных Алексея, ведь их, в отличие от венецианцев, от уплаты налога никто не освобождал. «Неумеренное обогащение, – жаловался один из византийцев, – быстро сделало их чванливыми».

Но если бы дело было только в таможенных пошлинах и принадлежности Антиохии, едва ли отношения с западноевропейцами стали предметом острых разногласий. Существовало еще кое-что, что усугубляло проблему. Хотя и византийцы, и латиняне были христианами, у всех у них усиливалось впечатление, что другая сторона впала в ересь. В 1054 году Константинополь посетили три папских легата. Они приняли участие в дискуссии с патриархом. Главным в споре был вопрос верховенства. Патриарх сопротивлялся все более жестким притязаниям Папы на власть над всей Церковью, в том числе Константинопольской. Кроме того, были разногласия по вопросам богослужения, в частности по тому, служить ли литургию на пресном или квашеном хлебе. И наконец, самым серьезным был спор по поводу формулировки Никейского символа веры. Западная (Римская) церковь добавила к нему в догмате о Троице

слово «Филиокве» («и Сына»), что означало, что Святой Дух исходит не только от Бога-Отца, но «от Отца и Сына». Византийцы считали это дополнение незаконным и даже еретическим. Когда договоренность не была достигнута, три папских легата вошли в собор Святой Софии и положили на алтарь отлучительную грамоту, предающую анафеме патриарха.

События 1054 года, конечно, не означали полного разрыва между византийской и западной церквями, но Первый крестовый поход обострил и подчеркнул разногласия. Когда Боэмунд захватил Антиохию, одним из первых его действий было изгнание греческого патриарха и замена его латинским, и то же самое произошло в Иерусалиме, где новые хозяева выбрали себе латинского патриарха. Алексей, в свою очередь, назначил собственных патриархов обоих городов, но проживали они в Константинополе. Имея в наличии две эти параллельно существующие иерархии, восточная и западная церкви фактически пребывали в состоянии раскола. В средневековом мире, где религия занимала главное место в повседневной жизни, этот раскол затрагивал не только епископов, но все общество в целом и имел важные политические последствия. Когда в 1107 году Боэмунд пошел походом на Византию в отместку за попытки Алексея отбить Антиохию, он заявил Папе, что это вполне оправданно, так как византийцы – раскольники. Таким образом он создал опасный прецедент для будущей агрессии со стороны западноевропейцев и еще больше встревожил тех, кто сомневался в полезности латинян.

Эти сомнения разделял сын и преемник Алексея Иоанн II. Он считал, что в отношениях с латинянами политически оправданно будет проявлять твердость. Взойдя на престол, Иоанн отказался продлевать налоговую льготу, предоставленную его отцом венецианцам, и дважды, в 1137 и 1142 годах водил свою армию на Восток по следам Никифора Фоки, чтобы вернуть Антиохию и подтвердить свой сюзеренитет над армянскими княжествами в Киликии. Во всех этих начинаниях он потерпел неудачу. Венецианцы не собирались терять полученные когда-то привилегии. Когда он отправился в Иерусалимское королевство на помощь крестоносцам, венецианский флот атаковал византийские порты и острова в Эгейском море. Последствия были столь разрушительны, что Иоанну пришлось отступить и возобновить договор на тех же условиях, что предоставил его отец. В Антиохии наследники Боэмунда теоретически признали власть Иоанна над собою, когда он стоял в непосредственной близости от города с мощной армией, но под разными предложениями тянули с принесением клятвы верности до тех пор, пока он не ушел наконец и не получил на охоте

смертельное ранение. Кроме того, при решении вопроса с Антиохией Иоанн столкнулся с тем, что вопросы религии могут быть чрезвычайно опасны. Когда Папа узнал, что Иоанн удалил латинских епископов из городов вокруг Антиохии и заменил их греческими, он издал гневную энциклику, призывающую всех латинян в византийской армии немедленно покинуть ее под угрозой вечного проклятия.

Перспектива массового дезертирства латинян из войска не могла не встревожить императора, поскольку, несмотря на жесткую позицию по Венеции и Антиохии, он зависел от выходцев с Запада ничуть не меньше, чем его отец, Алексей. Как и в случае с его отцом, они сыграли определенную роль в его восшествии на престол: именно варяжская гвардия приняла в качестве законного преемника Иоанна, а не его сестру Анну и ее мужа Никифора Вриенния, благодаря чему ему удалось проникнуть во дворец и захватить власть. Иоанн был удачливым полководцем, но немалую роль в одержанных им победах сыграли латинские войска. В 1128 году он нанес поражение венграм с помощью итальянской кавалерии, а в 1122 году в битве с печенегами исход дела решила его варяжская гвардия, вооруженная тяжелыми топорами. Более того, понимал это Иоанн или нет, ему и его империи было выгодно присутствие венецианцев. В короткий срок, помимо международной торговли, которой они занимались в столице, венецианцы стали доминировать и во внутренней морской торговле империи, доставляя провизию, масло и вино с Пелопоннеса и из Фессалии в Константинополь, и превратились в очень важное звено в цепи снабжения столицы продовольствием. Так что проблема латинян осталась. Они были полезны, но опасны, и, хотя Византия веками успешно поглощала одну за другой волны захватчиков и обращала их энергию на благо империи, на этот раз все было иначе.

* * *

Такова была ситуация к 1143 году, когда на престол взошел третий представитель династии Комнинов – Мануил I. Новый император не был похож ни на отца, ни на деда. Алексей I и Иоанн II производили впечатление правителей, исполненных чувства долга и умелых, но лишенных воображения. В ответ на усиление роли латинян они прибегали к старой проверенной тактике подношения обильных даров и внушения «варварам» благоговения перед византийской пышностью и великолепием.

Не таков был Мануил, отличавшийся пытливым умом и немалым личным обаянием. В отличие от своих предшественников, он не воспринимал западноевропейцев только лишь как источник выгоды, но искренне любил их и восхищался их культурой. О нем рассказывали, что он написал королю Англии Генриху II послание с просьбой предоставить информацию о его королевстве и народе. Он любил принимать участие в рыцарских турнирах по западноевропейскому образцу, и, вероятно под его влиянием на какое-то время у византийской знати стали популярны бриджи и широкополые шляпы. Опираясь на латинских наемников в своей армии, он также привлекал западных интеллектуалов ко двору в качестве секретарей и советников по западным делам. Кроме того, он был очень недоволен конфликтом византийской и западной церквей и делал все, что мог, чтобы инициировать диалог и преодолеть раскол. Таким образом, он заслужил репутацию «друга латинян» и в самой Византии, и на Западе.

Будучи расположенным к латинянам и хорошо понимая их, Мануил повел новую политику в отношении западных соседей. Он осознавал, что для того, чтобы успешно взаимодействовать с христианской Западной Европой, прежние методы, когда-то действенные, теперь не годились. У латинян было свое христианское мировоззрение, в котором Папа и защита Иерусалима стояли гораздо выше, чем Константинополь и византийский император, и бессмысленно было пытаться внушить им, что Византия есть царство Божье на земле. Вместо этого Мануил старался действовать так, чтобы его поступки выглядели в глазах западноевропейцев вполне приемлемо. Он не менее решительно, чем его отец, делал все для того, чтобы сохранить Антиохию византийской, но предпочитал не вызывать при этом гнев и раздражение Папы. Только дождавшись, когда князь Антиохийский дал ему повод, напав на византийский остров Кипр, он повел свою армию в Сирию. Это было в 1159 году. И поскольку мнение Запада было против него, князь вынужден был капитулировать и признать над собой власть Мануила, а также восстановить в правах византийского патриарха. Кроме того, Мануил снискал всеобщее одобрение, профинансировав восстановление церкви Рождества Христова в Вифлееме. Он вел себя так, что в какой-то момент Папа сам предложил короновать его как императора Запада.

Но прозападническую позицию Мануила нельзя переоценивать. Он любил не всех латинян и доверял также не всем. Когда в 1147 году во время Второго крестового похода французские и немецкие войска проходили через Константинополь на своем пути в Святую землю, Мануил, похоже, разделял опасения, что они могут попытаться захватить византийскую

столицу. Кроме того, он всей душой ненавидел венецианцев. Антипатия к ним возникла после случая, произошедшего в 1149 году, когда византийцы и венецианцы совместно пытались отбить у норманнов из Южной Италии остров Корфу. Осада крепости главного города затянулась на несколько месяцев, и войска заскучали. Однажды на рыночной площади завязалась драка между византийцами и венецианцами. Венецианцы вынуждены были отступить и бежали на свои корабли, но отомстили тем, что взяли на буксир императорскую галеру. Под палубой они обнаружили пурпурные мантии и корону, надели их на африканца и начали глумиться, провозглашая его императором. Все это происходило на глазах стоявших на берегу византийцев и самого Мануила, и он воспринял это не только как смертельное оскорбление императорскому сану, но и как высмеивание его смуглого цвета лица. Инцидент был улажен, но после него Мануил стал охотно прислушиваться к тем, кто говорил, что пришло время лишить венецианцев их торговых привилегий. В 1171 году он внезапно приказал арестовать венецианских купцов по всей империи, а их имущество конфисковать. До конца его правления они были почти полностью исключены из константинопольской торговли, но после смерти Мануила его преемники не только вернули венецианцев, но и компенсировали им потери. Ведь венецианцы, как и другие латиняне, были слишком полезны.

Западничество Мануила основывалось на том, что он был открыт всем, кто, по его мнению, был дружелюбен империи и мог принести ей пользу. Хорошим тому примером могли служить турки-сельджуки. После Первого крестового похода они сделали столицей своего султаната в Малой Азии город Иконион. И Иоанн II, и Мануил I воевали против них и отодвинули обратно свою восточную границу, но это были не Крестовые походы. Случались долгие периоды, когда император и султан не враждовали и турецких наемников в византийской армии воевало не меньше, чем латинян. А когда в 1161 году сельджукский султан Кылыч-Арслан II прибыл в Константинополь, его ожидал великолепный прием. Он пробыл там 80 дней и даже принял участие в религиозной процессии в соборе Святой Софии. С султаном и его свитой обращались так же, как с русскими посланниками в X веке, которым тогда настолько понравился оказанный им прием, что они посоветовали князю Владимиру принять византийское христианство. Действительно, позже Мануил предложил, чтобы церемония крещения ради мусульманских новообращенных была изменена таким образом, чтобы не отречься от «бога Магомета»^[9]. Словом, Мануил был императором, твердо верившим в старую традицию вовлечения всех иноземцев в орбиту византийской культуры и

политической мысли.

Однако голосов, критикующих его отношение к чужеземцам, раздавалось все больше. Во время пребывания Кылыч-Арслана в 1161 году недовольные говорили, что неверующий не должен принимать участие в христианских обрядах. Подземные толчки, которые сотрясли Константинополь во время этого визита, были восприняты как проявление Божьего гнева. Раздражение вызывало и привилегированное положение, которое занимали некоторые латиняне, и то, что Мануил якобы предпочитал брать на службу именно их, а не византийцев. Один царедворец, пытавшийся устроить на хорошую должность при дворе своего дядю, жаловался на засилье «говорящих на варварском языке». Но благоволение к иностранцам было лишь одним из обвинений, которые высказывали в адрес Мануила его подданные. Царедворец и историк Никита Хониат писал, что многие «осыпали его насмешками за то, что он, по самолюбию, питает несбыточные желания, простирает взоры на края земли». Внешняя политика Мануила была, безусловно, честолюбива: он лелеял мечту покорить Южную Италию и Египет и стать императором не только Востока, но и Запада. Однако ничто из этого так и не сбылось, а в 1176 году Мануил потерпел серьезное поражение от сельджуков, когда в новой войне с ними его армия была разбита в битве при Мириокефалоне. Кроме того, недовольство населения вызывали высокие налоги, бесчестность откупщиков и то, как тратились средства из казны – на подарки иностранным правителям, чтобы убедить их стать союзниками империи.

Тем не менее, когда в сентябре 1180 года после долгого, 38-летнего правления Мануил умер, его подданные искренне скорбели по нему. Он был похоронен в приделе построенного его отцом монастыря Пантократора, и в его память в той же церкви поместили драгоценную реликвию, плиту красного мрамора, на которой лежало тело Христа после распятия. Ее по приказу Мануила привезли из Эфеса в Константинополь в 1169 году, и, когда корабль пришвартовался в гавани Большого дворца, император сам отнес плиту на спине в храм Богородицы Фарской, где хранилась императорская коллекция драгоценных реликвий. То, что ее перенесли в монастырь Пантократора, было беспрецедентным выражением почтения к усопшему императору. Это почтение со временем только усилилось, когда современники, такие как Хониат, оглянулись назад и пришли к выводу, что «ладья царства, лишившись мудрого кормчего, едва не потонула».

После смерти Мануила политическая нестабильность и сепаратизм провинций, обузданные в десятилетия правления династии Комнинов, вернулись, чтобы вновь преследовать Византию. Сыну и наследнику Мануила, Алексею II, было всего 11 лет. Регентский совет возглавила его мать, императрица Мария. Будучи багрянородным, юный Алексей, без сомнения, надеялся, что это защитит его от любых попыток военного переворота, подобного тому, что совершил его прадед в 1081 году. К сожалению, принадлежность к правящей династии не спасла его от собственного родственника, Андроника Комнина.

Двоюродный брат Мануила I, Андроник провел годы с 1143-го по 1180-й в постоянных попытках поднять бунт и последующих реабилитациях. Его заговоры и интриги привели Андроника в тюрьму, и девять лет он провел в подвалах Большого дворца, пока ему не удалось бежать, передав восковой слепок ключей своим сторонникам на воле. Последующие годы он провел в изгнании, но за несколько месяцев до своей смерти в 1180 году император Мануил простил его и разрешил вернуться. Но и тогда Андроник не был желанным гостем в столице и спокойно жил в своем замке на Черноморском побережье Малой Азии. В конце концов, он был уже немолод, и можно было ожидать, что остаток своих дней он предпочтет провести спокойно. Однако, узнав, что регентша в Константинополе крайне непопулярна, Андроник не сумел устоять перед соблазном. Он собрал армию, в которую вошли в основном местные новобранцы, и двинулся на столицу. Как и его предок Исаак Комнин в 1057 году, дойдя до Константинополя, Андроник обнаружил, что народное восстание уже проложило ему путь, и в апреле 1182 года ворота города распахнулись перед его войском.

До этого момента переворот Андроника следовал стандартной схеме, но после появилось отличие. Поначалу, как и узурпаторы X века, Андроник правил совместно с законным преемником Алексеем II, но через год или около того, уверившись, что он надежно закрепился в общественном сознании как император, захватчик тайно избавился от своего юного подопечного и его матери. Оба были задушены, а труп Алексея помещен в свинцовый гроб, который затем бросили в Босфор, чтобы скрыть улики. Нескольких других членов семьи Комнинов постигла та же участь. С тех пор как в 602 году Фока убил Маврикия и его семью, ни один узурпатор не избавлялся столь безжалостно от всех связанных с его предшественником.

Прошло не так много времени, и население Константинополя поняло, что с молодым багрянородным императором что-то случилось, но это не вызвало бурных протестов, вероятно потому, что Андроник сам был членом императорской семьи, а также потому, что, придя к власти, он объявил одной из своих целей обуздание ненавистных сборщиков налогов. И конечно, никто не стал открыто протестовать, когда он взшел на престол как Андроник I (правил в 1183–1185 гг.).

Однако кое-кого обмануть было не так просто. На Западе захват престола Андроником восприняли с большой тревогой, и виной тому было событие, произошедшее, когда узурпатор прибыл в Константинополь в 1182 году. Войдя в город, его солдаты вместе с толпой константинопольцев ринулись в итальянский квартал, расположенный на берегу бухты Золотой Рог. В это время в городе было мало венецианцев – Мануил I выслал их в 1171 году, но других итальянских купцов, в частности генуэзских и пизанских, ненавидели за их торговые привилегии ничуть не меньше. Многие из них поняли, что сейчас произойдет, и побежали к своим кораблям, но те, кто не мог бежать, остались. Толпа ворвалась в Латинскую богадельню, ее обитатели были убиты прямо в своих постелях. На улицах расправлялись с беременными женщинами и детьми. Среди погибших был священник из Рима, который находился в Константинополе по делам церкви. Маловероятно, что эту кровавую расправу приказал устроить Андроник: она ничего не дала ему, и он не был как-то особенно настроен против латинян. Как и все его предшественники, Андроник использовал латинских наемников и заключал торговые договоры с итальянцами. И это он вновь пришел к соглашению с венецианцами, изгнанными при Мануиле, что позволило им вернуться в город с прежними привилегиями. Но даже если эта вспышка насилия в 1182 году не была санкционирована сверху, образ Византии на христианском Западе померк и уже никогда не стал прежним.

Однако это было лишь первое из многих бедствий, случившихся за время короткого правления Андроника. Еще худшим злом стала вновь возникшая напряженность в отношениях императора и провинциальной аристократии. Утрата Малой Азии и экономическое и военное возрождение при Комнинах на время положили конец мятежам недовольных полководцев, но теперь они возобновились. Едва Андроник укрепился в Константинополе, как выяснилось, что большинство городов Малой Азии, находящихся под управлением семьи Ватац, отказываются признавать его власть. Весной 1184 года восстание было жестоко подавлено, но Андроник стал параноидально подозрительным: ему казалось, что любой знатный

человек, обладающий богатством и землями, что-то против него замышляет. Пойдя гораздо дальше, чем Василий II, Андроник распорядился, чтобы его огромный портрет был помещен на наружной стене церкви в центре Константинополя. На нем император был в крестьянском одеянии и держал в руках серп, и это должно было показать, что он выступает на стороне бедных против сильных мира сего. А перед своими сыновьями Андроник хвастался, что избавит их от гигантов, так что после его ухода под их правлением останутся только пигмеи. Добиваясь этого, он устроил царство террора. Даже ближайшие сторонники императора не были в безопасности. В мае 1184 года по его приказу двух сановников, которые помогли ему прийти к власти, побивали камнями, пока те не потеряли сознание, а затем посадили на кол. Их преступление заключалось в том, что они поручились за друга, подозревавшегося в измене, который потом сбежал из города. Неудивительно, что многие знатные люди, жившие в Константинополе, не стали дожидаться, пока стража Андроника придет за ними, а скрылись за границей, отправившись к норманнскому правителю Сицилии или ко двору султана Салах ад-Дина, основателя династии Айюбидов, который, свергнув Фатимидов, правил теперь Сирией и Египтом.

За пределами Константинополя репрессивное правление Андроника привело к еще более серьезным последствиям, дав толчок росту сепаратизма провинций. В 1184 году один из родственников Андроника, Исаак Комнин, бывший губернатор Киликии, отправился с войском из Малой Азии на Кипр. Там он представил поддельное письмо императора о назначении его на пост губернатора острова. А став правителем, раскрыл свои намерения, провозгласив себя императором. Конечной целью Исаака было дойти до самого Константинополя, но его мятеж привел лишь к отделению Кипра от остальной Византии. Он правил самостоятельно вплоть до 1191 года, когда остров был захвачен королем Англии, Ричардом Львиное Сердце, направлявшимся в Крестовый поход на Святую землю. После этого остров так и не вернулся под власть Византийской империи.

Правление Андроника оборвалось в сентябре 1185 года. Причиной послужило то, что его подручные явились в дом богатого сановника, Исаака Ангела, чтобы арестовать его за измену. Зная, что это означает верную смерть, Ангел вскочил на коня и, убив одного из стражников, вырвался на улицу и галопом поскакал к собору Святой Софии. Укрывшись там, он провозгласил себя императором, и жители Константинополя, которые безмолвно позволили Андронику убить Алексея II, теперь выступили в поддержку Исаака. Видя, как оборачивается дело, Андроник

попытался бежать из города, но был схвачен и доставлен обратно. Конец его был ужасен: обезумевшая толпа растерзала низложенного императора на ипподроме.

Воцарение нового императора в лице Исаака II Ангела (правил в 1185–1195 гг.) и новой династии не положило конец сепаратизму и нестабильности. Исаак сидел на престоле меньше года, когда началось восстание в Болгарии. Оно возникло не из-за роста националистических настроений и стремления поквитаться за поражение 1018 года, а из-за недовольства местных дворян их положением в имперской иерархии и высокими налогами. Больше того, поначалу восстание возглавили не болгары, а валахи. Ранее, в 1186 году, когда Исаак II находился в Кипселе во Фракии, к нему явились два брата-валаха, Петр и Асень. Они сделали императору предложение, привычное для византийских правителей: братья готовы были служить со своими воинами в византийской армии за вознаграждение, в данном случае за земли в районе Балканских гор. Когда их просьба была отклонена, валахи разгневались. Началась горячая перепалка, и один из родственников императора ударил Асень в лицо. Братья уехали, поклявшись отомстить, и вскоре, сыграв на недовольстве валахов введением нового налога, потребовавшегося, чтобы оплатить свадьбу императора, собрали войско и повели его на Преслав. Византийская армия отбросила их за Дунай, но там Петр и Асень заключили союз с тюркскими половцами. В следующем году они вернулись и разгромили византийцев, заставив их покинуть территорию между Дунаем и Балканскими горами. И поскольку теперь Асень и его войско контролировали земли, которые были сердцем старого Булгарского ханства, он провозгласил себя царем Болгарии. В 1202 году византийцам пришлось смириться с неизбежным и признать независимость болгар.

Но потеря Болгарии стала лишь частью более широкого явления. По всей империи местные военачальники объявляли себя правителями в своих округах, начинали сами собирать налоги и не повиновались центральной власти. В Македонии валахский наемник по имени Добромир Хриз, который воевал на стороне византийцев против Петра и Асень, захватил крепость Струмица и подчинил себе окрестные земли. В Филадельфии в Малой Азии Феодор Мангафас провозгласил себя императором и начал чеканить серебряные монеты со своим изображением. В Греции Лев Сгур захватил Аргос и Коринф. В этих мятежах не было ничего неожиданного и нового. Они возникли на почве давнишнего недовольства многих провинций далекой столицей, которая лишь настойчиво требовала налоговых поступлений и не могла предоставить защиту. Непривычным

был лишь масштаб мятежей.

Сепаратизм наместников провинций сопровождался нестабильностью в центре. В 1187 году правление Исаака II оказалось под угрозой, когда один из лучших полководцев империи, Алексей Врана, поднял бунт и осадил Константинополь. В тот раз Исаак удержался у власти, но в 1195 году был свергнут собственным братом, который стал править как Алексей III Ангел (1195–1203 гг.). В свое царствование Алексей также столкнулся с частыми заговорами и мятежами. Один из самых серьезных произошел в 1200 году, когда Иоанн Аксух Комнин, правнук императора Иоанна II, ворвался с группой своих сторонников в Большой дворец и уселся на императорский трон. Прибежавшие стражники Алексея разгромили мятежников, Иоанн Комнин был пойман, и ему отрубили голову.

* * *

Неудивительно, что в круговерти бесконечных заговоров и борьбы с ними, происходившей в 1180-е и 1190-е годы, императоры династии Ангелов считали, что существует лишь одна сила, на которую они всегда могут рассчитывать, – латиняне: западноевропейцы помогли спасти империю после потери Малой Азии и, несомненно, сделают это снова. Подобно Мануилу I, и Исаак и Алексей Ангелы держали латинян в качестве секретарей и послов, особенно в западных державах, но превыше всего ценились военные навыки чужеземцев. Когда в 1187 году грозный полководец Алексей Врана осадил Константинополь, чтобы захватить престол, инстинктивной реакцией Исаака II было укрыться за городскими стенами в надежде, что восстание само собой сойдет на нет. Так случилось, что незадолго до того в Константинополь прибыл Конрад Монферратский, отпрыск итальянского княжеского дома, чтобы взять замуж сестру Исаака, Феодору. Войдя в залу, где император обедал, Конрад заставил Исаака покраснеть от смущения, когда громко заявил, что его будущий шурин должен бы заниматься военными приготовлениями, а не едой. По настоянию Конрада, войско Исаака вышло за стены, чтобы атаковать армию Враны. Конрад, одетый в яркие красные одежды и без шлема, с открытым лицом, сам командовал основными силами, где были собраны лучшие подразделения латинян. Он возглавил кавалерийскую атаку против Враны, сокрушил соперников и сошелся лицом к лицу с предводителем бунтовщиков. Конрад сбил Врану с коня. Ошеломленный Врана просил его о пощаде и получил от Конрада заверение, что ничего плохого с ним не

случится – кроме того, что ему отрубят голову! Так и случилось: прилюдно, на Августеоне, генералу отрубили сначала ногу, а потом голову.

Вновь и вновь византийские императоры спасались при аналогичных обстоятельствах. Когда народ Константинополя стал протестовать против выбранного Исааком II патриарха, варяжская гвардия сопровождала нового главу церкви в собор Святой Софии и тем спасла положение. В 1200 году стражники-латиняне Алексея III взяли штурмом дворец и подавили мятеж Иоанна Аксуха Комнина. Однако теперь такая зависимость от латинян стала опаснее, чем когда-либо. И проблема заключалась не только в том, что раскол между церквями так и не удалось преодолеть и это позволяло оправдывать агрессивные действия против Византии, но и в том, что имидж империи на Западе был в последние десятилетия XII века изрядно подпорчен. Расправа над итальянскими купцами в Константинополе во время переворота Андроника в 1182 году убедила западноевропейцев в том, что византийцы тайно лелеют глубокую ненависть к латинянам. Когда в 1187 году Салах ад-Дин захватил Иерусалим, ответственность за это была возложена, причем совершенно незаслуженно, на византийцев, которых обвинили в подстрекательстве и помощи мусульманам. Византийцев стали воспринимать в лучшем случае как не особо ревностных сторонников освобождения Гроба Господня, а в худшем – как злонамеренных и двуличных лицемеров, постоянно замышляющих предательство крестоносцев. Вследствие этого предводители движения крестоносцев пришли к мысли, что нужно заставить империю тратить свои богатства на отвоевание Иерусалима. Именно эти представления сделали столь опасным для византийцев использование крупных военных сил латинян.

* * *

На западноевропейцев опирались не только византийские императоры, которым нужно было удерживать власть, но и те, кто стремился свергнуть их: когда в 1181 году принцесса Мария Комнина, дочь Мануила I, подняла мятеж против регентов юного Алексея II, она тут же набрала себе сторонников среди итальянцев. Поэтому, когда в 1201 году созрел новый заговор против Алексея III Ангела, вполне естественно, что его участники стали искать военной поддержки на Западе. В центре заговора был низложенный Исаак II, которого в 1195 году ослепили и отправили в порт на побережье Босфора, к северу от Константинополя. Его заключение было вполне спокойным и комфортным. Экс-император мог принимать

посетителей, и многие из них были латинянами. Через них он сумел переправить письма дочери, которая была замужем за немецким герцогом Филиппом Швабским, и организовать побег сына Алексея из Византии в октябре 1201 года на пизанском корабле, который доставил его в Италию. Когда 18 месяцев спустя, в 1203 году, молодой Алексей вернулся, его сопровождали венецианский флот и грозное войско латинян.

Это было войско Четвертого крестового похода, предводители которого согласились отложить поход в Египет только потому, что Алексей пообещал им огромную сумму денег и обеспечение предстоящей кампании. Он также пообещал поддерживать армию в Иерусалиме и защищать его после того, как он будет отбит, и положить конец расколу между церквями. Сделка крестоносцев устроила. Хотя им предстояло потерять какое-то время на восстановление в Константинополе законного императора Исаака II, но зато они достигали этим своей цели: ведь теперь византийцы должны были наконец сыграть подобающую их положению роль в освобождении и защите Святой земли.

Как всегда во время осад Константинополя, за прибытием латинского войска последовала пауза: стоявшие за стенами города должны были найти кого-то среди находившихся внутри, кого можно было бы убедить открыть ворота. Молодой Алексей Ангел даже подплыл на корабле к морским стенам, чтобы обратиться к горожанам и призвать их отречься от его дяди Алексея III. Но жители Константинополя проигнорировали его призывы. И тогда в июле латиняне прорвали цепь, закрывавшую вход в Золотой Рог, и венецианский флот вошел в гавань. Начался штурм стен, защищавших город со стороны моря. Этого оказалось достаточно для Алексея III, который отчаялся удержать свой трон: под покровом ночи он бежал из города. Исаак II был восстановлен на престоле и правил вместе с сыном, который стал Алексеем IV. Снова, как и в 1081 году, помощь латинян привела к низложению одного императора и возведению на престол другого.

Однако почти сразу стало ясно, насколько опасны могут быть латиняне. За их услуги всегда надо было платить. С утратой столь многих территорий после 1180 года налоговые поступления в имперскую казну сократились, и, казалось, неисчерпаемый источник золота, приманившего так много великих воинов на службу Византии, оскудел. Еще в 1187 году, когда Конрад Монферратский спас Исаака II от Алексея Враны, его латинским войскам отплатили тем, что отдали им на разграбление поселения за пределами городских стен. Тогда итальянский маркграф был обижен скромностью вознаграждения, предложенного ему Исааком, и

покинул Константинополь. Те же трудности возникли и сейчас. Алексей IV обнаружил, что запасов византийской казны хватает на то, чтобы заплатить крестоносцам и венецианцам лишь часть того, что он сгоряча наобещал. Он собрал для них все, что мог, даже конфисковал драгоценную церковную утварь, но этого было мало.

На этом этапе крестоносцы могли бы довольствоваться уже полученным и покинуть город. В конце концов, никаких дел в византийской столице у них не было, и, более того, Папа запретил им идти на Константинополь. Но их запасы были на исходе, и уже наступила зима, когда переход в открытом море мог быть опасен. Поэтому они ждали и вопреки всему надеялись на то, что Алексей IV предоставит им все, что обещал. Их надежды истаяли в январе 1204 года, когда Алексей IV и Исаак II были свергнуты в результате дворцового переворота, организованного царедворцем по имени Алексей Мурзуфл. Новый император, Алексей V, сразу же приостановил все платежи флоту и армии латинян и приготовился защищать Константинополь.

Возможно, византийцы надеялись, что нападения не последует. В конце концов, крестоносцы и венецианцы по-прежнему были связаны клятвой бороться с неверными и освободить Гроб Господень. Действительно, многие в армии крестоносцев чувствовали, что обратить свое оружие против христианского города означало бы предать эту клятву. Однако их сомнения были развеяны священниками, сопровождавшими армию. Они заверили воинов в том, что, поскольку византийцы были раскольниками, действовавшими против Крестового похода, напасть на них было вполне праведным делом. Венецианский флот уже стоял в Золотом Роге, и его кораблям оставалось лишь подплыть к стенам и атаковать наиболее уязвимый их участок.

Когда в апреле 1204 года начался захват Константинополя, византийцы все еще демонстрировали странную двойственность, которая всегда отличала их отношение к латинянам. Многие из них называли западноевропейцев варварами и раскольниками, но сопротивление оказывали довольно-таки вялое. Вероятно, защитники города по-прежнему воспринимали происходящее как продолжение борьбы между двумя претендентами на престол, а не как нападение иностранных захватчиков и потому не видели причин биться не на жизнь, а на смерть. Серьезный отпор крестоносцам у морских стен дали, как всегда, лишь латиняне, находившиеся на службе у Византии: английские и датские наемники. А византийские войска таяли, едва крестоносцы начинали одерживать верх. Один солдат из Пикардии пробивался через задние ворота, разрубленные

топорами, и, когда он замахнулся мечом на защитников, все они разбежались. Когда же победоносные крестоносцы ворвались на улицы города, некоторые приветствовали их криками: «Святой император маркграф!». Эти горожане явно думали, что предводитель Крестового похода Бонифаций, маркграф Монферратский и брат Конрада, станет новым византийским императором. Многие продолжали верить в это даже тогда, когда крестоносцы начали грабить город, не щадя и церкви. В конце концов, это было ожидаемо. Войско Никифора Фоки сделало то же самое в 963 году, а латинские наемники Алексея I – в 1081-м. Без сомнения, многие надеялись, что, когда пыль осядет, все вернется на свои места.

Они ошибались, но только в последующие дни смогли осознать всю чудовищность этой ошибки. Византийцы потеряли столицу, свой важнейший оплот, который в прошлом позволял им выстоять против персов, аваров и арабов. Они утратили Константинополь, потому что на него напали не неверные, но те, кто, как выразился один из византийцев, «несли Крест Христа на своих плечах», люди, которых они считали неотъемлемой частью своего мира. Христиане-латиняне нанесли византийцам сокрушительный удар, хотя прежде тем всегда удавалось отражать такие удары.

Глава 9

Новый Константин

Константинополь, этот акрополь вселенной, царственная столица ромеев, бывшая под латинянами, сделалась, по Божию соизволению, снова под ромеями, – это дал им Бог чрез нас. [\[10\]](#)

Михаил VIII Палеолог

16 мая 1204 года в соборе Святой Софии состоялась торжественная коронация, а затем красочная процессия проследовала через Августеон в Большой дворец. За много веков Константинополь видел бесчисленное количество подобных церемоний, но эта отличалась от прочих. Нового императора звали не Константином, не Львом и не Алексеем, а Балдуином. И прибыл он не из Малой Азии и не с Балкан, а из Нидерландов, где, прежде чем отправиться в Четвертый крестовый поход, был графом Фландрии и Эно. Он в полной мере воплощал собой все то, чего византийцы привыкли ожидать от латинян, и был человеком действия, а его семья имела долгую и славную традицию отправляться в Крестовые походы на Восток.

Были и другие различия. На царство Балдуина венчал не Константинопольский патриарх, а архиепископ Суассона, и к тому же новый правитель, разумеется, не был багрянородным. На императорский престол он восходил, потому что был избран советом французских графов и венецианцев, которые предпочли его другим предводителям Четвертого крестового похода. Но в некотором отношении церемония не так уж сильно отличалась от предыдущих коронаций императоров. Балдуин был одет так же, как и его предшественники, и на нем были такие же пурпурные сапоги. На шее у него висел большой рубин, который Мануил I надевал в особых случаях. И в мероприятии принимали участие не только латиняне, но и много грекоговорящих константинопольцев, которые охотно приветствовали нового императора.

Какое-то время казалось, что новая власть утвердится не только в столице, но и в византийских провинциях. Осенью Балдуин официально поделил территорию империи между своими подданными, примерно так

же, как Вильгельм Завоеватель разделил Англию после ее захвата в 1066 году. Все получили земли в соответствии с рангом, а взамен должны были вместе со своими вассалами нести службу в императорской армии, когда потребуется. Бонифаций Монферратский стал правителем Фессалоник, Никея отошла графу Людовику де Блуа, а Филадельфия досталась Стефану дю Першу. Население этих мест поначалу приняло и даже приветствовало эти перемены. В августе, когда император Балдуин и его войско двинулись из Константинополя на запад, жители Фессалоник вышли им навстречу и сдали город безо всякого сопротивления. В Лопадиионе в Малой Азии представитель нового императора был встречен процессией, которая несла кресты и Евангелие, приветствуя собратьев по вере. Тот самый сепаратизм провинций, который так долго был головной болью византийских императоров, теперь сыграл на руку латинским завоевателям. Ренье Тритский и его 120 воинов были восторженно встречены жителями города Филиппополя во Фракии, который достался герцогу от императора Балдуина. Местные жители надеялись, что латинский господин, в отличие от Алексея III Ангела и его предшественников, защитит их от болгар и валахов. Недовольные меньшинства также приветствовали новых хозяев. Когда Пьер де Брассе и Пайен Орлеанский в конце 1204 года прибыли в Малую Азию, они нашли там союзников в лице общин армян, которые ненавидели правителей Константинополя. Таким образом, на конец 1204 года, по-видимому, существовала реальная возможность того, что Византия продолжит свое существование и даже будет процветать в новом обличье. Произошло лишь то, что слабая и бездейственная власть в Константинополе сменилась более энергичной и успешной в военном отношении. Судьба империи теперь была в руках тех, кто уже не раз за последние полтора века спасал ее.

Разумеется, не все приветствовали приход латинян к власти. Те, кто управлял империей прежде, теперь оказались изгнаны, обездолены, лишены друзей. Бежавший Алексей III Ангел был пойман Бонифацием Монферратским и отправлен как пленник в Италию. Недолго царствовавший Алексей V Мурзуфл, который в апреле 1204 года, прежде чем бежать во Фракию, в последний момент пытался организовать сопротивление латинянам, был схвачен и предан смертной казни: его сбросили с колонны Феодосия, самой высокой в Константинополе. Видя, что при новой власти места для них нет, многие царедворцы и советники, прежде служившие династии Ангелов, через несколько недель после захвата города начали покидать его. Но и в пути, продвигаясь по сельским дорогам, они не встречали сочувствия. Фракийские крестьяне не упускали

случая понасмехаться над теми, кто когда-то издевался над ними и душил их налогами, а теперь сам терпел лишения.

Правда, прежняя элита недолго пребывала в замешательстве. Те византийцы, которые приветствовали латинян, вскоре обнаружили, что новая власть не менее алчна, чем прежняя, но не умеет принимать чужаков, поощрять их и обращать себе на службу. Первыми это открытие сделали жители Фракии и Македонии. Стоило Бонифацию Монферратскому стать правителем Фессалоник, и его доброжелательность испарилась. С населения взимались тяжкие поборы, лучшие дома отобрали и передали рыцарям маркграфа. Но даже и тогда некоторые из видных горожан надеялись найти себе место в новом мироустройстве. Они пришли к Бонифацию и попросили зачислить их в его войско. Тот с презрением отказал им. С такой же просьбой они обратились к императору Балдуину. Результат был тем же. Латиняне не нуждались в «изнеженных греках».

Кроме того, приспособиться к переменам большей части населения империи мешал затянувшийся раскол между византийской и католической церквями. Этот разрыв стал еще больше от того, как армия латинян повела себя в захваченном Константинополе в апреле 1204 года. Так называемые крестоносцы не просто разграбили церкви. Они ворвались в собор Святой Софии, вломилась в алтарную часть и похитили священные сосуды – дискос и потир. Сняли золотое и серебряное покрытия с дверей и ограждений и привели в храм ослов, чтобы увезти на них награбленное. Уникальное собрание мощей из храма Богородицы Фарской в Большом дворце также было разграблено и в большинстве своем вывезено на Запад. Терновый венец оказался в Париже, а Мандилион из Эдессы исчез без следа. Это был не просто грабеж, это было святотатство. Константинопольский патриарх бежал из города, и латиняне заменили его своим патриархом, венецианцем Фомой (Томмазо) Морозини, и торжественно объявили, что расколу положен конец. Часть византийского духовенства еще надеялась, что их религиозные традиции могут быть продолжены и в правление латинян. Они даже направили Папе Иннокентию III послание с предложением созвать церковный собор, чтобы покончить с расколом, и просьбой о том, чтобы у них был свой, грекоговорящий, патриарх. В 1206 году группа священнослужителей встретилась с Морозини и папским легатом, чтобы обсудить все это. От них в резкой форме потребовали подчиниться законному патриарху, Морозини. Когда же они возразили, тот взревел: «Вы должны принять меня! Вы упрямы, и мы будем относиться к вам так, как вы того заслуживаете!» Верный своему слову, он закрыл многие из церквей Константинополя. За

этим последовало массовое бегство византийского духовенства из города в провинции.

Но даже после всего этого латиняне могли бы сохранить лояльность византийских подданных благодаря своей ауре непобедимости. Однако и этот миф был разрушен всего лишь через год после их прихода к власти. В начале 1205 года недовольная византийская знать во Фракии восстала против латинского господства, и император Балдуин отправился туда, чтобы осадить их крепость Адрианополь. В отчаянии византийцы обратились за помощью к старому врагу, правителю независимой Болгарии Калояну. Болгарский царь двинулся на юг с войском половецких конных лучников. Когда началось сражение за Адрианополь, закованные в латы западные рыцари поначалу с презрением отнеслись к половцам, одетым в грубые полушубки из овчины и вооруженным только маленькими луками. Несмотря на приказ об обратном, рыцари ринулись на врага. Тем самым они дали половцам возможность применить их излюбленную тактику: изобразить бегство, а затем неожиданно остановиться, развернуться к нарушившим боевой порядок преследователям и обрушить на них град стрел. Напуганные этой неожиданной хитростью, некоторые латиняне бежали с поля боя, но император Балдуин и его рыцари решили не отступать и один за другим были подстрелены. Людовик де Блуа и Стефан дю Перш, которым так недавно достались Никея и Филадельфия, были убиты, а Балдуина взяли в плен и увезли в столицу Калояна Тырново, после чего его никто уже не видел живым. Но еще долго ходили ужасные рассказы о постигшей его участи: говорили, что Калоян отрубил ему руки и ноги и приказал сбросить его со скалы в ущелье. Три долгих дня Балдуин мучился в агонии, не в состоянии пошевелиться, пока птицы клевали его тело.

На престоле Балдуина сменил его брат Генрих, и Латинской империи удалось выстоять, хотя по ее престижу был нанесен сокрушительный удар. Византийцы всегда восторгались военным мастерством латинян, но теперь, когда те показали свою слабость, сопротивление им начало крепнуть. Большая часть Малой Азии, Греции и Западных Балкан до сих пор не была под их властью, и в этих областях латинян уже не встречали приветствиями. Жители города Пруса, в отличие от Фессалоник, отказались открыть ворота, когда к ним подошла армия латинян. Поначалу сопротивление возглавили некоторые из тех же самых местных феодалов, которые бросили вызов династии Ангелов, такие как Феодор Мангафас в Филадельфии и Лев Сгур в Греции, но у них было мало сил, и их мятежи были подавлены даже после катастрофы под Адрианополем. Мангафаса

разбил Генрих Фландрский в сражении при Адрамитии в 1205 году, а Сгура Бонифаций Монферратский осадил в крепости Акрокоринф, что возвышается над городом Коринфом. После пяти лет осады отчаявшийся Сгур совершил самоубийство, направив свою лошадь в пропасть. Но к тому времени появились два других лидера, более успешных в сопротивлении латинянам. В Эпире, на западе Греции, Михаил Ангел, двоюродный брат императоров Исаака II и Алексея III, объявил себя правителем города Арта, а Феодор Ласкарис, зять Алексея III, основал свое государство в Никее в Малой Азии. Их поддержали представители бывшей элиты, покинувшие Константинополь. На берегах озера Никея даже выросло небольшое поселение из лачуг этих беженцев, которые в 1204 году потеряли все.

Арта и Никея стали центрами противостояния латинскому императору, причем не только военного, но и идеологического. Правители обоих городов объявили себя законными византийскими императорами, посланными Богом, чтобы изгнать раскольников-латинян из Константинополя и восстановить былую славу державы. Феодора Ласкариса короновал в Никее в 1208 году Константинопольский патриарх в изгнании, соперник Морозини. Правитель Эпира ждал до 1225 года, когда ему удалось освободить от латинян Фессалоники, и тогда архиепископ Охридский совершил обряд помазания императора. Дворы Арты и Никеи были устроены по образцу Константинопольского. Вновь стало востребовано классическое греческое образование: оно, как и прежде в Константинополе, было обязательно для поступления на государственную службу. Оба города много приобрели от того, что неожиданно получили столичный статус: их украсило множество новых построек. В Арте появился величественный пятиглавый храм, а в Никее в XIII веке возвели шесть новых церквей и дворцы для императора и патриарха.

Но противостояние не ограничивалось риторикой и внешними проявлениями. Вскоре эти государства-преемники уже располагали грозными армиями. Умелое ведение сельского хозяйства и торговли позволяло им процветать и копить необходимые ресурсы. Кроме того, в эмиграции эти византийцы не утратили способности поглощать постоянные волны миграции народов, вынужденных покидать свои земли. В первой половине XIII века и христианский, и мусульманский миры были охвачены страхом перед монголами, чья империя стремительно расширялась на запад. К 1241 году эти быстрые конные воины уже были на границе Венгрии, где сокрушили коалицию латинян, которая попыталась преградить им путь. Спустя два года то же самое произошло с турками-сельджуками Малой Азии. Султан Коньи (Икониона) сумел уцелеть, но

отныне он должен был платить монгольскому хану ежегодную дань. Другие кочевые племена под натиском монголов бежали. В 1237 году группа половцев перешла Дунай и Балканские горы и укрылась в Македонии, разорив по пути земли болгар. Никейские византийцы, не имевшие общей границы с монголами, сумели обратить ситуацию в свою пользу. Они предложили половцам переселиться в долину Меандра в Малой Азии, и те стали важной частью армии Никейской империи. Но не только степные народы вроде половцев служили наемниками у правителей Никеи и Эпира. Как и до 1204 года, в их армиях было много латинян. Византийцы прекрасно понимали, что выходец из Нормандии или Ломбардии не отождествляет себя с фламандскими императорами и их венецианскими союзниками, которые правили Константинополем, а потому готов веро служить за хорошую плату. И так и происходило.

Благодаря этим процессам, с 1220-х годов возвращение имперской столицы стало казаться вполне достижимой целью. К тому же в 1216 году латинский император Генрих умер, а его преемники правили недолго и неэффективно. Латинские территории за пределами столицы резко сократились, и власть в Константинополе держалась только благодаря венецианцам, которые обороняли город и снабжали его с моря. Но, хотя стало очевидно, что рано или поздно Латинская империя рухнет, было не ясно, какой из двух соперничающих византийских императоров положит ей конец. Между Артой и Никеей началась словесная война. В Никее утверждали, что император в Арте фальшивый, потому что был коронован всего лишь архиепископом. Придворные в Арте отвечали на это, что коронация Феодора Ласкариса была недействительна, потому что ее провел так называемый патриарх, который был к тому же архиепископом Никейским. Этот спор мог длиться еще долго, но последовавшие события сделали его ненужным. В 1230 году император Эпира поссорился с болгарским царем Иваном Асенем II. Его опрометчивое вторжение в Болгарию завершилось поражением и захватом в плен в битве при селе Клокотница, а также потерей большей части территории. В 1241 году правитель Эпира отрекся от императорского титула и ограничился тем, что стал именоваться *деспотом*, то есть верховным правителем. Теперь только император Никеи мог претендовать на лидерство в кампании по изгнанию латинян. При правлении Иоанна III (1221–1254 гг.), который пришел к власти, женившись на дочери Феодора Ласкариса, Никея значительно расширила свою территорию. В 1246 году был захвачен город Фессалоники. Властвуя над большей частью земель вокруг утраченной столицы, Иоанн III, казалось, готов был взять и главный приз, но тут этот

выдающийся император скоропостижно скончался. Его сын и преемник Феодор II правил всего четыре года и оставил трон семилетнему Иоанну IV. Кампания по возвращению Константинополя застопорилась, и латинский император продолжил царствовать, обедневший, но зато оставленный в покое, в Большом дворце Константинополя.

* * *

В последний год своей жизни, во время военного похода во Фракию император Никеи Иоанн III узнал, что один из его молодых подданных мог вести тайные переговоры с болгарским царем и правителем Эпира. Император был тем более встревожен этим известием, что речь шла о Михаиле Палеологе, который вырос во дворце и которого Иоанн воспитывал как собственного сына. Беда была в том, что Михаил обладал всеми качествами, необходимыми для потенциального узурпатора. Его семья, покинувшая Константинополь после захвата латинянами, состояла в брачном родстве с Комнинами и Ангелами, так что Михаил мог притязать на престол по праву рождения. Он даже выглядел как император и, хотя ему не было 30, успел проявить себя как умелый управитель, когда Иоанн назначил его стратигом недавно завоеванных городов Серре и Мельник. Он также был хорошим воином, и его любили солдаты, в том числе латинские наемники, без которых не обходился ни один захват власти. Палеолога схватили и привлекли к императорскому суду, но показания с чужих слов против него оказались сомнительными, и он был оправдан. Чтобы показать, что не держит на него зла, Иоанн отдал замуж за Палеолога свою внучатую племянницу Феодору и назначил его командовать латинскими наемниками.

Несмотря на реабилитацию, подозрения в отношении Палеолога не рассеялись даже после смерти Иоанна III и воцарения Феодора II. Учитывая последующие события, они могли быть вполне оправданны. Палеолог жил под постоянным страхом ареста и опасался, что его могут ослепить просто в качестве меры предосторожности. Феодор II уже показал, что может быть, когда нужно, совершенно безжалостным. Он устроил брак своей дочери и сына правителя Эпира, но, когда молодой человек и его мать прибыли в Фессалоники на церемонию, заточил их и отказывался освободить, пока ему не отдали порт Диррахий. Палеолог решил не рисковать. Осенью 1256 года, пока император был на Балканах, он бежал за границу ко двору сельджукского султана в Конью (Иконион). Но в следующем году согласился вернуться после того, как Феодор II

покаялся не преследовать его, а Палеолог, в свою очередь, пообещал никогда не пытаться захватить трон.

Однако в августе 1258 года Феодор II заболел и скончался. Перед смертью он успел назначить регентом малолетнего Иоанна IV своего главного министра Георгия Музалона. Этот выбор не понравился многочисленным врагам Феодора II, которых тот успел нажить за свое короткое правление, и Музалон оставался регентом недолго. Через три дня после погребения императора в монастыре, где он был похоронен, состоялась поминальная служба. На улице собралась большая и грозная толпа знатных людей из тех, кто затаил злобу на покойного императора. По данному им знаку они обнажили мечи и ворвались в церковь. Хор замолк, священник, который проводил службу, благоразумно скрылся. Регент Музалон и его братья, понимая, что пришли за ними, попытались спрятаться. Но зоркий латинский наемник заметил колени Музалона, торчавшие из-под алтаря. Регента вытащили из его убежища и буквально изрубили на куски.

Михаила Палеолога среди злодеев вроде бы не было, однако трудно поверить, что он не был причастен к произошедшему, учитывая, что именно Палеолог больше других выиграл от этого убийства. Он и его братья сразу же взяли юного императора под свою защиту, и через несколько недель Михаил был признан регентом и опекуном Иоанна. Еще через несколько месяцев он почувствовал себя достаточно уверенно для того, чтобы сделать следующий шаг и короноваться как император Михаил VIII (правил в 1259–1282 гг.), последовав традиционной схеме и разделив престол с законным наследником Иоанном IV. Потеснив таким образом династию Ласкарисов, Михаил продолжил действовать с того места, где остановился Иоанн III, и риторика возрождения империи и священной задачи возвращения Константинополя зазвучала как никогда громко. Михаил не упускал возможности представить себя законным наследником византийских императоров прошлого. Подходящий случай подвернулся, в частности, когда он вел военную кампанию во Фракии в 1260 году. Кто-то из его офицеров сообщил ему, что их разъезд оказался в пределах видимости стен Константинополя. Укрепления надежно защищались латинянами, и никакой надежды попасть внутрь не было, поэтому разъезд поскакал в сторону пригорода Хебдомон. Там солдаты наткнулись на заброшенный монастырь, который использовался как хлев. Войдя в полуразрушенную церковь, они с удивлением увидели в углу человеческий скелет – без рук и без ног, а какой-то шутник вставил ему в рот пастушью дудочку. Рядом стоял пустой саркофаг, и один солдат нагнул, чтобы

прочитать надпись: «Всю жизнь неусыпно оберегал детей Нового Рима». Тогда солдаты поняли, что перед ними останки самого Василия II Болгаробойцы. Когда Михаил услышал это, он приказал облачить скелет в шелковые одежды и поместить его в богато украшенный гроб. Затем его перевезли в соседнюю Силимврию и там перезахоронили со всеми почестями, какие только мог один византийский император оказать другому.

Символические жесты и пропаганда – все это хорошо, но для того, чтобы оправдать свою узурпацию, Михаилу нужна была победа. Как император Никеи он владел всеми землями вокруг Константинополя и вскоре мог взять и город, и деспот Эпира объединился с королем Сицилии и другими западными монархами, чтобы помешать ему. Осенью 1259 года брат Михаила, Иоанн Палеолог, сразился с враждебной коалицией в Пелагонии в Эпире. Хотя численно их было меньше, никейцы победили, и все 400 рыцарей, посланных в бой королем Сицилии, погибли. Характерно, однако, что византийцы добились победы не одной лишь силой оружия, но и хитростью. В ночь перед сражением Иоанн Палеолог предупредил правителя Эпира о том, что его латинские союзники хотят предать его. Деспот поверил этому, бежал со многими из своих людей и тем самым помог уравнять шансы сторон.

Михаил оказался в том же положении, что и все те, кто прежде него желал завоевать Константинополь. Как и хан Симеон, он выиграл все сражения, но путь в столицу преграждали неприступные стены. Весной 1260 года он осадил Галату на другой стороне залива Золотой Рог, но не смог захватить и ее. Надежда оставалась лишь на то, что, как и в 1081 году, кто-то впустит его войско внутрь. Так в конце концов и произошло.

В июле 1261 года один из его полководцев, Алексей Стратигопул, находившийся со своим отрядом в районе Константинополя, узнал, что город почти не защищен. Войско и флот латинян отправились в военную экспедицию против принадлежавшего никейцам острова Дафнусий. Также ему сообщили, что доброжелатели оставили открытыми маленькие задние ворота в стене. Такой шанс нельзя было упускать, и в ночь на 25 июля отряд из 15 воинов пробрался внутрь. Сведения оказались верны: на стенах почти никого не было. Единственного часового, которого они встретили, схватили за ноги и сбросили вниз. А затем открыли главные ворота и впустили основные силы. Сопrotивления почти не было, и к рассвету город оказался в руках Стратигопула.

Михаил VIII находился на азиатской стороне Босфора с остальной частью армии, когда было получено известие о взятии Константинополя.

Это произошло рано утром, и император еще спал в своем шатре. Весть принесла его сестра Евлогия, которая вошла в шатер и пощекотала ступню императора перышком, чтобы разбудить его. Сначала Михаил не мог поверить в услышанное, но вскоре прибыл гонец, который привез корону и скипетр латинского императора Балдуина II, оставленные им в спешке, когда он покидал Большой дворец. Сам Михаил прибыл в Константинополь через три недели, 15 августа. Дата была выбрана не случайно: в этот день отмечался праздник Успения Богородицы, покровительницы города. Император вошел через Золотые ворота, перед ним несли икону Божьей Матери «Одигитрия». Он проследовал к собору Святой Софии по улицам, вдоль которых стояли ликующие толпы. Период латинского господства закончился.

* * *

Михаил сделал то, к чему правители Арты и Никеи стремились все долгие десятилетия изгнания. Он восстановил правление императора и патриарха, которые держались истинной православной веры, а не ложной версии христианства, исповедуемой латинянами. Поэтому он мог провозгласить себя новым Константином, который восстановил город, основанный его предшественником. Михаил даже использовал этот «титул» в официальных документах, но ему нужно было донести его до более широкой аудитории, поэтому он отдал приказ возвести колонну рядом с храмом Святых апостолов. На ее вершине была установлена статуя Святого Михаила, а перед ним – коленопреклоненная фигура императора, вручающая архангелу модель города. Святой Михаил был покровителем императора, поэтому архангела часто изображали на монетах, которые выпускались во время его правления. Соответственно, императором, изображенным на колонне, мог быть Константин или сам Михаил.

Та же идея восстановления должного порядка вещей проводилась в рамках программы Михаила по восстановлению и реконструкции вновь обретенной столицы. Часть этих работ носила сугубо практический характер, например наращивание городских стен со стороны Золотого Рога, чтобы предотвратить повторение тактики, использованной латинянами в апреле 1204 года. Улицы и крытые галереи были отремонтированы, основаны новые школы и больницы. Часть работ должна была подчеркнуть благочестие Михаила и его заботу о Церкви, отличавшие его от латинян, при которых многие религиозные сооружения превратились в руины.

Многие церкви были покрыты новыми крышами и получили новое внутреннее убранство, взамен украденного. Софийский собор украсила новая мозаика «Деисус»: фигура Христа между Богородицей и Иоанном Крестителем. Влахернский дворец был обновлен сценами побед Михаила, наряду с теми, что были там раньше, изображавшими Мануила I Комнина.

Быть новым Константином означало не только восстановить столицу, но и возродить ее как центр православия. Культурное и духовное влияние Византии в тех странах, которые восприняли от нее христианство, пошатнулось, когда в конце XII века империя ослабела и потом, в 1204 году, была захвачена латинянами. После этой трагедии славянские правители стремились приспособиться к новому режиму. В ноябре 1204 года болгарский царь Калоян получил корону из рук папского легата и обещал Папе, что Болгарская церковь отныне будет подчиняться Святому престолу. В 1217 году правитель Сербии Стефан Неманич также получил королевский титул от Папы Римского. Но прежние культурные и эмоциональные связи оказалось не так легко разорвать, тем более что в скором времени слабость Латинской империи стала очевидна для болгар и сербов, как и для всех остальных. И вскоре они признали законным патриарха в изгнании, находившегося в Никее, а не его латинского конкурента в Константинополе. В 1219 году делегация из Сербии прибыла в Никею просить посвятить в сан архиепископа Сербии, что патриарх с радостью сделал. Болгары вернулись в лоно православной церкви в 1235 году, когда их царь также официально признал главенство Никейского патриарха. И русы сделали то же самое, отправив в Никею своих архиереев для посвящения в сан.

Теперь же, когда и патриарх, и император вернулись в Константинополь, о религиозном первенстве Византии можно было заявлять более решительно. В 1272 году Михаил VIII объявил, что церкви Сербии и Болгарии отныне будут находиться под юрисдикцией архиепископа Охрида, города, который теперь был на византийской территории, а не в Болгарии. Император готовился силовым путем восстановить византийское влияние на Балканах. В 1279 году Михаил послал небольшую армию в Балканские горы, по следам Иоанна Цимисхия и Василия II, чтобы поддержать болгарского царя Ивана Асеня III в попытке свергнуть захватившего престол простолудина Ивайло. К сожалению, хотя византийские войска захватили Тырново, они были слишком малочисленны для того, чтобы выиграть войну, и в конечном счете Иван Асень бежал в Константинополь.

Несмотря на такие неудачи, Михаилу VIII удивительным образом

удавалось удерживать империю на плаву в ситуации, когда многочисленные враги осаждали ее со всех сторон. Но то же самое приходилось делать всем византийским императорам со времен поражения под Адрианополем в 378 году. И, как и всегда, к прямому военному вмешательству Михаил VIII прибегал редко и предпочитал ему другие способы. Кроме того, он играл куда менее значительную роль, чем императоры, правившие в Константинополе до 1204 года. Его восстановленная в 1261 году империя была заметно меньше размерами и состояла из трети Малой Азии, некоторых островов в Эгейском море и полосы суши на Балканах. Греческий Пелопоннес который был отвоеван у славян в IX веке, остался в основном под правлением латинян, хотя Михаилу удалось вернуть кое-какие земли в южной части полуострова, в районе городов Мистра и Монемвасия. Крит, столь эффектно отвоеванный Никифором Фокой в 961 году, теперь был колонией Венеции, а на Кипре правил французский род Лузиньянов. На Черноморском побережье Малой Азии Трапезунд и его окрестности стали независимым государством с собственной династией правителей, утверждавших, что именно они являются истинными императорами Византии. Эпир также остался отдельным государством, хотя его правитель и отказался от императорского титула. Это сокращение территории означало, что Михаил VIII получал только часть тех налоговых поступлений, которыми располагали его предшественники, и, соответственно, возможности его были ограничены.

Однако Михаилу VIII повезло в том, что многие из традиционных врагов империи больше не угрожали ей. Военная мощь болгар заметно ослабла после смерти царя Ивана Асеня II в 1241 году, и, хотя все еще существовал соперничающий византийский двор в Арте, ее деспот не имел ресурсов ни на что большее, чем интриги и построение планов. Мусульманские державы также не представляли особой опасности. Турки-сельджуки после тяжелого поражения от монголов в 1243 году вели себя тихо. Египет и Сирия теперь находились под властью агрессивных мамлюков, которые постепенно уничтожали последние оплоты крестоносцев в Святой земле, но с византийцами не враждовали. Напротив, они заключили с Михаилом VIII договор, который позволил ему назначить своего патриарха Иерусалимского, поскольку теперь именно мамлюкам принадлежал Святой город. Взамен император разрешил египетским кораблям, перевозившим половецких наемников для армии мамлюков, свободно проходить в Черное море к берегам Крыма и обратно. Даже самые страшные воины того времени, монголы, не представляли угрозы для Византии. Их империя уже разделилась на две: Золотую Орду и

государство Хулагуидов. Золотая Орда объединилась с болгарами, чтобы вторгнуться в византийскую Фракию в 1265 году, но в целом Михаил всячески старался поддерживать хорошие отношения с обоими монгольскими государствами и выдал замуж двух своих дочерей за их правителей.

Однако возникла новая угроза, самая серьезная из всех, что были после нападения арабов в VII веке. Она пришла с Запада, и во многом повинен был в этом Папа Римский. Когда-то, в 1203 году, узнав, что рыцари Четвертого крестового похода направляются в Константинополь, Папа Римский Иннокентий III пришел в ярость. Он отправил предводителям похода послание, в котором напоминал об их обете освободить Святую землю и прямо запрещал идти в столицу Византии. Они проигнорировали его, а в мае 1204 года отправили Иннокентию очень тщательно сформулированное ответное письмо, в котором сообщали, что Константинополь захвачен, и предлагали Папе пересмотреть свою позицию и признать завоевание византийской столицы даром Божиим. В последующие месяцы Иннокентий получал и другие, менее тенденциозные, сообщения, в которых не опускались неприятные подробности, такие как зверства и осквернение храмов во время грабежа города, но он решил не обращать на них внимания. Средства, с помощью которых цель оказалась достигнута, возможно, были предосудительными, но саму ее правители Святого престола желали достичь на протяжении многих поколений. Иннокентий считал, что завоевание Константинополя помогло преодолеть затянувшийся раскол между восточной и западной церквями и вновь обратило византийцев к Святому престолу. По этой причине он признал свершившийся факт и благословил его, согласившись с тем, что Балдуин – законный император, а Морозини – законный патриарх.

Вот почему новость о том, что Михаил VIII захватил Константинополь, буквально ошеломила Папу Римского Урбана IV. То, что считалось деянием Божиим, призванным даровать Церкви единство, было отменено в одночасье. И Урбан стал призывать к Крестовому походу для возвращения Константинополя, обещая тем, кто примет в нем участие, что они получают такую же духовную награду, как и те, кто отправлялся в Крестовые походы в Святую землю. Поначалу желающих нашлось немного, ибо мало кто на Западе считал, что почившая Латинская империя стоила того, чтобы сражаться за нее. Затем, в 1266 году, Карл, граф Анжуйский, брат короля Франции, стал королем Сицилии и Южной Италии. А после этого у него возникли те же честолюбивые замыслы, что и у Роберта Гвискара и Боэмунда, – захватить противоположный берег

Адриатики. Теперь в интересах этого могущественного и амбициозного правителя было организовать экспедицию в Константинополь, и в 1267 году он встретился в Витербо с беглым латинским императором Балдуином II, чтобы согласовать детали кампании.

Михаил отреагировал на эту угрозу энергичными дипломатическими мерами. Карл готовил флот в гавани Палермо, так что Михаилу нужна была поддержка на море. Поскольку венецианцы были ярыми сторонниками Латинской империи, Михаил обратился к их соперникам генуэзцам, передав им город Галата на противоположной от Константинополя стороне залива Золотой Рог и предоставив льготный доступ к константинопольским торговым путям. Но вскоре после этого Михаил сумел умерить и враждебность Венеции. Несмотря на горячую поддержку Латинской империи, венецианцы всегда были озабочены тем, чтобы никто не контролировал единолично оба побережья Адриатического моря, ведь это давало бы возможность отрезать Венеции выход в Средиземноморье. Непомерные амбиции Карла Анжуйского делали его очень опасным, и в 1268 году Венеция также заключала с Михаилом договор, добившись при этом выгодных торговых соглашений.

В конце концов помощь венецианцев и генуэзцев не понадобилась, поскольку флот Карла Анжуйского так никогда и не прибыл под стены Константинополя. Михаил VIII справился с ним другими методами. Он отправил послов в Испанию ко двору короля Педро III Арагонского. Они пообещали королю сумму в размере 60 000 золотых, если он вторгнется на Сицилию, наиболее уязвимое место королевства Карла Анжуйского. В то же время византийские агенты действовали на Сицилии, разжигая недовольство местного населения их французскими хозяевами. Обе эти инициативы увенчались успехом. 30 марта 1282 года народ Сицилии поднял мятеж против французских правителей – это событие получило название Сицилийская вечерня, – а несколько месяцев спустя на остров вторгся король Педро. Карл Анжуйский был вынужден оставить планы относительно Константинополя и защищать свое королевство. Нападение на Константинополь было предотвращено.

* * *

Хотя сорвать планы Карла Анжуйского удалось блестяще, Византия при Михаиле VIII была уже не той, что прежде. Она не просто уменьшилась в размерах – изменились и умонастроения. В глазах ее

правителей Византия всегда держалась не на обширности территорий, а на идее преемственности с древней Римской империей, что и придавало императору его особый статус. Однако в период изгнания мировоззрение и мировосприятие византийцев неуловимо трансформировались, несмотря на то что традиционная идеология озвучивалась активнее, чем когда-либо. В прошлом Византия укрощала и поглощала волны завоевателей, зачастую ставя их себе на службу и обращая против других своих врагов. Но в 1204 году эта политика обернулась против самих византийцев. На это византийский народ отреагировал тем, что замкнулся в гораздо более узком ощущении идентичности. Среди прочего это проявилось в том, как они стали называть себя. Официально они были «римлянами», и это слово не имело никаких этнических коннотаций. «Римлянином» считался тот, кто был подданным христианского римского императора. Но как раз в это время некоторые византийцы начали предпочитать слово «эллины». Оно не было новым – так называли себя древние греки, чьей литературой всегда восхищались византийцы. Но прежде жители Византии избегали его, потому что оно означало также «язычники», а теперь это слово начало возрождаться, вероятно потому, что акцентировало одну из тех черт, которые отличали византийцев от латинян: их язык. Это очень емко сформулировал Никита Хониат, знатный царедворец при императорах из династии Ангелов, который после 1204 года доживал свои дни, влача жалкое существование в трущобах за стенами Nikei. Он сказал, что это неправильно – служить латинянам, которые говорят на другом языке. Таким образом, византийцы теперь определяли себя с точки зрения своего языка и этнической принадлежности, а не с точки зрения всеобщего идеала. По иронии судьбы в этом они совпали с латинским Западом, где византийцев на протяжении столетий называли греками. Но нетрудно понять, почему произошли эти изменения: поражение и оккупация всегда служат укреплению этнического и национального самосознания.

Эти тенденции подспудно развивались. Официально правитель, вернувшийся в 1261 году Константинополь, был преемником Константина и Вселенским римским императором, правителем всех христиан. Но одновременно с этим существовало и иное мировоззрение. Около 1255 года император Nikei Феодор II Ласкарис написал письмо, в котором поделился планами относительно своей армии. Он объявил, что более не будет полагаться на иностранных наемников. Вместо этого он собирался создать армию, состоящую из эллинов, на которых только и можно полагаться. С точки зрения выражения политической воли письмо было чистой фантазией, поскольку в правление Феодора наемники играли такую же

роль, как и всегда. Значение этого послания заключается в утверждении, что настоящими римлянами являются только те, кто говорит по-гречески, – это свидетельствует о полном пересмотре универсалистской идеологии, которой до сих пор придерживались при Никейском дворе.

Был и другой путь, по которому пошло развитие менталитета, сформировавшегося в период изгнания в противовес традиционному универсализму. После того как из величественной обстановки Константинополя двор переместился в два провинциальных города, фигура императора утратила свою обособленность и загадочность. В некоторых отношениях это сыграло положительную роль. Вековая отчужденность провинций от далекой, но требовательной столичной власти исчезла. Местные жители были горячо привержены правящим династиям Ангелов и Ласкарисов, и это отношение пестовалось и поощрялось. Феодор II Ласкарис назвал себя в публичном выступлении «патриотичным приверженцем Никеи». Тем не менее из вселенского монарха император превратился в местного правителя.

Все это неизбежно должно было создать проблемы для Михаила VIII, когда в 1261 году он возродил Константинополь как столицу Византии. Местный патриотизм означал, что даже среди грекоговорящих не все были рады признать его новым Константином, и Михаил начал сталкиваться с теми же проявлениями отчуждения, которые так беспокоили Василия II. Ситуация осложнилась еще больше, когда Михаил расправился с Иоанном IV Ласкарисом. Вплоть до 1261 года он правил вместе с законным наследником престола, хотя Иоанн не вмешивался в дела политики. Но с возвращением Константинополя Михаил почувствовал себя достаточно уверенно для того, чтобы покончить с фиктивным совместным правлением. Через каких-то пять месяцев после своего триумфального возвращения в столицу Михаил послал в Никею тайное распоряжение ослепить 11-летнего Иоанна. А когда это было сделано, ребенка заточили в крепость на берегу Черного моря, где он оставался до конца дней своих. Несмотря на секретность, об этом злодеянии стало известно. Патриарх отлучил императора от церкви, а в приграничном районе близ Никеи вспыхнуло восстание. Пограничные военные поселенцы и местные крестьяне сплотились вокруг слепого мальчика, который называл себя Иоанном IV. Но восстание было недолговечным. Вскоре бунтовщиков окружила императорская армия, и они помогли своему предводителю ускользнуть за границу к туркам-сельджукам. Михаил же мудро решил не наказывать мятежников, поскольку они были из тех, на ком держалась оборона его границ.

На смену открытому восстанию пришло глухое недовольство, кипевшее в сердце бывших владений Ласкарисов. Вновь император превратился в далекую фигуру, которой от провинций нужны были лишь налоговые поступления и которая мало что могла дать взамен. В 1260-х и 1270-х годах византийская граница в Малой Азии снова стала подвергаться нападениям, и это вызвало усиление недовольства. Причем сельджукский султан в этих нападениях повинен не был. Их совершали другие тюркские народы, которые пришли на его территорию, спасаясь от монголов. Желая сделать их своими союзниками во внутренних противостояниях, которые постепенно раздирали султанат на части, султан даровал им земли на западных границах. Но по мере ослабления его власти наместники становились фактически независимыми правителями. И именно эти автономные эмиры стали совершать набеги на византийских соседей. Сначала это были лишь короткие вылазки ради того, чтобы украсть овец и крупный рогатый скот, но со временем вторжения сделались куда более серьезными. Озабоченный угрозой с Запада, Михаил оставил Малую Азию без войск и ресурсов, и жители региона все больше беспокоились о своей безопасности. Их тревога вылилась в массовую истерию во время любопытного инцидента, произошедшего в Никее в 1265 году.

Все случилось в обычное утро понедельника. Несомненно, жизнь в городе несколько изменилась с тех пор, как около четырех лет назад императорский двор покинул его, но жители, как и прежде, занимались своими повседневными делами. По какой-то необъяснимой причине по улицам вдруг пополз слух, будто передовой отряд монголов напал на охранников одних из ворот и изрубил их на куски. И теперь монголы едут в город, убивая всех, кто попадаетея им на пути. По мере распространения история обрастала новыми подробностями. Некоторые даже описывали ужасы, которые видели собственными глазами. Население охватила паника. Люди бросились по домам, в спешке толкая друг друга. Одни прятались в погребах, другие залезали в старые гробницы. Лишь немногие взяли за оружие и собрались вокруг городского главы, который повел их к восточным воротам, чтобы выяснить, что происходит. Охранники оказались целы и невредимы, они стояли на своем посту и не понимали, что происходит. Опасаясь, что враг прорвался через какие-то другие из четырех городских ворот, разномастное воинство обошло их все по очереди. Но и там все оказалось в порядке. Не было никаких монголов, и Никее ничто не угрожало.

Однако не все тревоги оказывались ложными. В отсутствие сопротивления турецкие набеги становились более дерзкими. В 1280 году

войско под предводительством Ментеше Бея дошло до самой долины реки Меандр, плодородного региона, который во времена правления династии Ласкарис процветал. Тюрки окружили город Траллы, жители которого мужественно сопротивлялись, хотя страдали от голода и жажды. Но противник сумел разрушить оборонительные стены, и город был разграблен, а большая его часть сожжена дотла. В то время как все это происходило, сын Михаила VIII Андроник находился со своим войском на юге, в Нимфее. Предыдущей весной он прибыл в этот регион и объявил о намерении расширить и с размахом перестроить Траллы. Теперь же оказалось, что он не в состоянии даже защитить город. Видя неспособность константинопольской власти хоть как-то помочь им, некоторые жители полностью утратили веру в нее. Случалось, что они присоединялись к тюркам в их набегах и сами вели их к лучшим местам для нападения. Несомненно, Михаил VIII надеялся, что ему удастся выправить ситуацию после того, как он устранил угрозу с Запада, но этого так и не случилось.

* * *

Процесс отдаления провинций можно было бы остановить и повернуть вспять, будь у Михаила на это время и ресурсы. Однако изменить менталитет своих подданных он был не в силах. В период изгнания сформировалась новая византийская идентичность, противопоставляющая себя латинянам – и не только в языке и местном патриотизме. С этой идентичностью неразрывно слилась идея православия в противовес ереси латинян. Стараясь дискредитировать Латинскую империю, императоры и дворы в Никее и Эпире немало сделали для того, чтобы внедрить эту идею в умы. А теперь, когда Константинополь был возвращен, Михаилу предстояло выстроить новую парадигму безопасности.

Поскольку после 1261 года самые серьезные угрозы для Константинополя исходили с Запада, Михаил стремился обезвредить их, устранив предлог, которым латиняне имели обыкновение оправдывать нападки на христианскую Византию. В 1273 году император написал Папе послание, в котором выразил желание приложить все усилия к объединению церквей и преодолению раскола. Его предшественники уже совершали подобные попытки, но изъяснялись туманно и не давали никаких обещаний относительно папской власти и вероучения. Михаил же со свойственной ему целеустремленностью собрался разрешить эту

тупиковую ситуацию одним махом. В июне 1274 года византийские посланники приехали во французский город Лион, где проходил собор западной церкви. Не вступая в какие-либо прения, прибывшие зачитали в соборе Святого Иоанна письмо от Михаила. В нем император соглашался на объединение церквей на условиях Папы. Письмо содержало официальное принятие формулы Филиокве и признание власти Римской церкви. Также в нем выражалось согласие с западной позицией по второстепенным вопросам, таким как учение о чистилище и употребление пресного хлеба при причащении. Затем прошла служба, во время которой священники из византийской делегации открыто использовали Филиокве, произнося символ веры, и не один раз, а целых три, просто чтобы быть уверенными, что их услышали. Когда делегация вернулась в Константинополь, церемония была проведена повторно в соборе Святой Софии в присутствии императора. Так Михаил положил конец затянувшимся разногласиям Византии с Западом. Папа сразу же отмежевался от всяких планов завоевания Константинополя и восстановления Латинской империи. Ведь такой захват больше не мог считаться законным, если византийцы были благочестивыми католиками, принадлежащими к Римской церкви.

Михаил должен был понимать, что его решение встретит в Константинополе сопротивление. Наверняка он помнил рассказы о мучениках-иконопочитателях, выступавших против императоров-иконоборцев. Но он, несомненно, надеялся, что ему удастся переждать бурю, как уже было после ослепления Иоанна IV. А буря была, и устроила ее, среди прочих, сестра Михаила Евлогия, которая дерзко заявила: «Пусть лучше будет погублена империя моего брата, чем чистота православной веры». Но больше всех усердствовали монахи, особенно афонские, которые громогласно называли унию впадением в ересь. Император не скупился на розги, чтобы обеспечить принятие унии. Ее противники были наказаны и брошены в заточение. Одному особенно непокорному монаху отрезали язык. Даже Евлогия была заключена в тюрьму, хотя позже ей удалось бежать в Болгарию. Все это не особенно отличалось от прочих теологических противоречий, веками разрывавших Византию. Однако было и нечто новое. Религиозные вопросы связались теперь с этнической идентичностью. Тех, кто поддержал политику императора, поносили не потому, что они стали католиками, а потому, что их воспринимали как предателей своего народа. Один из видных придворных Михаила, богослов Георгий Метохит, жаловался, что люди кричат ему вслед: «Ты стал франком!». Напрасно он протестовал, говорил, что он патриот и вовсе не

сторонник иностранной державы. Прежний универсализм изжил себя и в вопросах религии.

Но Михаил, несмотря на сопротивление, продолжал, как обычно, добиваться своего. Когда весной 1282 года, благодаря Сицилийской вечерне, угроза со стороны Карла Анжуйского была устранена, он, казалось, реабилитировался. В следующем ноябре Михаил готовился отправиться в Фессалию, где сын деспота Эпира отстаивал независимость своего княжества. Император находился в Малой Азии после недолгого похода, предпринятого, чтобы укрепить границу с турками, и решил добраться до Фракии морем, так как это было быстрее. Но его корабль попал в неожиданный сильный шторм, чуть не утонул, однако добрался-таки до порта Редест, где Михаил и его сын Андроник сошли на берег и отправились навстречу войску монголов, высланному из Золотой Орды его союзником и зятем Ногаем. К тому времени, когда вечером они встали лагерем, император был явно нездоров: уже некоторое время он страдал от болезни пищеварительного тракта. Он не смог сесть на коня, чтобы приветствовать монголов, чем встревожил свою свиту: та испугалась, что монголы начнут грабить окрестные деревни, если не увидят императора, на помощь к которому их отправили. Так что с большим трудом Михаил, поддерживаемый с двух сторон придворными, сумел-таки выехать верхом и произнести несколько приветственных слов, обращенных к предводителям монголов. Когда же император снова лег в постель, врач предупредил Андроника, что его отец долго не проживет. Андроник вернулся к Михаилу, затем тихо вошел священник. Император сперва не заметил его, затем повернул голову, увидел и тогда понял, что умирает. Михаил принял причастие и скончался. Это произошло 11 декабря 1282 года, и монголы оплакивали его так же громко, как и византийцы.

* * *

Вступление на престол нового императора прошло без осложнений. Хотя Михаил захватил власть незаконно, благодаря возвращению Константинополя он сумел утвердить свою семью как правящую династию. Его потомки будут императорами Византии до самого падения империи. Андроник II Палеолог (правил в 1282–1328 гг.), благочестивый и благонамеренный, но весьма посредственный политик, часто рассматривается историками как весьма неадекватная замена его блестящему, хотя и безжалостному отцу. Однако на самом деле Андроник

был реалистом, а Михаил никогда им не был. Андроник понимал, какой империей управляет, и старался быть ближе к мировосприятию своего народа вместо того, чтобы провозглашать себя новым Константином, который восстановит все, как было. Он понимал и ту страстность, с которой византийцы держались своей православной веры, и стремление провинций к эффективному местному управлению, и делал все возможное, чтобы обеспечить и то и другое.

В обычных обстоятельствах тело императора, умершего за пределами Константинополя, должно было быть привезено и захоронено в одном из главных храмов столицы. Предполагалось, что Михаил VIII будет погребен в монастыре Святого Димитрия, который он восстановил. Однако по приказу Андроника тело Михаила было доставлено в ближайший к месту его смерти монастырь и захоронено там. А следующей весной его перенесли в монастырь в Силимврии, тот самый, в котором 20 лет назад был погребен скелет Василия II. Не было никаких публичных похорон в Константинополе, и почивший император не поминался на литургии в годовщину его смерти, как это было принято. Через несколько дней после смерти отца Андроник распорядился выпустить из тюрем всех заключенных за сопротивление Лионской унии, вернуть отправленных в ссылки и низложил патриарха Константинопольского Иоанна XI, которого Михаил назначил, чтобы тот выполнил условия соглашения с Папой. В следующем апреле были низложены и заменены и все епископы, которые поддерживали унию. Новый император фактически отказался от непопулярного соглашения, даже в ущерб памяти своего отца. Теперь, когда угроза нападения со стороны Запада стала явно меньше, поскольку Карл Анжуйский вынужден был сопротивляться вторжению Педро Арагонского на Сицилию, в унии уже не было необходимости. Кроме того, отказ от нее, несомненно, принес Андронику любовь всего народа: ликующие толпы приветствовали на улицах столицы освобождение заключенных и восстановление православия.

Андроник надеялся также остановить отчуждение провинций и добиться популярности и там. Он посетил крепость, где все еще томился в заточении несчастный Иоанн IV Ласкарис, которому было на тот момент около 40 лет и которого до сих пор некоторые считали законным императором. Андроник попросил у Иоанна прощения за преступление своего отца и просил также признать его в качестве императора. Оттуда он отправился в старую столицу Ласкарисов Никею. В Малой Азии Андроник провел три года, укрепляя защиту границ от турок. К апрелю 1299 года он был в Фессалониках и в следующем году посетил город Монемвасия в

изолированном византийском анклав на юге Пелопоннеса. Он считается основателем церкви Святой Софии, которая стоит на вершине скалы с видом на море. Даже жену себе Андроник выбрал такую, чтобы пресечь сепаратистские тенденции в провинциях. В 1284 году его второй супругой стала Ирина Монферратская, итальянка, принадлежавшая к тому же семейству, что и Бонифаций Монферратский, который правил королевством Фессалоники с 1204 по 1207 год. Частью брачного соглашения было то, что семья Ирины навсегда откажется от своих притязаний на Фессалоники. Андроник, несомненно, знал, что в 1204 году жители Фессалоник приветствовали латинян.

Задумывался он также над тем, как обеспечить постоянное имперское присутствие в этих регионах, когда сам он там не находится. Вполне возможно, что, решая этот вопрос, он прибег к политике, которую хотел, но так и не смог реализовать его отец. В конце жизни Михаил VIII собирался поставить своего младшего сына, Константина, во главе Фессалоник и Македонии, а империю в целом оставить Андронику. Идея, вероятно, была в том, что под непосредственным управлением представителя правящей династии, жители провинций чувствовали бы себя не столь отчужденными и обойденными вниманием. Андронику эта идея вполне могла нравиться, но, когда во время его правления она была реализована, это произошло во многом случайно. Отношения императора с женой Ириной обострились, и в 1303 году она покинула Константинополь и отправилась жить в Фессалоники, чтобы находиться как можно дальше от мужа. Там она создала что-то вроде своего собственного двора, с загородной резиденцией в Дrame на востоке Македонии, где при желании могла найти убежище. С того времени Фессалониками всегда правил кто-то из императорской семьи, часто в титуле деспота.

Таким образом, при всех неудачах, случавшихся за время его долгого правления, Андроник, по крайней мере, признавал проблемы, которые стояли перед империей, и пытался решать их. Не его вина, что в конечном итоге эти усилия не увенчались успехом. Византия стала значительно меньшим по размерам национальным государством и, как и другие христианские государства на Балканах, уже не способна была выстоять перед очередной волной захватчиков с Востока. На протяжении всей своей истории она переживала катастрофу за катастрофой: поражение под Адрианополем в 378 году, персидские, аварские и арабские нашествия, поражения при Ахелое в 917 году, при Манцикерте в 1071 году и захват Константинополя во время Четвертого крестового похода в 1204 году. После всех этих событий она сумела оправиться. Теперь же Византия была

готова к тому, чтобы уйти в небытие.

Глава 10

Старик вспоминает...

Я взялся за это сочинение не из-за вражды или дружбы, от которых в большинстве случаев в мир приходит ложь.

Иоанн Кантакузин

В сравнении со многими прекрасными монастырями Константинополя этот, известный как Харзианит, был маленьким и скромным. В отличие от Мирелейона Романа I или монастыря Пантократора Иоанна II, его основал в середине XIV века не император, а – в качестве благочестивого деяния – богатый дворянин по имени Иоанн Харзианит. В старости он сам принял здесь постриг. А в 1360-е годы в монастыре жил монах по имени Иоасаф. На первый взгляд, он был таким же, как все остальные монахи Харзианита: одет в такую же длинную черную рясу и куколь. Но братья питали к нему особое почтение, хотя он не был настоятелем общины, держались в стороне от него и умолкали, когда он говорил. К нему часто приходили послания из Большого дворца, и его нередко вызывали туда по срочным делам. Иоасаф был бывшим императором Иоанном VI (правил в 1347–1354 гг.), который, как и многие его предшественники, в конце концов принял монашество.

Уезжал он, как правило, для того, чтобы дать совет своему зятю Иоанну V Палеологу (правил в 1341–1391 гг.), а остальное время проводил за своим столом. Бывший император писал мемуары, и это занятие было весьма актуально. Ведь византийцы теперь взирали со стен Константинополя на земли, почти полностью потерянные для них. Даже Адрианополь больше не принадлежал империи, а Фессалоники, хотя и оставались византийским городом, были отрезаны от столицы территориями, которыми правили враги Византии. Задача мемуариста была тем более важна, что многие говорили, будто сам Иоасаф был ответственен за то отчаянное положение, в котором оказалась империя, и он очень хотел снять с себя эти обвинения.

Из монашеской кельи Иоасаф обращал свой взор в ту далекую пору, когда он, Иоанн Кантакузин, рос в одной из старейших и богатейших семей империи. Кантакузины служили еще в армиях Алексея I Комнина и Иоанна III Ватаца, и на их обширных угодьях во Фракии паслись 5000 голов крупного рогатого скота и 70 000 овец. В прошлом они успели породниться с Палеологами, и, как близкие родственники правящей династии, члены семьи часто встречались при дворе в Большом дворце. Неудивительно, что ребенком Кантакузин дружил с Андроником, внуком императора Андроника II, третьим в очереди на престол. В своих мемуарах он утверждал, что дружба мальчиков была столь крепкой, что «обе души действовали вместе». Эта связь стала еще крепче, когда они выросли и Иоанн Кантакузин женился на Ирине, двоюродной сестре Андроника.

Тем, кто, как Кантакузин, жил в Константинополе в первые десятилетия XIV века, могло казаться, что все было почти так же, как всегда. Город выглядел процветающим и преуспевающим. Появились новые здания и произведения искусства. Между 1316 и 1321 годами на средства великого логофета (главного министра) Андроника II, Феодора Метохита, были отремонтированы и реконструированы монастырь и церковь Христа Спасителя в Хоре, близ городских стен, и там была собрана крупнейшая в Константинополе библиотека. Гости города по-прежнему впечатлялись увиденным. Прибывший в византийскую столицу русский паломник Стефан Новгородец и его восемь спутников открыв рты смотрели на высокую колонну с конной статуей Юстиниана на площади Августеон. У Медных ворот их проводник рассказал им, как икона когда-то была снята по приказу «поганого иконоборца». Они стали свидетелями шествия, которое проходило каждый вторник, когда по улицам носили икону Богородицы «Одигитрия». По собору Святой Софии Стефан и его товарищи ходили со слезами радости, и особенно они были счастливы, когда патриарх Константинопольский позволил им приложиться к его руке, потому что «он очень любит Русь». Интересно, что в одном монастыре Стефану и его товарищам показали ларец, запечатанный свинцовой печатью, в котором находились «страсти господни»: византийцы приобрели новые реликвии взамен тех, что были вывезены в период латинского господства. Как и все русские паломники, Стефан поверил всему, что рассказал его византийский проводник, но приехавший с Запада сэр Джон Мандевиль в чем-то усомнился, поскольку знал, что многие святые реликвии, в том числе терновый венец, хранятся в западноевропейских городах. Тем не менее он описал собор Святой Софии как самый лучший и самый прекрасный храм в мире и хвалил Большой дворец за его

устройство. А араб Ибн Баттута, побывавший в Константинополе в 1332 году, был поражен размерами города и вспоминал, что, когда во всех церквях зазвонили колокола, само небо содрогнулось.

Но все это было иллюзорно. Константинополь уже не был таким, как прежде, и наслаждался последними днями «золотой осени». И какое бы впечатление ни производила столица, на восточной границе дела обстояли далеко не так хорошо. Андроник II находился на престоле уже почти 40 лет, и последняя часть его правления была поистине провальной. Турецкие набеги в Малую Азию, которые Михаил VIII запоздало пытался пресечь, превратились в захват земель: турки уже не возвращались на свою территорию, а оседали, особенно в плодородной долине Меандра. В 1302 году был предпринят военный поход, чтобы помешать им, но он завершился поражением. Одна часть войска была разбита эмиром Османом в битве на равнине Бафей, а другая ушла из Магнесии, ровным счетом ничего не добившись. К 1320 году основная часть сельской местности западной Малой Азии находилась в руках различных турецких племен, а византийское правление сохранялось лишь в городах. Жители Константинополя не могли продолжать жить безмятежно, как будто ничего не происходит. В городе стало появляться все больше беженцев с Востока, которым некуда было идти, и потому они влачили жалкое существование на городских свалках. Патриарх организовал бесплатные столовые, чтобы облегчить их страдания, но разница в положении нищих беженцев и богатых аристократов, таких как Кантакузин, была вопиющей. В один из дней 1317 года сильный порыв ветра выбил огромную державу из руки статуи Юстиниана, и та рухнула на каменные плиты Августеона. После она была возвращена на свое законное место, но много лет спустя в этом инциденте стало видеться знамение того, что вскоре император утратит власть, которая находилась в его руках так долго.

* * *

Цепь событий, повергших Византию в полное бессилие, имела свое начало осенью 1320 года. Несмотря на кризис на границах, Андроник, внук императора, и его приспешники вели разгульный образ жизни, что вызывало немало беспокойства у их старших и мудрых наставников при дворе. Молодой Андроник влюбился в благородную константинопольскую даму, но обнаружил, что у него есть соперник. Наследник престола нанял банду головорезов, чтобы расправиться с ним, и те подстергли более

удачливого любовника ночью возле дома той женщины. Они набросились на свою жертву, жестоко избили и лишь потом обнаружили, что ошиблись. Оказалось, что это родной младший брат Андроника, Мануил. А поскольку наймиты сделали свою работу хорошо, молодой человек был мертв. Император Андроник пришел в ужас. Он заявил, что его внук не может быть правителем, и лишил его права наследования, сделав наследником престола другого своего внука, хотя тот и был незаконнорожденным. Но Кантакузин в своих мемуарах не упоминает об убийстве, объясняя действия императора дьявольским искушением: это один из многих случаев, когда он осторожно меняет суть дела, оборачивая все в свою пользу и пользу друзей.

Сразу же возник заговор, целью которого было восстановление прав на престол внука императора, и Кантакузин возглавил его. Справедливости ради надо сказать, что это не было лишь династическим спором. Заговорщики были встревожены потерей территорий в Малой Азии и твердо верили, что империи нужен более молодой правитель, чтобы исправить ситуацию в восточных провинциях, пока они еще не утрачены окончательно. Итак, апрельской ночью 1321 года молодой Андроник тайно покинул Константинополь и присоединился к группе сторонников, среди которых был и Иоанн Кантакузин, ждавших его на пути в Адрианополь. Повстанцы нашли широкую поддержку во Фракии, которая недавно подверглась разорительным поборам Андроника II, и царь Болгарии предложил им в помощь войско в 3000 сабель. Так что к концу года они были достаточно сильны, чтобы отправиться в поход на Константинополь и встать, как это уже не раз делали их предшественники, под его стенами. Андроник II держался твердо, поскольку большинство сторонников молодого Андроника бежали из города, и маловероятно было, что кто-то откроет ворота повстанцам. Но в то же время император не мог ничего сделать с ними за пределами города. После полугода противостояния престарелый Андроник согласился пойти на попятную. Стороны встретились во фракийском прибрежном городе Эпиватай. Император вновь официально провозгласил внука наследником престола и определил ему соответствующее этому статусу содержание из казны. Несколько месяцев спустя в соборе Святой Софии состоялась церемония венчания на царство, и молодой Андроник стал соправителем императора. Кантакузин также получил награду в виде титула великого домашнего и сделался главнокомандующим византийской армии.

Соглашение положило конец гражданской войне, но не исправило катастрофическое положение в Малой Азии, где ситуация продолжала

ухудшаться. В 1322 году турки осадили на юге город Филадельфию, а четыре года спустя на севере была вынуждена сдаться Пруса. Молодой Андроник умолял позволить ему отправиться с войсками на помощь Прусе, но император отказал ему. А поскольку Андроник II был крепок и бодр и явно не собирался в ближайшем будущем ни умирать, ни отречься от престола, летом 1327 года в резиденции наследника во фракийском городе Дидимотика снова возник заговор. Осенью Андроник-младший опять появился под стенами Константинополя с армией. И опять бунтовщики получили широкую поддержку за пределами Константинополя. Жители Фессалоник прислали Андронику сообщение, что передают свой город под его управление. Наконец, в мае 1328 года кто-то из гарнизона, охранявшего городские стены, впустил войска мятежников внутрь. Приехав в Большой дворец, Андроник нашел своего деда плачущим и прильнувшим к иконе Богородицы. Тронутый этим зрелищем, победитель не тронул его. Андроник II был пострижен в монахи и умер спустя несколько лет, а в Константинополе установилась новая власть.

* * *

Передача власти была затяжной, но теперь Андроник III (правил в 1328–1341 гг.) получил полную власть над империей, а Кантакузин стал его главным министром и советником. Хотя в молодости он отличался безответственностью, став правителем, Андроник отнесся к этому очень серьезно и стал предпринимать все для того, что вывести империю из затянувшегося кризиса. В июне 1329 года, всего через год после захвата власти, он и Кантакузин высадились в Малой Азии с войском и двинулись вглубь ее территории на освобождение Никомедии, которая была осаждена турками. В районе деревни Пелеканон византийское войско встретилось с турецким, и произошло несколько стычек. С наступлением ночи ситуация запуталась еще более. Император был ранен в ногу стрелой, и пошли слухи, что он убит. Византийцы начали отступать к берегу, неотступно преследуемые турками. Наконец, они укрылись за стенами маленького поселения под названием Филокрен, при этом раненого императора последнюю часть пути пришлось нести. На следующий день византийцы были вынуждены отступить к своим кораблям и отплыть обратно в Константинополь.

Столь зловещим и безрадостным оказалось начало правления Андроника III, а два года спустя была утрачена и Никея. Однако и

император, и Кантакузин в столь невыгодной ситуации сумели сохранить способность мыслить трезво и нестандартно. Они решили, что Малая Азия на настоящий момент потеряна, даже если некоторые города, такие как Никомедия и Филадельфия, все еще держатся под натиском турок. Все было так же, как и в 1081 году, когда Алексей I Комнин захватил власть. Тогда он не сразу попытался выбить турок, а заключил с ними соглашения, чтобы выиграть время и разобраться сперва со своими западными врагами. При этом турецкие наемники помогли ему разгромить Роберта Гвискара и норманнов. Андроник III и Кантакузин решились сделать то же самое, тем более что разрозненные тюркские племена времен Михаила VIII теперь объединились в дискретные группы, каждая со своим лидером, способным заключать и соблюдать соглашения. Турки, разгромившие Андроника и Кантакузина при Пелеканоне и захватившие Никею, были османами, а их правителем был Орхан. В августе 1333 года Андроник III лично отправился в Малую Азию и встретился с Орханом в окрестностях Никомедии. Император согласился выплачивать султану ежегодную дань, а тот, в свою очередь, не нападать на оставшиеся византийские города на этой стороне Мраморного моря.

Два года спустя, во время морского похода в Эгейском море, император и его главный министр встретились также с другим турецким правителем, Умуром, эмиром Айдына – бывшей Смирны и ее окрестностей. На этот раз договор был совсем другим. Умур не побеждал византийцев в битве, и от него не надо было откупаться. Вместо этого было заключено соглашение о наемниках для императорской армии. Колеса дипломатии были смазаны замечательными личными отношениями, сложившимися между Кантакузином и эмиром, так что турок впоследствии считал себя кровным братом византийца.

В более поздние годы, когда турки завоевали большую часть Балкан, об участии Кантакузина в заключении этих соглашений, конечно же, вспомнили и вменили это ему в вину. Однако же в то время такая политика была разумной. Хотя турки и вытеснили византийцев из Малой Азии, они не представляли угрозы для существования империи. Как уже было сказано, они разделились на небольшие группы: османы и айдыны были всего лишь двумя из многих разрозненных государств, на которые распался Сельджукский султанат в Конье. Все эти турки были мусульманами, но не были фанатичными воинами, жаждущими нескончаемой войны с неверными. Первоначально, во времена Михаила VIII, они вторгались на византийскую территорию ради овец и скота и начали захватывать земли, лишь когда стало ясно, что им почти не оказывают сопротивления. Идея о

том, что они были гази, защитниками веры, оформилась позже, когда османы выдвинулись вперед и хотели оправдать поглощение ими других турецких эмиратов, – точно так же позже появилась и фальшивая родословная, согласно которой османские султаны были прямыми потомками Пророка. Но в 1330-х годах все было иначе, и заключить мир со множеством врагов и заручиться их помощью в борьбе против других стоило: возвращение Малой Азии можно было отложить на потом. Все это было вполне в традиции византийцев.

Тактика оказалась успешной. Если отстоять Малую Азию Андронику III и Кантакузину не удалось, то в других местах они восстановили византийское господство на территориях, которые казались потерянными навсегда. Когда в 1329 году жители Хиоса восстали против своих правителей-генуэзцев, Андроник приплыл туда со своим флотом и захватил остров. Семь лет спустя генуэзцы были вытеснены с другого острова в Эгейском море, Лесбоса. В 1333 году в состав империи вновь вошла Фессалия, область в северной части Греции с центром в городе Ларисса, которую Михаилу VIII вернуть не удалось. Наконец, в 1338 году, в сопровождении войска из 2000 турок, присланных Умуром, Андроник III и Кантакузин двинулась на запад, чтобы подавить восстание в Албании. Оно вскоре прекратилось, албанцы в ужасе бежали от странного вида восточных солдат в византийской армии. В то же время император решил воспользоваться тем, что деспот Эпира недавно умер, и отправил ультиматум двору в Арте. Новый деспот был еще подростком, и государством правил регентский совет. Его члены решили не сопротивляться и сдались на милость императору. Конечно, кое-кто еще противился захвату, но к концу 1340 года Эпир вновь вошел в состав империи. И на этом движение остановилось. Летом, на пути из Фессалоник в Константинополь, Андроник III почувствовал себя измученным и нездоровым. В июне 1341 года в возрасте 45 лет он умер.

* * *

После смерти Андроника III в Византии сложилась такая же ситуация, какая уже бывала много раз прежде. Престол унаследовал его девятилетний сын Иоанн V, и был сформирован регентский совет во главе с матерью мальчика, латинянкой Анной Савойской, и патриархом. Но все понимали, что в таких условиях, вероятнее всего, бразды правления возьмет в свои руки самый видный в империи полководец, и сделает он это с одобрения

регентов или без оногo. В этой роли многие видели Иоанна Кантакузина. В сентябре 1341 года во дворе Большого дворца прошла шумная демонстрация его сторонников, которые требовали для него более высокого положения. Однако сам Кантакузин в своих мемуарах позже утверждал, что ему было мучительно стыдно за случившееся и что он ни в коем случае не претендовал на престол. Правда это или нет, но Кантакузин неизбежно должен был вызвать подобные подозрения. И когда в том же месяце он покинул Константинополь, чтобы возобновить командование армией в Дидимотике, регентский совет завладел его имуществом и бросил в заточение его семью. А самому Кантакузину отправили приказ оставить командование и немедленно вернуться в Константинополь. Конечно же, он не стал этого делать, и 26 октября в Дидимотике войска провозгласили его императором.

В обычных обстоятельствах ситуация должна была бы разрешиться в течение нескольких месяцев. Либо кто-то впустил бы армию мятежников в город, либо регентство твердо держало бы свои позиции и восстание сошло бы на нет. Но в этот раз все вышло по-другому, и противостояние длилось шесть лет. Оно затянулось так надолго отчасти потому, что вопрос о престолонаследии тесно переплелся с социальным конфликтом. С сокращением территории империи многие ее жители впали в жестокую нищету. Некоторые из них были насильно лишены своих домов и имущества в Малой Азии турками, но у большинства из тех, кто остался под имперским правлением, дела обстояли немногим лучше. При меньшем количестве населения налоговые поступления снизились, и на них все труднее было содержать армию и столицу. Но страдали не все. Крупные землевладельцы Фракии и Македонии, такие как семья Кантакузинов, вносили в казну совсем немного, если сравнивать эти суммы с их богатствами. Возмущение, тлевшее не одно десятилетие, теперь, наконец, вылилось в гражданскую войну, какой еще не бывало прежде. На этот раз население не сидело и не ждало исхода, а само активно участвовало в военных действиях.

Характер конфликта стал очевиден на следующий день после принятия Кантакузином императорской власти. Когда новость была объявлена на главной площади Адрианополя, состоятельные граждане возликовали. Но совсем не так отреагировали их менее обеспеченные соседи, которые в тот же вечер высыпали на улицы, и начались беспорядки. Они нападали на дома известных сторонников Кантакузина, грабили их и заставляли владельцев бежать, спасаясь, в Дидимотику. То же повторилось по всей Фракии и Македонии. В Фессалониках ремесленники и крестьяне

из окрестных деревень, назвавшие себя зилотами («ревнителями»), захватили власть в городе и встали на сторону регентского совета в Константинополе. Прибывший с армией Кантакузин обнаружил, что городские ворота закрыты для него.

В такой ситуации самозванный император мог бы признать свое поражение и отказаться от мятежа. Тем более что число его сторонников начало сокращаться. И если бы он так сделал, это было бы во благо империи. Но лично для него это означало бы либо изгнание, либо, что более вероятно, пленение, ослепление и даже смерть. Поэтому он продолжал борьбу и искал помощи вне границ империи. В июле 1342 года Кантакузин заключил договор с одним из соседних православных правителей, королем Сербии Стефаном Душаном, который предоставил ему войска. Он также обратился к своему старому другу Умуру, эмиру Айдына, который в конце 1342 года высадился во Фракии с большой армией. Помощь союзников обнадежила Кантакузина, но они не помогли ему выиграть войну. Сербское войско было невелико, а Умуру с его армией пришлось срочно возвращаться домой, чтобы защитить свой эмират, так как события там приняли неожиданный оборот. Венецианцы были серьезно встревожены пиратскими нападениями на их корабли из столицы Умура в Смирне. Они убедили Папу объявить Крестовый поход против Айдына, и в 1344 году христианский флот атаковал и захватил порт. Вернувшись из Фракии, Умур погиб в битве с крестоносцами в 1348 году. Больше помощи с этой стороны ждать не приходилось.

А война во Фракии продолжалась. Противоборствующие армии маневрировали и кружили, захватывали города и деревни и теряли их. К 1345 году стало ясно, что Кантакузин берет верх. Ему удалось взять Адрианополь, а оттуда было удобно совершить бросок на Константинополь. Но пока ему не хватало сил, чтобы нанести решающий удар. И тут очень кстати к нему в Адрианополь прибыли посланцы из Прусы, столицы османского эмира Орхана. Они приехали с предложением выдать замуж за их эмира дочь Кантакузина Феодору. Кантакузин был в восторге: османские войска когда-то уже помогали ему, но этот брак сулил куда более широкие возможности. Летом 1346 года через доверенное лицо в Силимврии он был заключен. Около восьми месяцев спустя гражданская война наконец завершилась, когда кто-то из тайных сторонников Кантакузина открыл городские ворота и его войска захватили Константинополь.

«Теперь остается, – писал монах Иоасаф, говоря о себе в третьем лице, – рассказать, что было достигнуто Кантакузином в бытность его императором». Он не скрывал того, что наследство Иоанну VI досталось непростое. Долгие годы гражданской войны превратили «великую империю ромеев в бледную тень былого величия». Она была фактически разорена. Когда в мае 1347 года Кантакузина короновали, диадема у него на голове была украшена не драгоценными камнями, а цветными стеклышками. Настоящую корону и церемониальные одежды регенты отдали венецианцам во время гражданской войны в качестве залога для получения кредита. На пиру гости ели из оловянной и глиняной посуды, потому как золотая и серебряная ушли в том же направлении, что и драгоценные камни. Казна опустела, и пополнить ее было непросто. Таможенных пошлин, которые когда-то приносили огромный доход, стало гораздо меньше, потому что многие из торговых кораблей, пришедших в Золотой Рог, бросали теперь якоря в генуэзской Галате, а не на византийской стороне, и платили пошлины там. Утрата Малой Азии означала, что увеличить доход можно было, только обложив еще более тяжелыми налогами жителей остальных территорий – Фракии, Македонии и Пелопоннеса. Кантакузин попытался облегчить это бремя, введя налог на предметы роскоши, такие как вино, и решил проблему венецианского кредита, просто прекратив платежи, так что отданные в залог драгоценности так никогда и не вернулись в Византию, но ничто из этого не могло исправить тяжелую финансовую ситуацию.

И словно этого было недостаточно, через несколько месяцев после победы Кантакузина Константинополь поразило новое бедствие, «черная смерть». Эпидемия чумы началась в Центральной Азии, а летом 1347 года болезнь привезли в Константинополь на кораблях генуэзцев из Крыма. Она поразила многих и остановила всякую торговую и политическую деятельность, так как люди избегали друг друга, боясь заразы. Эпидемия свирепствовала целый год, и среди тысяч ее жертв был и младший сын Кантакузина, 13-летний Андроник. «Каждый день мы везем своих друзей хоронить, – писал один из выживших. – С каждым днем великий город пустеет, а могил становится все больше». Однако в Константинополе с его широкими улицами и открытыми пространствами ситуация была все-таки лучше, чем в многолюдных городах Западной Европы, куда эпидемия пришла на следующий год.

Вероятно потому, что Кантакузин осознавал, насколько разрушительна оказалась гражданская война и ее последствия, условия мира, которые он предложил, оказались на редкость миролюбивыми. Он не стал преследовать тех, кто выступал против него, и молодого Иоанна Палеолога не постигла судьба Иоанна IV Ласкариса. Вместо этого было решено, что он женится на дочери Кантакузина Елене и будет править совместно с тестем. Десять лет верховная власть должна была принадлежать Иоанну VI, но затем оба императора получали равные права. Кроме того, Иоанн V наследовал престол в случае смерти тестя. Поначалу это довольно необычное соглашение, казалось, работало, и многие люди надеялись, что восшествие на престол Кантакузина станет началом очередного возрождения, как при Андронике III. И действительно, в середине правления Кантакузина стало казаться, что Византия идет на поправку. Хотя границы империи сжались, но Кантакузин делал все от него зависящее, чтобы территории, еще остававшиеся в составе империи, процветали. Следуя прецеденту, созданному Андроником II, он назначил членов императорской семьи полунезависимыми правителями, или деспотами. Своего младшего сына Мануила Кантакузин отправил на Пелопоннес, и под его властью в провинции воцарились относительный мир и спокойствие. Главный город Пелопоннеса Мистра, с его неприступной крепостью, начал расти и процветать. Фессалоники были поручены зятю Кантакузина Иоанну V и его матери Анне Савойской, и в их правление город вполне благоденствовал, а заодно таким образом удалось удалить их из Константинополя.

На руку Кантакузину играло также то, что при нем у Византии не осталось крупных могущественных врагов. Он поддерживал очень хорошие отношения с главным мусульманским государством, Мамлюкским султанатом в Египте. Летом 1349 года Кантакузин отправил в Каир посольство с просьбой к султану с уважением относиться к его христианским подданным в Иерусалиме. Полученный им ответ был столь лестным, что в своих воспоминаниях он привел его дословно. Султан обращался к византийскому императору как «к основе веры и учения христиан, непоколебимой опоре всех крещеных» и обещал поддерживать церкви Иерусалима в надлежащем состоянии и позволить паломникам беспрепятственно посещать город. Не приходилось больше опасаться и двух славянских держав, которые не раз угрожали Византии в прошлом, – Болгарии и Руси. В глазах народов, которые восприняли христианство из Константинополя и считали себя православными в противовес католикам, престиж Византии был по-прежнему высок. Самыми преданными

оказались русские: они отправляя своих вновь назначенных епископов в Константинополь на утверждение и посвящение в сан патриархом и доверяли украшение своих церквей византийским художникам. «Империя ромеев, – заверял Иоанн Кантакузин князя Московского, – является источником благочестия и учителем закона и приобщения к святости». И когда этот московский правитель узнал, что собор Святой Софии был поврежден в результате землетрясения 1346 года, он прислал деньги на его восстановление. Так что с этой стороны нападения ждать не приходилось.

Отношения с латинскими государствами за последние десятилетия также улучшились. Правда, потомки Балдуина II все еще заявляли, что они были несправедливо изгнаны из Латинской империи, но никто не обращал на это особого внимания. Потеплели и отношения с папской властью. Хотя Андроник II был отлучен от церкви за упразднение Лионской унии, к концу своего правления он возобновил контакты с папской курией и стал обсуждать возможность преодоления раскола. При Андронике III византийские корабли даже принимали участие в Крестовом походе латинян против турок в Эгейском море. А Кантакузин, едва захватив Константинополь, сразу отправил посольство к папскому двору в Авиньон, чтобы объявить о своем восшествии на престол. От Папы он получил милостивый ответ, восхваляющий нового императора за его милосердие к поверженным врагам, и приглашение присоединиться к очередному Крестовому походу против неверных. Кантакузину должно было быть прекрасно известно, что неверным в данном случае был его старый друг и союзник Умур, эмир Айдына, но он с радостью согласился, несомненно зная, что никогда не выполнит это обещание.

Кантакузину даже удалось распутать узел сложных отношений с итальянской республикой Генуей, которая воспользовалась гражданской войной, чтобы отвоевать остров Хиос, и через свою колонию Галату прибрала к рукам большую часть константинопольской морской торговли. Летом 1348 года генуэзцы встревожились, заметив, что Кантакузин строит на верфях, расположенных напротив Галаты, флот. Опасаясь, что он будет использован против них, они нанесли превентивный удар: их корабли пересекли Золотой Рог и подожгли многие из наполовину законченных галер. Следующей весной Кантакузин совершил ответное нападение – и потерпел поражение: начался внезапный шторм, экипажи византийских кораблей потеряли управление, и многие в панике попрыгали в море, а генуэзцы взяли брошенные суда на буксир. На следующий день корабли генуэзцев плавали туда-обратно в пределах видимости Большого дворца, таща позади себя по воде захваченные византийские знамена. Тем не менее

Кантакузин сумел выйти из этой трудной ситуации достойно. Когда власти Генуи узнали о рейде через Золотой Рог, они быстро приструнили своих безответственных сограждан в Галате. Византийцам выплатили возмещение за ущерб и договорились продолжать делать вид, будто Галата использовалась генуэзцами исключительно с разрешения византийцев. Ее глава, подеста, назначался в Генуе, но по прибытии должен был предстать перед императором и принести присягу, как если бы он был византийским чиновником. Кроме того, помимо генуэзского герба, на стенах Галаты был изображен герб византийских императоров, и таким образом поправная честь была восстановлена.

В результате вовсе не арабы, латиняне, русы или кто-либо еще из старых врагов Византии поверг ее в кризис, из которого она уже не вышла. Это сделало маленькое, не слишком могущественное государство, которое когда-то было ее верным союзником.

* * *

Семена гибели империи были посеяны во время гражданской войны, когда Кантакузин обратился за помощью к иностранным правителям и те предоставили ему войска. Ничего нового в этом, конечно, не было: византийские правители поступали так веками. Разница заключалась лишь в том, что у Кантакузина не было того, чем обладали его предшественники, – неисчерпаемых запасов золотых монет, с помощью которых можно было смазывать колеса дипломатии и обеспечивать лояльность союзников. В прошлом сербы играли на Балканах не главную роль и, когда византийцы призывали их напасть на болгар, послушно делали это. Вероятно, именно поэтому Кантакузин чувствовал себя совершенно уверенно, когда в июле 1342 года вел переговоры со Стефаном Душаном. Сербский король хотел получить за свою помощь изрядную часть византийской Македонии, но Кантакузин решительно отказал ему. На этом этапе переговоров в прежние времена союзнику было бы предложено много золота, но Кантакузин, похоже, остерегался раздавать и такие обещания тоже. Поэтому сербы воевали в армии Кантакузина без какого-либо конкретно оговоренного вознаграждения, но их услуги так или иначе должны были быть оплачены. Пока шла гражданская война, Душан действовал так, как считал нужным, и оккупировал множество городов. До какого-то момента это могло выглядеть как действия в пользу его союзника, но весной 1346 года Душан короновался как «царь сербов и греков», и

тогда стало ясно, как далеко простираются его амбиции. Как и Симеон Болгарский до него, он рассчитывал создать на византийской территории новую православную империю с центром в Сербии. Остановить сербов Кантакузин не мог. Как только война закончилась, они, почти не встречая сопротивления, вошли в еще остававшиеся византийскими области, и к ноябрю 1349 года захватили большую часть Эпира, Македонии и Фессалии. Все регионы, отвоеванные в лучшие времена при Андронике III, были утрачены.

Однако главным противником Византии стали не сербы, а еще одно незначительное государство и недавний союзник – турки-османы. Их эмират был одним из многих, появившихся в Малой Азии после распада Конийского (Сельджукского) султаната, и отнюдь не самым мощным. Эмират Караман наследовал старую столицу сельджуков. Умур, эмир Айдына, имел в Смирне выход к Эгейскому морю и больше других ориентировался на христианские державы Запада. А османский эмир Орхан правил из своей столицы Прусы небольшой территорией, которая включала бывшие византийские города Никею и Никомедию и находилась на другом берегу Босфора напротив Константинополя. Но прямой угрозы для византийской столицы он не представлял. Именно по этой причине Кантакузин был только рад принять помощь Орхана в гражданской войне и согласился отдать в жены эмиру свою дочь Феодору.

Поначалу турки оказались гораздо более надежными союзниками, чем Стефан Душан или Умур. Орхан стабильно снабжал Кантакузина войсками во время гражданской войны, и после победы их союз также не распался. Через несколько месяцев после захвата Кантакузином Константинополя в 1347 году Орхан отправился в Хрисополь, город на азиатском берегу Босфора напротив византийской столицы. Император также прибыл туда на встречу с ним, и несколько дней они провели в пиршествах и охоте. Когда же Кантакузин вернулся в Константинополь, с ним приехала, чтобы погостить, Феодора и с ней – несколько ее детей от Орхана. Эмир явно наслаждался всеми выгодами от брака с дочерью императора, и казалось само собой разумеющимся, что он должен продолжать поставлять солдат в армию Кантакузина. Командовал турецкими подразделениями сын Орхана, Сулейман, и они оказались исключительно эффективны против сербов и албанцев. При этом Кантакузин отлично понимал все минусы использования турецких войск. Он знал, что его собственные подданные очень встревожились, когда увидели их, идущих в Константинополь вместе с ним, когда он провозгласил себя византийским императором. Жаловались константинопольцы и на то, что шумные пирушки турок мешали

молящимся в соборе Святой Софии. Поэтому при восшествии на престол он в своей речи вынужден был принести извинения за использование турецких наемников.

Однако главная проблема заключалась в другом – что делать с турками, когда они перестанут быть нужны. Когда военные действия подошли к концу, большинство солдат последовали за своим командиром Сулейманом обратно через Дарданеллы на Османскую территорию, но часть осталась и начала грабить фракийские деревни и вообще доставлять всевозможные неприятности. Это было вовсе не авангардом исламского завоевания, а обычным для Средних веков явлением. Во времена Столетней войны, едва наступало затишье, точно такие же оставшиеся не у дел английские солдаты бродили по Франции, высматривая, что бы им украсть. Однако со временем эти группы турецких солдат усилились благодаря новым поступлениям: летом 1348 года около 2000 турок без приглашения переправились через Дарданеллы. Кантакузин перехватил злоумышленников и после короткой стычки заставил их сложить оружие. Возможно, в дальнейшем он обошелся бы без помощи турок вовсе, но не успел один конфликт разрешиться, как возник другой. А затем стало ясно, что Византии грозит новая гражданская война. В Фессалониках молодой Иоанн V, которому надоела опека тестя, собирал себе мощную поддержку. В то же время собственный старший сын Кантакузина, Матфей, начал требовать, чтобы он, а не Иоанн был назначен наследником престола. Император делал все возможное, чтобы уладить конфликт, но ему удалось лишь ненадолго отсрочить кризис, и к лету 1352 года Иоанн V и Матфей Кантакузин начали войну друг с другом во Фракии.

За этими событиями очень внимательно следили при дворе османского эмира в Прусе. Орхан все еще был зятем Кантакузина и его союзником. Он никоим образом не нес ответственности за поведение турок во Фракии – они действовали по собственной инициативе. Но при всем при этом он не мог не понимать, какой легкой мишенью для завоевания становилась теперь византийская Фракия. И Иоанн V, и Матфей Кантакузин хотели завербовать турецких наемников, и Сулейман с войском были отправлены на помощь последнему. Но теперь османы вели себя во Фракии не так, как прежде. Летом 1352 года Сулейман спокойно занял небольшую гавань и крепость Цимпе на европейском берегу Мраморного моря, а неоднократные просьбы Кантакузина покинуть город попросту игнорировал. Действовал ли он по приказу своего отца или нет, но Сулейман явно готовил плацдарм. Правда, пока что турки мало что могли сделать, чтобы воспользоваться этим завоеванием. Флота у них не было, и

они не могли переправить в Цимпе большую армию, чтобы укрепить гарнизон.

Вечером 1 марта 1354 года жители Константинополя были напуганы серией мощных подземных толчков. Один из горожан описал потом, как не мог подняться на ноги, и ему оставалось лишь беспомощно смотреть, как его драгоценные книги падают одна за другой с полки на пол. К счастью, эпицентр землетрясения находился далеко на юге. Когда рассвело, все вздохнули с облегчением, потому что выяснилось, что столица почти не пострадала. Но портовому городу Галлиполи на Дарданеллах не так повезло. Многие строения разрушились, целые дома провалились под землю. Крепостная стена, окружавшая город с суши, рассыпалась. На другой стороне узкого пролива турки-османы также ощутили подземные толчки и хорошо видели, что случилось с Галлиполи. Еще до исхода дня они уже погрузились в лодки, переправились через пролив и захватили город. Стоявший в самом узком месте пролива, Галлиполи был как раз тем плацдармом, в котором нуждались османы. Здесь для переправки армии не нужен был никакой флот, достаточно было лодок. Все произошло так быстро, что никто, похоже, не успел осознать опасности, а потом стало слишком поздно. Византийский корабль, везший архиепископа Фессалоник в Константинополь, был захвачен при проходе через пролив, и его экипаж даже не успел понять, что произошло. Знатного пассажира корабля доставили в Никею, чтобы дожидаться выкупа. А вскоре после этого Сулейман явился лично требовать у императора Галлиполи для османского эмира.

Самым правильным было бы выгнать турок из захваченного города, прежде чем они восстановят укрепления и утвердятся там. Но летом 1354 года Иоанн VI Кантакузин стремительно терял контроль над своей империей, поскольку его попытки примирить сына и зятя не увенчались успехом. Он написал Орхану, прося о встрече, чтобы обсудить проблему Галлиполи и Цимпе, но эмир сослался на то, что болен, и встреча так и не состоялась.

Наступила осень, а турки все еще были в Галлиполи. В один ноябрьский вечер Кантакузин узнал, что в одной из маленьких константинопольских бухт высадился Иоанн V с группой вооруженных людей. Император и его сторонники забаррикадировались в Большом дворце, в то время как последователи Иоанна заняли Августеон. В течение нескольких дней обе стороны выжидали, каждая на своей позиции. А затем уставший от бремени власти Кантакузин объявил о своем отречении. Он передал правление Иоанну V и принял постриг под новым именем Иоасаф.

После столь напряженных последних лет скромная жизнь монаха, должно быть, выглядела в глазах Кантакузина весьма привлекательной. Он обдумывал создание монастырского анклава на горе Афон. Изолированные на своем скалистом полуострове, монахи Афона почти не пострадали от войн и потрясений середины XIV века. Христофор Буондельмонти, итальянский путешественник, был глубоко впечатлен порядком и безмятежностью, царившими в этом месте. Среди оливковых рощ и фиговых деревьев монахи занимались повседневными делами: чинили сети, шили обувь, плели корзины. «В определенные часы, – писал Буондельмонти, – все славят Господа. И мир царит среди них всегда и навеки».

Увы, если о чем-то подобном Кантакузин мечтал, когда отрекался от императорского титула, то его ждало разочарование. Его монастырь Харзианит располагался не на далеком Афоне, а в Константинополе, в самом центре событий, и Иоасафу не давали забыть о том, что прежде он был императором. Турки, сербы и его беспокойная семья продолжали вторгаться в его мирное существование. Сын Кантакузина Матфей все еще оспаривал права Иоанна V на престол, и в декабре 1357 года отец Иоасаф был вызван из своего пристанища, чтобы вести переговоры между соперниками. Ему удалось убедить Матфея оставить свои притязания и удалиться на Пелопоннес, дабы Иоанн V правил безраздельно. После этого Кантакузин смог вернуться к своему уединению.

А тем временем одно из самых тихих и элегантных завоеваний в истории продолжалось. Со своего плацдарма в Галлиполи османы не столько покоряли византийскую Фракию, сколько проникали в нее. Не было никаких боев и осад. В 1360 году они отправились в старую штаб-квартиру Кантакузина в Дидимотике и захватили город. В какой-то момент после этого они заняли Адрианополь, но никто даже не удосужился записать дату, когда это произошло. Завладев этим городом, турки отрезали Константинополь от Фессалоник по суше, и те остались островком посреди чужой территории. Предчувствуя, что его династия впоследствии будет связана с Европой, преемник Орхана, эмир Мурад I, перевез свой двор из Прусы в Адрианополь и построил дворец, что красноречиво свидетельствовало о его намерении там и остаться.

С уходом Кантакузина со сцены остановить османов должен был Иоанн V. Долгие годы он мечтал править единолично и вот теперь, в

возрасте 20 с лишним лет, получил то, чего так жаждал. Однако Иоанн был не из тех людей, что способны преодолевать кризисы: по словам одного летописца, «был он весьма легкомысленный человек и не глубоко интересовался иными делами, кроме хорошеньких и красивых женщин и [вопроса], которую из них и как поймать в свою сеть». Да и в любом случае его возможности были ограничены. Разоренная и сильно уменьшившаяся в размерах империя, которую он унаследовал, не могла иметь на вооружении армию достаточно мощную, чтобы переломить ситуацию. И молодой император решил вновь прибегнуть к испытанному способу: обратиться за помощью к латинянам.

Однако сказать это было проще, чем сделать, поскольку среди византийского населения еще сохранялась ярко выраженная антипатия к латинянам, которую подпитывали память о 1204 годе и продолжающийся раскол между Церквями. Это чувство было столь сильно, что один монах-доминиканец, живший в Галате, жаловался: местные жители готовы были разбить чашку, из которой выпил латинянин, как будто она была чем-то заражена. Тем не менее вместе с явным ослаблением Византии и усилением угрозы со стороны османов среди придворных стали возникать пролатинские настроения. Одним из самых ярких их выразителей стал Димитрий Кидонис, который решил изучать латынь, чтобы общаться на ней с западными послами, торговцами и наемниками, которые каждый день посещали византийский двор. Выучив язык, Кидонис сделался поклонником латинской литературы и теологии и даже принял католичество. Он стал страстным приверженцем идеи о том, что латиняне должны рассматриваться как союзники и братья-христиане, а не враждебные раскольники. И именно их нужно призвать на помощь в борьбе против общего врага – мусульман. Таковы были взгляды, которые убедили Иоанна V.

Ближайшим католическим государством была Венгрия, обширное и богатое королевство, расположенное крайне удачно для того, чтобы нанести удар по османам. Летом 1365 года Иоанн V принял решение не просто обратиться к ее королю, но и сделать это лично – настолько серьезна была ситуация. Осенью представитель Бога на земле покинул Константинополь и отправился на север в столицу Венгрии Буду. Но если он рассчитывал на то, что вид некогда могущественного византийского императора, просящего о помощи, растопит сердца хозяев, его ждало разочарование. Просителя приняли не слишком любезно, и надолго он не задержался. А на обратном пути его остановили на границе болгары и не разрешили ему проехать через их территорию. Императору пришлось

провести несколько месяцев в городе Видин, ожидая, когда ему удастся отправиться на корабле по Дунаю. Но сколь ни малоприятна была эта поездка, она помогла осознать важнейшую истину: любая помощь со стороны латинян будет зависеть от преодоления раскола. Этот урок уже был усвоен жителями последнего византийского города в Малой Азии, Филадельфии. Не первый год он был окружен и осажден турками и не получал никакой помощи от византийского императора, поэтому горожане направили обращение к Папе. В ответе им сообщили, что для того, чтобы рассчитывать на помощь, они должны стать католиками.

Однако Иоанн V прекрасно понимал и другое: любая попытка преодолеть раскол на условиях латинян может вызвать сопротивление со стороны его собственного народа, как это было с Лионской унией в 1274 году. В свете этой дилеммы единственное, что он мог сделать, – продемонстрировать свою готовность обсуждать этот вопрос, и в июне 1367 года в Константинополь была приглашена папская делегация. Иоанна Кантакузина вызвали из монастыря, и последующие несколько недель он играл в дебатах ведущую роль. Но конкретного результата достичь не удалось. Византийцы настаивали на созыве Вселенского собора Церкви, в то время как латинская сторона не видела в этом необходимости. В конце концов Иоанн V предложил оригинальное решение по выходу из тупика. Он вновь отправился в путешествие в сопровождении Димитрия Кидониса и других пролатински настроенных придворных. На этот раз пунктом назначения был Рим, и в октябре 1369 года византийский император принял участие в публичной церемонии в церкви Святого Петра. Поцеловав Папе ногу, потом – руку и наконец – уста, он униженно склонился перед понтификом и объявил себя католиком, принимающим папскую власть и признающим Филиокве. Все было тщательно продумано: Иоанн обратился в католичество лично и не давал никаких обещаний от имени своих подданных, как представители Михаила VIII в Лионе в 1274 году. Папа прекрасно понимал это, но он также осознавал, что возникновение на месте ослабленной христианской империи могущественной мусульманской может быть очень опасно. Поэтому он заявил, что византийский император теперь заслуживает поддержки, и призвал католические державы прийти к нему на помощь в борьбе против османов.

К несчастью, злополучный Иоанн V был словно обречен на постоянные разочарования и унижения. Покинув Рим, он прибыл в Венецию, чтобы оттуда отправиться на корабле обратно в Константинополь. Но там власти задержали его за неуплату кредита,

который он взял для финансирования своей поездки в Рим. В очередной раз византийский император оказался беспомощным на чужой земле, не имея возможности добраться домой. В столицу он смог вернуться, только когда его сын Мануил прибыл с флотом и некоторой суммой наличности, чтобы погасить задолженность. К тому времени стало совершенно ясно, что призыв Папы о помощи был полностью проигнорирован и когорты латинских рыцарей не отправятся на Восток, чтобы оттеснить османов обратно за Дарданеллы. Вся эта тягостная поездка оказалась напрасной.

Оставалась лишь одна надежда. Византия была более не способна противостоять османам в военном отношении, но это могли сделать ее православные соседи. Великий Стефан Душан умер в 1355 году, и многие из присоединенных им в 1340-х годах территорий отделились, но Сербия все еще оставалась силой, с которой приходилось считаться. Именно сербы летом 1371 года начали наступление, чтобы выгнать турок с Балкан. Но когда в сентябре того же года сербская армия была уничтожена в битве на реке Марице, никаких сомнений в том, что османы останутся там, уже не было. Один за другим христианские правители региона присягали на верность эмиру Мураду I, соглашаясь не только поддерживать с ним мир и платить ежегодную дань, но и принимать по его призыву участие в военных походах. Сначала сербы, потом болгары, а затем, за неимением других вариантов, и Иоанн V – все стали вассалами османского эмира. В соответствии с соглашением о военной поддержке сын Иоанна Мануил был отправлен с армией воевать на стороне османов в Малой Азии, где те постепенно подчиняли себе другие турецкие эмираты. По иронии судьбы Мануилу пришлось принимать участие во взятии Филадельфии, последнего форпоста Византии на Востоке. Когда, наконец, в 1390 году она пала, среди тех, кто сокрушил ее стены, были византийцы.

К 1372 году, когда Иоанн V стал вассалом турок-османов, Иоасафа уже не было в Константинополе: он перебрался на юг, в Мистру. Там, в монастыре, он и умер 15 июня 1383 года. К тому времени его мемуары были давно завершены: в них бывший император, как мог, защищался от обвинений в том, что именно на нем лежит ответственность за проникновение турок в Европу. В какой-то степени он действительно был повинен в этом, но в его оправдание можно сказать, что он всего лишь следовал своим предшественникам, которые не раз обращали волны миграции на пользу империи. Беда в том, что у него не было тех ресурсов, которыми располагали его предшественники, а без этого невозможно было сдержать поток, который смыл весь его мир.

Ко времени кончины Кантакузина империи фактически тоже пришел конец. Власть императора не простиралась дальше стен Константинополя, а его сюзерен, османский эмир, столица которого располагалась в Адрианополе, правил на большей части Малой Азии и на Балканах. Константинополь же находился посреди его обширных владений. Формально император еще считался правителем части Пелопоннеса и нескольких островов Эгейского моря, но в 1387 году Фессалоники открыли свои ворота османам. И даже в таком состоянии Византия просуществовала еще 60 лет. Властители из династии Палеологов продолжали именовать себя «императорами ромеев», а их столица по-прежнему считалась у православных христиан Священным городом и оплотом веры, хотя ее влияние и пошло на спад. После 1448 года русские перестали посылать туда своих епископов для посвящения в сан. Жизнь в Константинополе в последние годы очень отличалась от той, что была в прошлом. Император и его двор больше не играли в ней главной роли. Большой и Влахернский дворцы постепенно разрушались, и императорской семье приходилось ограничиваться теми помещениями, которые еще годились для жилья. Некоторые из подданных императора были гораздо богаче, чем он, поскольку получали деньги от совместной с венецианцами и генуэзцами торговли. В Мистре был альтернативный двор: там представитель младшей линии династии Палеологов правил византийским Пелопоннесом. В отличие от разрушающегося Константинополя, Мистра процветала, так как получала хороший доход от окружающих ее сельскохозяйственных угодий.

Это призрачное существование не могло длиться вечно. Когда осторожного Мурада I сменил на престоле новый агрессивный османский правитель Баязид I, показалось, что конец Византии близок. Он стал именовать себя не эмиром, а султаном, обозначив таким образом, что государство османов стало одной из самых могущественных мусульманских держав, и отказался от отцовской политики принятия вассалитета, а не абсолютной покорности от побежденных врагов. В 1393 году Баязид вторгся в Болгарию и захватил ее, положив конец независимости, которую та обрела в 1187 году. И уж конечно, он не видел причин, по которым сжавшаяся в размерах, разоренная Византия должна была продолжать существовать посреди его владений. В 1394 году он осадил Константинополь, рассчитывая заставить его сдаться от голода. Но защитники города держались. Баязид не мог преодолеть стены,

окружавшие его с суши, а генуэзцы и венецианцы продолжали снабжать Константинополь с моря. Осада затянулась на семь лет, но в конце концов Баязид снял ее и отправился в Малую Азию сражаться с Тамерланом, правителем Самарканда. От него он и потерпел сокрушительное поражение в битве при Анкаре в 1402 году. Османская империя временно распалась, что позволило Византии просуществовать еще несколько десятилетий. В этот период нашлось место даже для некоторых старых трюков, когда византийцы столкнули одного претендента на Османский престол с другим, что вылилось в серию гражданских войн.

Но и этой передышке пришел конец, когда к 1450 году Османская империя восстановилась. Погибель Византии принес молодой и амбициозный султан Мехмед II. Весной 1453 года он начал осаду, какой Константинополь прежде не знал. У его стен встало войско численностью почти 80 000 человек, а на Босфоре занял позиции флот из более чем 100 боевых кораблей. Никому из прежних захватчиков не удавалось привести столь многочисленные объединенные военно-морские силы. Как и латинянам в 1204 году, Мехмеду II удалось ввести свой флот в залив Золотой Рог, хотя он пошел для этого на хитрость: корабли тащили по суше в обход цепи. Но окончательную победу ему принесли пушки. Ни у кого из тех, кто прежде осаждал Константинополь, не было орудий такого размера. Воины Мехмеда установили их перед стенами города. Хотя порох в середине XV века уже не был в новинку, эти монстры, стрелявшие ядрами весом более 600 килограммов, сеяли страх и ужас среди защитников города. Самые крупные из орудий было сложно заряжать, и они могли производить не больше семи выстрелов в день, но после месяца непрерывного обстрела в когда-то неприступных стенах образовались значительные бреши. В ночь с 28 на 29 мая турецкие войска пошли на решающий штурм и смяли малочисленных защитников города. Под натиском османов Константинополь наконец пал.

Среди почти 3000 византийских воинов, погибших ранним утром 29 мая, был и император, Константин XI, прапраправнук основателя династии Палеологов, Михаила VIII, и последний из властителей, носивших имя того, кто первым принял христианство и построил Константинополь. Он стал также последним византийским императором, потому что, хотя Мистра и Пелопоннес остались в руках византийцев, ни один из оставшихся в живых братьев Константина не претендовал на императорский титул. Константинополь занимал столь важное место в византийской идеологии и духовности, что немыслимо было, чтобы империя продолжилась без него. В любом случае через семь лет после

своего триумфа в Константинополе Мехмед вторгся в Пелопоннес и присоединил его к своей империи. На этот раз безвозвратно.

Эпилог

Ничто не могло быть более благоприятным для человечества, чем уничтожение пришедшей в упадок Греческой империи турками...

Дэвид Стюарт Эрскин, граф Бьюкен (1742–1829)

Через 100 лет после победы Мехмеда II, когда Пьер Жиль прибыл в Константинополь, Византии не только не существовало как политического образования, но даже следы ее почти исчезли с лица земли. Начиная с 1453 года здания и объекты, бывшие отличительными чертами империи, последовательно уничтожались. Первой погибла икона «Одигитрия», символ покровительства Богородицы и визуальной духовности, столь важной для византийской идентичности. Во время осады 1453 года она была помещена в монастырь Хора, дабы оберегать защитников города, а после поражения византийцев ее разрубили на части османские мародеры, которые хотели заполучить золотую оправу с драгоценными камнями. Когда же Мехмед II решил отказаться от Адрианополя и сделать своей столицей Константинополь, судьбу иконы разделили многие значимые объекты. Чтобы город стал подходящей резиденцией для султана, потребовалась перепланировка. Старые здания сносили, поскольку в последние годы, когда империя обнищала, большинство знаменитых церквей, монастырей и дворцов пришли в плачевное состояние. Между 1462 и 1470 годами был уничтожен храм Святых апостолов, и на его месте появилась мечеть Завоевателя. Колонна и конная статуя Юстиниана были разрушены в 1540-х годах, и металл пошел на отливку пушек: Жиль успел увидеть только обломки, прежде чем их отправили в литейную. На руинах Большого дворца в 1609 году была выстроена Голубая мечеть, а Влахернский дворец попросту разрушился. Ипподром стал открытой площадью. Но утрачено было не все. Османы с удовольствием использовали те здания, которые еще годились для этого. Так, собор Святой Софии до самого конца поддерживался в исправном состоянии, и поэтому его превратили в мечеть: в нем построили михраб – нишу в стене, указывающую направление на Мекку, и возвели четыре минарета. Церковь Пантократора и другие малые церкви также сохранились до наших дней,

получив другое назначение, но при этом большинство из них утратили свой характерный для Византии богатый внутренний декор.

Уцелело также литературное наследие империи, хранившееся в библиотеках Константинополя. Утром 29 мая 1453 года многие книги попали в костер, но многие – нет, и впоследствии их разыскали и приобрели коллекционеры, такие как Пьер Жиль, или вывезли на Запад беженцы. Среди этих книг были не только произведения византийских авторов – Зосимы, Прокопия, Михаила Пселла и Иоанна Кантакузина, но также драгоценные копии древнегреческих классиков, по которым учились, получая классическое образование, до самых последних дней империи. В их числе оказались некоторые из самых ранних сохранившихся текстов великих мыслителей, ораторов и драматургов Древнего мира, таких как Платон, Аристотель, Аристофан, Демосфен и Лукиан. Эти произведения веками были недоступны на христианском Западе, и, когда они попали туда, их стали жадно читать, переписывать и переводить интеллектуалы эпохи Возрождения, а в начале 1500-х годов появились первые печатные издания греческих классиков. Только благодаря византийцам это литературное наследие пережило многие века и доступно нам до сих пор.

Не погибла в катастрофе и византийская церковь. Отчасти она обязана своим выживанием тому, что Мехмед II понимал: в его интересах сохранить раскол между православными и католиками и тем самым лишить византийцев всякой надежды на то, что их единоверцы на Западе придут к ним на помощь. На момент завоевания Константинополя место патриарха было свободно, и султан лично проследил за тем, чтобы через несколько месяцев его занял подходящий человек – славившийся непримиримым отношением к любым компромиссам с латинянами. Но это также способствовало тому, что христианские подданные султана легче приняли новый порядок: османы были нехристиами, но они, по крайней мере, не трогали веру их предков, как это делали латиняне. И хотя императора больше не было, Константинопольский патриарх продолжал оставаться главой православной церкви, и его власть признавали в Сербии, Болгарии и на Руси, в землях, которые восприняли христианство из Константинополя.

Так остается и по сей день, и появление православных общин в Западной Европе, Северной Америке и по всему миру свидетельствует о том, что именно религия является самым заметным наследием Византии. Любой православный храм, построен ли он в Бруклине, Сиднее или Лондоне, обычно выдержан в византийском стиле – этот стиль присутствует и в архитектуре, и во внутреннем убранстве. Иконостас, отделяющий алтарь от остальной части храма, состоит из икон Спасителя,

Богородицы и святых. Богослужения проходят на том греческом языке, на котором говорили в Византии, или же на церковнославянском литературном языке, созданном Кириллом и Мефодием в IX веке. Но самое явное свидетельство того, что византийская церковь выжила в веках, – монастырский анклав на горе Афон, где Великая Лавра, основанная в царствование Никифора II Фоки, по-прежнему является действующим монастырем и функционирует наряду с другими, основанными позже. Эти монастыри напрямую связывают нас с утраченным миром Византии.

Однако если не принимать во внимание эти пережитки, то Византийская империя зачастую воспринимается как нечто несостоятельное именно потому, что от нее сохранилось так мало. На ум сразу же приходит невыгодное сравнение с ее предшественницей, классической Римской империей, которая оставила столь заметный след в языке, культуре, праве, архитектуре. Дошедшие до нас из XVIII века слова шотландского антиквара Дэвида Эрскина, приведенные выше, отражают это негативное восприятие Византии. Сравнение с Римом, однако, несправедливо. Римская империя возвысилась, потому что имела возможность использовать свои богатые человеческие ресурсы, чтобы сокрушить соседей – одного за другим. Она благоденствовала и процветала, потому что с самого начала ее границы редко подвергались нападениям. А Византия возникла в мире насилия и неопределенности, где на протяжении более чем 1000 лет переживала постоянные вторжения, осады и войны. И все это время она выживала и сохраняла свою культуру и самобытность, в то время как мир вокруг пребывал в непрерывном движении. И удавалось ей это не потому, что она стала закрытым милитаристским государством, которое задраило все люки и выработало менталитет осадного положения. Нет, напротив, она стремилась обратить постоянный поток людей, перехлестывающий через ее границы, себе на пользу, сталкивая их друг с другом, принимая на свою территорию, чтобы преумножить собственные силы, и передавая им свою религию и культуру. Таким образом, главным наследием Византии можно считать не православное христианство или сохраненную ею классическую греческую литературу, а скорее преподанный ею урок: сила общества заключается в его способности к адаптации и к интеграции посторонних даже в самых неблагоприятных обстоятельствах.

Хронология

Основные даты

303 – при Диоклетиане начинается преследование христианской церкви

306 – Константин провозглашен императором в Йорке

312 – Битва у Мильвийского моста: видение Константина

324 – Константин становится единоличным императором

325 – Первый Вселенский собор в Никее

330 – Константинополь становится столицей

337 – Смерть Константина

378 – Битва при Адрианополе

381 – Второй Вселенский собор в Константинополе

391 – Разрушение Серапеума в Александрии

415 – Убийство Гипатии в Александрии

451 – Четвертый Вселенский собор в Халкидоне

480 – Убийство Юлия Непота, последнего претендента на титул императора Западной Римской империи

527 – Вступление на престол Юстиниана I

533 – Заключение Вечного мира между Византией и Персией

540 – Византия захватывает Равенну; разграбление Антиохии персами

562 – Окончательное завоевание Италии Византией

565 – Смерть Юстиниана I

568 – Вторжение лангобардов в Италию

580 – Авары становятся доминирующей силой в бассейне Дуная

582 – Маврикий женится на дочери Тиберия II и становится императором

602 – Свержение и убийство Маврикия

610 – Вступление на престол Ираклия

614 – Захват Иерусалима персами

626 – Осада Константинополя персами и аварами

632 – Смерть Пророка Мухаммеда

641 – Смерть Ираклия

642 – Захват Александрии арабами

655 – Арабы уничтожают византийский флот в сражении при Финиксе

674 – Начинается первая осада Константинополя арабами

681 – Шестой Вселенский собор осуждает монофелитство

- 697 – Арабы захватывают Карфаген
- 718 – Завершение второй осады Константинополя арабами
- 726 – Предполагаемое начало политики иконоборчества
- 740 – Победа над арабами в битве при Акроиноне в Малой Азии
- 741 – Вступление на престол Константина V, известного как «Копроним»
- 751 – Захват Равенны лангобардами
- 754 – Собор в Иерии
- 775 – Смерть Константина V
- 787 – Седьмой Вселенский собор восстанавливает иконопочитание
- 811 – Поражение императора Никифора I от болгарского хана Крума и его смерть
- 815 – Возрождение иконоборчества
- 843 – Окончательное восстановление иконопочитания
- 858 – Фотий становится патриархом Константинополя
- 860 – Первое нападение русов на Константинополь
- 863 – Поражение арабов в битве при Посоне
- 865 – Обращение болгарского хана Бориса в христианство
- 867 – Вступление на престол Василия I, первого императора Македонской династии
- 917 – Победа болгарского хана Симеона в битве при Ахелое
- 919 – Роман Лакапин узурпирует власть в Константинополе
- 934 – Иоанн Куркуас захватывает Мелитену
- 945 – Свержение Лакапинов Константином VII
- 959 – Смерть Константина VII
- 961 – Никифор Фока возвращает в состав империи Крит
- 963 – Вступление на престол Никифора II Фоки
- 969 – Вступление на престол Иоанна I Цимисхия
- 975 – Военная кампания Иоанна I в Сирии и Палестине
- 988 – Крещение Киевского князя Владимира
- 989 – Подавление мятежа Варды Фоки
- 1018 – Окончательное завоевание Болгарии
- 1025 – Смерть Василия II
- 1043 – Мятеж Георгия Маниака
- 1056 – Смерть Феодоры, конец Македонской династии
- 1071 – Битва при Манцикерте
- 1081 – Вступление на престол Алексея I Комнина
- 1099 – Армия Первого крестового похода захватывает Иерусалим
- 1143 – Вступление на престол Мануила I Комнина

- 1171 – Арест венецианских купцов по всей Византии
- 1176 – Поражение византийцев от турок-сельджуков в битве при Мириокефалоне
- 1180 – Смерть Мануила I Комнина
- 1182 – Захват власти Андроником I
- 1185 – Свержение Андроника I, Исаак II Ангел становится императором
- 1187 – Восстание валахов и болгар
- 1195 – Свержение Исаака II, Алексей III становится императором
- 1203 – Армия Четвертого крестового похода восстанавливает на престоле Исаака II
- 1204 – Армия Четвертого крестового похода захватывает Константинополь; создание Латинской империи
- 1205 – Битва при Адрианополе
- 1208 – Феодор I Ласкарис коронуется в Никее как император
- 1246 – Иоанн III Ватац захватывает Фессалоники
- 1259 – Михаил VIII Палеолог коронуется в Никее как император
- 1261 – Возвращение Константинополя Михаилом VIII
- 1274 – Заключение унии католической и православной церквей в Лионе
- 1282 – Смерть Михаила VIII; вступление на престол Андроника II
- 1328 – Андроник III захватывает власть, свергнув своего деда
- 1331 – Взятие Никее турками-османами
- 1341 – Смерть Андроника III; начало гражданской войны
- 1347 – Иоанн VI Кантакузин входит в Константинополь
- 1352 – Турки-османы захватывают плацдарм на европейском берегу Мраморного моря в Цимпе
- 1354 – Иоанн VI Кантакузин отрекается от престола
- 1369 – Поездка Иоанна V в Рим
- 1371 – Битва на реке Марице: поражение сербов от турок
- 1383 – Смерть Иоанна VI Кантакузина
- 1391 – Смерть Иоанна V Палеолога
- 1394 – Османский правитель Баязид I осаждает Константинополь
- 1402 – Битва при Анкаре: временный распад Османской империи
- 1453 – Взятие Константинополя турками-османами под предводительством Мехмеда II
- 1460 – Завоевание османами византийского Пелопоннеса
- 1544 – Приезд Пьера Жюльера в Константинополь

Императоры Византии

Императоры, указанные в квадратных скобках, правили только в Западной Римской империи.

- 306–337 – Константин I
- 337–361 – Констанций II
- 361–363 – Юлиан
- 363–364 – Иовиан
- 364–378 – Валент [364–375 – Валентиниан I; 375–383 – Грациан]
- 379–395 – Феодосий I [383–392 – Валентиниан II; 392–394 – Евгений]
- 395–408 – Аркадий [395–423 – Гонорий]
- 408–450 – Феодосий II
- 450–457 – Марциан
- 457–474 – Лев I
- 474 – Лев II
- 474–491 – Зенон [474–475 – Юлий Непот; 475–476 – Ромул Августул;
- 476–480 – Юлий Непот (в Далмации)]
- 491–518 – Анастасий I
- 518–527 – Юстин I
- 527–565 – Юстиниан I
- 565–578 – Юстин II
- 578–582 – Тиберий II
- 582–602 – Маврикий
- 602–610 – Фока
- 610–641 – Ираклий
- 641 – Константин III
- 641–642 – Ираклеон
- 642–668 – Констант II
- 668–685 – Константин IV
- 685–695 – Юстиниан II
- 695–698 – Леонтий
- 698–705 – Тиверий III
- 705–711 – Юстиниан II (снова)
- 711–713 – Филиппик
- 713–715 – Анастасий II
- 715–717 – Феодосий III
- 717–741 – Лев III
- 741–775 – Константин V
- 775–780 – Лев IV
- 780–797 – Константин VI

797–802 – Ирина
802–811 – Никифор I
811–813 – Михаил I Рангаве
813–820 – Лев V
820–829 – Михаил II
829–842 – Феофил
842–867 – Михаил III
867–886 – Василий I
886–912 – Лев VI
912–913 – Александр
913–959 – Константин VII
920–944 – Роман I Лакапин
959–963 – Роман II
963–969 – Никифор II Фока
969–976 – Иоанн I Цимисхий
976–1025 – Василий II
1025–1028 – Константин VIII
1028–1034 – Роман III Аргир
1034–1041 – Михаил IV
1041–1042 – Михаил V
1042–1055 – Константин IX Мономах
1055–1056 – Феодора
1056–1057 – Михаил VI
1057–1059 – Исаак I Комнин
1059–1067 – Константин X Дука
1068–1071 – Роман IV Диоген
1071–1078 – Михаил VII Дука
1078–1081 – Никифор III Вотаниат
1081–1118 – Алексей I Комнин
1118–1143 – Иоанн II Комнин
1143–1180 – Мануил I Комнин
1180–1183 – Алексей II Комнин
1183–1185 – Андроник I Комнин
1185–1195 – Исаак II Ангел
1195–1203 – Алексей III Ангел
1203–1204 – Исаак II (снова) и Алексей IV Ангел
1204 – Алексей V Мурзуфл
1208–1221 – Феодор I Ласкарис (в Никее)
1221–1254 – Иоанн III Ватац (в Никее)

1254–1258 – Феодор II Ласкарис (в Никее)
1258–1261 – Иоанн IV Ласкарис (в Никее)
1259–1282 – Михаил VIII Палеолог
1282–1328 – Андроник II Палеолог
1328–1341 – Андроник III Палеолог
1341–1391 – Иоанн V Палеолог
1347–1354 – Иоанн VI Кантакузин
1391–1425 – Мануил II Палеолог
1425–1448 – Иоанн VIII Палеолог
1449–1453 – Константин XI Палеолог

Словарь

Ариане – последователи учения Ария, который утверждал, что Иисус Христос был сотворен Богом-Отцом и, следовательно, второстепенен по отношению к нему.

Малая Азия – массив суши в Азии, на территории современной Турции.

Аскет – тот, кто стремится стать ближе к Богу через крайнее самоотречение и добровольные лишения.

Августеон – главная площадь Константинополя, расположенная между собором Святой Софии и Большим дворцом.

Василевс – греческое слово, означающее «царь». В Византии – титул императора.

Халкидонит – тот, кто принял формулу христианского вероисповедания, одобренную Никейским и Халкидонским Вселенскими соборами.

Доместик схол – с X века – верховный главнокомандующий византийской армии.

Экзарх – губернатор провинции с широкими гражданскими и военными полномочиями.

Федераты – термин, использовавшийся в ранней Византии для обозначения племен – союзников империи.

Иконокласт – иконоборец, противник иконопочитания.

Иконофил – иконопочитатель, сторонник иконопочитания.

Монофизитство – доктрина в христианстве, согласно которой Иисус Христос имеет божественную природу, поглотившую его человеческую природу.

Монофелитство – компромиссная доктрина, согласно которой Иисус Христос имеет равно и человеческую, и божественную природу и волит и как Бог, и как человек своей единой волей.

Номисма – византийская золотая монета до 1092 года.

Багрянородный (порфирородный) – буквально «родившийся в Порфире», член византийской правящей династии, родившийся в Великом дворце в Константинополе.

Порфир – горная порода глубокого пурпурного цвета с вкраплениями белых кристаллов, добывавшаяся в Египте.

Стратиг – наместник фемы и командующий ее армии.

Тагмата – элитное подразделение византийской армии, находящееся под командой самого императора. Появилось при Константине V.

Фема – военно-административный округ в провинции.

Варяжская гвардия – личная гвардия императора, состоявшая в основном из русских и скандинавских наемников.

Библиография

Пролог

Ожье Гислен де Бусбек цитируется по изданию: *Turkish Letters*, trans. Edward Seymour Forster (Oxford, 1927), pp. 36–7. Жиль и Гиббон о падении Византии, см.: Pierre Gilles, *The Antiquities of Constantinople*, trans. John Ball (Ithaca NY, 1988, 2nd edn), p. xlv; Edward Gibbon, *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*, ed. David Womersley, 3 vols (London, 1994), vol. 3, p. 791. Общий обзор политической истории Византии 306–1453 гг. см.: Warren Treadgold, *A History of the Byzantine State and Society* (Stanford CA, 1997), *A Concise History of Byzantium* (Basingstoke and New York, 2001); Timothy E. Gregory, *A History of Byzantium* (Oxford and Malden MA, 2010, 2nd edn); Dionysios Stathakopoulos, *A Short History of the Byzantine Empire* (London, 2014). На эту же тему: Averil M. Cameron, *The Byzantines* (Oxford and Malden MA, 2006), *Byzantine Matters* (Princeton NJ, 2014); Jonathan Harris (ed.), *Byzantine History* (Palgrave Advances series, Basingstoke and New York, 2005); Cyril Mango (ed.), *The Oxford History of Byzantium* (Oxford and New York, 2002); Judith Herrin, *Byzantium: The Surprising Life of a Medieval Empire* (Harmondsworth, 2007); Jonathan Shepard (ed.), *The Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500–1492* (Cambridge, 2008).

Глава 1. Сумерки богов

Цитату из Эдварда Гиббона см.: *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*, ed. David Womersley, 3 vols (London, 1994), vol. 3, p. 1068. О соперничающих языческих и христианских воззрениях Константина см.: Zosimus, *New History*, trans. R. T. Riley (Canberra, 1982); Eusebius, *Life of Constantine*, trans. Averil Cameron and Stuart G. Hall (Oxford, 1999); Warren Treadgold, *The Early Byzantine Historians* (Basingstoke and New York, 2007), pp. 23–46, 107–14. Современные оценки правления Константина см.: Timothy D. Barnes, *Constantine* (Oxford, 2014); Paul Stephenson, *Constantine: Unconquered Emperor, Christian Victor* (London, 2009). Об отношении к гомосексуалистам и иудеям см.: John Boswell, *Christianity, Social Tolerance and Homosexuality: Gay People in Western Europe from the Beginning of the Christian Era to the Fourteenth Century* (Chicago, 1980); Robert L. Wilken, *John Chrysostom and the Jews: Rhetoric and Reality in the Late Fourth Century* (Berkeley CA and Los Angeles CA, 1983). О теологических спорах того времени см.: J. Pelikan, *Credo: A*

Historical and Theological Guide to Creeds and Confessions of Faith in the Christian Tradition (New Haven CT and London, 2003). О византийской теократии и политической мысли см.: Donald M. Nicol, 'Byzantine political thought', in *The Cambridge History of Medieval Political Thought c. 350 – c. 1450*, ed. J. H. Burns (Cambridge, 1988), pp. 51–79. О развитии культа святости: Peter Brown, *Society and the Holy in Late Antiquity* (London, 1982). О благотворительной деятельности христианской церкви: Demetrios J. Constantelos, *Byzantine Philanthropy and Social Welfare* (New Rochelle NY, 1991, 2nd edn); о церковном искусстве и архитектуре: Irmgard Hutter, *The Herbert History of Art and Architecture: Early Christian and Byzantine* (London, 1988); John Lowden, *Early Christian and Byzantine Art* (London, 1997). О роли евнухов: Shaun Tougher, *The Eunuch in Byzantine History and Society* (London and New York, 2008). О политике в отношении «варваров»: Peter Heather, *Goths and Romans, 332–489* (Oxford, 1991). В целом о периоде 284–500 гг.: Averil Cameron, *The Later Roman Empire* (London, 1993); Stephen Mitchell, *A History of the Later Roman Empire, AD 284–641* (Oxford, 2007); Peter Heather, *The Fall of the Roman Empire: A New History* (London, 2005), *Empires and Barbarians: Migration, Development and the Birth of Europe* (London, 2010).

Глава 2. Форпост империи

Прокопий Кесарийский цитируется по изданию: *History of the Wars*, trans. H. B. Dewing, 5 vols (Cambridge MA and London, 1914–28), vol. 1, p. 267. Панегирический трактат Прокопия «О постройках» см.: *The Buildings*, trans. H. B. Dewing (Cambridge MA and London, 1935); его нападки на императора Юстиниана в «Тайной истории» см.: *Secret History*, trans. H. B. Dewing (Cambridge MA and London, 1940).

Оценки трудов Прокопия см.: Averil M. Cameron, *Procopius and the Sixth Century* (London, 1985); Anthony Kaldellis, *Procopius of Caesarea: Tyranny, History and Philosophy at the End of Antiquity* (Филадельфия PA, 2004). Рассказ о визите Святого Саввы в Константинополь можно найти у Кирилла Скифопольского: Cyril of Scythopolis, *The Lives of the Monks of Palestine*, trans. R. M. Price (Kalamazoo MI, 1991), pp. 182–7.

Свежие оценки правления Юстиниана см.: John Moorhead, *Justinian* (Harlow, 1994); J. A. S. Evans, *The Age of Justinian: The Circumstances of Imperial Power* (London, 1996); Michael Maas (ed.), *The Cambridge Companion to the Age of Justinian* (Cambridge, 2005); Peter Sarris, *Economy and Society in the Age of Justinian* (Cambridge, 2006). О теологических спорах того периода см.: John Meyendorff, *Imperial Unity and Christian*

Divisions: The Church 450–680 (Crestwood NY, 1989). О войнах см.: John Haldon, *The Byzantine Wars* (Stroud, 2001). О постройках Юстиниана и о соборе Святой Софии см.: Robin Cormack, *Byzantine Art* (Oxford, 2000), pp. 37–75; John Freely and Ahmet S. Çakmak, *The Byzantine Monuments of Istanbul* (Cambridge, 2004), pp. 80–153.

Глава 3. Лавина

Цитата в начале: *The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284–813*, trans. Cyril Mango and Roger Scott (Oxford, 1997), p. 439. Рассказ о трех слепцах в Александрии можно найти у Иоанна Мосха: John Moschos, *The Spiritual Meadow*, trans. John Wortley (Kalamazoo MI, 1992), pp. 59–60. Оценку правления Маврикия см.: L. M. Whitby, *The Emperor Maurice and his Historian* (Oxford, 1988); оценку правления Ираклия см.: Walter E. Kaegi, *Heraclius: Emperor of Byzantium* (Cambridge, 2003). О вторжениях арабов см.: Walter E. Kaegi, *Byzantium and the Early Islamic Conquests* (Cambridge, 1992). О полном бедствии VII в. в целом см.: John F. Haldon, *Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture* (Cambridge, 1997, 2nd edn); James Howard-Johnston, *Witnesses to a World Crisis: Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century* (Oxford, 2010).

Глава 4. Мир меняется

Павсаний цитируется по изданию: *Guide to Greece*, trans. Peter Levi, 2 vols (Harmondsworth, 1971), vol. 1 p. 28. Оценку системы фем см.: John F. Haldon, *Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204* (London, 1999), pp. 71–85; о политике переселения см.: Hélène Ahrweiler and Angeliki E. Laiou (eds), *Studies on the Internal Diaspora of the Byzantine Empire* (Washington DC, 1998). Оборона и осады Константинополя описаны у: Jonathan Harris, *Constantinople: Capital of Byzantium* (London, 2007), pp. 40–58. Обзор периода в целом см.: Leslie Brubaker and John F. Haldon, *Byzantium in the Iconoclast Era (c. 680–850): A History* (Cambridge, 2011); о последних годах периода см.: Warren Treadgold, *The Byzantine Revival, 780–842* (Stanford CA, 1988). О возможности того, что Константин V умышленно действовал против святых людей, см.: Peter Brown, 'A Dark-Age Crisis: aspects of the Iconoclastic controversy', in his *Society and the Holy in Late Antiquity* (London, 1982), pp. 251–301. В то же время Лесли Брубейкер, напротив, сильно принижает значение иконоборчества и гонений на монахов, см.: Leslie Brubaker, *Inventing Byzantine Iconoclasm* (London, 2012). On Empresses Irene and Theodora: Judith Herrin, *Women in Purple: Rulers of*

Medieval Byzantium (London, 2001). О влиянии иконоборчества на византийское искусство см.: Robin Cormack, *Byzantine Art* (Oxford, 2000), pp. 86–129.

Глава 5. Покорение Севера

Цитата в начале: *Ibn Fadlan and the Land of Darkness: Arab Travellers in the Far North*, trans. Paul Lunde and Caroline Stone (London, 2012), p. 46. О нападении русов в 860 г. и оценке Фотия см.: *The Homilies of Photius, Patriarch of Constantinople*, trans. Cyril Mango (Cambridge MA, 1958), pp. 74–110. Классическая работа о Византии и славянах: Dimitri Obolensky, *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453* (London, 1971); кроме того, см.: Florin Curtin, *Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250* (Cambridge, 2006); Paul Stephenson, *Byzantium's Balkan Frontier: A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204* (Cambridge, 2000). О Фотии и его церковном служении см.: Nigel Wilson, *Scholars of Byzantium* (London, 1983), pp. 89–119; Francis Dvornik, *The Photian Schism: History and Legends* (London, 1970). Об обращении славян см.: Francis Dvornik, *Byzantine Missions among the Slavs* (New Brunswick NJ, 1970); S. A. Ivanov, 'Religious missions', in *The Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500–1492*, ed. Jonathan Shepard (Cambridge, 2008), pp. 305–32. О поездках в Константинополь Антония Новгородского и Филиппа см.: W. R. Lethaby and Harold Swainson, *The Church of Sancta Sophia, Константинополь: A Study of a Byzantine Building* (London and New York, 1894); Cyril Mango, 'A Russian graffito in St Sophia', in Cyril Mango, *Studies on Константинополь* (Aldershot and Brookfield VT, 1993), no. XIX.

Глава 6. Пути славы

Цитата в начале взята из «Дигениса Акрита», см.: *Digenis Akritas: The Grottaferrata and Escorial Versions*, ed. and trans. Elizabeth Jeffreys (Cambridge, 1998), p. 19. Цитата недовольного священника взята из: *The Correspondence of Leo, Metropolitan of Synada*, ed. and trans. M. P. Vinson (Washington DC, 1985), pp. 198–9; недовольный сановник (Кекавмен) цитируется по: Deno J. Geanakoplos, *Byzantium: Church, Society and Civilization seen through Contemporary Eyes* (Chicago, 1984), p. 237; слова царедворцев, обращенные к епископу Лиутпранду Кремонскому цитируются по: Liudprand, *The Complete Works*, trans. Paolo Squadriti (Washington DC, 2007), p. 273. Труды Льва VI и Константина приводятся по следующим изданиям: *The Taktika of Leo VI*, trans. G. T. Dennis (Washington DC, 2010), pp. 555, 589; Constantine VII Porphyrogenitos, *De Administrando*

Imperio, ed. G. Moravcsik, trans. R. J. H. Jenkins (Washington DC, 1967) and *The Book of Ceremonies*, trans. A. Moffatt and M. Tell (Canberra, 2012). О попытках ограничить земельные владения феодалов Малой Азии см.: Eric McGeer, *The Land Legislation of the Macedonian Emperors* (Toronto, 2000). О военных событиях периода см.: Eric McGeer, *Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century* (Washington DC, 1995); Warren Treadgold, *Byzantium and its Army, 284–1081* (Stanford CA, 1995). О военном походе в Болгарию Иоанна Цимисхия в 971 г. см.: Paul Stephenson, *Byzantium's Balkan Frontier: A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204* (Cambridge, 2000), pp. 51–8.

Глава 7. Долгая тень

Цитата в начале взята из: Eric McGeer, *The Land Legislation of the Macedonian Emperors* (Toronto, 2000), p. 117. О посольстве арабов в Константинополь в 980 г. см.: H. Amedroz, 'An embassy from Baghdad to the emperor Basil II', *Journal of the Royal Asiatic Society*, vol. 46 (1914), pp. 915–42. Описание Зои и рассказ о совете, который Варда Склир дал Василию II, приводятся Михаилом Пселлом: Michael Psellos, *Fourteen Byzantine Rulers*, trans. E. R. A. Sewter (Harmondsworth, 1966), pp. 43, 158. Возмущенный аристократ цитируется по: Deno J. Geanakoplos, *Byzantium: Church, Society and Civilization seen through Contemporary Eyes* (Chicago, 1984), p. 105. О правлении Василия II см.: Catherine Holmes, *Basil II and the Governance of Empire (976–1025)* (Oxford, 2005); Paul Stephenson, *The Legend of Basil the Bulgar Slayer* (Cambridge, 2003). О периоде после смерти Василия см.: Michael Angold, *The Byzantine Empire, 1025–1204: A Political History* (Harlow, 1997, 2nd edn). О Зое см.: Barbara Hill, *Imperial Women in Byzantium, 1025–1204* (Harlow, 1999). О битве при Манцикерте см.: John Haldon, *The Byzantine Wars* (Stroud, 2001).

Глава 8. Враг внутри

Цитата в начале взята из: William of Tyre, *A History of Deeds Done Beyond the Sea*, trans. E. A. Babcock and A. C. Krey, 2 vols (New York, 1943), vol. 2, p. 461. О процветающей экономике империи в XII в. см.: Alan Harvey, *Economic Expansion in the Byzantine Empire, 900–1200* (Cambridge, 1989); о периоде правления Комнинов в целом см.: Michael Angold, *The Byzantine Empire, 1025–1204: A Political History* (Harlow, 1997, 2nd edn). Об Алексее I, его отношениях с латинянами и о Первом крестовом походе см.: Jonathan Harris, *Byzantium and the Crusades* (London, 2014, 2nd edn); Peter Frankopan, *The First Crusade: The Call from the East* (London, 2012). О

венецианцах см.: Donald M. Nicol, *Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations* (Cambridge, 1988). Об отношениях между западной и восточной церквями и о расколе см.: Henry Chadwick, *East and West: The Making of a Rift in the Church* (Oxford, 2003); Francis Dvornik, *Byzantium and the Roman Primacy* (New York, 1979, 2nd edn); Steven Runciman, *The Eastern Schism* (Oxford, 1955). О Мануиле I см.: Paul Magdalino, *The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180* (Cambridge, 1993). О Четвертом крестовом походе см.: Jonathan Phillips, *The Fourth Crusade and the Sack of Constantinople* (London, 2004).

Глава 9. Новый Константин

Цитата в начале взята из автобиографии Михаила VIII, см.: J. P. Thomas and A. C. Hero, *Byzantine Monastic Foundation Documents: A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments*, 5 vols (Washington DC, 2000), vol. 3, p. 1245. О разделении Византийской империи в 1204 г. см.: Peter Lock, *The Franks in the Aegean, 1204–1500* (Harlow, 1995). Об императорских дворах в Никее и Арте см.: Michael Angold, *A Byzantine Government in Exile: Government and Society under the Laskarids of Nicaea, 1204–1261* (Oxford, 1975); Donald M. Nicol, *The Despotate of Epiros I, 1204–1267* (Oxford, 1957). О Латинской империи см.: Filip van Tricht, *The Latin Renovatio of Byzantium: The Empire of Constantinople (1204–1228)* (Leiden and Boston MA, 2011). О политических и церковных отношениях с Западом см.: Joseph Gill, *Byzantium and the Papacy, 1198–1400* (New Brunswick NJ, 1979); Deno J. Geanakoplos, *Emperor Michael Palaeologus and the West, 1258–1282: A Study in Byzantine – Latin Relations* (Cambridge MA, 1959); Nikolaos G. Chryssis, *Crusading in Frankish Greece: A Study of Byzantine – Western Relations and Attitudes, 1204–1282* (Turnhout, 2013). О правлении Михаила VIII и Андроника II см.: Donald M. Nicol, *The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453* (Cambridge, 1993, 2nd edn).

Глава 10. Старик вспоминает...

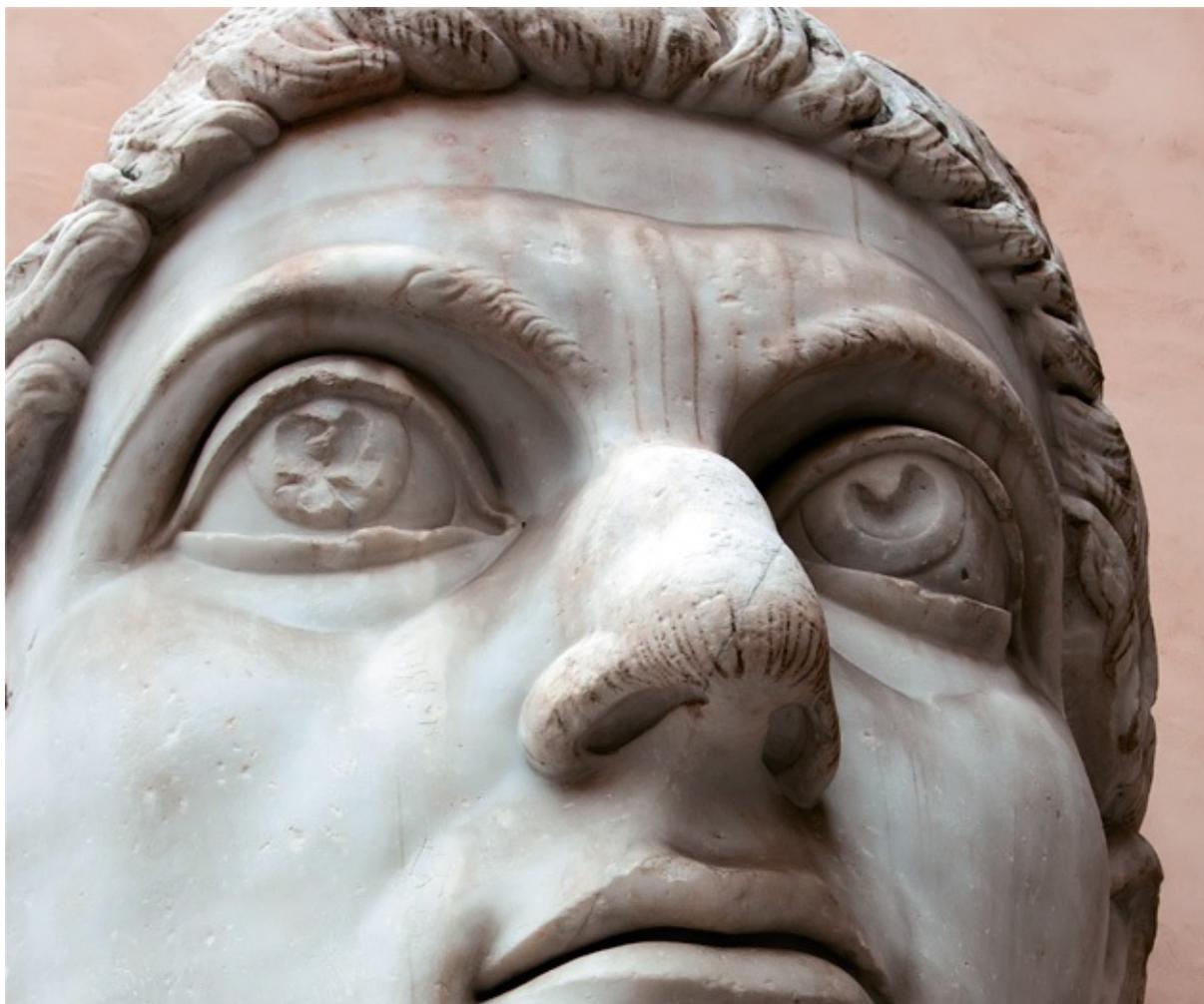
Слова Кантакузина цитируются по изданию: Robert H. Trone, 'The History of John Kantakouzenos (Book I): Text, Translation and Commentary' (PhD thesis, Catholic University of America, 1979), p. 108. О жизни и правлении Кантакузина см.: Donald M. Nicol, *The Reluctant Emperor: A Biography of John Cantacuzene, Byzantine Emperor and Monk, c. 1295–1383* (Cambridge, 1996). О путешествиях в Константинополь в начале XIV в. см.: George P. Majeska, *Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries* (Washington DC, 1984); *The Travels of Sir John Mandeville*,

trans. C. W. R. D. Mosely (Harmondsworth, 1983); *The Travels of Ibn Battuta*, trans. H. A. R. Gibb, 3 vols (Cambridge, 1958–71). О возвышении турок-османов см.: Cemal Kafadar, *Between Two Worlds: The Construction of the Ottoman State* (Berkeley CA, 1995); Colin Imber, *The Ottoman Empire, 1300–1650: The Structure of Power* (Basingstoke and New York, 2002). О влиянии позднего византийского искусства на Русь и Италию см.: Thomas Mathews, *Byzantium from Antiquity to the Renaissance* (London, 1998), pp. 151–63; John Meyendorff, *Byzantium and the Rise of Russia* (Cambridge, 1981). О завоевании Балкан османами см.: John V. A. Fine, *The Late Medieval Balkans: A Critical Survey from the Late Twelfth Century to the Ottoman Conquest* (Ann Arbor MI, 1994). О Мистре и Фессалониках см.: Steven Runciman, *Mistra: Byzantine Capital of the Peloponnese* (London, 1980); Eugenia Russell, *St Demetrius of Thessalonica: Cult and Devotion in the Middle Ages* (Oxford and Bern, 2010). О последних десятилетиях перед падением Константинополя см.: Jonathan Harris, *The End of Byzantium* (New Haven CT and London, 2010); Nevra Necipoğlu, *Byzantium between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire* (Cambridge, 2009). Об осаде и взятии Константинополя см.: Steven Runciman, *The Fall of Constantinople, 1453* (Cambridge, 1965); Roger Crowley, *Constantinople: The Last Great Siege, 1453* (London, 2005); Marios Philippides and Walter K. Hanak, *The Siege and Fall of Constantinople in 1453: Historiography, Topography and Military Studies* (Farnham and Burlington VT, 2011).

Эпилог

Дэвид Стюарт Эрскин, граф Бьюкен цитируется по: *Essays on the Lives and Writings of Fletcher of Salton and the Poet Thomson: Biographical, Critical and Political* (London, 1792), p. xvii. Византийское литературное наследие и Возрождение см.: L. D. Reynolds and N. G. Wilson, *Scribes and Scholars: A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature* (Oxford, 2013, 4th edn); N. G. Wilson, *From Byzantium to Italy: Greek Studies in the Italian Renaissance* (London, 1992). О православной церкви см.: Steven Runciman, *The Great Church in Captivity* (Cambridge, 1968); Timothy Ware, *The Orthodox Church* (Harmondsworth, 1993, 2nd edn). О горе Афон и других сохранившихся византийских монастырях см.: William Dalrymple, *From the Holy Mountain: A Journey in the Shadow of Byzantium* (London, 1998).

Фотографии

1. Фрагмент монументальной мраморной статуи Константина, Капитолийский холм, Рим

2. Медная монета с головой Константина, 327 год. На реверсе изображено знамя и христограмма

3. Парадное серебряное блюдо с изображением Феодосия I и его двора, ок. 388 г.

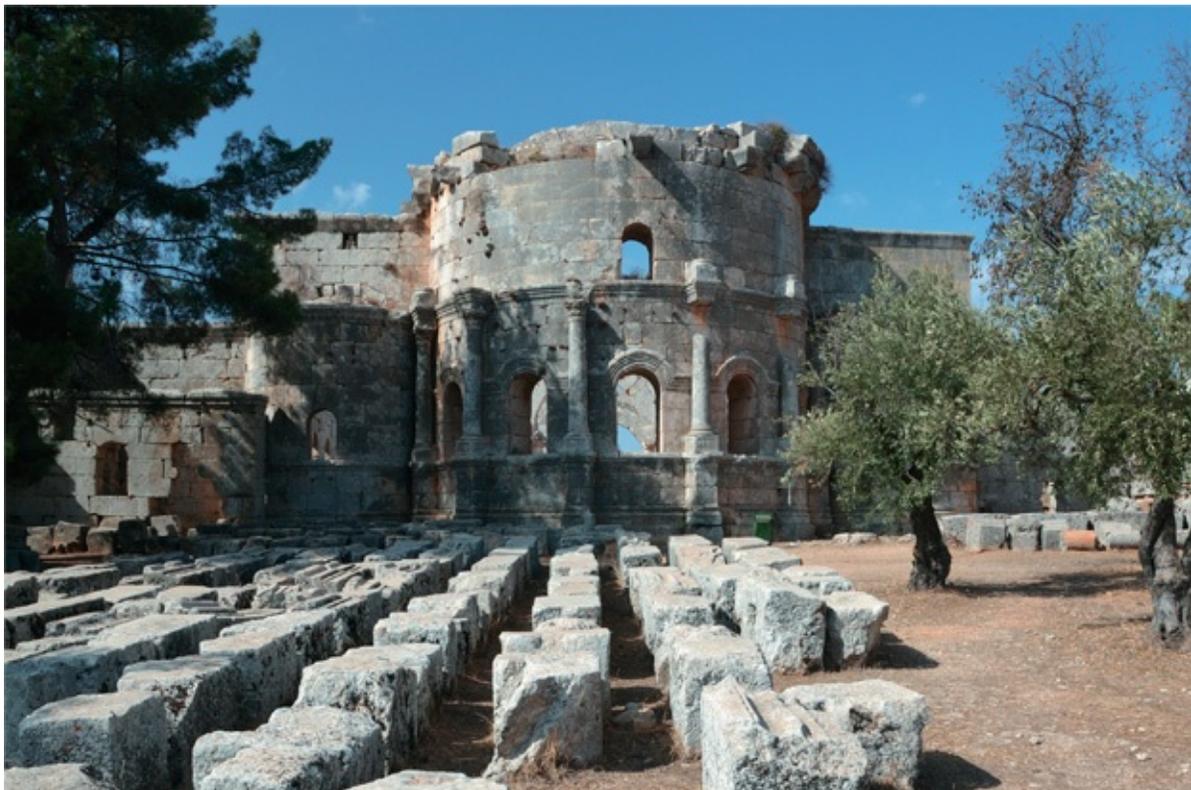
4. Феодосий I в императорской ложе на ипподроме, в руках он держит венок, которым будет награжден победивший колесничий

5. Руины Серапеума в Александрии, разрушенного христианами в 391 году

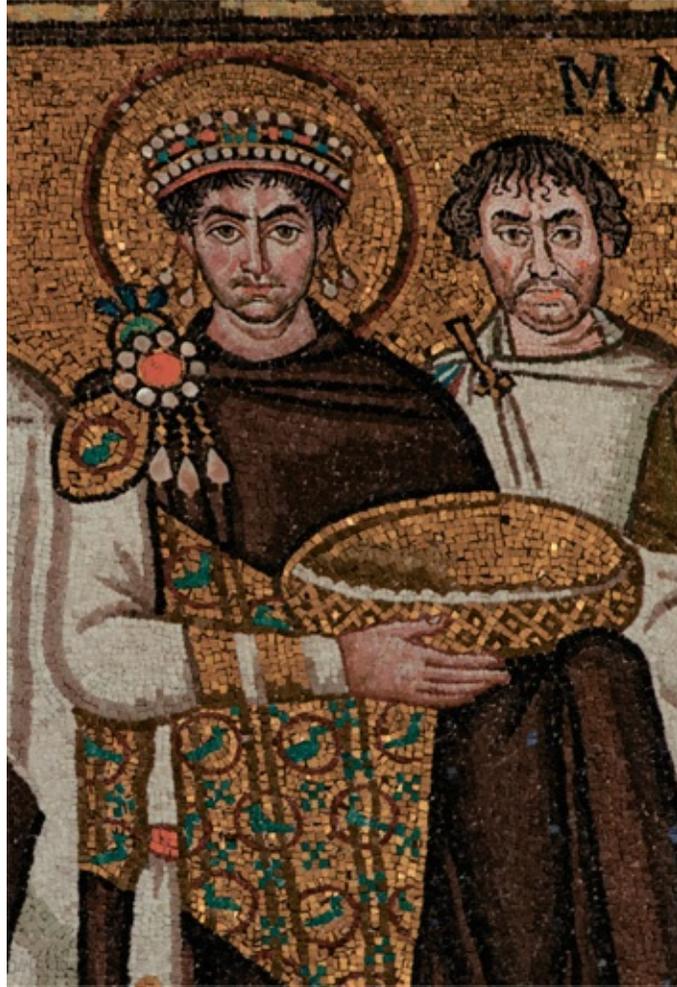
6. Храм-базилика Санта-Мария-Маджоре, построенный в Риме ок. 440 года.

7. Церковь Святого Симеона Столпника, построенная в Калаат Семаане, Сирия, после смерти отшельника в 459 году

8. Базилика Сант-Аполлинаре-Нуово в Равенне, строительство которой завершилось в 504 году

9. Юстиниан I, мозаика из базилики Сан-Витале, Равенна

10. Построенный по приказу Юстиниана собор Премудрости Божией, или Святой Софии

11. Церковь Святых Сергия и Вакха, одна из 33 церквей, реконструированных в правление Юстиниана

12. Золотая монета, или номисма, императора Ираклия

13. Восстановленный участок городской стены Константинополя, на котором хорошо видна ее тройная структура

14. Современная икона «Одигитрия», на которой Богородица указывает правой рукой на младенца Иисуса

15. Так называемая «Темная церковь» в Каппадокии, Малая Азия, одно из многих византийских подземных сооружений в этом регионе

16. Богородица с младенцем, мозаика из собора Святой Софии в Константинополе

17. Церковь монастыря Мирелейон в Константинополе, построенная в правление Романа I Лакапина

18. Византийская церковь в Охриде, городе, где находилась кафедра архиепископа Болгарской православной церкви

19. Софийский собор в Киеве. Нижняя часть сооружения датируется годом его первоначальной постройки – 1037-м

20. Памятник Киевскому князю Владимиру, Лондон.

21. Великая Лавра, гора Афон

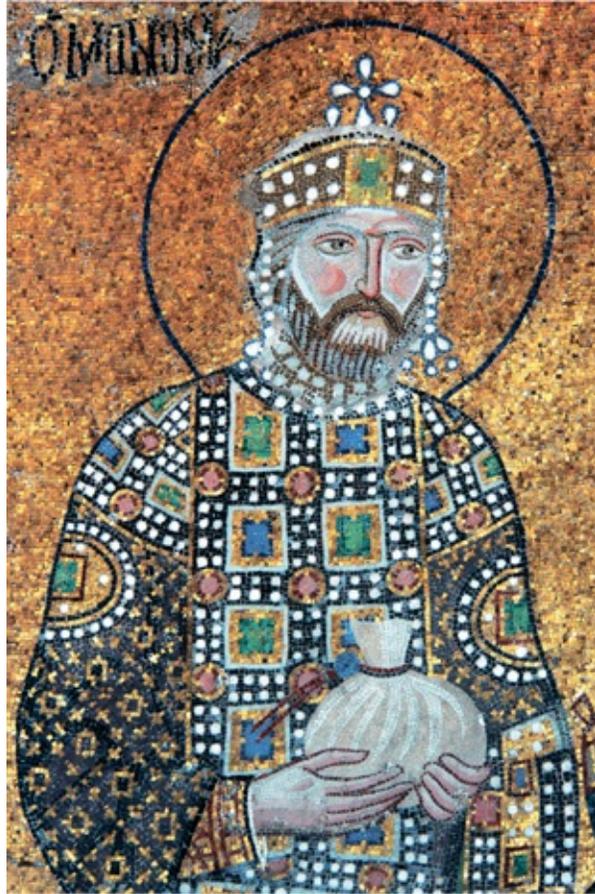
22. Руины Преслава, Болгария, столицы царя Симеона

23. Интерьер монастыря Осиос Лукас, Греция, датируется XI веком

24. Императрица Зоя, племянница Василия II. Мозаика в соборе Святой Софии

25. Император Константин IX Мономах, мозаика в соборе Святой Софии

26. Алексей I Комнин, изображение на монете из низкопробного золота, выпущенной в начале его правления

27. Император Иоанн II Комнин, мозаика в соборе Святой Софии

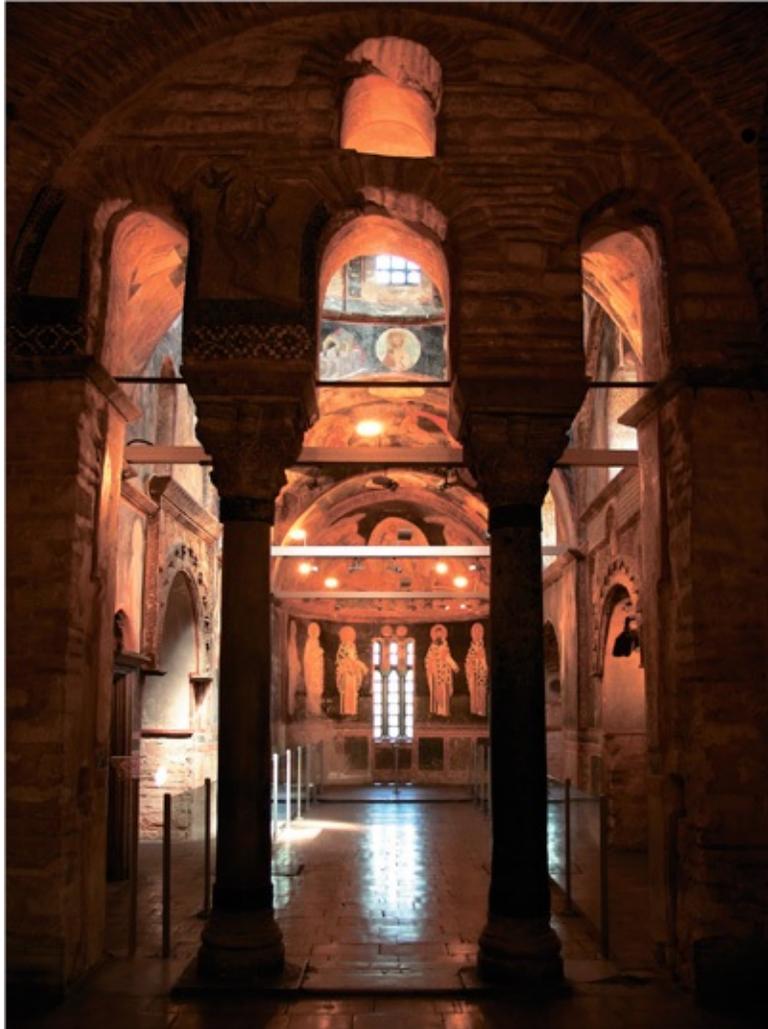
28. Монастырь Пантократора, основанный в Константинополе в 1136 году

29. Деисус, мозаика в соборе Святой Софии, предположительно была создана в период правления Михаила VIII Палеолога

30. Церковь Святой Софии в Монеивасии, предположительно была возведена при Андронике II Палеологе

31. Церковь Христа Спасителя в Хоре, Константинополь, отремонтированная и реконструированная в 1315–1316 годах

32. Город Мистра на полуострове Пелопоннес, процветавший в последние годы существования Византийской империи

33. Наследие Византии: собор Святой Софии в лондонском районе Бэйсуотер, был завершен в 1877 году

notes

СНОСКИ

Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Ч. I–VII.
СПб.: Наука, Ювента, 1997–2004.

Пер. А. Чекаловой. См.: Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. – М.: Наука, 1993.

Павсаний. Описание Эллады. В 2 т. / Пер. С. П. Кондратьева. – 4-е изд. – М.: АСТ-Ладомир, 2002. – (Серия «Классическая мысль»).

«Повесть временных лет». – *Прим. пер.*

Некоторые исследователи считают правильной именно эту дату, но традиционно, вслед за летописной хронологией, событие принято относить к 988 году. – *Прим. ред.*

Дигенис Акрит. Пер., статьи и коммент. А.Я. Сыркина. – М.: Наука, 1994.

Лев VI Мудрый. Тактика Льва. Пер. В.В. Кучмы. – СПб.: Алетейя, 2012.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Пер. Г.Г. Литаврина. – М.: Наука, 1991.

Историк Никита Хониат писал об этом так: «В чине оглашение, между другими определениями, находится и анафема Богу Магомета... Царь предположил уничтожить эту анафему во всех книгах, в которых содержится чин оглашение» (здесь и далее пер. под ред. проф. В.И. Долоцкого.) Оглашение – распространенное в древней Церкви устное наставление в вере, предшествовавшее крещению. – *Прим. пер.*

Пер. И. Е. Троицкого (1885 г.).